

САНДРА БРАУН

ГЛАВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Сандра Браун

Главный свидетель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128423

Главный свидетель: АСТ; Москва; 1999

ISBN 5-237-01770-3, 5-237-01148-9

Оригинал: SandraBrown, "The witness"

Перевод:

А. П. Кашин

В. М. Заболотный

Аннотация

Он очнулся и понял, что помнит лишь свое имя – Джон. Его увезла из больницы незнакомая красавица, назвавшаяся его женой Кендал. Он оказался в мире, где за респектабельными масками скрываются лица могущественных преступников, где предают и подставляют, убивают и преследуют. Ему нельзя доверять никому – даже женщине, которую он любит...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	24
Глава вторая	47
Глава третья	60
Глава четвертая	75
Глава пятая	86
Глава шестая	97
Глава седьмая	106
Глава восьмая	120
Глава девятая	137
Глава десятая	146
Глава одиннадцатая	168
Глава двенадцатая	188
Глава тринадцатая	203
Глава четырнадцатая	218
Глава пятнадцатая	234
Глава шестнадцатая	239
Глава семнадцатая	254
Глава восемнадцатая	270
Глава девятнадцатая	283
Глава двадцатая	297
Глава двадцать первая	305
Глава двадцать вторая	317

Глава двадцать третья	326
Глава двадцать четвертая	341
Глава двадцать пятая	356
Глава двадцать шестая	369
Глава двадцать седьмая	376
Глава двадцать восьмая	390
Глава двадцать девятая	405
Глава тридцатая	421
Глава тридцать первая	439
Глава тридцать вторая	451
Глава тридцать третья	460
Глава тридцать четвертая	472
Глава тридцать пятая	486
Глава тридцать шестая	505
Глава тридцать седьмая	523
Глава тридцать восьмая	536
Глава тридцать девятая	546
Глава сороковая	553
Глава сорок первая	564
Глава сорок вторая	574
Глава сорок третья	589
Глава сорок четвертая	608
Глава сорок пятая	618
Глава сорок шестая	636
Глава сорок седьмая	648

Сандра Браун

Главный свидетель

Пролог

Младенец жадно сосал материнскую грудь.

– Похоже, он безмерно счастлив, – заметила медсестра. – Нетрудно распознать настроение ребенка. Ваш, без сомнения, доволен.

Кендал удалось выдавить из себя лишь слабую улыбку. Она с трудом следила за разговором, стараясь ухватить его смысл и все еще до конца не осознавая, что она и ее ребенок живы.

В приемном отделении «Скорой помощи» только тонкая желтая занавеска отделяла пациентов от коридора. Рядом с белыми металлическими шкафами, где хранились бумаги, шприцы и шины, находилась раковина из нержавеющей стали. Кендал сидела на низком столике посреди кабинета, крепко прижимая и убаюкивая ребенка.

– Сколько ему? – спросила медсестра.

– Три месяца.

– Только три? А какой большой!

– Да, он родился очень здоровым.

– Как вы сказали его зовут?

– Кевин.

Медсестра одобрительно улыбнулась и недоуменно покачала головой, выражая тем самым удивление и восхищение:

– Прямо чудеса какие-то! Выжить в такой аварии! Должно быть, это было ужасно, дорогая. Вы, наверное, перепугались до смерти?

Все произошло слишком быстро, чтобы в сознании Кендал запечатлелись страх и ужас. Их машина оказалась практически рядом с упавшим на дорогу деревом, прежде чем они разглядели его в густой пелене проливного дождя. В последний момент с переднего сиденья раздался предостерегающий крик пассажира; водитель резко крутанул руль и нажал на тормоза, но было уже поздно.

Колеса беспомощно заскользили по мокрому асфальту. Машина закрутилась на одном месте, как пропеллер, а затем ее выбросило на скользкий и узкий склон, тянувшийся вдоль дороги. Она тут же полетела вниз, ровняя с землей все, что встречалось на пути. И дальше все шло так же в полном соответствии с законами физики и гравитации.

В памяти Кендал всплыли звуки, которые доносились со всех сторон во время их падения на дно глубокого и скользкого оврага. С машины о стволы деревьев содралась вся краска, сорвались покрытый резиной бампер и защитные крышки с колес. Окна разбились вдребезги, дно изуродовалось о кочки и пни. Как ни странно, никто из сидевших в

машине не издал ни звука. Скорее всего они просто оцепенели от страха.

Каждый, конечно, понимал, что трагический финал неизбежен. Ощущение, которое они испытали, находясь внутри мчащейся по склону машины, сбивающей все на своем пути, было просто неопишваемым.

По инерции колеса все еще продолжали крутиться, машина высоко подскакивала на ухабах и снова с предсмертными хрипами падала на землю.

Кендал, опутанная ремнями безопасности, сидела на заднем сиденье. Именно это ее и спасло. Стоило лишь машине задержаться на краю крутого и скользкого склона, как тут же женщина сумела выбраться наружу с ребенком на руках.

– Там ведь очень глубокие овраги, – заметила медсестра. – Как вам удалось выбраться наверх?

Да, дело отнюдь не из легких.

Она прекрасно представляла себе, что выбраться обратно на дорогу невероятно трудно, но явно недооценила всей сложности этой задачи и буквально нечеловеческих усилий, поскольку ей все время приходилось держать ребенка.

Поверхность склона представляла собой омерзительную смесь гумуса и жидкой грязи. Иногда ей чудилось, что склон этот покрыт тонким одеялом из мокрой травы и мелких острых камней. Капли дождя на сильном ветру, казалось, падали почти горизонтально. Через пару минут она промокла до нитки.

Еще не преодолев и трети пути, Кендал уже изнемогала от усталости, противно ныли спина и конечности. Глубокие царапины, синяки и саднящие раны по всему телу лишали ее последних сил. Порой ей казалось, что все старания тщетны, усердие напрасно. В такие минуты хотелось оставить борьбу, сдаться на милость природы, забыться и уснуть, смирившись с безысходностью.

Но инстинкт самосохранения брал верх, она гнала минутную слабость и продолжала двигаться вперед. На очень крутых участка склона ей приходилось упираться ногами в едва заметные выступы, корни и камни, цепляться за стволы деревьев и мокрую траву. Благодаря невероятному напряжению сил, Кендал наконец достигла вершины, вышла на дорогу и медленно поплелась в ожидании помощи.

Женщина уже находилась в полубморочном состоянии, когда впереди замаячили спасительные огоньки. С чувством громадного облегчения она хотела уже бежать навстречу машине, но вместо этого бессильно рухнула на колени посреди дороги.

Ее спасительницей оказалась весьма словоохотливая прихожанка, направлявшаяся на ночную службу в церковь. Она оставила Кендал в ближайшем доме и сообщила полиции о случившемся. Кендал с удивлением услышала, что одолела всего лишь милю от места аварии. Ей казалось, что пройдено все десять.

Затем ее и Кевина отвезли на «скорой помощи» В городскую больницу, где врачи тут же сделали все необходимое. Слава Богу, Кевин был цел и невредим. Во время бешеных ударов машины о деревья Кендал крепко прижимала его к груди повинувшись безотчетному инстинкту матери.

Бесчисленные же ссадины, царапины и раны женщины, к счастью, оказались совершенно неопасными. Осколки стекла, впившиеся ей в руки, осторожно вынули. Весьма неприятная и довольно продолжительная процедура, но все это – мелочи по сравнению с тем, что могло случиться. Все раны тщательно обработали антисептиками, правда, от болеутоляющих средств пришлось отказаться, поскольку она кормила ребенка грудью.

Теперь, находясь в безопасности и получив своевременную помощь, ей следовало хорошенько подумать, как поскорее выбраться отсюда. Но придумать что-либо прямо сейчас она оказалась не в состоянии. Ведь чтобы спланировать еще одно бегство, нужна ясная и чистая голова.

– Ничего, если к вам сейчас войдет исполняющий обязанности шерифа?

– Шерифа? – переспросила Кендал. Вопрос медсестры вывел ее из задумчивости.

– Он уже давно ждет возможности поговорить с вами и завершить формальности, предусмотренные служебной инструкцией.

– О-о, разумеется. Пусть войдет.

Кевин, наевшись наконец досыта, умиротворенно посапывал. Кендал молча одернула больничный халат, который ей вручили после горячего душа взамен мокрой, грязной и окровавленной одежды.

С разрешения медсестры в комнату вошел местный полицейский и слегка поклонился в знак приветствия:

– Как самочувствие, мадам? С вами все в порядке? – Он вежливо снял шляпу и озабоченно посмотрел на Кендал.

– Прекрасно, – ответила она и, слегка откашлявшись, добавила для пущей убедительности: – Все прекрасно.

– Должен сказать, мадам, вам крупно повезло, что вы с ребенком уцелели.

– Полностью согласна с вами.

– Картина-то, конечно, ясна. Всему виной это проклятое дерево, которое упало поперек шоссе. Его свалило молнией. Срезало почти у самой земли. Гроза здесь бушует вот уже четверо суток. Похоже, этот чертов дождь никогда не кончится. Затопило уже весь район. Ничего удивительного, что Бингхем Крик смыла вашу машину.

Это ущелье находилось примерно в десяти ярдах от застрявшей в овраге машины. Выбравшись из нее, женщина сразу же очутилась по колено в грязи и с ужасом взглянула на теснину. Бурные потоки воды, увлекая за собой огромное количество мусора и бревен, бурлили у самых ее краев. Вода неистово кипела вокруг деревьев, которые прежде мирно росли вдоль ущелья.

Кендал невольно вздрогнула при мысли о том, что случилось бы, скатись машина чуть дальше и рухни с обрыва. Спустя несколько секунд она в страхе застыла от жуткой картины, машина, скользя по склону, была мгновенно подхвачена стремниной.

Какое-то время она еще держалась на плаву, влекомая потоком на середину ущелья. Затем беззвучно исчезла под водой, оставив нетронутым окружающий ландшафт, если не считать ободранного ствола упавшей сосны да глубоких борозд от колес на склоне.

– Просто чудо какое-то, что вам удалось выбраться до того, как машина ушла под воду, – продолжал разглагольствовать заместитель шерифа.

– К сожалению, не всем это удалось, – поправила его Кендал дрожащим от волнения голосом. – Спереди сидела еще одна пассажирка. Она утонула вместе с машиной.

При упоминании о гибели человека заместитель шерифа смешался и нахмурился.

– Что? Пассажирка?

Кендал неожиданно заплакала. При этом она как бы смотрела на себя со стороны. Слезы, несомненно, запоздавшая реакция на все происшедшее с ней.

– Мне очень жаль, – всхлипывая произнесла она.

Медсестра протянула ей коробку Клинекса и ободряюще похлопала по плечу:

– Все в порядке, дорогая. Вы проявили такое мужество,

такую силу духа, что теперь вам уже нечего страшиться.

– Я не знал, что в машине был еще кто-то, кроме вас, вашего ребенка и водителя, – тихо проговорил заместитель шерифа, как бы оправдывая ее эмоциональный взрыв.

Кендал шмыгнула носом.

– Она сидела рядом с водителем и уже не дышала, когда машина соскользнула в ущелье. Она, вероятно, скончалась раньше, во время удара или от страха.

Убедившись, что Кевин не пострадал и с ужасом наблюдая, как машина приближается к обрыву, Кендал добралась до передней дверцы, почти уверенная в том, что все бесполезно. Она уже знала, что может там увидеть. Дверцу машины вдавило вовнутрь, а стекло было разбито вдребезги.

Одного взгляда оказалось вполне достаточно, чтобы удостовериться, что женщина, сидевшая впереди, уже мертва. Приятные черты лица исказились до неузнаваемости – сплошное кровавое месиво. Приборная доска и искореженные детали мотора глубоко вонзились в грудную клетку. Голова была откинута под неестественно острым углом.

Не обращая никакого внимания на боль и кровоточащие раны, Кендал просунула руку в салон и приложила к шее женщины, пытаясь нащупать хоть какое-то подобие пульса. Но ничего не почувствовала.

– Я решила сделать все возможное, чтобы спасти остальных, – объяснила Кендал заместителю шерифа, закончив свой рассказ. – Я хотела вытащить ее из машины, но поняв,

что она мертва...

– В данных обстоятельствах вы сделали именно то, что нужно. Вы спасали живых. Никто не вправе упрекнуть вас за этот выбор. – Он кивнул на спящего ребенка. – Вы и так совершили чертовски много, много больше, чем кто-либо мог ожидать. Как же вам удалось вытащить из машины водителя?

Убедившись, что пассажирка мертва, Кендал осторожно положила Кевина на землю и накрыла его личико уголком одеяла. Конечно, это было не очень-то приятно, но защищало от дождя. Затем она обошла машину сзади и приблизилась к дверце водителя. Голова мужчины бессильно лежала на руле. Превозмогая охвативший ее ужас, Кендал позвала его по имени и тронула за плечо.

Она хорошо помнила, как трясла его и как душа ее ушла в пятки, когда безжизненное тело шофера откинулось на спинку сиденья. Из уголка его рта медленно сочилась струйка крови. На правом виске зияла глубокая рана, глаза закрыты. Водитель сидел без всяких признаков жизни, но все это отнюдь не убеждало, что он мертв. Она протиснулась в машину и приложила ухо к его груди.

Слабо, очень слабо где-то внутри трепыхалось сердце.

В этот момент машина соскользнула на несколько футов вниз к обрыву, увлекая ее за собой. Кендал чуть было не лишилась руки, все еще держа ее внутри салона.

Спустя секунду машина остановилась в положении очень

неустойчивого равновесия. Женщина прекрасно понимала, что это лишь временная передышка, и минутой позже автомобиль будет подхвачен стремительным потоком грязи, который неумолимо подбирался к передним колесам. Рыхлая от дождя почва просела под их тяжестью. У Кендал не было времени разобраться в сложившейся ситуации, тщательно взвесить последствия своих действий. Не было времени даже задуматься о том, как сильно она хотела от него избавиться.

У нее были все основания бояться и ненавидеть человека, сидевшего за рулем. Но она не желала ему смерти.

Жизнь, жизнь любого существа стоила того, чтобы за нее бороться.

Поэтому Кендал сделала все возможное, чтобы спасти этого человека. Из последних сил женщина голыми руками разгрела грязь и растащила ветки деревьев, которые заблокировали переднюю дверцу. Затем она осторожно приоткрыла ее, и водитель тут же вывалился из машины на руки спасительнице. Своей окровавленной головой он ткнулся ей в плечо. Тело оказалось неожиданно тяжелым, и она, не выдержав, опустилась на колени.

Обхватив его обеими руками, Кендал вытащила мужчину из-под рулевого колеса. Это была самая настоящая битва, не на жизнь, а на смерть. Несколько раз она плюхалась в грязь, но тут же вновь поднималась на ноги, чтобы оттащить его подальше от скользящей в пропасть машины. Спустя мгновение та уже очутилась в воде.

Кендал подробно изложила все события, опуская при этом сугубо личное: свои соображения. Когда она умолкла, заместитель шерифа вытянулся перед ней чуть ли не в стойке «смирно», словно собираясь отдать ей честь.

– Леди, – произнес он торжественно, – возможно, вы удостоитесь медали или чего-нибудь в этом роде.

– Очень сомневаюсь, – в замешательстве пробормотала она.

Он вытащил из нагрудного кармана записную книжку и шариковую ручку:

– Имя!

Она сделала вид, что не расслышала его, стараясь выиграть время:

– Простите?

– Ваше имя?

Небольшой штат провинциальной городской больницы оказался настолько любезен, что даже не поинтересовался ее личными данными. Женщину приняли без обычного в таких случаях опросника и выяснения платежеспособности. Такое доверие и неофициальное обращение стало бы неслыханным в любой больнице любого большого города. Но здесь, в сельской глубинке Джорджии, сострадание к человеку превосходило все формальности, связанные с медицинской страховкой.

Однако сейчас, столкнувшись с неумолимой действительностью, Кендал оказалась в полной растерянности. Она все

еще не решила окончательно, что делать, что поведать им о себе и куда бежать из этой больницы.

Она не испытывала никакого желания откровенничать с этими людьми и выкладывать им правду. Кендал уже допускала подобные ошибки в прошлом. Всю свою жизнь. Много раз. Прямодушно и беззаботно. Но лгать полицейскому – это уже весьма серьезное дело. Так далеко она еще никогда не заходила.

Мгновенно поникнув, она стала массировать виски, раздумывая, не попросить ли у медсестры что-нибудь болеутоляющее, чтобы устранить ноющую боль в голове.

– Мое имя? – переспросила она полицейского, надеясь, что ее чудесным образом осенит. – Или имя той женщины, что умерла в машине?

– Давайте начнем с вас?

На какую-то долю секунды она задержала свое дыхание, а затем тихо выдавила:

– Кендал.

– Так, – протянул он. – К-е-н-д-а-л. Полицейский записал имя по слогам.

Она молча кивнула.

– Хорошо, миссис Кендал. А погибшую тоже так звали?

– Нет. Кендал это...

Прежде чем она попыталась исправить ошибку полицейского, штора, гремя металлическими кольцами, раздвинулась, и в комнату вошел доктор.

Сердце Кендал судорожно сжалось.

– Как он там? – взволнованно спросила она, затаив дыхание.

Доктор в ответ лишь ухмыльнулся:

– Жив, благодаря вам.

– Он уже пришел в себя? Говорил что-нибудь! Что он вам сказал?

– Может, вы желаете взглянуть на него?

– Я... думаю, да, хочу.

– Эй, доктор, секундочку, – перебил его полицейский. – Мне надо задать ей несколько вопросов, – продолжил он жалобно. – Полным-полно всяких важных формальностей. Неужели вы не в курсе?

– Подождать нельзя, что ли? Она расстроена, а я не могу ей прописать ничего успокоительного, поскольку она кормит грудью.

Полицейский перевел взгляд с ребенка на Кендал и покраснел, как перезревший помидор:

– Ну, ладно, – сказал он наконец. – Понятно, что она должна отдохнуть. Но это все равно придется сделать.

– Конечно, конечно, – охотно согласился доктор.

Медсестра приняла безмятежно спящего Кевина из рук Кендал.

– Этому малышу найдется уютное местечко в комнате медсестер. Не волнуйтесь, ступайте с доктором.

Заместитель шерифа, переминаясь с ноги на ногу, нервно

мял в руках форменную шляпу:

– Я, пожалуй, посижу там, в коридоре. Потом, если вы будете чувствовать себя ничего, готовой к... ну.... чтобы закончить наш разговор...

– Почему бы вам пока не выпить кофе? – с нескрываемой усмешкой предложил ему доктор.

Он был молодым, самоуверенным и, как показалось Кендал, чрезвычайно высокого мнения о собственной персоне. Она нисколько не сомневалась, что на медицинском дипломе доктора еще чернила не просохли, а он уже ощущал себя незаменимым и всласть властвовал над здешним персоналом. Он повелительно подтолкнул ее вперед, даже не удостоив заместителя шерифа взглядом.

– Скорее всего у него перелом большой берцовой кости или что-нибудь в этом роде, – объяснял он походя. – Помогите, смещения кости нет, поэтому хирургическая операция и все такое прочее не потребуются. Вот уж повезло, так повезло! То, что вы рассказали нам о машине...

Капот сложился в гармошку, – прервала его Кендал. – Как еще руль не вдавился в грудь.

– И правда. Я боялся, что у него все ребра переломаны: началось бы внутреннее кровотечение, повредились бы все органы... К счастью, никаких признаков подобных повреждений я не обнаружил. Сейчас состояние его стабилизируется, что само по себе уже неплохо.

– Плохо только, что он здорово ударился головой.

– Рентгеновские снимки показали лишь небольшие трещины на черепной коробке, впрочем, мне пришлось наложить уйму швов, чтобы закрыть рану. Пожалуй, в данный момент он выглядит не очень привлекательно, но постепенно и это скроется под пышной шевелюрой, ничуть не лишив его былой привлекательности. – Доктор ободряюще улыбнулся.

– Он потерял много крови.

– Мы сделали переливание, но лишь затем, чтобы поддержать физически. Он все еще в тяжелом состоянии, но опасность уже миновала. Немного покоя и отдыха – и он будет в полном порядке. Правда, по меньшей мере, в течение месяца придется передвигаться на костылях. И из развлечений нечего выбрать – валяться на постели, валять дурака в палате и неуклонно поправляться. Вот мы и пришли. – Он легонько подтолкнул ее к двери больничной палаты. – Больной только что пришел в себя, поэтому он еще очень слаб.

Доктор вошел первым. Она растерянно остановилась на пороге слабо освещенной палаты и осмотрелась. На стене висела отвратительная картина с изображением вознесения Иисуса на небеса. С другой стороны к пациентам взывал плакат, предупреждая об опасности заражения вирусом СПИДа. В кабинете находились две кровати, но занята была лишь одна.

Пострадавший лежал в казенной пижаме, слегка прикрывающей его бедра. На подушке покоилась его нога, загипсо-

ванная и забинтованная. Вторая, мускулистая и смуглая на фоне белоснежной больничной постели, высунулась из-под простыни. Медсестра измеряла, кровяное давление. Его темные брови сердито выгнулись под стянувшими голову бинтами. Шевелюра, казалось, сливалась с бурой запекшейся кровью на лице и пятнами антисептика, а руки покрывали бесчисленные синяки и ссадины. Несмотря на изуродованное порезами и кровоподтеками лицо, тем не менее его можно было узнать по волевому подбородку и резко очерченным линиям рта, откуда нелепо торчал термометр.

Доктор быстро приблизился к кровати и взглянул на показания прибора:

– Он возрождается с каждой минутой, – заметил врач и что-то одобрительно буркнул, рассматривая текущую температуру пациента в журнале.

Кендал все еще не решал ась переступить порог палаты. В этот миг она вдруг поймала на себе взгляд пациента. Глаза его глубоко запали от боли и переживаний. Однако смотрели по-прежнему колко и язвительно.

Сначала она никак не могла оторвать от него взгляд и глядела в упор, словно загипнотизированная. Когда-то она очень боялась подобного взгляда. И сейчас, впрочем, казалось, что он обладал редкой способностью видеть ее насквозь, не оставляя без внимания даже тайные уголки ее души и сознания. Под таким взглядом она всегда невольно ежилась.

Он раскусил ее еще во время их первой встречи. Он всякий раз безошибочно распознавал ложь, как только с ней сталкивался.

Теперь вот она стояла перед ним и очень надеялась, что исключительная способность читать ее мысли поможет ему понять, что она искренне скорбит о содеянном. Если бы не она, этой проклятой аварии никогда бы не случилось. Конечно, машину вел он, но именно она виновата в его нынешнем состоянии, невыносимых боли и страдании. Кендал испытала неподдельное раскаяние и горькое сожаление, оставаясь единственной в своем роде, кто с подобными чувствами склонялся над его больничной койкой.

Неправильно истолковав ее колебания, медсестра улыбнулась и жестом пригласила ее ближе:

– Все нормально. Можете поговорить с ним.

Преодолев неловкость, Кендал наконец вошла в палату и улыбнулась лежавшему на койке:

– Привет. Как самочувствие?

В течение нескольких секунд он смотрел на нее не мигая. Затем перевел взгляд на доктора, медсестру и опять на Кендал.

– Кто ты? – спросил он слабым, чуть охрипшим голосом.

Доктор изумленно склонился над пациентом:

– Вы хотите сказать, что не узнаете?

– Да. А что, я должен ее узнать? Где я? Кто я?

Доктор молча уставился на пострадавшего. Медсестра

растерянно теребила резиновые трубочки тонометра. Кендал, явно ошеломленная подобным открытием, с трудом справлялась с охватившим ее волнением. Тотчас затеплилась надежда, как использовать этот факт в своих интересах.

Первым пришел в себя доктор.

– Ну что же, – наконец произнес он нарочито бодро и слабо улыбаясь, – кажется это потрясение вызвало у больного амнезию. Не редкость при подобных обстоятельствах. Впрочем, я уверен, это лишь временное явление. Не стоит беспокоиться. Через день или два вместе будете смеяться над этим.

Он повернулся к Кендал:

– Но сейчас вы для нас единственный источник информации. Полагаю, неплохо бы сообщить нам... то есть ему, кто же он на самом деле.

Она вдруг неожиданно смешалась, и этот необъяснимый столбняк накалил обстановку до предела. Доктор и медсестра выжидающе взирали на нее. С нетерпением ждал ответа и человек на больничной койке. Он не сводил с нее испытывающего взгляда, выразившего некоторую подозрительность, но Кендал ни секунды не сомневалась, что пострадавший действительно ничего не помнит. Абсолютно н и ч е г о!

Какой непредвиденный и необыкновенно щедрый подарок судьбы! Это было слишком хорошо, слишком заманчиво и многообещающе, чтобы с ходу использовать эту ситуацию. Но одно она знала наверняка: было бы настоящей и непро-

ститительной глупостью не воспользоваться этим в своих интересах.

– Он мой муж, – заявила она с поразительным спокойствием.

Глава первая

Властью, данной мне Всемогушим Господом и штатом Южная Каролина, объявляю вас мужем и женой. Мэтью, поцелуй свою невесту.

Присутствовавшие на свадьбе гости дружно зааплодировали, когда Мэт Бернвуд привлек к себе Кендал Дитон. Затянувшийся дольше обычного поцелуй сопровождался одобрительным смехом. Жених нехотя оторвался.

– Придется подождать, – шепнула Кендал прямо в его губы. – К сожалению.

Мэт с горечью во взоре подчинился. Затем медленно повернулся к огромной толпе гостей из нескольких сотен приглашенных, пришедших в этот воскресный день на их торжество.

– Дамы и господа, – объявил священник, – разрешите представить вам мистера и миссис Мэтью Бернвуд.

Держась за руки, Кендал и Мэт смущенно улыбались довольной публике. Отец Мэта, сидевший в переднем ряду в гордом одиночестве, встал и потянулся к Кендал.

– Добро пожаловать в нашу семью, – сказал он, обнимая невестку. Ты ниспослана нам самим Богом. Нам так не хватало женщины. Была бы жива Лорален, она бы с радостью приняла тебя, Кендал. Так же как и я.

Кендал с готовностью чмокнула Гиба Бернвуда в загоре-

лую щеку:

– Спасибо, Гиб. Вы очень любезны.

Лорален Бернвуд умерла, когда Мэт был еще подростком, но они с Гибом вспоминали о ее смерти так, словно это случилось совсем недавно. Красивый, прекрасно сложенный вдовец поражал своим совершенством. Многие вдовы и разведенные добивались его расположения, но все их запросы остались невостребованными. Нередко повторяя, что у него была одна-единственная любовь на всю жизнь, он не искал другой.

Мэт одной рукой дружески обнял отца, другой свою молодую жену:

– Мы нужны друг другу. У нас теперь настоящая семья.

– Как жаль, что бабушки сейчас нет рядом с нами, – грустно заметила Кендал.

Мэт ласково улыбнулся в ответ:

– Если бы она чувствовала себя достаточно хорошо, то приехала бы сюда из Теннесси.

– Ей, верно, это уже не по силам. Но она присутствует здесь, в моем сердце.

– Не стоит слишком уж предаваться сантиментам, – прервал их воркование Гиб. – Гости пришли сюда поесть, выпить и повеселиться. Это ваш день? Давайте наслаждаться.

Гиб не пожалел денег на свадьбу собственного сына. Пусть она надолго запомнится жителям этого городка, пусть о ней говорят еще десятилетия: Кендал, шокированная его

щедростью и расточительностью, предложила провести частную церемонию, без шикарной свадьбы и множества гостей, где-нибудь в каморке пастора.

Но Гиб даже слушать об этом не хотел.

Он без разговоров отринул давнюю традицию, согласно которой семья невесты должна финансировать свадебное торжество, и решил устроить все сам. Кендал пыталась было возражать, но Гиб, с его обезоруживающей улыбкой и весьма настойчивым нравом, разбил все ее аргументы.

– Не обижайся, – попросил Мэт, когда она недовольно посвятила жениха в свадебные планы его отца. . . . . Отец хочет закатить такую свадьбу, которая жителям Проспера и во сне не снилась. Ни ты, ни твоя бабушка не в состоянии оплатить все свадебные расходы, и ему приятно все сделать самому. Ведь я его единственный ребенок. Для папы это дело всей жизни. Поэтому пусть делает все, что хочет и не надо ему мешать.

Кендал не пришлось долго уговаривать целиком посвятить себя предсвадебной «горячке». Свадебное платье она выбрала себе сама, но за всем остальным приглядывал Гиб. Правда, он согласовывал с ней наиболее важные моменты.

Он без устали вникал во все мелочи, и это не прошло даром: сегодня его дом и прилегающая к нему лужайка просто поражали своим великолепием. Мэт и Кендал прямо-таки рты по раскрывали от удивления, увидев изящную арку из роскошных цветов – гардений, белых лилий и роз, а под

огромным тентом от салатов, закусок и всякой всячины ломились длинные столы. При взгляде на свадебный торт в виде самой настоящей скульптуры из нескольких ярусов, да еще и украшенной живыми розами у приглашенных захватывало дух. Да и огромный шоколадный торт молодоженов с клубникой величиной с теннисный мяч поражал воображение отнюдь не одиночек. Шампанское охлаждалось в серебряном ведре со льдом, дожидаясь своего часа.

Несмотря на вселенский размах, свадьба все же осталась чисто семейным торжеством. В тени деревьев привычно резвились дети. После свадебного вальса жениха и невесты в танце закружились и все остальные. Поистине сказочная свадьба, свадьба небывало величественная и пышная.

Кендал и не подозревала тогда о надвигавшейся со всех сторон опасности, потому и мечтать не смела о большем счастье и блаженстве. Мэт, крепко и в то же время ласково обняв ее, кружил по танцевальной площадке. Высокий и стройный, созданный, казалось, для роскошного костюма, он отнюдь не чувствовал никакой неловкости от дорогого свадебного наряда. В тот день он поражал невероятной красотой. Утонченные черты лица и прямые волосы придавали Мэту оттенок некоего аристократизма, скорее даже, величия средневекового барона.

– Какой ты элегантный, – заметила как-то Кендал, – изящный. Как Гэтсби.

Она бы так и кружила с ним всю ночь напролет, однако присутствующие мужчины приглашали ее наперебой. И судья Фаргоу туда же. Невеста чуть не застонала от досады, когда Мэт передал ее новому партнеру. В танцах этот человек являл не больше грациозности, чем в зале суда.

– Я не на шутку сомневался по поводу вашей персоны, – произнес судья Фаргоу и крутанул ее так, что она едва удержалась на ногах. – Женщина в качестве общественного защитника нашего округа – это уж слишком!

– Я не верил, что вы справитесь.

– Вот как? – холодно бросила Кендал.

Да, Фаргоу не только плохой танцор и никудышный судья, подумала Кендал, но еще и сторонник дискриминации женщин. С тех пор как она впервые появилась в зале суда, он ни разу даже не постарался отринуть свои консервативные взгляды.

– Почему вы были предосудительны, Фаргоу? – стараясь удержать доброжелательную улыбку на лице, спросила Кендал.

– Видите ли, – самодовольно начал он, – Проспер очень патриархален, как округ, так и город. И чертовски тем гордится. Местные жители следуют традициям из поколения в поколение. Мы не падки на всяческие перемены и терпеть не можем принуждения. Женщина-адвокат – слишком романтично для нас.

– Вы полагаете, что женщина по-прежнему должна сидеть

дома, готовить еду, стирать, воспитывать детей? Что ее и близко нельзя подпускать к какой-либо профессиональной деятельности?

В ответ он недовольно хмыкнул: – Я бы так не сказал.

Подобная откровенность стоила бы ему многих голосов на очередных выборах. Поэтому все его публичные заявления подвергались строжайшей самоцензуре. Судья Фаргоу слыл весьма искусным политиком. Если бы он только был таким же искусным судьей!

– Я только хотел сказать, что Проспер – чистый маленький городок. Без всяких ужасающих проблем, что характерны для больших мегаполисов. Мы на корню подрезаем корруппирующее влияние извне. Мы – я имею ввиду себя и прочих общественных деятелей – намерены постоянно поддерживать свои стандарты на высоте.

– Вы что же, считаете меня частицей пресловутого корруппирующего влияния извне?

– Нет, нет, конечно же, нет.

– Моя работа заключается в том, чтобы обеспечить надлежащую юридическую консультацию тем жителям, которые не могут иметь своего собственного адвоката. Наша Конституция предоставляет всем гражданам США право на судебную защиту.

– Мне хорошо известны права граждан, перечисленные в Конституции, – резко заметил судья.

Кендал чуть заметно улыбнулась, чтобы скрыть осадок,

оставшийся в глубине души от этих слов:

– Зачастую я вынуждена напоминать себе, что именно работа заставила меня тесно соприкоснуться с определенными слоями общества, которые всем нам кажутся нежелательными. Но и преступники – люди и они нуждаются в тех, кто представляет их интересы в суде. В независимости от того, кто мой клиент и как бы отвратителен он ни был, я всегда стремлюсь сделать все возможное, чтобы представить его сторону наилучшим образом, приложив к тому все свои старания.

– Никто не сомневается в ваших способностях, – тут же перебил ее судья. – Несмотря на непосредственное участие в этом омерзительном деле в Теннесси... – Он запнулся и растянул рот в улыбке. – Ну да ладно, к чему ворошить прошлое в этот прекрасный день?

Действительно, к чему? Напоминание судьи о ее былых затруднениях говорило само за себя. Неужели он считает, что она достаточно глупа, чтобы поверить в то, что это просто ошибка?! Кендал кипела от негодования.

– Вы прекрасно работаете, – сказал судья, стараясь сгладить впечатление. – Прекрасно. Мне придется привыкнуть к тому, что женщина будет спорить со мной о тонкостях юриспруденции. – Он залился прерывистым лающим смехом. – Знаете, до тех пор, пока вы не предстали воочию, мы думали, что берем на работу мужчину.

– Мое имя введет в заблуждение кого угодно.

На совете директоров Ассоциации адвокатов округа Проспер было решено сформировать контору общественных защитников, чтобы обеспечить юридической защитой малоимущих. Даже при постоянной ротации кадров эти услуги оказались слишком обременительными и малоприбыльными.

Высокие каблуки и женское платье Кендал вместо мужского костюма и галстука поставили директоров в дурацкое положение. Ее резюме производило столь сильное впечатление, что они, даже не взглянув на заявителя, тут же ответили на ее письменный запрос. Тем более что собеседование превратилось в пустую формальность.

И она выдержала нелегкое испытание. Прекрасно представляя заранее, что ей придется натолкнуться на стену неприятия со стороны закоренелых приверженцев мужского превосходства и юриспруденции, она тщательно подготовилась к первой встрече, отрепетировала все коронные фразы. Своей вдохновенной речью ей надлежало наголову разбить совет с его недоверием и предрассудками относительно женщин-адвокатов. При этом не следовало задевать мужское самолюбие.

В то время Кендал отчаянно нуждалась в работе. Отдавая себе отчет, что от этого шага зависит будущее, она превзошла самое себя, чтобы получить эту должность.

Очевидно, она все сделала как надо, поскольку совет адвокатов согласился предоставить ей должность общественного

защитника. Одно-единственное темное пятно в ее послужном списке ни на что не повлияло. А может, они считали, что для женщины это не так уж важно. Подумаешь, оплошность, в конце концов, она ведь всего лишь женщина.

Кендал плевать хотела на то, что они при этом думали или как они пришли к такому решению. За те восемь месяцев, проведенных в Проспере, ей удалось доказать свою профессиональную пригодность. Она немало потрудилась, чтобы завоевать уважение своих коллег и общественности города. Скептикам оставалось лишь прикусить язык.

Даже местная газета вынуждена была изменить свое мнение, хотя некогда поместила разгромную статью, в которой некто усомнился в возможностях женщины в качестве адвоката. Заметку эту словно невзначай напечатали рядом с сообщением о ее вступлении в должность.

А сейчас издатель этой самой газетенки незаметно подкрался к ней, дружески обнял за талию и поцеловал.

– Господин судья, – изрек он, – вы монополизировали самую хорошенькую девушку на этой свадьбе. Не слишком ли долго вы с ней танцуете?

– Подобные претензии вправе выдвинуть только жених, – хмыкнул Фаргоу и вернул невесту Мэту.

– Спасибо, что выручил меня, – благодарно шепнула ему Кендал. Когда они вырвались из толпы, она устало уткнулась ему в грудь и закрыла глаза. – Ужасно сталкиваться с этим красношеим болваном в суде. Но еще хуже танцевать с ним

на своей собственной свадьбе. Тем более что это уже не входит в мои служебные обязанности.

– Будь умницей. – Он принялся утешать ее как ребенка.

– Да уж, – грустно согласилась Кендал. – Я была такой умницей, что меня чуть не стошнило.

Конечно, судья не подарок, но он старый друг отца, в общем, Мэт был прав. Кроме того, не доставлять же судье Фаргоу удовольствие своим испорченным настроением! Она подняла голову и улыбнулась Мэту:

– Я люблю тебя. Когда я в последний раз говорила тебе об этом?

– Сто лет назад. А точнее – десять минут.

Они, кинувшись в объятия друг друга, страстно закружили в танце. Вдруг чей-то громкий голос ворвался к ним из темноты:

– Эй, малышка, просто кайф, а не праздник!

Кендал обернулась и в двух шагах от себя увидела свою подругу, приглашенную на свадьбу в качестве свидетельницы. Большеротый и самодовольный фармацевт рядом с ней, казалось, сходил с ума от объятий страстной и темпераментной женщины.

– Привет, Рики Сью, – кивнула Кендал. – Веселишься?

– Еще бы, а ты как думаешь?

Рики Сью Роб в свободном широком платье двигалась в такт музыке. Желтоватое лицо Рики Сью поражало россыпью рыжеватых веснушек, а цвет волос смахивал на свежий

морковный сок. Однако, несмотря на столь необычную цветовую гамму, Рики Сью всегда предпочитала изящный стиль в одежде и чрезмерно изобретательно ее подбирала. Ее прическа являла собой произведение искусства, будучи в то же самое время полезным пособием для изучения архитектурных тонкостей.

Она постоянно улыбалась, обнажая широкую щель в передних зубах. А полные губы толстушки призывно блестели огненно-красной помадой, абсолютно не сочетававшейся с цветом волос.

– Ты упоминала, что твой муж чертовски красив, – продолжила Рики Сью необычайно громким, скорее, трубным голосом, – но не поведала, что он к тому же чертовски богат.

Кендал вдруг ощутила, как Мэт мгновенно съежился. Подруга, конечно же, не хотела его обидеть, по простоте душевной считая, что делает ему комплимент. Но в Проспере не принято было обсуждать личное состояние человека. Во всяком случае публично.

– Мэт, – обратилась к мужу Кендал, когда Рики Сью с партнером удалились. – Я была бы тебе весьма признательна, если бы ты пригласил ее на танец.

Гримаса отвращения исказила лицо мужчины:

– Боюсь, она меня растопчет.

– Мэт, пожалуйста.

– Сожалею.

– Правда? Вчера вечером за обедом ты недвусмысленно

дал понять, что не в восторге от Рики Сью. Надеюсь, она этого не заметила, но меня не проведешь.

– Она вовсе не такая, как ты ее описывала.

– Я лишь сказала, что она моя лучшая подруга? Это самая исчерпывающая характеристика человека.

Бабушка не смогла прибыть на свадьбу своей внучки, и Рики Сью стала единственным гостем Кендал. Встретясь они при каких-либо других обстоятельствах, пронеслось в голове Кендал, Мэт постарался бы отнестись к ней по-дружески и достаточно сердечно. Но на свадьбе, в присутствии множества высокопоставленных гостей, ее развязные манеры вызывали только отвращение. Мэта и Гиба раздражал разухабистый, утробный смех, который вырывался, казалось, из чрева массивного тела подруги.

– Я не уверяла тебя, что Рики Сью изящная леди из южных штатов.

Мэт поморщился как от зубной боли:

– Она грубая, Кендал, грубая и пошлая. Я думал, она похожа на тебя, много женственнее, образованнее и симпатичное.

– Но она источает какое-то внутреннее обаяние.

Рики Сью работала секретарем в приемной юридической фирмы «Бристол и Мазерс», где Кендал в свое время числилась в качестве младшего сотрудника. Их первая встреча не отложилась в памяти Кендал, она совершенно не обратила на Рики Сью внимания.

Однако постепенно они сблизилась и подружился. За слишком вызывающей внешностью секретаря скрывалась отзывчивая, чувствительная натура, без особых претензий, практичная, терпимая к недостаткам других и безгранично преданная. Причем последнее особенно подкупало Кендал.

– Не сомневаюсь, в ней есть нечто, достойное восхищения, – неохотно отступил Мэт. – Возможно, она и не виновата в том, что такая толстая.

Кендал здорово задело, что он использовал это прилагательное «толстая». Мог бы подобрать и другое слово. Как гадко, что он частенько вот так ее унижает!

– Если бы ты дал ей хотя бы полшанса... Мэт приложил палец к ее губам:

– Мы что, так и будем ссориться на нашей собственной свадьбе и в присутствии многочисленных гостей? Да еще по такому дурацкому поводу?

Ей захотелось тотчас возразить; что грубость в отношении лучшей подруги не такой уж незначительный повод, но он, конечно же, прав. Сейчас не время для выяснения отношений. К тому же некоторых его друзей она тоже недолюбливала.

– Хорошо, объявляем перемирие, – согласилась Кендал. – Но если бы я хотела найти значительный повод для ссоры, то выбрала бы любую из присутствующих здесь женщин. Похоже, они готовы разорвать меня на части от зависти.

– Кто? Где? – Он стал вертеть головой по сторонам, как

бы пытаюсь найти тех, кому разбил сердце.

– Не скажу ни за что на свете, – вымолвила она грустно, теребя лацкан его пиджака. – Но из простого любопытства, сколько женских сердец ты разбил, женившись на мне?

– Их кто-то считал?

– Seriously, Мэт.

– Seriously? – Он на миг опечалился. – Если серьезно, то я один из редких холостяков в Проспере, находящихся в возрасте от половой зрелости до безнадежной старости. Потому-то ты и видишь среди гостей вытянутые от огорчения лица. Зрелые одинокие женщины увеличат статистику пострадавших от удара молнии.

Он попал в цель – она наконец рассмеялась.

– Ну что же, тем лучше, – весело сказала Кендал. – Я рада, что ты подждал, пока я доберусь до Проспера.

Он на мгновение остановился, крепко прижал Кендал к себе и, запрокинув ей голову, поцеловал в губы:

– Я тоже.

Выделяясь среди многочисленных гостей свадебным рядом, Кендал оказалась в весьма затруднительном положении. Однако часа через полтора ей все же удалось проскользнуть в дом незамеченной.

Девушке не слишком нравился дома Гиба, особенно огромная гостиная, темные стены которой украшали многочисленные охотничьи трофеи.

Для неискушенной в этом деле Кендал все эти чучела рыб как две капли походил и друг на друга. Остекленевшие глаза на симпатичных мордах оленя, лося, дикого кабана и других несчастных животных вызывали у нее лишь чувство неловкости и сострадания. В гостиной внимание при влекла лишь голова свирепого полосатика, навеки застывшего с оголенными клыками.

Охота и рыболовство были своеобразным коммерческим бизнесом Гиба. Его магазин спортивных товаров располагался на главной улице Проспера. Здесь, в горных районах северо-западной части Южной Каролины, он здорово преуспел и благополучно продолжал завоевывать новую клиентуру. Иногда покупатели являлись чуть ли не из-за моря, чтобы именно у него потратить деньги.

Он отлично разбирался в своем деле. Обнадеженные охотники и рыболовы Высоко ценили мнение Гиба и без колебаний расплачивались по кредитным карточкам за все то, без чего, на его взгляд, предприятие просто обречено. Зачастую они приносили свои трофеи, вваливаясь с тушами прямо в магазин, ожидая его похвалы и восхищения их мастерством и умением владеть ружьем, удочкой, силками или капканом.

Гиб, в свою очередь, на похвалы не скупился и давал советы бесплатно. Окружающие превозносили его чуть ли не до небес, ибо считали великолепным охотником и прекрасным человеком. Те же, кто пока еще не удостоился чести влиться в сонм его друзей, с нетерпением ожидали такой возможно-

сти.

Кендал подошла к ванной комнате, одновременно служившей Гибу пороховым складом, и тут обнаружилось, что дверь Заперта изнутри. Кендал легонько постучалась.

– Освобожу через секунду.

– Рики Сью?

– А, это ты, малышка?

Рики Сью сразу же открыла, вытирая подмышки махровым полотенцем.

– Потеею, как свинья, – объяснила она. – Заходи.

Кендал подобрала рукой фату и подол своего платья, вошла в маленькую ванную и прикрыла дверь. Хотя бы пару минут провести спокойно вместе с подругой и неважно, что комната тесновата для двоих!

– Как ты устроилась в мотеле? – Мотели в Проспере были отвратительными. Кендал забронировала Рики Сью лучшую комнату, но и та не слишком подходила.

– Иногда приходилось спать и в худших условиях, – невозмутимо ответила женщина. – Да еще и зарабатывать. – Она подмигнула Кендал в зеркало. – Кстати, твой красивый муж так же хорош в постели, как хорош собой?

– Предпочитаю не распространяться об интимных делах, – С лукавой улыбкой парировала Кендал.

– Напрасно, ты здорово обедняешь себя, ибо любой Рассказ на эту тему весьма интересен сам по себе.

В фирме «Бристол и Мазерс» Рики Сью постоянно держа-

ла сотрудииков и чиновников в некотором возбуждении бесконечными росказнями о своих сексуальных похождениях. Каждое утро она с удовольствием добавляла все новые и новые эпизоды бесконечной мыльной оперы за чашкой кофе. Вряд ли этому стоило слепо верить, но, что самое удивительное, почти все происходящее было правдой!

– Я очень беспокоюсь за тебя, Рики Сью, – заметила Кендал. – Крутить сразу с несколькими весьма небезопасно.

Я осторожна. И была осторожной всегда.

– Нисколько не сомневаюсь, но все же...

– Послушай, малышка, не надо лекций. Я просто стараюсь полностью использовать все свои возможности. Будь у тебя моя внешность, ты тоже была бы вынуждена брать все, что могут предложить мужчины. Еще ни один мужик не попылся ради удовольствия. – Она вытянула руки вперед.

– Поэтому дабы не страдать от неудачной любви или, будучи недотрогой, не остаться до конца своих дней старой девой, – продолжила мысль Кендал, – я давным-давно решила быть более отзывчивой к требованиям мужчин.

– Просто я даю то, что им нужно, и к тому же с большим талантом. В темноте и голышом мужикам плевать, как ты выглядишь вроде сказочной принцессы или старой ведьмы. И так до тех пор, пока у тебя есть уютное и теплое местечко для этого дела. Во мраке, моя дорогая, исчезают любые различия и все кажется прекрасным.

– Печальная и жалкая философия.

– Но она работает на меня, – грустно возразила Рики Сью.

– А вдруг да на днях какой-нибудь мистер Правдоискатель ворвется в твою жизнь и исковеркает ее?

Смех Рики Сью прозвучал как охотничий рожок.

– У меня был лучший шанс выиграть лотерею.

Внезапно улыбка исчезла, и она задумчиво произнесла: – Не стоит заблуждаться на сей счет. Просто я хочу иметь мужа, целый выводок прекрасных ребятишек и весь набор семейного счастья. Но, поскольку для меня это маловероятно, надо жить легко и весело. Я стремлюсь к тем удовольствиям, что мне доступны, и в тех формах, что наиболее приемлемы. Ведь не секрет, что обо мне за глаза говорят: как можно позволять мужчинам так легко пользоваться собой? Но все дело в том, что не они используют меня, а я их. Потому что, к сожалению, – Она на минуту умолкла и с нескрываемой завистью окинула Кендал взглядом с ног до головы. – К сожалению, женщины не рождаются равными. Я выгляжу словно моржуха с волосами, окрашенными хной, а ты... да что там говорить.

– Ну зачем ты так, Рики. Ко всему прочему я полагала, что импонирую тебе своим складом ума, – поддразнила ее Кендал.

– О да, ты достаточно умна. Умна настолько, что иногда даже пугаешь. Достоинств у тебя больше, чем у кого бы то ни было, а я ведь встречала немало крутых баб.

Мгновенно посерьезнев, она вдруг внимательно посмот-

рела на Кендал:

– Я очень рада, что у тебя здесь все получилось, малышка.

Ты не упустила свой шанс, черт возьми.

– До известных пределов, да, – согласилась Кендал. – Но я не очень-то беспокоюсь. Слишком много времени прошло. При малейшей вероятности все уже давно бы полетело в тар-тарары.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением вздохнула Рики Сью. – Мне все же кажется, что ты сумасшедшая, потому что согласилась через это пройти. И вернись время вспять, я по-прежнему была бы против этой свадьбы. Мэт-то знает?

Кендал покачала головой.

– Может стоит ему сказать?

– Зачем?

– Затем, что он твой муж, черт подери!

– Вот именно. Какая в сущности разница, что он обо мне думает?

Рики Сью на минуту призадумалась:

– А что думает насчет этого твоя бабушка?

– То же самое, что и ты, – неохотно призналась Кендал. – Тоже настаивает, чтобы я все ему рассказала.

Элви Хэнкок оказалась единственной родственной душой, которую помнила Кендал, оставшись круглой сиротой пяти лет от роду. Девочку направляла любящая, но вместе с тем твердая рука. В большинстве случаев Кендал всегда соглашалась с бабушкой, доверяя ее женскому чутью и много-

летней мудрости.

Но по вопросу о том, стоит ли быть предельно откровенной с Мэтом, они придерживались различных взглядов. Кендал неколебимо стояла на своем.

– Вы с бабушкой, – произнесла она тихо, – должны положиться в этом деле на меня.

– Хорошо, малышка, – согласил ась Рики Сью, – но если с тобой что-нибудь случится, пожалуйста, не говори, что я тебя не предупреждала.

Посмеиваясь над этим грозным предостережением, Кендал подалась вперед и обняла Рики Сью:

– Я скучаю по тебе. Обещай, что будешь часто навещать меня.

Рики Сью тщательно сложила полотенце, нарочито расправив все складочки:

– Сомневаюсь, что это будет хорошо.

Улыбка тут же слетела с лица Кендал:

– Вот еще, почему же?

– Потому что твой муж и свекор недвусмысленно продемонстрировали свое ко мне отношение. Ладно, извиняться не надо. – Кендал попыталась было протестовать, но Рики Сью тотчас резко оборвала ее. – Мне глубоко плевать, что там они думают о Рики Сью. Я слишком живо вспомнила своих родителей, которые тоже ни с чьим, кроме собственного мнения, не считались. Я вовсе не собираюсь вспоминать о них. Просто... – Густо покрашенными глазами она с

мольбой усталилась на Кендал. – Я не хочу создавать никаких проблем.

Кендал прекрасно поняла, что имела в виду приятельница, и, еще раз оценив ее благородство, вновь опечалилась:

– Я скучаю и по тебе, и по бабушке гораздо сильнее, чем предполагала, Рики Сью. Теннесси кажется теперь таким далеким. Мне нужен друг.

– Найди.

– Уже пыталась, но безуспешно. Здешние женщины разговаривают очень вежливо, но держатся обособленно.

Возможно, обижаются, что я ворвалась в город и увела Мэта прямо у них из-под носа. А может, просто завидуют моей карьере. Они ведь живут иначе. Во всяком случае, ты пока моя единственная лучшая подруга и никто не в состоянии тебя заменить. Пожалуйста, не бросай меня на произвол судьбы.

– Господи, да я и не собираюсь тебя оставлять. Ведь и у меня самой нет близких друзей. Но давай смотреть правде в глаза. – Она крепко и осторожно сжала плечи Кендал. – Кроме меня, последней ниточкой, связывающей тебя с Теннесси, остается твоя бабушка. Когда она умрет, возвращайся назад, в Шеридан. Навсегда, Кендал. Порви со всеми, включая и меня. Не насилуй свою судьбу.

Кендал отстраненно кивнула, раздумывая о преимуществах, вытекающих из совета подруги:

– Бабушка долго не протянет. Мне хотелось переехать сю-

да вместе с ней, но она отказалась покинуть свой дом. Эта разлука рвет мое сердце на части. Ты-то хорошо знаешь, что она для меня значит.

– Взаимно, – угочнила Рики Сью. – Бабушка по-настоящему тебя любит. И всегда – желала тебе только добра. Если ты будешь счастлива, то и она умрет умиротворенной. Это самое лучшее, чем ты можешь сейчас ей помочь.

Конечно, Рики Сью права, права на все сто. К горлу Кендал предательски подкатил комок:

– Ради Бога, Рики Сью, приемотри за ней.

– Я звоню ей ежедневно и приезжаю навестить дважды в неделю, как и обещала. – Она дружески пожала руку Кендал. – А сейчас мне бы хотелось вернуться на свадьбу и распробовать всякое шампанское и деликатесы. Возможно, я выбью еще один танец из этого фармацевта. Ты не находишь, что он в некотором смысле весьма привлекателен!

– Он женат.

– Ну и что? Подобные типы обычно питают слабость к таким, как я. – При этом она ничуть не стесняясь, похлопала себя по роскошной груди.

– Как тебе не стыдно!

– Извини, но это слово начисто отсутствует в моем лексиконе. – Самодовольно хихикая, она отстранила Кендал и распахнула дверь. – Я ушла. Хотя с удовольствием осталась бы и посмотрела, как ты справишься.

– С чем?

– Ну, как бы ты пописала в своем свадебном платье.

Глава вторая

– Еще что-нибудь, мисс? – Этот вопрос прервал ее нынешние воспоминания о дне свадьбы. Она помнила все до мельчайших подробностей, но вместе с тем чувствовала некую отстраненность от этого значительного события, словно произошло оно с кем-то другим или в какой-то иной жизни.

– Нет, все, благодарю вас, – ответила она продавцу.

Несмотря на холод и непогоду, покупатели просто заполнили супермаркет на Уолл-Март. Все торговые ряды были забиты товарными тележками, доверху заполненными всякой всячиной – от роликовых коньков до булавок.

– Сто сорок два доллара семьдесят семь центов. Как будете платить: наличными, чеком, в кредит?

– Наличными.

Молодой человек не обратил на нее никакого внимания. Просто одна из сотен посетительниц, прошедших сегодня через кассу. И если бы кто-либо позже поинтересовался, он вряд ли смог бы вспомнить или подробно описать ее внешность. Анонимность – как раз то, что ей необходимо. Прешлой ночью, лежа в кровати одной из палат городской больницы Стивенсвилла, она почувствовала смертельную усталость, которую не только никогда прежде не испытывала, но и представления о которой ранее не имела. Все ее тело ныло от боли и изнеможения, многочисленные ссадины, царапины

и раны давали о себе знать сильнее, чем днем. Но несмотря на крайнее переутомление, она до утра так и не сомкнули глаз.

«Кто ты такая? Кто я?»

«Он мой муж».

Слова эти беспрестанно отдавались у нее в голове.

Уставившись в потолок, она повторяла их снова и снова, размышляя о том, не окажутся ли они пророческими. Сейчас повторять их уже ни к чему. Понятно, что его амнезия лишь временное явление. Поэтому, пока он пребывает в беспмятстве, необходимо извлечь максимум выгоды. Ее не оставляла надежда спасти себя и Кевина.

В особенности Кевина, так как все это проделано исключительно ради него. Любые усилия, даже самые рискованные, оправданны, если речь идет о судьбе ребенка.

Он буквально устроил настоящую сцену в больнице, когда ему сообщили об амнезии. Как сказал доктор, выздоровление потребует длительного отдыха и спокойствия. Придется временно смириться с таким режимом, по крайней мере, до тех пор, пока не заживет его травмированная нога. Поэтому можно с полным правом наслаждаться этим вынужденным отпуском. Чем сильнее он старался вернуть себе память, тем более иллюзорными становились попытки. Сознание упорно отказывалось подчиняться насилию, по-видимому, организму все же требовался длительный отдых.

Однако ему никак не удавалось расслабиться и забыться.

Не помогло даже то, что, по совету доктора, Кендал принесла в палату Кевина. Вид ребенка лишь усилил его возбуждение, прекратившееся сразу же, как только мальчика унесли.

Доктор старательно подбадривал Кендал, хотя и с гораздо меньшим оптимизмом, чем прежде.

– Рекомендую на некоторое время оставить его в покое и не тревожить этой ночью. Амнезия – очень коварная штука. Возможно, он все вспомнит, проснувшись завтра утром.

С первыми же лучами солнца она быстро накинула белый больничный халат, любезно оставленный одной из медсестер, и поспешила в его палату. Амнезия за прошедшую ночь не отступила.

Стоило ей лишь переступить порог, как он тотчас натянул простыню до подбородка. Судя по всему, он был чрезвычайно смущен только что закончившейся процедурой. Медсестра вымыв его, уже собирала все свои принадлежности. Пару минут спустя они остались одни.

– Думаю, теперь тебе намного лучше. – Кендал сопроводила свои слова неловким жестом.

– Вероятно, – тихо ответил он, – но мне это не по душе.

– Общеизвестно, – продолжила она, чтобы только не молчать, – мужчины самые ужасные пациенты. – Она ласково улыбнулась и подошла ближе. – Давай помогу тебе устроиться поудобнее?

– Нет, спасибо, все в порядке. А ты как себя чувствуешь? Вернее, и ты, и ребенок.

– Отлично! Мы с Кевином практически не пострадали.

Он кивнул и удовлетворенно бросил:

– Это очень хорошо.

От Кендал не укрылось, что даже эта непродолжительная беседа давалась ему с большим трудом.

– Я еще должна кое-что сделать, но если тебе что-нибудь понадобится, вызывай медсестру без всяких колебаний. Похоже, они весьма квалифицированные.

Он снова кивнул, на этот раз без комментариев.

Женщина собралась уже было уходить, но затем остановилась и, наклонившись, поцеловала в лоб, от неожиданности глаза его широко распахнулись. Выражение их заставило Кендал перейти на шепот.

– Хорошенько отдохни. Я скоро вернусь.

Она поспешила из комнаты и разыскала медсестру:

– Мне бы кое-что купить в городе. Есть здесь поблизости стоянка такси?

Та, весело засмеявшись, позвенела перед ней ключами от машины.

Забудь о такси, дорогая. В нашей глуши такой службы просто не существует. До конца смены, то есть до трех, моя машина полностью в твоём распоряжении.

Надень мой плащ.

– Огромное спасибо, – растрогавшись, ответила Кендал. Ее просто подкупила такая неожиданная щедрость. – Купить бы что-нибудь Кевину, да и себе самой... сколько можно хо-

дить в больничном халате! В самом деле, хорошо бы попасть хоть в какой-нибудь магазин.

Медсестра подробно описала, как проехать к Уолл-Марту, а затем после некоторых колебаний наконец спросила:

– Прости, дорогая, что вмешиваюсь в личное, но как у тебя в деньгами? Ведь все ваши вещи и документы утонули вместе с машиной.

– К счастью, я немного припрятала во внутреннем кармане жилета, – ответила Кендал девушке, которая, вероятно, была бы в шоке, узнав истинную сумму. Это гораздо внушительнее, чем просто карманные деньги, причем копила Кендал уже давно, словно предчувствуя, что они ей скоро понадобятся. Для них с Кевином надолго хватит. – Купюры, правда, намокли, но думаю, они еще вполне пригодны. Мне и надо-то совсем немного: что-нибудь из одежды себе и сыну, да снять какое-нибудь жилье.

– В этом маленьком городке, – решила помочь медсестра, – всего одна гостиница для приезжих, да и то паршивая. Оставайтесь пока у нас в больнице. Зачем попусту тратить деньги?

– Спасибо, вы очень добры.

– Пустяки, не стоит благодарности, – смутилась медсестра. – Кстати, когда к вашему мужу вернется память, вы будете с ним сутки напролет, днем и ночью. – Медсестра сочувственно сжала руку Кендал. – Одной, конечно, очень трудно справиться. Нет ли у вас кого-нибудь поблизости, кто бы вам

помог? Может, ваша семья?

– У меня никого нет, – грустно заметила Кендал. – Никакой родни. Кстати, я хочу поблагодарить и вас, и всех других медсестер за то, что вы согласились не упоминать при муже о той погибшей женщине. Ему и так здорово досталось. Ни к чему вновь огорчать и расстраивать его, усугубляя и без того подавленное состояние.

Заместитель шерифа тоже охотно согласился с тем, что рассказывать человеку, страдающему амнезией, о гибели его спутницы нет никакой необходимости. Он прибыл в больницу сегодня утром, чтобы сообщить результаты экспертизы.

– На место происшествия послали группу специалистов, – доложил он, – но где именно произошла авария и где находится затонувшая машина, пока еще не известно. Очевидно, автомобиль снесло течением вниз.

Покачав головой, с сожалением добавил, что вряд ли кто-либо может сказать где и когда он объявится.

– Бингхем Крик, – со знанием дела пояснил он, большей частью протекает по совершенно дикому и пустынному краю. Почва здесь слишком влажная и мягкая, чтобы удерживать такую тяжелую машину. Похоже, кроме того, что дожди зарядили надолго, посему условия для безопасных поисков машины, очевидно, настанут еще не скоро, через несколько дней.

«Несколько дней».

Их личности пока еще полицией не идентифицированы.

Какое-то время искореженная машина и их документы будут считать утерянными. Никто не знает, где они сейчас находятся. У него амнезия. Следовательно, она располагает некоторым временем.

Итак, действуя хладнокровно, обдуманно, проявив сразу все свои недюжинные способности, ей удастся отсюда сбежать. В противном случае последствия просто кошмарны. Но если возможные последствия столь угрожающи, то каковы же должны быть ее поступки? По переезде в Проспер она оказалась в самом отчаянном положении.

С еще большей безнадежностью она покинула этот город.
– Мисс?

Кендал вздрогнула и пришла в себя:

– Извините, что вы сказали?

– Это все? – Продавец Уолл-Марта удивленно уставился на нее. Надо же, какая досадная оплошность! Она ведь не хотела, чтобы продавец обратил внимание на странную женщину в белом медицинском халате, которая к тому же казалась озабоченной и полностью дезориентированной.

– О, да, спасибо.

Она суетливо собрала все покупки и двинулась к выходу, лавируя в толпе покупателей, не желавших выходить на дождь.

Ни секунды не колеблясь, Кендал втянула голову в плечи и нырнула в пелену дождя. Потом подъехала на машине к ближайшей заправочной станции и купила местную газету.

Быстро пробежав глазами, она затем обошла вокруг здания и отыскала телефон-автомат.

– Алло? Я по поводу вашего объявления. Вы уже продали машину?

– Значит, его телесные повреждения не столь уж серьезны?

– Сломана большая берцовая кость на правой ноге, да еще рана на голове. Вот и все.

Кендал перехватила доктора в коридоре. Уже без халата, источая терпкий запах дорогого одеколona, он спешил поскорее покинуть больницу. По всему видно, что после тяжелой смены он просто рвался с головой окунуться в осуществление своих субботних планов. Но Кендал не желала оставлять вопросы без ответов. Доктор тяжело вздохнул, поняв, что от нее так быстро не отделаешься.

– Разумеется, – продолжил он, – раны отнюдь не пустяковые, но в то же время никакой угрозы для жизни. Если побережь ногу, то она срастется примерно недель через шесть. Мы уже сегодня попытались приучить вашего мужа к костылям. Бегать, он, конечно же, еще не может, но передвигается вполне прилично.

Доктор с минуту помолчал, затем улыбнулся и добавил:

– Швы его в полном порядке. Их снимут примерно через неделю, ну, по крайней мере дней через десять. Черепная коробочка еще слишком слаба и какое-то время, возможно, го-

лова будет побаливать, но это не страшно. На внешности сие не отразится.

– Я уже слышала об этом, – резко прервала врача Кендал, не обращая внимания на его снисходительную улыбку. – Больше всего меня волнует амнезия.

– Не такая уж это редкость, учитывая повреждение головы и другие тяжелые травмы.

– Но обычно у человека отшибает память о событиях, непосредственно предшествующих катастрофе, и о том, что произошло сразу после нее, разве не так?

– Слово «обычно» абсолютно неприменимо в медицине, – со знанием дела поправил ее доктор.

– Тем не менее не слишком же часто случается, что человек полностью теряет память и совсем ничего не помнит.

– В общем, да, – неохотно согласился доктор.

В тот вечер в небольшой больничной библиотеке она прочла все, касающееся амнезии и ее различных проявлений. С ответами доктора эти сведения совпадали, но она ничуть не удовлетворилась. Следовало знать как можно больше, чтобы быть готовой к разного рода неожиданностям.

– А что вы скажете относительно антероградной амнезии?

– Не создавайте себе проблем.

– Сделайте мне одолжение.

Доктор высокомерно сложил на груди руки и застыл в позе человека, ни на йоту не сомневающегося в бессмысленности происходящего.

– Насколько я поняла суть этой формы, – тотчас затараторила Кендал, не обращая никакого внимания на его желание побыстрее ретироваться, – мой муж может оказаться неспособным накапливать информацию в данный период времени. Даже полностью восстановив в памяти все события до аварии, он может оставаться в полном неведении по поводу того, что с ним случилось в период между аварией и возвращением памяти. Он вспомнит все, кроме этого краткого промежутка времени, то есть эта фаза будет полностью заблокирована.

– В основном ваши познания весьма корректны, – терпеливо закивал головой доктор. – Но как я уже сказал, не стоит беспокоиться заранее. Сомневаюсь, что это вообще произойдет.

– Но ведь может произойти, не так ли?

– Вполне; – подтвердил он, – но давайте надеяться на лучшее, ладно?

– А не отступит ли амнезия после еще одного удара по голове?

– Как в кино, – ухмыльнувшись, сострил доктор. – Обычно процесс восстановления памяти менее драматичен и протекает постепенно, день за днем. Но не исключено и другое: он вспомнит все сразу и во всех подробностях.

– А то и вовсе никогда и ничего не вспомнит.

– Это в высшей степени маловероятно, – тут же успокоил ее доктор. – И возможно лишь в том случае, если ваш муж за-

хочет оставить собственную память заблокированной. – При этом доктор выразительно поднял брови и с любопытством посмотрел на собеседницу.

Кендал оставила без внимания этот загадочный взгляд, сделав, однако, вывод, что врач допускает такую возможность, что, впрочем, его весьма настораживает.

– Понимаете, – она попыталась пояснить, – он вполне может подсознательно использовать травму головы, чтобы забыть все нежелательное, забыть то, с чем он не может или не хочет справиться.

Он в упор посмотрел на женщину:

– А что, существует какая-либо причина, по которой он подсознательно хотел бы быть защищенным посредством амнезии?

– У вас есть право практиковать психологию, доктор? – Ее голос оставался по-прежнему мягким, но глаза выдавали всю подоплеку последнего вопроса. Покраснев от возмущения, он хотел было что-то сказать, но она опередила: – Что и заставляет меня выяснить следующее. А не проконсультироваться ли нам у специалиста? Скажем, у специалиста по неврологии из какой-либо солидной клиники.

– Я уже проконсультировался, – выпалил доктор.

– Вот как? – Эта новость застигла ее врасплох.

– Я позвонил в поликлинику в Атланте, – не дожидаясь дальнейших расспросов, начал доктор. – Связался с врачом отделения неврологии, отправил ему факсом медицинскую

карту вашего мужа и описал его состояние и все рефлексы. Я сообщил, что никаких при знаков внутреннего кровотечения, никаких при знаков паралича, бессвязной речи, замутненного сознания или умственной неполноценности нет. То есть нет совершенно никаких признаков серьезного повреждения головного мозга.

Доктор с минуту помолчал:

– Невролог сделал заключение, что травма головы привела к блокированию той части коры головного мозга, который отвечает за способность помнить, то есть за память. Все его прогнозы точь-в-точь совпадают с моими.

Кендал с облегчением вздохнула. Она намеревалась использовать его амнезию в своих целях, но отнюдь не хотела, чтобы он постоянно страдал расстройством деятельности мозга.

Что же до того, когда к нему вернется память, то ответ на этот вопрос оставался для нее самым важным. Интересно, произойдет ли это прямо сейчас или год спустя? Да и вообще, сколько еще времени в ее распоряжении?

Она понимала, что следует исходить из того, что времени осталось мало, и планировать свои действия соответственно.

Кендал улыбнулась доктору:

– Очень признательна за подробную информацию.

Извините, что отняла ваше драгоценное время и задержала на работе. Вас, видимо, ожидает сегодня что-то важное?

Теперь, когда она узнала все, что хотела, необходимо пе-

реключить его внимание. Лучший способ направить разговор в другое русло – поговорить о его делах. Эту хитроумную тактику она частенько использовала по отношению К присяжным, стремясь отвлечь их от показаний, которые могли навредить ее клиенту.

– Ужин и танцы в Элк Лодже, – растерявшись, ответил тот по-военному коротко.

– Должно быть, это интересно. Ну, не стану вас больше задерживать.

Тотчас попрощавшись, он направился к главному выходу. Как только доктор скрылся с глаз, Кендал спешно скользнула в палату мужа. На пороге она в нерешительности остановилась.

Над кроватью горел ночник, но свет был направлен в потолок, дабы не тревожить пациента. Она никак не могла разобрать, открыты ли его глаза, потому вздрогнула, услышав его голос.

– Я не сплю, – произнес он, – и хотел бы с тобой поговорить.

Глава третья

Новые тапочки громко скрипели по виниловому полу, пока она приближалась к его койке.

Не двинувшись с места, он молча и внимательно наблюдал за ней.

– Я думала, ты спишь, – виновато произнесла она. – Кевин уснул, поэтому я решила воспользоваться свободной минуткой и провести тебя. Говорят, ты немного поел за ужином. Хороший признак, не правда ли? Она развела руки в стороны и выполнила легкий пируэт. – Как тебе мой новый наряд? Симпатичный, так ведь? Последний крик моды.

Он никак не отреагировал на ее игривое настроение, оставаясь безучастным, и она мгновенно сникла. Деланная улыбка тут же слетела с ее губ. Разумеется, ему вовсе, не до веселья, и ей следовало бы об этом помнить. Что сейчас все эти банальности и плоские шуточки? Он все еще мучается от боли и чувствует себя омерзительно из-за собственной беспомощности и абсолютной зависимости от других. Мужчина даже выглядел немного перепуганным: что, если он навсегда утратил память? Опять же, что он там о себе узнает, если ему вдруг все-таки удастся вспомнить?

– Очень сожалею, что так получилось, – вполне искренне произнесла она. – Должно быть, это ужасно – не помнить

кто ты, откуда, что собирался делать, что думаешь и чувствуешь. – Она на секунду перевела дыхание. – Но все будет хорошо. Память к тебе непременно вернется.

Он вдруг обхватил ладонью свой лоб и сжал пальцами виски, словно пытаясь выдавить из себя информацию:

– Я ничего не могу вспомнить. Ничего. – Он бессильно опустил руку и внимательно посмотрел на Кендал. – Где мы точно находимся?

– В небольшом городке под названием Стивенсвилл. В Джорджии.

Он повторил название городка, будто пытаясь извлечь его из памяти:

– Мы живем в Джорджии?

Она покачала головой:

– Нет, мы проезжали через этот штат, направляясь в Южную Каролину.

– Я вел машину, – тихо начал он. – Чтобы избежать столкновения – с упавшим на дорогу деревом, я, вероятно, слишком резко нажал на тормоза. Дорога оказалась очень скользкой. Машину мгновенно занесло и выбросило в овраг. Затем машина столкнулась с деревом и ее подхватило потоком воды.

У Кендал пересохло во рту.

– Так ты все это помнишь? – ужаснулась она.

– Нет, не помню. Об этом мне сегодня поведал шериф.

– Шериф?

В этом внезапно вырвавшемся возгласе чувствовались неподдельная тревога и смятение. Он внимательно посмотрел ей в глаза.

– Да, – подтвердил он. – Заместитель шерифа. Пришел рано утром, представился и задал мне несколько вопросов. Но почему?

– Полагаю, он хотел получить ответы.

– Но я же ему все рассказала.

В течение некоторого времени он молча изучающе рассматривал Кендал, а затем добавил:

– Очевидно, решил, что ты солгала.

– Ничего подобного! – чуть не закричала она.

– Господи! – Скорчившись от боли, он снова сжал виски.

Кендал наконец сообразила, в чем дело, и покаянно опустила глаза:

– Извини, я вовсе не хотела так громко. Очень больно? Может, позвать медсестру?

– Нет, не стоит. – Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. – Сейчас все пройдет.

В душе Кендал здорово на себя разозлилась за непростительную ошибку. Надо сдерживать свои эмоции! Взяв со столика стакан, она наполнила его свежей водой из запотевшего пластикового графина. Затем просунула руку под подушку и осторожно приподняла его голову. Потом поднесла стакан к губам, и он несколько раз отхлебнул через гибкую трубочку.

– Хватит? – уточнила она, когда он вновь откинулся на

подушку.

Мужчина молча кивнул. Она снова аккуратно поправила подушку и поставила стакан на место.

– Спасибо. – Он тяжело вздохнул. – Я с ума схожу от этой головной боли.

Еще пара дней – и тебе станет лучше. – Да, – не слишком уверенно согласился он.

– Понимаю, тебе очень больно, – продолжала она, – но, слава Богу, нет никаких серьезных повреждений. Наш доктор консультировался с неврологом из Атланты.

– Да, я слышал ваш разговор.

– В таком случае, – тут же нашлась она, – ты должен чувствовать себя увереннее. Память может вернуться к тебе в любой момент.

– Или спустя какое-то время, – договорил он. – Что для тебя является более предпочтительным.

Явно застигнутая врасплох, она на мгновение застыла, пытаясь сообразить, как следует отреагировать:

– Не знаю... Не понимаю, о чем ты?

– Но ты же действительно хочешь, чтобы я обрел память позже?

– Зачем бы мне это?

– Не имею ни малейшего понятия.

Кендал решила, что в данной ситуации лучше промолчать.

Через минуту он кивнул головой в сторону коридора, где

ранее она беседовала с доктором:

– Ты изучила массу литературы, стараясь узнать как можно больше об амнезии. Похоже, ты хочешь использовать открывающиеся возможности на полную катушку. Меня так и подмывает узнать, что тебе это даст и зачем.

– Я просто-напросто хотела выяснить, что тебя, вернее нас, ожидает. Разве это не естественное желание?

– Не знаю, возможно.

– По-моему, вполне естественное, – с нажимом сказала она. – Всегда стараюсь хорошенько разобраться, где я в данный момент. Постоянно готовлюсь к самому худшему, чтобы не сильно расстраиваться, когда это худшее произойдет. Видимо, потому что я рано осталась сиротой. И никогда не могла избавиться от страха всяческих неожиданностей.

Она внезапно умолкла, осознав, что, рассказывая о себе, зашла слишком далеко.

– Почему ты остановилась? – удивленно спросил он. – Я только-только заинтересовался.

– Не стоит обременять тебя излишними подробностями. – Она еле слышно усмехнулась, в душе надеясь, что он воспримет это как шутку и как завершение беседы. – Как нога? Все еще болит? – участливо справилась она.

– Да, но не слишком. Просто чертовски ноет. Раны и ссадины болят куда сильнее.

Кендал бросила взгляд на его правую руку, без движения вытянутую вдоль тела. От кисти до бицепсов рука побурела

от одной огромной ссадины, отдельные же синяки скрывал широкий рукав больничной пижамы.

– Да, здорово тебе досталось, – посочувствовала она и осторожно погладила ушиб. Затем дотронулась до плеча. От этого прикосновения все в ней вдруг как-то неожиданно всколыхнулось. Внезапно она почувствовала на себе его пристальный взгляд. Он прямо-таки ел глазами обручальное кольцо, сверкавшее на среднем пальце левой руки. Кендал, смутившись, невероятно остро почувствовала жар его тела, передававшийся ей через кончики пальцев. Да, не стоит, пожалуй, к нему прикасаться, подумала она. Не стоит упражнять чувственность. Но тем не менее не смогла заставить себя от него оторваться.

Он медленно повернул голову и поднял глаза. В мертвой тишине безмолвно и тщательно изучал черты ее лица. Ей казалось, что прошла уже целая вечность, но тоже не проронила ни слова, и наконец, скользнув взглядом по волнистым локонам, он засмотрелся на ее плечо.

– Ну а теперь хоть что-нибудь подсказывает тебе, что это – я? – спросила женщина, чувствуя, как перехватывает ее дыхание.

Их глаза снова на мгновение встретились. Интересно, подумала она, помнит ли он, что у нее серые глаза необычного оттенка, который всегда привлекал большинство, и лишь лживые свидетели на суде находили его обезоруживающим. Теперь он не отводил взора от ее губ, и она почувствовала

себя летящей вниз на скоростном лифте. Да что там лифт! Она вдруг застыдилась так, словно ее застали за делом, вызывающим всеобщее осуждение.

Она тотчас попыталась отдернуть руку, но он мгновенно схватил и крепко сжал ее пальцы. Затем с любопытством повернул тонкое золотое кольцо на среднем пальце:

– Не очень-то изящное обручальное кольцо.

Иначе и быть не могло: ведь она купила его сегодня в Уолл-Марте.

– Напрасно ты так: это именно то, что я хотела.

– Неужто я не мог позволить себе купить нечто более изысканное? – удивился он.

– Деньги здесь никакой роли не играли, – глубокомысленно изрекла она.

Он продолжал играть ее кольцом: – я не помню, как; надевал его на твой палец. – Он метнул на нее быстрый взгляд. – И тебя не помню. Ты уверена, что мы женаты?

В ответ она громко рассмеялась, но смех прозвучал как-то фальшиво и беспомощно.

– Ну, уж в этом-то я никакие могу ошибиться.

– Конечно, – без промедления согласился он, – но где гарантия, что ты мне не солгала.

Сердце ее внезапно ушло в пятки. Даже страдая амнезией, он не утратил способности читать ее мысли.

– Зачем бы мне лгать тебе?

– Не знаю. И в самом деле, зачем?

– Презабавно, – заключила Кендал, вновь попытавшись освободиться. Но он удерживал ее с невероятной силой.

– У меня отвратительное самочувствие в связи со всем происходящим.

– А что такое происходит?

– Ты. Ребенок. Да все вообще. – Он распялся все сильнее и сильнее.

– Почему ты мне не веришь? – Конечно же, она отдавала себе отчет, что разговор при обретает нежелательную для нее окраску.

– Потому что не могу тебя вспомнить.

– Но это же касается не только меня, а вообще всего на свете!

– Кое-что невозможно забыть, – произнес он менторским тоном, причем весьма желчно. – И я полностью удостоверюсь в том, что ты моя жена, только переспав с тобой.

Неожиданно в глаза им ударил верхний свет.

– Что здесь происходит? – строго спросила вошедшая медсестра.

– Выключите скорее! Проклятие! – заорал он, вне себя от боли, прикрыв глаза рукой.

– Немедленно выключите, – приказным тоном повторила Кендал. – Разве вы не видите, что яркий свет резко бьет по глазам, усиливая тем самым головную боль?

Медсестра молча подчинилась. Повисла неловкая тишина. В голове Кендал все еще отдавались его последние слова.

Наконец, она повернулась к сестре, не желая встречаться с ним взглядом:

– Извините, что накричала на вас, да к тому же еще расстроила пациента. Его амнезия вызывает у нас обоих совершенно ненужное напряжение.

– В таком случае, – обиженно произнесла медсестра, – я посоветовала бы вам оставить его в покое. Хотя бы на одну ночь. Доктор просил передать, чтобы вы не пытались форсировать события, заставляя его что-либо вспомнить. – Нахохлившись, она неловко размахивала подносом с целым набором шприцев. – Ему предписан укол на ночь.

Медсестра повернулась к нему спиной, и Кендал мягко улыбнулась:

– Чем больше ты будешь принуждать себя, тем сильнее будет противиться твоя память. Спокойной ночи. Я приду завтра утром.

Она едва тронула его плечо, мгновенно повернулась и покинула палату, прежде чем он успел заметить ложь в серых глазах.

Прошло долгих три часа, прежде чем она приступила к действиям. В своей детской кроватке, свернувшись калачиком, безмятежно посапывал Кевин. При этом он периодически умилительно причмокивал, как любой другой ребенок такого возраста.

Кендая внимательно прислушивалась ко всем шорохам и

звукам.

Слишком возбужденная, чтобы уснуть или хотя бы прикорнуть на больничной койке, она боялась упустить свой шанс, поддавшись физической усталости и смежив веки.

Кендал вымученно посмотрела на часы. Без четверти час. Еще пятнадцать минут, решила она. Дело даже не в том, чтобы привязываться к определенному сроку. Просто ей хотелось уехать отсюда затемно и подальше. Причем чем дальше, тем лучше.

Женщина на цыпочках подошла к окну, и осторожно раздвинула шторы. Дождь по-прежнему лил как из ведра. Да, подумала она, нелегко вести машину по мокрой, скользкой дороге, но, с другой стороны, с плохой погодой ей просто повезло. Если бы не эта ужасная погода, они никогда не поехали бы окольным путем. А если бы не этот объезд, то не попал и бы в аварию. А если бы не авария, они давно уже были бы в Проспере. Случилось так, что эта непогода сыграла ей на руку. Поэтому, пожалуй, не стоит особо сетовать.

Из окна больницы хорошо просматривалась ее машина на платной стоянке по другую сторону улицы.

– Шины, конечно, не новые. – Продавец для порядка попинал одну из них. – Они уже сделали несколько тысяч миль. Да и сам автомобиль не подарок, но бегаёт очень хорошо.

Времени подыскивать что-либо более подходящее не было. Кроме того, по объявлению в местной газете продавался только эта, одна-единственная машина.

Я заплачу вам тысячу долларов.

– Но объявленная цена – тысяча двести, – попытался торговаться хозяин.

– Тысяча, – упрямо бросила Кендал и, отсчитав десять стодолларовых бумажек, протянула их продавцу.

Он выплюнул в грязь темный комок жевательного табака, задумчиво потоптался на месте, глянул на протянутые деньги и наконец решился:

– Ждите здесь. Я мигом. Принесу документы на машину.

Она возвращалась на машине медсестры, а его попросила следовать за ней до платной стоянки.

– Пока припаркую ее здесь, – пояснила она продавцу, принимая две связки ключей от машины. – Заберем ее позже, вместе с мужем. А вас я незамедлительно отвезу домой на своей «старушке». Извините, что доставила столько хлопот.

Впрочем, ее извинения оказались излишними, ибо он, несомненно, радовался, что выгодно избавился от хлама и тысяча долларов приятно отягощала его карман. Естественно, он хотел знать ее имя, место жительства, род занятий мужа и все такое прочее. Он задал ей целую дюжину вопросов, поэтому Кендал пришлось долго и виртуозно врать.

– Ты прирожденная лгунья, – заметила как-то Рики Сью. – Именно поэтому ты стала прекрасным адвокатом.

Вспомнив свою лучшую подругу, Кендал невольно улыбнулась. Тогда они готовили праздничный обед у бабушки на кухне. Кендал так отчетливо и ясно вдруг представила их ли-

ца и голоса, словно они находились неподалеку, в соседней больничной палате.

Рики Сью, конечно же, подтрунивала, но Кендал восприняла это как настоящий комплимент.

– Ты не очень-то, Рики Сью, – осадила ее бабушка, – подобные слова только раззадоривают ее. Впрочем, чтобы со-
вратить, ей не требуется никаких подбадриваний.

– И вовсе я не лгу! – обиженно запротестовала Кендал.

– А вот это – твоя самая большая ложь, – мгновенно нашлась бабушка, как бы утверждая взмахом огромной деревянной ложки бессмысленность всяческих возражений. – Сколько раз меня вызывали в школу по поводу твоих безумных диких фантазий, которыми ты вдохновенно делилась со своими одноклассниками? Вечно что-нибудь выдумывала, – ворча, пояснила бабушка Рики Сью.

– А вот и нет, – весело рассмеялась Кендал, – я просто приукрашивала правду, чтобы было еще интереснее слушать. Но я бы не стала называть это ложью.

– Я бы тоже не стала, – заключила Рики Сью, как о чем-то само собой разумеющемся. При этом она закинула себе в рот горсть шоколадных конфет. – Обыкновенное вранье – вот как это называется.

От воспоминаний о родных и близких, по которым она невероятно скучала, у Кендал запершило в горле. Нет, все эти сердечные переживания полностью размягчат ее, лишат воли. А ведь ей пора собраться, иначе она потеряет слиш-

ком много времени. Надо непременно успеть до тех пор, пока этот опасный человек не обрел память.

Она еще раз бросила взгляд на циферблат – час ночи. Пора.

Кендал на цыпочках подкралась к двери и осторожно выглянула. В приемном покое дежурили две медсестры. Одна из них с головой ушла в чтение какого-то романа, другая же полностью отдалась телефонным сплетням.

Еще днем Кендал незаметно перенесла все свои вещи в машину. Теперь оставалось вынести только сына.

Вернувшись к детской кроватке, она бережно просунула руки под маленькое тельце и перевернула ребенка на спину. Он потешно поморщился, но не проснулся, даже когда она, взяв его на руки, прижала к своей груди.

– Ты же хороший мальчик, – ласково зашептала женщина ему на ухо. – Ты же знаешь, что мама тебя любит. И сделает все возможное, абсолютно все, чтобы никому не дать тебя в обиду.

Она тихонько вышла из палаты. После нескольких часов в темноте в коридоре ей показалось слишком светло. Она выждала пару секунд, чтобы привыкнуть, затем украдкой, по стенке стала продвигаться вперед.

Только бы удалось пробраться незамеченной, только бы удалось! Невероятно сложно, ей ведь нужно преодолеть примерно тридцать футов! Она даже приготовила объяснение на случай, если кто-то из медсестер ее заметит. Просто скажет,

что Кевин слишком раскапризничался, видимо, скопились газы, И она решила с ним немного прогуляться.

Они, конечно, наверняка поверят, но весь план пойдет насмарку. И придется перенести все на следующую ночь. Промедление смерти подобно. Завтра может быть слишком поздно. Надо исчезнуть из больницы сегодня же.

Кендал сконцентрировалась на том, чтобы продвигаться как можно тише и как можно быстрее. Она не спускала глаз с медсестер, постоянно прикидывая расстояние до угла. Сколько еще осталось? Десять футов? Пятнадцать?

Кевин громко пукнул.

Кендал показалось, что гроыхнул пущечный выстрел. Она застыла как вкопанная. Сердце ее бешено колотилось, гулко отдаваясь в висках каждым ударом. Впрочем, кажется, никто ничего не расслышал. Одна из медсестер по-прежнему не отрывалась от книги, другая же с наслаждением чирикала по телефону:

– И тогда говорю ему: если ты болтаешься где-то по ночам каждую неделю, то не все ль тебе равно, что я иногда бегаю на ночные дежурства? На что он мне отвечает: это совсем другое дело. А я ему возьми да скажи: ты совершенно прав. За твои ночные похождения тебе никто не платит.

Кендал и в голову не пришло задержаться, чтобы услышать, чем же закончилась семейная ссора. Добравшись до угла, она тотчас поспешила в другое помещение. Слава Богу, все получилось. Она прислонилась к стене, закрыла гла-

за, глубоко вздохнула и сосчитала до тридцати. Убедившись в том, что ничего не изменилось, она вновь открыла глаза.

Он в это время уже не спал.

Глава четвертая

Он зажал ее рот рукой.

Но в этом не было никакой необходимости. Слишком ошеломленная, чтобы закричать, она не сделала бы этого и в любом другом случае. В ту ужасную ночь своего бегства из Проспера, ей пришлось одолеть препятствия пострашнее. И все равно она даже не пикнула.

Но сейчас она вздрогнула. Он словно прошел сквозь стену. Как? Как удалось ему подобраться совершенно незамеченным?

В его положении это казалось невероятным. Он грузно опирался на костыли. Искаженное гримасой боли лицо с совершенно бескровными губами вряд ли оставило бы кого-либо безучастным.

Однако глаза его горели решимостью без малейшего намека на какое-либо подобие слабости. Он смотрел по-прежнему глубоко и пронизательно. Кендал стояла ни жива ни мертва, душа ее ушла в пятки.

Она резко помотала головой, давая понять, что не издаст ни единого звука, который бы их выдал. Он медленно отнял руку.

Медсестра, висевшая на телефоне, все еще жаловалась кому-то на свои семейные проблемы. А ее напарница по-прежнему безмятежно предавалась чтению. Медсестры даже ни-

чего не заподозрили, позволив одному из пациентов ускользнуть у них прямо перед носом.

Правая штанина зеленых больничных брюк была разрезана, чтобы облегчить передвижение. Прореха оказалась настолько большой, что, похоже, он мог целиком там уместиться. Он осунулся и едва держался на ногах, временами его перекашивало от нечеловеческой боли, но волевой подбородок и крепко сжатый рот говорили сами за себя. Не оставалось сомнений, что он собрал все свои силы, чтобы подняться с постели и одеться.

Кендал жестом позвала за собой, к его комнате. Он недоверчиво ухмыльнулся, но не сделал и попытки остановить ее, когда она на цыпочках двинулась по коридору. Как и предсказывал доктор, он неплохо управлялся с костылями. Резиновые наконечники делали передвижение практически бесшумным.

Миновав его палату, они направились дальше, к запасному выходу. Красная надпись гласила, что эта дверь предназначена для использования только в чрезвычайных обстоятельствах, кроме того, подключена к сигнализации.

Кендал, не теряя ни секунды, приблизилась к двери.

Он мгновенно среагировал и преградил ей путь костылем. Она нахмурилась, пытаясь объяснить.

– Все в порядке. Можешь поверить.

– Не пойдет, – одним, глазами ответил он.

Ей стоило немалых усилий с помощью мимики и жестов

убедить его наконец, что дверь разблокирована и сигнализация не сработает. Он внимательно и подозрительно смерил ее взглядом и молча опустил костыль.

Женщина осторожно подняла задвижку. Она поддалась, едва слышно лязгнув металлом о металл. Сигнализация не сработала. Наклонившись, Кендал приоткрыла дверь.

Затем вышла во двор. Ночную тишину нарушал только шум проливного дождя. Целые потоки воды падали с небес в огромные лужи на зеленом газоне больничного двора и на бетонированную дорожку, что вела на улицу.

Кендал открыла дверь пошире, помогая ему протиснуться, и держала ее до тех пор, пока не щелкнул внутренний замок.

Только сейчас она шепотом обратилась к нему:

– Ты же насквозь промокнешь.

– Ничего, – ответил он одними губами, – Не растаю. Почему бы тебе не подождать, пока я...

– Ни за что на свете.

– Неужели ты до сих пор думаешь, что я могу оставить тебя здесь?

Он печально поднял на нее глаза.

– Оставь, ладно? Пошли.

– Ну хорошо, – согласилась она, – давай сюда.

– Знаю. Я видел припаркованную тобой машину цвета морской волны. – Опустив плечи, он поковылял по дорожке, не обращая никакого внимания на дождь. Кендал, покреп-

че прижав к груди Кевина, накрыв его лицо уголком одеяла, последовала за мужчиной. Когда они добрались до машины, он уже весь дрожал от холода, боли и слабости. Кендал поспешно отперла дверцу для пассажира, и только после этого ринулась к дверце водителя. В Уолл-Марте она предусмотрительно запаслась детским сиденьем и теперь, устроив Кевина поудобнее, заменила мокрое фланелевое одеяло сухим. Ребенок несколько раз причмокнул, но не проснулся. Ладно, кормить его еще нескоро: пару часов спустя. Неплохо продумано, да к тому же увязано с периодом кормления. Она пристегнула ремень безопасности, взялась за руль и повернула ключ зажигания. Двигатель завелся моментально.

– Поздравляю с удачной покупкой, – чуть заметно улыбнулся он и тут же добавил, встретив ее удивленный взгляд: – Я видел тебя из окна палаты. А тот мужик, что приехал вслед за тобой? Это твой друг?

– Что ты, я его не знаю. Просто продавец машины.

– Так я и думал, – удовлетворенно произнес он. – А откуда ты узнала, что сигнализация на запасном выходе отключена?

– Кто-то из медперсонала вышел утром через эту дверь. А около полудня я проверила еще раз на всякий случай. Сигнализация то ли отключена, то ли испортилась.

– В противном случае ты ведь уже заранее была готова объяснить свой поступок, не правда ли? Разве ты не из тех, кто всегда настроен на худшее?

– Нечего на меня злиться.

– Почему бы и нет? С чего бы это мне любезничать с той, которая утверждает, что она моя жена и почти сразу жаждет бросить на произвол судьбы.

– Я не хотела тебя оставлять. Я как раз шла к твоей комнате, когда...

– Послушай. – Он резко перебил Кендал жестким, сухим и немного хрипловатым голосом. – Ты намереваешься удрать посреди ночи, не имея ни малейшего желания прихватить меня с собой. Ты прекрасно это знаешь.

Для меня тоже не секрет. – Он перевел дыхание. – Моя голова просто раскалывается на части, я физически не в состоянии спорить, поэтому давай...

Он вдруг стал хватать ртом воздух, обессилев от столь продолжительной речи. Жестом слабеющей руки он просил ее быть повнимательнее на дороге.

– Тебе не холодно? – участливо поинтересовалась она.

– Нет.

– Ты же промок до нитки!

– Но мне не холодно.

– Что ж, тем лучше.

В Стивенсвилле не было обычного для таких городов торгового центра, хотя на перекрестке главных улиц сосредоточились несколько мелких предприятий и частный банк. Света нигде не видно, за исключением офиса шерифа. Чтобы не проезжать мимо, она свернула на боковую улицу за квартал до него.

– Ты знаешь, куда едешь? – похоже, он искренне удивился.

– Почему бы тебе не попробовать заснуть?

– И не собираюсь, поскольку не доверяю тебе, упрямо возразил он. – Стоит только уснуть, как ты вытолкнешь меня из машины на следующем перекрестке.

– Пожелай я от тебя избавиться, ни за что бы не вытаскивала из разбитой машины. Оставила бы тебя там и тони ты вместе с ней, что мне за дело!

Он замолчал и на протяжении нескольких миль не проронил ни слова. Кендал уже было подумала, что, последовав ее совету, он, вздремнул, но повернувшись на мгновение, неожиданно встретилась с ним взглядом. Он пристально смотрел на нее; словно снайпер на цель на прицеле.

– Значит, ты вытащила меня из разбитой машины?

– Да.

– Почему?

Она ехидно хихикнула:

– Ну, просто проявила гуманность.

– Почему же, избавив от смерти, ты затем намеревалась бросить меня в этой захолустной больнице, притом что я абсолютно беспомощен?

– Не собиралась я тебя бросать, – вновь упрямо повторила она.

– Ложь.

Она устало вздохнула:

– После нашего сегодняшнего разговора стало ясно, что

ты разделяешь мое недоверие к доктору. Поэтому я решила, что лучше нам уехать отсюда и подыскать другую больницу с хорошим оборудованием и хорошими специалистами.

Она немного помолчала, а затем продолжила:

– Я знала, что тебя вряд ли отпустят, но не хотела устраивать скандал. Я просто не могла их обижать, ведь все они с исключительной добротой и заботой отнеслись и ко мне, и к Кевину. Поэтому я решила выкрасть тебя из больницы.

– А если бы они дали мне успокоительное?

– Тем лучше, – весело ответила она. – Ты бы сейчас не спорил со мной. – Она искоса глянула на него.

– Разве тебе не сделали укол после моего ухода?

– Сестра, естественно, пыталась, но я настоял, чтобы вместо укола мне дали таблетку. Разумеется, я и не подумал ее глотать. Не напрасно мой врожденный инстинкт подсказывал, что ты что-то замышляешь. Я решил, что следует быть начеку, дабы не проспать этот момент.

Кендал окинула взглядом его прилипший к телу зеленый больничный костюм:

– Ты украл этот костюм из шкафа?

– Мне кажется, это лучше, чем колесить по всему штату с голой задницей. Мы направляемся в Южную Каролину?

– Нет, в Теннесси.

– Чем объяснить изменение планов? Что хорошего в Теннесси?

– Сказать тебе правду – все равно не поверишь. Лучше немного подожди и увидишь все сам.

– Что мы натворили?

– Извини, не поняла.

– Ведь сейчас мы в бегах, не так ли? Интересно, за какое преступление?

– Что за бред ты несешь, – в сердцах воскликнула она.

– Этот бред стоит много больше, чем тот кусок дерьма, которым ты постоянно пытаешься меня накормить.

– В чем конкретно ты сомневаешься?

– Во всем, от начала до конца. Начать хотя бы с того, что вряд ли мы женаты, и это – наш ребенок. Также не верю и в то, что ты хотела взять меня с собой. Я не верю ни единому твоему слову. Ты постоянно лжешь. Не отрицай и не спрашивай, откуда я знаю. Знаю и все.

Ты прекрасно представляла на что идешь.

– Ничего подобного.

Кендал выпалила это на одном дыхании, подстегиваемая какой-то внутренней потребностью оправдаться перед собой. Безоговорочно доверяя своей интуиции и умозаключениям, он по-прежнему оставался трезвомыслящим и проницательным. До сих пор никому еще не удавалось видеть ее насквозь, конечно, не считая бабушки. В любом случае она не преминула бы восхититься таким даром, но сейчас была насмерть перепугана.

Ясно, что ей по-прежнему придется терпеливо играть

свою роль – самую трудную во всей этой драме, – роль по настоящему любящей жены, бесконечно преданной собственному мужу, не вызывая у него при этом очередных подозрений. В конце концов все это временно. Еще какое-то время ей, несомненно, удастся водить его за нос.

Они ехали молча. Лишь гипнотический Шелест шин, скользящих по мокрому асфальту, да ритмичное тиканье «дворников» нарушали тревожную тишину.

Кендал с завистью посмотрела на безмятежно спящего Кевина, совершенно свободного от всякой ответственности, да и представления, об этом не имеющего. Многим она бы сейчас пожертвовала, лишь бы на мгновение забыться и чуточку вздремнуть. Но нечего даже и мечтать об этом. Кендал не успокоится до тех пор, пока не оставит далеко позади этот заштатный Стивенсвилл с его занудливым шерифом.

Собрав в кулак всю свою волю, она с новой силой вцепилась в руль и решительно газанула, неумолимо развивая скорость до предельно безопасной.

Он ощущал себя безжалостно вышвырнутым в крошечную тьму бесконечного туннеля с мчащимся прямо на него поездом. Он не видел его и не мог убежать. Единственное, что ему оставалось, это беспомощно, сжавшись в комок, ждать самого худшего. Причем самым невыносимым оказалось само это ожидание. Нужно обязательно справиться с этим страхом, непременно одолеть его, иначе от нескончае-

мого гула в голове просто глаза из орбит вылезут! Все его тело ныло от боли и неудобств. Подогнутые под себя ноги затекли настолько, что он уже не чувал их. Он даже не пытался сменить позу и выпрямить ноги, поскольку ясно осознавал абсурд своего желания. Он отсидел себе задницу; со сна на твердом сиденье с неестественно выгнутой шеей дико ломило спину. Все еще в мокрой одежде, голодный И в довершение всего мучимый малой нуждой, он чувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

Но, пожалуй, самое важное заключалось в том, что ему приснился сон.

Кошмарный сон. Он никак не мог избавиться от душевнораздирающего крика младенца. Крик этот все приближался и приближался, становился громче и отчетливее... В конце концов он проснулся. Сейчас он стремился полностью отстраниться, забыть эти жуткие вопли, но сознание почему-то всячески противилось. Как бы ни был ужасен этот сон, он все же предпочитал его не менее страшному пробуждению.

Почему?

Потом он вспомнил.

Он вспомнил, что ничего не помнит.

У него амнезия, которая, должно быть, вызвана как-то подсознательно. Даже этот умник со стетоскопом раскусил глубинную причину заболевания, его психологическую подоплеку.

Мысль о том, что он сам виноват в своем недуге, расстро-

ила и здорово разозлила его. Наверняка ему удалось бы что-нибудь вспомнить, если бы он постарался как следует.

Он попытался заглянуть в самые темные уголки своего сознания и обнаружить там хоть какие-то проблески, натолкнуться на мельчайшие крохи, уловить слабый намек. Должен же он узнать – хотя бы немного – о себе.

Но его встретила абсолютная пустота. Ни проблеска, ни намека. Вся его жизнь до того самого момента, как он непонятным образом очнулся в больнице, была напрочь вычеркнута и зияла словно черная дыра.

Он осторожно открыл глаза, чтобы на некоторое время передохнуть от тех назойливых вопросов, что преследовали его. Уже занималось утро, но солнечные лучи никак не могли пробить плотную завесу темных туч. Капли дождя беспорядочно стучали по ветровому стеклу и непрерывными струйками стекали на капот.

Прислонившись головой к стеклу, он остро почувствовал освежающую прохладу. Нехотя шевельнулся и оторвался от стекла. Голова раскалывалась не так сильно, как вчера вечером, но боль тем не менее не отступала.

– Доброе утро.

Он повернулся на ее голос.

Увиденное заставило его вздрогнуть, напугав и, без того вконец перепуганного.

Глава пятая

Она кормила ребенка грудью.

Как можно сильнее откинувшись на сиденье с головой, превратившейся в бесформенный рыжий ком спутанных волос, она выглядела такой умиротворенной, несмотря на свою растрепанную прическу и темные круги под глазами, что казалась ему восхитительно прекрасной.

Женщина вновь пожелала ему доброго утра. Он что-то буркнул в ответ, стараясь поскорее отвести взгляд, и в то же самое время не в силах оторваться от нее.

Кендал отнюдь не стремилась выставлять себя напоказ, более того, стыдливо прикрыла обнаженное плечо уголком одеяла. Он не только не видел ее грудь, не видел даже и ребенка. Лишь легкий трепет одеяла свидетельствовал о его существовании. Тем не менее, несмотря на всю эту недосказанность, она в ту минуту казалась ему воплощением материнской добродетели.

Отчего же его прошиб холодный пот? Что, черт возьми, с ним происходит?

Его вдруг затошнило. Учащенно забилося сердце, словно в приступе клаустрофобии. Казалось, он разучился дышать, и очередная попытка вдохнуть может оказаться последней.

Запутавшись в своих ощущениях, он стремился как можно быстрее выбраться из машины и бежать, бежать, бежать...

Куда глаза глядя. Но аура спокойствия и некой одухотворенности вокруг нее не отпускала его, притягивая как магнитом. Подобного он никогда ранее не испытывал. Незнакомое выражение неземного блаженства на ее лице не оставило его равнодушным. Он глядел во все глаза.

А может, вдруг досадливо подумал мужчина, все объясняется гораздо проще – похотью и только. Почему бы сексуальным притязаниям не воплотиться таким вот причудливым образом в облике кормящей матери?

Он закрыл глаза, словно стараясь отогнать видение, и сильно потер переносицу. Так сильно, что на глазах даже выступили слезы. А может, он вовсе не выжил в этой катастрофе, промелькнула в голове безумная мысль. Может, давно уже умер, а больница на самом деле рыла его чистилищем, промежуточной станцией на пути в небытие.

Потому что увиденное стало сущим адом.

– Как ты себя чувствуешь?

Он сглотнул подкативший вдруг к горлу горький комок:

– В десять раз хуже, чем все беды истории вместе взятые.

– Очень жаль, – опечалилась она. – Я не хотела тебя будить. Я всего лишь поменяла ему пеленки.

– Кстати, о пеленках...

– Вон там.

Он глянул в ту сторону, куда она кивнула, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь запотевшее от дождя стекло. Они остановились возле какого-то придорожного парка. Побли-

зости – ни души. На поросшей густым кустарником площадке для пикника, ржавели огромные мусорные баки, доверху забитые отбросами. Казалось, давненько уже сюда не ступала нога человека.

– Боюсь, туалет здесь малость грязноват, – предупредила она. – Во всяком случае, женский. Ненавижу подобные туалеты, просто выбирать не приходится.

– Мне тоже ничего другого не остается. – Он взялся за ручку. – Ты не уедешь, если я выйду из машины?

Она проигнорировала его язвительное замечание и невозмутимо заметила:

– Подожди, сейчас я закончу кормить Кевина и помогу тебе выбраться.

В этот момент из-под одеяла высунулся крохотный кулачок и уцепился за край ее блузки. Маленькие пальчики потешно сжимались и разжимались в такт посасыванию довольного хозяина.

– Благодарю, не стоит, – угрюмо буркнул он. – Я в состоянии справиться сам.

До небольшого бетонного сооружения было рукой подать. Через несколько минут он уже склонился над раковиной, из крана которой капала ржавая вода. Не спеша умыться, ничуть не огорчившись отсутствию полотенца. Все равно на улице дождь. Слава Богу, что в туалете нет зеркала. Он, должно быть, выглядит как бродяга, случайно уцелевший после долгой и изнурительной войны.

Мужчина вернулся к машине, ребенок уже радостно попискивал на своем детском стульчике.

– Примерно в пяти милях отсюда есть городок, как бы невзначай бросила она, заводя двигатель. – Я подумала, что кофе нам бы сейчас не помешал. А потом позвоним местному невропатологу.

Прогулявшись до туалета и обратно, он убедился, что еще очень слаб. По пути его бросало то в жар, то в холод.

– И правда, кофе был бы очень кстати. – Он изо всех сил старался держаться как ни в чем не бывало. – Но я не собираюсь ни к какому доктору.

Она с удивлением вытаращилась на него своими огромными серыми глазами с этакой туманной поволокой. В этом тумане, подумал он, недолго и заплутать, совсем потерять голову.

– Не вижу необходимости обращаться к доктору, – упрямо повторил он.

– Ты что, с ума сошел? Ты же в ужасном состоянии!

– У меня сотрясение мозга. Несколько дней полного покоя – и все пройдет. Нога пойдет на поправку только со временем. Поэтому ни к чему снова искать какого-то доктора, чтобы за бешеные деньги услышать ту же старую песню.

– Ты же постоянно мучаешься от боли. По крайней мере, мы получим рецепт обезболивающих.

– Я приму аспирин.

– А как же твоя амнезия? Тебе просто необходима кон-

сультация специалиста.

– А пока я консультируюсь, ты наконец-то спокойно сможешь.

– Не сбегу, не бойся.

– Послушай, мне не известно, кто ты и что намерена делать, но пока я все до конца не выясню, глаз с тебя не спущу. Возьму и напрочь лишу возможности оставить меня. – Он кивнул на руль. – Поехали, я просто умираю без кофе.

Городок, вернее небольшой фермерский поселок, оказался чуть ли не точной копией Стивеновилла. Свернув на главную улицу, она сбросила скорость.

– Останови здесь, – попросил он, заметив кафе, притулившееся между магазином и зданием почты. Стоянка отнюдь не пустовала, хотя время припаркованных машин, согласно счетчикам, давно уже истекло. Наверное, это было излюбленное место встреч горожан, раз уж даже в такое дождливое воскресное утро кому-то захотелось поболтать.

– Ты голоден? – поинтересовалась она.

– Да.

– Я захвачу что-нибудь, чтобы тебе не вылезать из машины, – добавила она. – Присмотри за ребенком.

Ребенок. Он бросил быстрый взгляд на заднее сиденье. Тот безмятежно спал, как всегда причмокивая и посапывая. Пока он спит, все идет как надо.

А что делать, если он неожиданно проснется? Что, если он проснется прямо сейчас, заорет, что есть мочи? При од-

ной только мысли об этом внутри у него все оборвал ось и похолодело.

Мужчина так и не успокоился до тех пор, пока она наконец не появилась в дверях с двумя чашками кофе и белым бумажным пакетом в руках. Он осторожно снял крышечку и с наслаждением потянул носом. Аромат свежезаваренного кофе мгновенно распространился по сему салону.

– Ах, – мечтательно произнес он, и вдруг поморщившись, с недоумением поднял на нее взгляд. – Почему ты не положила сахар?

Кендал глубоко вздохнула и на секунду замерла. Наконец с облегчением вздохнув, нахмурилась и осуждающе покачала головой:

– С каких это пор ты пьешь кофе с сахаром?

Он сделал еще глоток, ни на секунду не сводя с нее глаз. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что он всегда предпочитал несладкий черный кофе. На сей раз просчитался, она оказалась слишком умной, чтобы попасть в западню.

– Как ты хороша, – вдруг воскликнул он с нескрываемым восхищением. – Просто чертовски хороша!

– Не пойму, о чем ты.

Он в смущении склонился над бумажным пакетом:

– Что тут у нас на завтрак?

Отделяя друг от друга пирожные и сэндвичи с сосисками, он вдруг краем глаза заметил, что Кендал придвинула к нему свой сэндвич.

– Ты что, начинила эту сосиску ядом?

Оставь, пожалуйста, – простонала она.

– Почему же ты не ешь?

– Да так, – не зная, что бы такое придумать, она откусила кусок бисквитного пирожного. И наконец выдавила:

– Я больше не ем мяса.

– Ах, больше не ешь? – переспросил он. – Значит, когда-то ты ела. Ну и почему же ты отложила свинину?

– Слушай, разве нет более серьезных тем для разговора? – Она слизнула остатки крема с пальцев. – Подумай как следует и позволь отвезти тебя к доктору.

– Нет, и еще раз нет. – Он приготовился настойчиво отвергать все уговоры, заметив, что она настроена решительно. – Все, что мне нужно, это сухая одежда и таблетка аспирина.

– Ладно, идет. – Она неожиданно сдалась без боя. – В конце концов, это же твоя голова.

Еще я хочу знать свое имя.

– Что? – Она в ужасе уставилась на него своими не мигающими глазами и застыла как вкопанная.

– В больнице все нарочно избегали обращаться ко мне по имени, – пояснил он. – Даже заместитель шерифа, когда допрашивал меня.

– А-а, это по приказу доктора. Он не хотел усугублять твое и без того подавленное состояние.

– Как меня зовут?

– Джон.

– Джон, – повторил он, словно примеряя к себе это имя.

Оно не вызывало никаких отрицательных эмоций, и в то же самое время, воспринималось без особого восторга. – А тебя как?

– Кендал.

Эти имена ничего ему не говорили. Так, пустой звук.

Ноль. Он подозрительно посмотрел на женщину.

– Вспомнил теперь? – спросила она чересчур невинно.

– Нет, ровным счетом ничего не вспомнил. Но я почти уверен, что ты лжешь.

Даже не удостоив его взглядом, она молча завела машину.

Еще через час они добрались до другого городка, где отыскали магазин, работающий в воскресенье.

– Диктуй, что тебе нужно. – Она, припарковав машину, вытащила ручку.

– И что-нибудь из одежды, – добавил он, когда Кендал составила список.

Что-нибудь особенное?

– Да нет, все равно что. Не забудь газету, пожалуйста.

– Газету? – Она на секунду задумалась, затем кивнула и открыла дверцу. – Придется подождать. У меня ведь тоже целый список.

– А чем ты собираешься расплачиваться? – любопытно спросил он, пока она выбиралась из машины.

– Наличными.

– Откуда бы им взяться?

– Я их заработала, – коротко отрезала, она, хлопнув дверцей.

Он схватил ее за руку:

– Подожди, я скажу свои размеры.

Она перегнулась через сиденье и похлопала его по коленям.

От этого естественного и очень знакомого жеста его словно током ударило.

Кто эта женщина, снова и снова думал он, наблюдая, как она распахивает дверь магазина. И в каких мы отношениях, в тысячный раз задавался он одним и тем же вопросом.

Минут пять спустя малыш на заднем сиденье принялся хныкать. Поначалу он старался не Обращать на него внимания, но плач усилился и пришлось повернуться. Похоже, у того нет абсолютно никаких причин для беспокойства, по крайней мере, так казалось взрослому.

Он попытался успокоить ребенка незамысловатой мелодией, но куда там! Мальчик орал все сильнее и сильнее, вскоре его крик стал просто невыносимым. Джон мгновенно вспотел, но, не смея шевельнуться, сидел обливаясь потом, так и не рискнув открыть окно, чтобы не привлечь внимание к машине детским плачем.

– Господи! Куда же она запропастилась? Неужели все еще что-то покупает?

Она почти сразу же услышала плач малыша и тотчас же

бросилась к двери, чуть было не сорвав ее с петель.

– Что с Кевином? В чем дело?

Кендал побросала все пакеты с покупками и подхватила ребенка на руки. Пару секунд спустя тот уже мирно посапывал, прикорнув у нее на груди.

– Ты что, не мог ничего сделать? – Она принялась сурово отчитывать Джона. – Почему ты позволил ему так расплакаться? – я и в самом деле не знал, что предпринять, – еле слышно оправдывался он. – Я не умею обращаться с детьми.

– Но надо же когда-нибудь учиться, нет? – Она еще крепче прижала к себе малыша и стала покачивать его, тихонько похлопывая по попке. – Ну ладно, ладно, мой маленький. Ничего страшного. Мама с тобой. – Она перехватила его в левую руку, прижала к левой груди и приподняла край блузки.

Он заметил полную белую грудь и набрякший розовый сосок, прежде чем тот исчез во рту ребенка.

Да, несомненно, так оно и было, но не имел ни малейшего понятия, что именно его смущало. Джон тотчас отвернулся и уставился в окно. Если, согласно ее словам, она действительно его жена, то почему он испытывает какое-то странное волнение вперемежку с ощущением собственной вины, когда смотрит на ее грудь? Раз она мать его ребенка, его сына, то как же тогда объяснить, что от одной лишь мысли о материнстве начинает подташнивать?

Господи! Кто он? Что за человек?

Все эти кошмарные вопросы никак не давали ему покоя, настигая его снова и снова. У него опять разболелась голова. Он закрыл глаза и постарался абстрагироваться от сильнейших раздражителей на другом сиденье машины.

Глава шестая

Машина уже всюду неслась по шоссе, а он все еще притворялся спящим.

Кендал внимательно следила за дорогой и даже не подумала окликнуть его перед очередной остановкой. Пока она заправляла бензобак, Джон прошмыгнул в туалет. На сей раз он увидел себя в зеркале и ужаснулся – болезнь сыграла с ним злую шутку, и теперь лицо его смахивало на устрашающую маску с праздника Хеллоуин. Даже побрившись, он вряд ли стал привлекательнее. К тому же он по-прежнему боялся, что, воспользовавшись его длительным отсутствием, она попытается сбежать. Выйдя из туалета, он увидел ее в окружении трех агрессивно настроенных подростков. Они задержали Кендал у торгового автомата, в руках она держала пакеты с закуской и банки с водой.

– Ничего смешного, ребята, – мягко увещевала она, пытаясь обойти самого высокого.

– А по мне, так очень забавно, – возразил тот. – Ты не находишь, Джо?

– Очень забавно, – подхватил Джо с недоброй ухмылкой.

– Давай поговорим по-дружески, – вмешался наконец третий.

– Ответь хоть, как тебя зовут, блондиночка.

– Ты ведь не местная, правда? – настойчиво приставали

они.

– Нет, не местная, – холодно бросила Кендал. – И, насколько понимаю, мне крупно повезло. А сейчас в стороны, живо, а не то...

– А не то – что? – развязно поинтересовался Джо, чуть ли не касаясь ее своим прыщавым лицом.

– А не то выверну наизнанку все ваши потроха.

Все четверо как по команде повернулись на голос, но больше всех удивилась Кендал.

– Не вздумай. – Она предостерегающим жестом остановила его, не обращая внимания на возбужденных подростков. – Оставь, пожалуйста, я справлюсь сама.

– Конечно, – подхватил один из них. – Она и сама справится с нами. – Он, ничуть не смущаясь, почесал свою промежность. – Бьюсь об заклад, в этом деле она не промах.

Подростки весело загоготали.

– Ты и на ногах-то еле держишься, доходяга, – прыщавый пренебрежительно показал на него пальцем.

– Неужели она занимается этим с тобой? – покатываясь со смеху, уточнил третий.

– И ты собираешься разделаться с нами? Сомневаюсь, чтобы у тебя что-то получилось. – Они заводили его все сильнее.

– Интересно, какой ногой ты намерен нас отметелить? – Джо явно провоцировал соперника.

Их наглый и дружный смех внезапно оборвался, когда он,

неожиданно взмахнув костылем, изо всей силы врезал Джо по ногам. Громко вскрикнув, парень рухнул как подкошенный, визжа и завывая от боли. Остальные растерянно замерли.

– Брысь отсюда, – спокойно и решительно сказал он.

Они молча расступились. Джо, катаясь по полу, дико орал, обхватив руками ушибленную голень. Кендал молча обошла его и направилась к машине.

– Полагаю, – резюмировал он, – вы освоите правила хорошего тона, – и поковылял за Кендал к машине.

Она газанула с места. Он же чувствовал себя теперь намного лучше, убедившись, что вовсе не беспомощен, как ему прежде казалось. Это придало ему уверенности, и он с честью выдержал ее натиск.

– Потрясающе. Просто нет слов. Огромное тебе спасибо. Это именно то, что мне нужно, – рыцарь на костылях, сокрушающий совершенно безобидных ухажеров. Я сама бы справилась с ними. Но нет, куда там! Обязательно надо было сунуться!

– Ты сердишься?

– А ты как думаешь? Какого черта ты вмешался? Почему ты лезешь не в свое дело?

– Ну, когда моя жена подвергается сексуальному насилию со стороны подростков, дело-то как раз мое. Разве не так? – Ее бойцовский порыв слегка поутих. Кроме того, Кендал здорово расстроилась из-за своей невыдержанности. На-

до же было дать волю чувствам!

– Ты же не хочешь скандалить, правда? Потому что не хочешь, чтобы нас узнали, если кто-нибудь нами заинтересуется? Я предусмотрительно захватил вот это. – Он показал ей зеленый больничный костюм. – Думаю, весьма кстати. – Она не клюнула на эту приманку, продолжала молча следить за дорогой. Затем, глубоко вздохнув, резко тряхнула головой:

– Извини. И, большое спасибо, что пришел мне на помощь! Тебе подошла одежда?

– В самый раз, – с готовностью откликнулся он, бросив взгляд на новые шорты и майку. Она и правда знает его размеры, подумал он.

Сквозь густые леса штата они на бешеной скорости мчались по узкому шоссе. Временами затопленные поля и глубокие овраги по сторонам наводили его на мысль об аварии.

Из-за своей амнезии Джон по-прежнему пребывал в полном неведении, черпал информацию только со слов Кендал. Она могла говорить все что угодно, вынуждая принимать это за чистую монету, ибо он был не в состоянии ничего оспорить, не имея абсолютно никакой возможности выяснить реальную картину происходящего.

– Ты не купила мне газету, – заметил он обиженно. – Это что, простая забывчивость?

– Нет, – ответила она. – Газет не было. Я обошла несколько прилавков, уже все распродали.

С одной стороны, подумал он, возможно, она не лжет.

На заправочной станции он ведь и вправду обнаружил, что газеты проданы. Он-то надеялся, что газетный заголовок или какая-нибудь заметка помогут воскресить ему память.

С другой стороны, Джон здорово боялся прочитать в газете что-нибудь ужасное. Может, до аварии его вовлекли в какую-либо преступную затею?

Инстинкт подсказывал, что его репутация серьезно подорвана. Но какая именно репутация? Профессиональная? Семейная? Этой вряд ли могло что-либо навредить, ибо он ни секунды не сомневался в том, что на самом деле они не женаты. Он знал, непременно знал, если бы занимался с ней любовью.

Ни один нормальный мужчина никогда бы не забыл такую грудь – полную, налитую, пусть даже это грудь кормящей матери. Да и форма бедер тоже не оставила его равнодушным. Привлекали ее глаза и рыжие растрепанные волосы, которые, похоже, не поддавались укладке.

С первого взгляда ее вряд ли можно было назвать красавицей, но изящно очерченный рот с чувственными, чуть припухшими губами не оставил бы без внимания даже самый искушенный сердцеед.

Позднее, наблюдая за тем, как она украдкой слизывает остатки крема с кончиков восхитительных пальцев, он окончательно уверился в своей правоте. Он еще не настолько болен и вовсе не слеп, чтобы не плениться женской красотой.

Джон реагировал чисто по-мужски, на уровне условных

рефлексов. Любой гетеросексуальный мужчина в подобной ситуации вел бы себя точно так же. Он готов был поклясться, что его отношение к ней никоим образом не основывалось на узнавании или сходстве в кем-либо другим.

Гоня подобные мысли прочь, он включил радио, надеясь отвлечься на какие-нибудь новости.

– Сломано, – тихо пояснила она.

– Зато удобно для тебя, – ехидно заметил он. – Как долго нам еще ехать. И вообще, куда мы, черт возьми, едем? И ни слова про Теннесси.

– Мы едем в дом моей бабушки, – просто ответила она.

– Дом бабушки, – словно не понимая, повторил он.

– Совершенно верно.

– Твоей бабушки или моей? У меня есть бабушка?

За годы жизни у него уже выработался определенный стереотип – седые волосы, стянутые в аккуратный пучок, беззащитная улыбка и готовность проследить за тем, чтобы пиджак был застегнут на все пуговицы даже в тридцатиградусную жару. Это доброе создание всегда источало запах лавандового мыла, всяческих специй и пряностей.

Однако этот стереотип существовал как бы сам по себе, и при всем желании Джон не мог представить себя в качестве предмета заботы со стороны такого вот создания. Он вообще не помнил, чтобы кто-либо когда-либо заботился о нем.

– Это моя бабушка, – уточнила она.

– Ты уже сообщила ей, что мы едем?

– Сообщать некому, – грустно сказала Кендал. – Она умерла четыре месяца назад. Незадолго до того, как родился Кевин.

Он на секунду задумался:

– Ты была рядом?

– Нет, к сожалению. Я была... далеко. Но не настолько, чтобы не присутствовать на похоронах.

– Она понимала тебя?

– Более чем понимала. У нас сложились совершенно необычные отношения. – Он заслушался с неподдельным интересом, и она продолжила рассказ: – Родители погибли в автокатастрофе, когда мне было всего пять лет, и бабушка стала моим ангелом-хранителем. Дед к тому времени уже умер, поэтому мы остались вдвоем. И очень привязались друг к другу.

– Я знал ее? Я бывал в этом доме раньше?

– В ответ она лишь покачала головой.

– Сколько еще ехать?

Глубоко вздохнув, она встряхнула затекшими мышцами:

– Пожалуйста, перестань допрашивать. Это не прибавит машине скорости. Я предпочла бы доехать еще засветло, а тебе не помешало бы вздремнуть. Отдохни, не упрямясь.

Он принял три таблетки аспирина, боль в голове немного поутихла, затекшие мышцы расслабились. Тем не менее осталось такое ощущение, словно его пропустили через мя-

сорубку. Он устало откинулся на спинку, прикрыл глаза.

Джон проснулся несколько часов спустя. Уже стемнело, они подъехали к месту назначения.

Дом располагался в конце улицы, заросшей виноградом и жимолостью. Дождь почти кончился, и, подъехав к дому и опустив ветровое стекло, Кендал с наслаждением вдохнула сладковатый запах лета. На какое-то время она полностью отпустилась, предавшись воспоминаниям далекого детства. От тоски по умершей бабушке вдруг защемило сердце, тихой печалью наполнило душу.

Лес неподалеку от дома уже погрузился в темноту. Только далекие зарницы, отражаясь в мокрой листве деревьев, подмигивали ей, словно взывая к жизни. Она почти физически ощущала присутствие любимой бабушки, слышала ее голос, зовущий взглянуть на родные просторы.

Разноуровневая крыша дома нависала над широкой верандой. Краска слегка облупилась, да и двор требовал ухода, но в основном ничего не изменилось со времени ее последнего визита. За исключением того прискорбного факта, что бабушки здесь уже нет и никогда больше не будет.

Под колесами машины хрустнул гравий, и они остановились. От резкого толчка он проснулся. Потянувшись и сладко зевнув, выглянул наконец в окно.

Кендал открыла дверцу и вылезла из машины, на время оставив ребенка. Легко взбежав по ступенькам, она приподнялась на цыпочки и, протянув руку к дверному косяку, до-

стала ключ.

Затем не спеша отперла дверь. Затаив дыхание, протянула руку к выключателю, щелкнула и облегченно вздохнула. Рики Сью продолжала исправно платить за электричество. Комнату залило светом.

Она медленно прошла по всему дому. Мебель покоилась под чехлами, в комнатах царило запустение, отдавало затхлостью. Но ничто не помешает ей навести здесь чистоту и порядок, по крайней мере на тот срок, пока они будут здесь жить.

Женщина вернулась в гостиную. Джон к тому времени уже вылез из машины, заглянул в дом и теперь стоял на пороге, с любопытством разглядывая незнакомую обстановку.

– Нравится? – спросила Кендал.

Джон неуверенно пожал плечами.

– Да, пожалуй, сейчас здесь не очень привлекательно, но я наведу порядок.

Эти слова тотчас пробудили в памяти далекие прекрасные воспоминания. Перед глазами настолько живо возникла та картина, что она чуть не споткнулась.

Почти слово в слово она сейчас повторила фразу, которую произнесла в свою первую брачную ночь.

Глава седьмая

Мэт широко распахнул входную дверь:

– Просто чудо что за свадьба! У меня даже скулы свело – я почти не переставая смеялся! – Кендал, однако, не переступив порога, молча наблюдала за ним. Он в полной растерянности уставился на нее. – В чем дело?

– Можешь считать меня глупой и романтической натурой, – сказала она, – но я всегда мечтала пересечь порог собственного дома на руках своего любимого мужа.

– Да, глупая и романтическая натура. – Он, весело улыбувшись, крепко обнял ее. – И это лишь одна из многих черточек, которые мне так нравятся.

Мэт легко подхватил ее на руки и мигом внес в дом. Кендал обвила его, притянула к себе и наградила долгим, многообещающим поцелуем. Этот поцелуй запомнится ему на всю оставшуюся жизнь – их первый поцелуй в их первом собственном доме.

Гиб преподнес им этот дом в качестве свадебного подарка. Полностью обставил и оплатил все необходимое. В соответствии со своим характером он решительно отвергал любые попытки потрясенной его щедростью Кендал хоть как-то выразить свою благодарность. Сделав все мыслимое и немислимое еще до свадьбы, он не принимал никаких отговорок. Получилось как нельзя лучше – дом уже три дня как ждал

молодоженов.

И вот теперь они застыли посреди широкого холла. – Ты не возражаешь, если я сниму? – он смущенно указал на фату.
– Нисколечки.

Освободив ее от этого убора, он снова обнял Кендал и страстно поцеловал. Когда они наконец оторвались друг от друга, она почти задыхалась от счастья.

Радостно раскинув руки, девушка вдруг закружилась по комнате, наслаждаясь красотой их обители, поражаясь ее добротности от высоченных потолков до деревянного пола.

Этот незатейливый каркасный дом, задуманный так, чтобы естественно вписаться в окружающую среду, действительно выглядел великолепно на фоне гор Блу Ридж. Вполне современный интерьер согревал теплом и уютом. Просторные и светлые комнаты все еще хранили устойчивый запах новой мебели и свежей краски.

Ах, как важно это было для Кендал! В сердце ее теплилась надежда, что дом этот станет ей родным до конца дней. Здесь они с Мэтом будут воспитывать своих детей, вместе стариться – такая вот привилегия, которой в молодости были лишены ее родители. Пусть личное счастье Кендал хоть как-то компенсирует былые лишения ее семьи.

Голова буквально шла кругом. – Как мне нравится этот дом!

Мэт уже ослабил галстук и сбросил свадебный пиджак, застыл на месте, сунув руки в карманы. Подобно ей он вос-

хищался интерьером дома. Правда, мебель все еще пестрела фабричными ярлыками, ощущалось отсутствие хозяйского глаза.

– Он какой-то нежилой, правда?

– Пожалуй, это пока не семейный очаг, – с готовностью согласилась она. – Но мы наведем порядок, вдохнем в него жизнь. Пусть сейчас дом не кажется родным, но я постараюсь вложить в него всю душу, сделать его уютным и пригодным для жилья. Мне не прямо-таки не терпится начать.

Взволнованная своими собственными словами, Кендал ласково прильнула к мужу:

– О, Мэт, мне здесь так нравится!

Он заглянул ей в глаза и обнял за талию.

– Я тоже в восторге от нашего гнездышка, – произнес он и быстро поцеловал в губы, – но в данный момент просто умираю с голоду. Отец говорил, что в холодильнике кое-что найдется.

Кендал догнала его уже на кухне, когда он доставал из холодильника шампанское:

– Я сейчас налью, а ты пока почитай поздравления. Бог мой! Отец вовсе не шутил, намекая на обилие продуктов. И не во всех супермаркетах такое сыщешь!

С этими словами он бросил на кухонный стол пачку поздравительных открыток. Кендал подхватила их и принялась рассматривать: «Горжусь вами обоими и люблю вас. Отец. P.s. Охлажденные стаканы в морозильнике».

Мэт изумленно рассмеялся:

– Ну и ну! Позаботился решительно обо всем, правда?! – Думаю, пожелай мы провести наш медовый месяц на Марсе, он постарался бы устроить и это.

Мэт на минуту оторвался от шампанского и, виновато улыбаясь, взглянул на нее. – Очень жаль, Кендал, но у меня проблемы со временем.

– Понятно, – чуть слышно прошептала она.

В издательстве, где работал Мэт, совершенно неожиданно умер управляющий. Смерть мистера Грегори круто изменила жизнь Мэта и в профессиональном, и в личном плане. Ему еще не нашлось достойной замены, а до тех пор Мэт никак не мог оставить газету без присмотра, даже ради медового месяца. Кендал, естественно, вошла в его положение.

Да и вообще, как она могла на что-то жаловаться. Кендал просто наслаждалась окружающей роскошью, неожиданным богатством. О таком муже можно было только мечтать. А свекор оказался щедрым до безобразия и не только в материальном отношении. Гиб всячески приветствовал ее появление в семье, ни разу на выказав даже намек на какое-то неприятие, неодобрение. В течение многих лет Мэт находился полностью в его власти. Теперь придется потесниться, и он делал это с величайшим изяществом.

Потягивая шампанское и закусывая сэндвичами, они мирно болтали о свадьбе, о приглашенных. Мэт слушал, почти не перебивая, поглощая бутерброды один за другим, Кендал

же была слишком взволнована, чтобы сосредоточенно есть.

Медленно отламывая хрустящие корочки хлеба, она мечтательно смотрела в окно:

– Давай обработаем только часть ландшафта, а все остальное оставим диким так, как есть. А еще я бы развесила кормушки для птиц на деревьях. Быстренько бы приручила белок и прикормила симпатичненьких енотов.

– Ага, только бардака нам здесь не хватало.

– Что ты, наши еноты никакого бардака не устроят.

Им не придется добывать корм самим, они ведь будут регулярно получать его, и поэтому будут очень аккуратными. Еще заведем оленей, – с мечтательной улыбкой продолжала она, несмотря на неодобрительный стон мужа. – Пусть олени подходят прямо к нашему дому.

– Кендал, – строго сказал он, – если у нас во дворе будут пастись олени, то в первый же день охотничьего сезона нагрянут наши друзья и с превеликим удовольствием примутся их отстреливать.

– О Боже, не надо об этом! И мечтать не смей, чтобы украсить наш дом головой какого-либо животного.

– Вот уж никак не разделяю твоего отвращения к охоте, – тут же возразил он. – Мы с отцом просто обожаем этот спорт. И не мы одни.

– Знаешь, я просто не понимаю, как можно наслаждаться убийством беззащитных животных.

– У тебя слишком доброе сердце.

Наверное. – Она ласково улыбнулась. – Как-то летом мы с бабушкой выходили молодого олененка.

Нашли его на нашем любимом месте у водопада. Конечно, в этом нет ничего особенного, но тогда мне, маленькой, казалось, что я сделала очень важное дело. Там еще находился заброшенный мемориал времен Гражданской войны. Мы чуть ли не каждую неделю устраивали пикники. И я часами не могла оторваться от поржавевшей пушки. Да, так вот, мы наткнулись на этого олененка в лесу. Он жалобно попискивал, пытаясь встать, но одна нога была перебита. Мы с бабушкой отнесли его к машине и привезли домой. Кормили, поили, ухаживали. Потом нога срослась и мы отпустили его в лес.

– Где он послужил прекрасной мишенью в очередной охотничий сезон.

– Мэт!

– Ну, извини. – Он виновато потянулся к ней и погладил по щеке. – Как мне искупить свою вину?

Схватив его за руку, она поцеловала ладонь, а потом, глядя прямо в глаза, прикусила большой палец.

– Отнеси меня в постель, – соблазняющим тоном прошептала она.

Постель давно уже ждала их. На ночном прикроватном столике стоял огромный букет цветов. Гиб, конечно же, снова он!

Однако даже это неожиданное вмешательство свекра в

интимную область их жизни ничуть не охладило Кендал.

Новобрачные, срывая друг с друга одежду, на мгновение притихли, совместно разгадывая шарады многочисленных пуговиц и застежек ее платья, но тут же, с трудом сдерживаясь от нахлынувшей внезапно страсти, с еще большим пылом возобновили свое занятие.

Они не были близки во время долгого периода ухаживания Мэта и даже после помолвки. Кендал, вздыхая украдкой, и радовалась и печалилась одновременно – редко кто из влюбленных мог так терпеливо дожидаться своей первой брачной ночи.

Разумеется, ни он, ни она не были девственниками. Но на каждом свидании он всегда чувствовал себя джентльменом, придерживаясь неписаного кодекса чести, не позволявшего до брака заниматься любовью с женщиной, избранной на роль будущей жены. Кендал, словно недостижимая и боготворимая дама сердца, оказалась сразу же над теми, с кем он встречался до нее.

Эта весьма старомодная традиция испокон веков каким-то образом спокойно уживалась с двойной моралью по отношению к женщинам. Впрочем, Кендал находила воздержание Мэта умилительным, мужественным и ужасно романтическим.

Много раз, прощаясь на пороге ее квартиры, они едва сдерживаясь, чтобы не поддаться искушению и не потерять голову. Она соблазняла и провоцировала на близость, но он

устоял.

Теперь же, когда он ласково прикасался к ней кончиками пальцев, плутая по самым потаенным местам, исследуя до-толе неведомое, им воздалось сторицей.

Они никогда бы не желали друг друга так живо и остро, как сейчас, если бы уступили соблазну прежде. Их чувства и ощущения в этот миг были такими же свежими, как их нынешний статус мужа и жены.

– Ты и правда будешь той женой, которую я всегда хотел, – осыпая поцелуями ее грудь, еле слышно прошептал он. – Я это знаю.

– Буду, обещаю.

В первые минуты пробуждения по телу Кендал разлилась сладкая истома. Нежась в постели, она неторопливо осмотрелась, привыкая к новой обстановке, и блаженно улыбнулась. Просто засияла от наслаждения.

Утро следующего дня, после брачной ночи! Ее просто распирало от счастья – вот-вот хлынет через край. Рядом со своим мужем – нежным, внимательным, настоящим любовником – она ощущала себя самой удачливой женщиной в мире.

Но яркое солнце, пробивавшееся сквозь занавески, не позволило усомниться: рассвет уже далеко позади. Вчера они занимались любовью до тех пор, пока не уснули совершенно изнемогшие. Мысль о том, что удалось его измотать, вызвала у нее самодовольную улыбку.

Кендал осторожно повернулась на бок, не желая его беспокоить. Оберегая сон Мэта, она молча за ним наблюдала. Ровно и глубоко дыша, чуть приоткрыв рот, они не подозревал о ее тайных помыслах.

Воспоминания прошедшей ночи вдруг с неожиданной силой захлестнули ее. Безудержная страсть пронзила все ее естество, ударила в голову и необъяснимой сладкой болью отозвалась во всем теле. Ночью Мэт обращался с ней как со сказочной невестой. А сейчас, утром, она жаждала, чтобы он любил ее неистово, как женщину.

Просунув руку под простыню, она, затаив дыхание, прошептала:

– Доброе утро.

Он в полудреме лишь что-то проворчал в ответ.

Она пробежалась пальчиками по его торсу и добралась наконец до сокровенного:

– Я сказала тебе доброе утро.

Он улыбнулся, опять нечленораздельно замычал, а затем сразу же открыл глаза:

– Кендал?

– Спасибо, что не забыл. Ты, кажется, удивлен?

– В общем, да. Я обычно просыпаюсь по будильнику.

– Теперь можешь его выбросить. Привыкай ко мне.

– Каждое утро?

– Почему бы и нет? У нас что, время нормировано? – Она приблизилась и ласково провела рукой по его груди, спусти-

лась до живота.

– Кендал...

Она тут же сорвала простыню и, нежно покусывая, устремилась к вожделенному.

– Кендал, кажется, отец.

– Гм-м-м?

– Отец. – Резко оттолкнув ее в сторону, он вскочил как ошпаренный и бросился к окну. – Я слышал шум его плача во дворе.

Кендал едва успела выйти из сексуального штопора, как в дверь постучали. Мэт суетливо схватился за джинсы и, поспешно натягивая их, попросил:

– Лучше бы тебе сейчас встать и одеться.

Она нехотя поднялась, увидев, как за ним закрылась дверь.

– Заходи, отец, – прозвучал из коридора его голос.

– Доброе утро, – открывая входную дверь, он приветливо поздоровался.

– Я не вовремя?

– Ну что ты, конечно, нет. Я как раз собирался заняться кофе, – ответил он. – Входи.

Они удалились на кухню. Кендал еще некоторое время прислушивалась, пока могла различить их голоса, затем, обхватив колени руками, глубоко задумалась, стараясь подавить внутреннюю горечь разочарования.

Когда рассеялись последние сомнения и стало ясно, что

Мэт не собирается возвращаться, она словно в забытьи поднялась и приняла душ.

Пару минут спустя она уже присоединилась к ним на кухне. Гиб с упоением поворачивал запекавшийся в духовке бекон.

– А вот и невеста, – радостно пропел он.

Свекор обошел вокруг стола и отечески обнял ее.

Затем, чуть отстранившись, посмотрел ей в глаза:

– Ты ведь не против, если я по утрам буду готовить вам завтрак?

Это, должно быть, шутка? Черт возьми, конечно, она против. Неужели все это будет продолжаться в течение целого месяца? Медового месяца! Она бы предпочла остаться здесь наедине с Мэтом.

Но Гиб улыбнулся такой обезоруживающей улыбкой, что она не посмела отказать.

– Конечно же, нет, Гиб, – деланно улыбнулась женщина.

Он тут же раскрыл свои объятия и занялся кофе. Очевидно, ей не удалось скрыть разочарования, поскольку в тот же миг наступило неловкое молчание.

– Может быть, это не очень-то здорово, – смущенно забормотал Гиб, развязывая фартук.

– Не глупи, отец, – моментально запротестовал Мэт. – Кендал с утра не слишком проворна. Она уже предупредила меня, не так ли, дорогая?

Та виновато улыбнулась.

– Боюсь, что завтрак придется доверить Гибу, – подтвердила она. – Рано утром я веду себя как неуклюжий медведь.

– И к тому же, надеюсь, как медведь голодна. – Он снова ловко завязал на спине фартук и вернулся к кухонной плите. – Ты любишь вафли? Я нарезаю взбитое тесто и добавляю секретные компоненты.

– Что?

Он заговорщически подмигнул:

– Думаю, что я могу поделиться своими секретами, тем более что ты теперь член нашей семьи. Ваниль, – прошептал ей на ухо. – Я добавляю в масло чайную ложку ванили. В этом-то все и дело.

– Ценный совет, спасибо.

Мэт, предупредительно вскочив со стула, предложил ей сесть. Аристократически поцеловав руку, он добавил:

– Миссис Бернвуд, присаживайтесь, пожалуйста. Разрешите поухаживать за вами.

Ей ничего не оставалось, кроме как принять предложение. Бросив рассеянный взгляд по сторонам, она заметила на столе пакеты в подарочной упаковке.

– Еще подарки? Сколько можно. Мы и так уж задарены дальше некуда.

– Отец привез.

– Вы их забыли у меня дома, – пояснил он. – Может, любопытствуете, пока я готовлю завтрак?

Новобрачные разделили пакеты поровну и наперебой

принялись распечатывать.

Блюдо для конфет фирмы «Фотерфорд», пара серебряных подсвечников, покрытый лаком сервировочный поднос... Мэт протянул последний подарок жене:

– Тебе наверняка понравится.

– Роско Колувей принес подарок сегодня утром, – сообщил им Гиб.

– Как мило с его стороны! – радостно захлопала в ладоши Кендал. Роско работал уборщиком в здании суда уже около тридцати лет. Кендал находила его весьма приветливым и уважительным. Она развернула подарок и обнаружила картину в рамке.

– С наилучшими пожеланиями. Роско и Генриэта Колувей, – прочитала она его открытку.

Улыбка на лице сменилась недоумением, казалось, она раздосадована.

– Я вспомнила, – произнесла она. – Их почему то не было на свадьбе. Интересно, почему?

– Я посоветовал тебе не приглашать их, – мягко напомнил Мэт.

– Но я же пригласила. Мне хотелось видеть их на своей свадьбе, – задумчиво возразила Кендал. – Роско всегда был так добр ко мне. Всегда оставлял мне свежую розу на столе или что-нибудь придумывал. Он так разволновался, когда узнал, что мы с тобой помолвлены, Мэт. Он очень высокого мнения о тебе. И о тебе Гиб, тоже.

– Да, Роско хороший парень.

Гиб уже спешил подать ароматно пахнущие вафли.

Толстые, золотисто-коричневые, с кубиками масла, тающего в середине, – на вид просто превосходно.

Однако слова Гиб перебили весь аппетит.

– Хороший парень? – переспросила она, в душе надеясь, что он имел в виду совсем другое.

– Роско понимает, что он и его жена были бы... ну, в общем... не к месту, не в своей тарелке на вашей свадьбе, – доходчиво объяснил ей свекор.

Она молча перевела взгляд на мужа, который кивнул, согласившись с отцом:

– Они были бы единственными небелыми на свадьбе, Кендал.

– Не сомневаюсь, Роско по достоинству оценил твое приглашение, прекрасно понимая, что ему там не место. Он знает жизнь и разбирается в ней лучше, чем Вы, – Гиб легонько сжал ее плечо. – Но ты научись, – добавил он спокойно.

Глава восьмая

После непрерывной гонки по мокрому асфальту Кендал просто валилась с ног от усталости. Но прежде чем закрыть глаза, ей еще надо кое-что сделать. К примеру, найти место для Кевина. Она порылась в шкафу со старым барахлом и нашла потрепанный детский манеж, который когда-то служил неплохой конурой лабрадору. Нашлись и чистящие средства, там же, на своем месте, в шкафчике, где бабушка всегда их держала. Она драила манеж до бесконечности, и лишь убедившись, что он достаточно чист, устроила там кроватку для Кевина.

– Слушай, а поесть что-нибудь найдется? Тяжело опираться на костыли, Джон слегка покачивался от слабости, вероятно, был очень голоден. Сразу же по приезде она предложила ему припечь, но он наотрез отказался и как верный пес ходил за ней по пятам по всему дому.

– А ты сбежишь через заднюю дверь?

Она, отчаявшись, вздохнула:

– Пожелай я сейчас этого даже очень сильно, у меня просто не хватит сил, чтобы еще несколько часов кряду крутить баранку. Отдохни, ладно?

Он, конечно же, отдыхать не стал, но все же на какое-то время утомился. И сейчас Кендал сразу же откликнулась.

– Посмотрим, может, что и найдется.

Она обследовала кладовку и отыскивала лишь банку зеленого горошка да консервированные персики.

– Да, не слишком жирно, – она кивнула на продовольственные запасы.

– Ничего. – Он сглотнул слюну. – Сойдет. Теперь не до жиру.

– Завтра я накуплю всего, а сегодня придется потерпеть.

Они поделили снедь поровну и съели все до крошки, даже крекеры из торгового автомата, у которого ее застали подростки. Вмешательство Джона увековечило это событие, в особенности для парня, который теперь страдает от ужасной боли. Она нисколько в этом не сомневалась.

С другой стороны, женщина была удивлена таким оборотом дела. Очевидно, его защитные рефлексы оказались настолько сильны, что не утратились даже с потерей памяти. Она, естественно, отнюдь не одобряла его порыв, но втайне считала волнующим событием.

Он бросился на ее защиту, абсолютно беспомощный, весь в синяках и ссадинах, да еще со сломанной ногой! Да, таким мужеством нельзя не восхищаться! Да и сам он уж смотрел орлом, как только почувствовал реальную угрозу своей собственности.

Кендал была вовсе не из тех, кто безумно восторгается мужским превосходством, или иначе – мачизмом. В действительности она сама стала жертвой мачизма. Поэтому ей было немного не по себе от радости, что мужчина поспешил на

помощь. Да еще в состоянии полного физического бессилия.

– Напомни, хорошо ли ты готовишь? – попросил он, отвлекая ее от своих мыслей.

– Не очень хорошо, но голодать мы не будем.

– Это звучит так, будто мы собираемся пробыть здесь достаточно долго.

– Мне кажется, нам следует пожить здесь до тех пор, пока ты не обретишь память... Тут тихо, спокойно, да и вообще, хорошее место для отдыха.

– А как же моя работа?

Она буквально сорвалась с места и принялась собирать грязную посуду. Поставила что-то в раковину, но стоило Кендал вернуться к столу, как он ухватился за карман ее джинсов и не позволил вырваться. Костяшками пальцев Джон уперся в ее живот, но, как ни странно, она не испытала физического отвращения.

– Я же неплохо зарабатывал, так?

– Естественно.

– И чем я занимался?

– Боюсь, ты не на шутку расстроишься, и будешь переживать. Ты же сильная личность. И всегда считал себя незаменимым, специалистом-профессионалом. Тебе сразу же захочется немедленно вернуться «в строй», что, как ты понимаешь, совершенно невозможно при данных обстоятельствах. Поверь мне, работа никуда не денется. Поправляйся скорее. Я сообщила всем заинтересованным лицам. Они целиком и

полностью разделяют мое мнение.

– Когда же ты успела? Телефон здесь не работает. Значит, он уже все проверил. До аварии его сообразительность просто приводила ее в восторг. Почему жена решила, что у него отшибло не только память?

– Я позвонила им еще из больницы, – ответила Кендал как бы между прочим, стараясь не выказать беспокойства.

– Как же так – мне никто не позвонил и даже не прислал открытку... Поразительно. В самом деле, просто невероятно.

– Доктор запретил любые посещения, – оправдывалась Кендал, – объясняя это тем, что первый же посетитель расстроит тебя и выведет из равновесия. Он также предупредил, что твои хорошие друзья могут причинить тебе больше вреда, чем пользы. К тому же мы находились там очень недолго, чтобы получить что-то по почте.

Он не перебивал, но слушал с нескрываемым скептицизмом.

– Все улажено... Обещаю тебе, – торжественно произнесла она. – Твоей карьере ничего не угрожает.

– Стало быть, карьера, а не просто работа?

– Можно сказать и так.

– Ну намекни хотя бы. Доктор? Адвокат? Вождь индейцев?

– Ты помнишь стишок медсестры?

Он неопределенно хмыкнул.

– Думаю, да, – задумчиво пробормотал он. – Как же мне удается помнить детские прибаутки и не помнить тебя?

Он скользнул взглядом по ее груди.

Почувствовав некую неловкость от столь затянувшегося общения, Кендал наконец высвободилась:

– Кевин заплакал.

К счастью для нее, детский плач в соседней комнате прервал дальнейшие расспросы. Естественно, ему все внове, все интересно, но чем меньше они будут касаться своей прежней жизни до аварии, тем в большей безопасности она будет себя чувствовать. Ведь любое, случайно брошенное слово, даже самое безобидное, может пробудить его цепкую память.

Хныканье ребенка прервало и его недвусмысленные притязания. Это желание близости с его стороны пугало Кендал больше, чем что бы то ни было. Конечно, нельзя выходить из роли, пусть привыкает к мысли о том, что она его жена, но интимные отношения?!

Она покормила Кевина, вымыла его, спеленала и убаюкала, напевая старую песенку, которую слышала от бабушки в раннем детстве.

Джон в это время расположился на софе напротив, удобно устроив больную ногу на стуле. Глубокие тени под глазами, отбрасываемые настольной лампой, делали его практически невидимым. Но Кендал ничуть не сомневалась; что он не сводит с нее своего зоркого ястребиного взгляда.

– А как насчет моей семьи? – неожиданно спросил муж-

чина.

– Твоя мать давным-давно умерла.

После некоторого молчания он продолжил:

– Похоже, меня абсолютно не трогает тот, кого я не помню. А братья и сестры у меня есть?

Она отрицательно покачала головой.

– А отец? Отца тоже нет?

– Есть, но вы с ним поссорились.

– Из-за чего?

– До аварии ты не желал даже говорить об этом. Не думаю, что стоит сейчас затрагивать эту тему.

– И он ничего не знает об аварии?

– Я не считала возможным звонить ему без твоего ведома, поэтому он не в курсе.

– Неужели мы настолько переругались, что отца не волновало бы, жив я или мертв?

– Ну, конечно, нет. Он, естественно, проявил бы обеспокоенность, но, мне кажется, ты не хотел бы посвящать его в свою жизнь. Я должна уложить Кевина. – Хорошо бы уйти вовремя, так, чтобы это не сильно смахивало на бегство.

Манеж сынишки располагался в самой маленькой из всех комнат. Кендал осторожно уложила ребенка в кроватку. Он инстинктивно свернулся калачиком, носиком уткнувшись в подушку.

– Неужели так сподручнее?

Кендал не слышала, как он, следуя за ней, незаметно про-

брался в эту комнату.

– Почти все дети так спят, – вздрогнув от неожиданности, ответила она.

– Но это ведь неудобно.

– Было бы тебе всего лишь три месяца, посмотрела бы я, как ты спишь!

– А как протекала твоя беременность?

– Сначала некоторые осложнения, затем все нормализовалось.

– Что за осложнения?

– Как у всех. Утренние недомогания. Усталость. Депрессия.

– Депрессия?

– Ну, не совсем так. Просто плохое настроение.

– И почему же было плохое настроение?

– Слушай, пожалуйста... Я ужасно устала. Неужели с вопросами нельзя подождать? – Женщина намеревалась обойти его, но он преградил путь костылем.

– Знаешь, – с досадой бросила она, – меня уже тошнит от твоего костыля, ты используешь его как шлагбаум.

– А меня тошнит от твоих бесконечных попыток увильнуть от ответа. Итак, чем объяснялась твоя депрессия и плохое настроение во время беременности? Ты что, не хотела ребенка?

Она даже разозлиться не смогла как следует. Досада сменилась усталостью:

– Гормональные изменения – первые три месяца всегда приводят к ухудшению настроения у женщин. Что же касается Кевина, то я его очень хотела.

– А я?

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга в упор, затем она спокойно отодвинула в сторону костыль:

– Мне надо принять ванну.

Она выключила свет. Но не успел он погаснуть, как свет автомобильных фар резко ударил по фасаду дома и проник в спальню.

– О Боже! – испуганно воскликнула она, прижавшись к стене и украдкой бросая на улицу косые взгляды. Она с ужасом наблюдала, как к дому подъехал автомобиль.

Под дождем и в тумане остановившаяся в конце аллеи машина, словно огромный грозный левиафан, пугала своим рыком и обжигала светом.

За спиной послышался звук костылей.

– Спрячься! – зашипела она в страхе. – Давай от окна подальше!

Джон тут же застыл на месте как вкопанный. Кендал, затаив дыхание, Ждала, пока автомобиль развернется и уедет восвояси. Она с облегчением вздохнула, пытаясь унять непослушную дрожь. Через секунду окончательно взяла себя в руки и выдавила.

– Наверное, кто-то случайно завернул.

Повернувшись, женщина увидела его огромный и внуши-

тельный силуэт в дверном проеме на свету, пробивающемся из гостиной. Он не позволил ей прошмыгнуть – быстро включил верхний свет, задрал ее подбородок и пристально посмотрел в глаза.

– Что, черт возьми, происходит?

– Ничего.

– Ничего?! Да ты белее полотна! Ты просто обезумела, когда увидела машину. В чем дело? Кто нас преследует? Или преследует тебя?

Она постаралась отвести взгляд и как ни в чем не бывало заметила:

– Я просто не ожидала гостей, вот и все.

– Чушь собачья, – резко выкрикнул он. – Ладно, я потерял память, но не мог же потерять разум, поэтому не считай меня идиотом. – Грубо повернув ее за подбородок, он поймал взгляд Кендал. – Ты спасаешь свою жизнь, так? От кого? Скажи, кто пытается обидеть тебя? Твоего ребенка? – Он бросил говорящий взгляд на манеж, где спал Кевин. – Нашего ребенка?

– Никто не навредит нам до тех пор, пока мы вместе, – убедительно ответила она. Теперь Кендал прекрасно понимала, что он готов драться за них с Кевином из последних сил, несмотря на свое недоверие к ней и необъяснимую антипатию к сыну. Именно это обстоятельство в решающий момент помешает ей, пожалуй, его бросить.

Она не могла, да и не хотела рассчитывать на чью-то по-

мощь. Сызмальства привыкнув самостоятельно решать все свои проблемы, полагаясь исключительно на себя, она тем не менее чувствовала себя в большей безопасности, когда он находился рядом. Хотя, возможно, это ложное ощущение, учитывая его физическое состояние и сломанную ногу. Его присутствие могло ей слишком дорого обойтись, не исключено, что даже фатально.

Кендал собралась уже было выйти, но на секунду задержалась:

– Я буду в ванной. Дай знать, если Кевин заплачет. На этот раз Джон не пытался ее удержать.

Она до краев наполнила ванную и с наслаждением погрузилась в горячую воду. Через четверть часа она появилась в гостиной. Прикрываясь широким махровым полотенцем, с зачесанными назад мокрыми волосами, со свежим, сияющим чистотой лицом, она выглядела невероятно соблазнительной.

Открыв входную дверь и глядя на капли дождя, сверкавшие в темноте ночи; он о чем-то глубоко задумался и очнулся лишь от шлепанья босых ног.

– Я уже вышла, – объявила она, хотя в этом не было никакой необходимости.

Женщина решительно направилась в спальню, но он попросил подождать. Проковыляв через всю комнату, он стал с ней рядом.

Кендал резко отпрянула, когда он потянулся к ее груди.

Ни слова не говоря, Джон удивленно поднял брови и после минутного колебания прикоснулся к ее влажной коже:

– Болит?

Она сперва не поняла, о чем он, но внимательно проследив за его взглядом, увидела жуткую полосу, прочертившую всю грудь прямо от плеча иссиня-черным следом.

– Это от автомобильного ремня безопасности, – пояснила Кендал. – Не очень симпатично, правда? Хотя, с другой стороны, не пристегнись я этим ремнем, неизвестно еще чем бы все это кончилось.

Его лицо озарилось сочувственной улыбкой.

– Да, наверное, выглядела бы в точности как я.

– А ты не так уж плох. – Их глаза встретились и какое-то время они не отрываясь смотрели друг на друга.

В горле Кендал неожиданно пересохло.

– Я имею в виду, что твое лицо уже без синяков.

Он, думая о чем-то своем, рассеянно кивнул. И снова посмотрел на этот ужасный след на груди:

– А кончается где?

От этого вопроса ее мгновенно бросило в жар. Понятно, что будучи его женой, она не должна испытывать смущения. Не сводя с нее горящего взгляда, он медленно развязал узел полотенца. Она отбросила его концы в сторону и чуть приподняла грудь, чтобы он мог беспрепятственно разглядеть этот длиннющий синяк.

Никогда в жизни Кендал не чувствовала себя такой безза-

щитной, выставленной напоказ. Взгляд его медленно блуждал по ее телу, останавливаясь не только на проклятой лиловой полоске, но и на всех изгибах, складочках, выпуклостях. Казалось, он исследовал каждый дюйм ее плоти, проникал во все поры, стараясь ничего не пропустить. Она терпеливо ждала конца этой унижительной процедуры, но, переволновавшись, инстинктивно попыталась прикрыться полотенцем. Но он жестом остановил ее.

– Что это?

И чуть коснувшись живота, дотронулся до лобка. Кендал на мгновение задохнулась, затрепетала, почувствовав неутолимый зов плоти. Она вздрогнула, но не отпрянула, когда он осторожно провел пальцем по аккуратному розовому шраму вниз, скрывавшемуся под мягким золотистым пушком и на мгновение задержался там.

– Кесарево сечение, – чуть слышно прошептала она, не переводя дыхания.

– Гм. Ты вся дрожишь?!

– Да, кесарево все еще дает о себе знать. После аварии здорово обострилось.

Он исследовал еще один кроваво-красный след автомобильного ремня – от одной тазовой кости до другой. И наконец оторвался от ее живота. Улучив момент, она подхватила полотенце и поспешно прикрылась. Ей хотелось, подчинившись первому импульсу, побыстрее скрыться, оставить его, но она сдержалась. Усилием воли приказала себе успокоить-

ся и вести так, как надлежит настоящей жене.

– Ванна очень глубокая, – предупредила Кендал, стараясь переключить его внимание на что-нибудь другое. – Даже без гипса тебе было бы трудновато забраться и выбраться оттуда. Давай, помою тебя мочалкой над раковиной?

Он помолчал, раздумывая, и решительно отверг ее помощь.

– Спасибо, думаю, что справлюсь.

– Ты уверен?

Он окинул ее страждущим взглядом с ног до головы и отрезал:

– Да, уверен.

Прихрамывая, обошел ее, двинулся в ванную и, наконец, запер за собой дверь.

Кендал обессилен но прислонилась к дверному косяку. Только спустя несколько минут она полностью пришла в себя. Все оказалось много сложнее, чем представлялось вначале. Он слишком восприимчив, она – записная лгунья. Вдохновенно вешая ему лапшу на уши, она сама начала верить своим словам. Пожалуй, произошло непоправимое: единственное средство спасения обернулось против нее. Надо немедленно бросить его во что бы то ни стало.

Но прежде всего нужно пережить эту ночь.

Она отыскала в шкафу свою летнюю ночную рубашку, оставшуюся еще со времени предыдущего приезда. Затем не

спеша постелила ему постель и, подбив подушку, замерла, услышав скрип двери. Он медленно приближался через гостиную.

В боксерских трусах, которые она купила ему сегодня утром, еще не обсохших от недавнего купания, он принес с собой запах мыла, зубной пасты и эликсира для рта. Часто переводя дыхание, он опустился на кровать с большой осторожностью, словно постарел лет на тридцать.

– Ложись на спину, – в голосе ее неожиданно послышалась нежность. – Я устрою твою ногу на подушке.

Пока Кендал хлопотала над ним, из груди его вырвался вздох облегчения, лицо нездорового сероватого оттенка приняло спокойное выражение, он закрыл глаза. Она жалостливо разглядывала его исхудавшие щеки, многочисленные синяки и ссадины, этих неразлучных спутников страданий и боли. Джон все еще выглядел помятым и разбитым.

Она выключила ночник, чтобы уберечь его от резкого света:

– Ты уже принял аспирин?

– Да, несколько штук.

– Надеюсь, это поможет тебе хорошо выспаться. Не беспокойся, все в порядке.

– Ну, тогда пока. Увидимся утром. Спокойной ночи.

Он в мгновение ока открыл глаза:

– А ты куда собралась?

Она махнула рукой на дверь:

– Пойду лягу на софе в гостиной. Я боюсь спать с тобой: вдруг ночью нечаянно задену твою ногу!

Он долгим, изучающим взглядом посмотрел на Кендал. – Впрочем, похоже, тебя это не пугает, – с замиранием сердца выдохнула она, – в таком случае останусь.

Ни слова не говоря, он передвинулся к другому краю кровати, хотя это стоило ему невероятных усилий. Примостившись рядом, она почувствовала тяжелое дыхание ощутила болезненную испарину на лбу.

– Как самочувствие? – озабоченно поинтересовалась она.

– Нормально. Я просто устал.

– Расслабься и отдохни, наконец. – Женщина склонилась над ним и нежно поцеловала в щеку. Но этот поцелуй только еще сильнее распалил его.

– Ты могла бы сделать это намного лучше, – с этими словами он неожиданно проворно обнял ее за шею и прямо-таки впился в губы. О, это уже был совсем другой поцелуй – чувственный и вожденный, пылкий и обещающий.

Он прекрасно отдавал себе отчет в своих поступках и намеренно искушал ее. Молодая и горячая, она, как любой живой человек, не могла не поддаться зову страсти и не откликнуться на него. Наконец оторвавшись, ноне отпуская от себя, он засмотрелся в ее серые глаза, безнадежно влекомый их тайной.

Вдруг по его лицу пробежала тень беспокойства, нерешительности, может быть, некоего подобия смущения.

– Господи Иисусе! – тихо вырвалось у него. И внезапно, словно обжегшись, отдернул свои руки и, устало закрыв глаза, провалился в сон или притворился спящим.

Кендал долго лежала без движения, боясь шевельнуться. Она никак не могла успокоиться и расстаться со сладостным предвкушением, дыхание сбилось. Ко всему прочему вдруг добавился еще какой-то животный страх утратить весьма деликатное состояние душевного равновесия.

Боже мой, подумала она, как же я влипла! Первоначально идея объявить его своим мужем казалась ей оправданной и целесообразной. В больнице все шло как по маслу. Но разве могла она тогда предположить возможность развития каких-то интимных отношений! Хотя, конечно, могла бы догадаться. Нормальный, гетеросексуальный мужчина, которого к тому же все время убеждают в том, что эта женщина – его жена, в данном случае ей же самой и придуманном, вел себя куда адекватнее, чем она!

Но самое ужасное заключалось в том, что роль его жены отнюдь не казалась ей отвратительной. Что ж, надо мужественно признаться себе в этом. Легко догадаться, что его привлекательная наружность не оставляла женщин равнодушными и даже, несмотря на обезображенное аварией отчужденное лицо, он притягивал к себе как магнит. Джон производил впечатление сильного, надежного человека. Немногословный и сдержанный, он прямо-таки поражал какой-то невысказанной уверенностью в себе и самодостаточ-

ностью, что лишний раз проявилось в этой истории с подростками. Он – никогда не будет специально искать приключений и нарываться на неприятности, но, если что-нибудь случится, он, не колеблясь, примет вызов.

Да еще эта притягательная ямочка на волевом квадратном подбородке! Сведет с ума любую женщину обещанием необычайных сексуальных потенций.

Естественно, она не подумала о том, что они могут понравиться друг другу. А неплохо бы подумать, прежде чем претендовать на роль жены. И вот теперь ее стратегия терпела фиаско. По собственной воле оказавшись на минном поле, она рисковала подрваться в любую минуту. Один неосторожный шаг – и она обречена.

Кендал охватило дикое желание немедленно оставить его, схватить Кевина и рвануть на машине куда глаза глядят, лишь бы не оказаться во власти этого человека.

Но ей нещадно хотелось спать. Она не могла даже собраться с силами, чтобы подняться. К тому же, где еще она чувствовала бы себя в большей безопасности? Кендал долго ворочалась с боку на бок, прежде чем сон окончательно сморил ее. Ощущая на губах вкус его страстного поцелуя, она, вздыхая, переживала событие снова и снова, опасаясь, что завтра утром он проснется в полной памяти и все, абсолютно все окажется совершенно напрасным.

Глава девятая

Приземлившийся вертолет произвел настоящий фурор в Стивенсвилле. Но еще сильнее разбирало любопытных буквы «ФБР» на фюзеляже. Ничего более волнующего не происходило в маленьком городке Джорджии с тех пор, как какой-то известный гангстер укрылся здесь, на его окраине, в притоне собственной любовницы и затеял грандиозную перестрелку со своими преследователями. Но лишь немногие старики помнили этот случай.

Вертолет с противным свистом приземлился на школьный двор. Из кабины, не обращая никакого внимания на обступившую его толпу зевак, выскочил агент по особо важным делам и чуть ли не бегом ринулся по асфальтированной дорожке к больнице. За ним с трудом поспевала целая группа сотрудников вспомогательных служб ФБР. В больнице они надеялись выяснить интересующие их подробности.

Ни для кого из медперсонала не было секретом, что к ним прибыл важный агент сыскного ведомства. Чуть раньше нами беседовали шишки рангом пониже. Теперь все врачи и сестры, нянечки и уборщицы городской больницы выстроились перед Джимом Пепердайном в приемном отделении.

После нескольких часов дотошных расспросов члены этой команды убедились, что ничего важного им здесь не сообщат. Не обнаружил ось ни малейшей зацепки по поводу того,

что случилось с мужчиной, женщиной и ребенком. Исчезновение их было настолько необъяснимым, что, казалось, они сквозь землю провалились.

Джим Пепердайн давно уже не верил в существование привидений. Не верил он и в безжалостных инопланетян, которые сподобились захватить заложников и умчаться с ними на своем космическом корабле. Во что он действительно верил, так это в неосознанную жестокость человека. На протяжении всей своей многолетней службы он не раз сталкивался с подобным. Главврач больницы, мужчина средних лет, невзрачный на вид, плешивый и полноватый, держался очень важно и, несомненно, гордился занимаемой должностью.

Медицинский персонал вел себя довольно сдержанно, хотя Пепердайн пытался надавить и запугать людей своими жесткими вопросами. Он и правда здорово разозлился. Вот уже несколько дней он не мог напасть на след этой троицы, которая играючи обводила вокруг пальца его лично и всех остальных представителей правоохранительных органов соседних штатов.

Они находились в бегах уже тридцать шесть часов. Безумных тридцать шесть часов для Пепердайна. Они тянулись целую вечность, прежде чем дежурный офиса шерифа этого Богом забытого городка сообщил о дорожной аварии, недавно происшедшей в округе Стивенсвилл.

Пепердайн прежде и слыхом не слыхивал ни о каком Стивенсвилле в штате Джорджия. Но этот телефонный звонок

превратил его в географический центр всей Вселенной. Тут же выяснилось, что описание находящихся в розыске полностью совпадает с описанием пострадавших в автокатастрофе.

Немедленно во все концы помчались многочисленные агенты, чтобы разыскать и расспросить всех вступавших в контакт с неуловимой троицей. Однако до сих пор все было безрезультатно.

Потерпевшая аварию машина обнаружилась в трех милях от места происшествия. Единственную жертву катастрофы без труда идентифицировали. И сейчас Пепердайн с нетерпением ждал официального заключения экспертизы.

Пока же он внимательно всматривался в лица безмолвствующих работников больницы, позволив себе слегка расслабиться. Сразу же, даже не представившись, он решил взять быка за рога:

– Кто дежурил в больнице той ночью? – Взметнулось несколько рук. Он кивнул на медсестру. – Расскажите обо всем поподробнее.

Медсестра сжато, но достаточно обстоятельно изложила ход событий.

– Ни с женщиной, ни с ребенком ничего не произошло. Естественно, шок, потрясение, но никаких серьезных повреждений, так, царапины. А вот мужу ее незамедлительно требовалась медицинская помощь. – Она кивнула на подчиненных Пепердайна. – Мы уже сто раз об этом рассказывали.

Пепердайн не обратив внимания на ее жалобу, продолжал допытываться.

– Он был в сознании?

– Нет.

– Что он говорил? Может, что-нибудь бормотал?

– Нет.

– ...А оружие?

Медсестра отрицательно покачала головой.

– Вы уверены?

– Мне пришлось разрезать его одежду, – спокойно пояснила она. – У него точно не было оружия.

– А какие-нибудь документы?

– Нет. Она потом нам сообщила, что все документы утонули вместе с машиной.

– Она – это кто?

– Миссис Кендал.

Пепердайн коротко глянул через плечо на одного из своих агентов. Тот в ответ лишь пожал плечами, словно оправдываясь: «Я же говорил».

Состроив недовольную мину, он снова обратился к медсестре:

– Ее фамилия Бернвуд. Кендал Бернвуд. Она называла свою фамилию?

– Нет. На бланке в приемном покое она указала:

– Джон и Мери Кендал, – вспомнила медсестра.

– Да, все так и было, – подтвердил один из агентов, про-

тягивая Пепердайну исписанную страничку. Тот, грозно потрясая листочком в воздухе, как бы упрекал собравшихся:

– На бланке совсем не осталось пустых мест, но все эти сведения – блеф и профанация. Все эти имена, адреса, номера телефонов, номера карточек социального обеспечения фальшивы от начала до конца. Почему вам не показалось странным, дорогие мои, что она осталась при деньгах, лишившись абсолютно всех документов?

Повисло неловкое молчание, но по глазам медработников можно было прочесть, что никто не собирается сдаваться и оправдываться.

Наконец одна из медсестер нарушила затянувшуюся паузу:

– Не все ль равно, как ее зовут, – решительно отрезала она. – Она держалась очень приветливо. И к тому же оказалась честным человеком. Что ей мешало уйти из больницы, не заплатив нам ни цента? Она оставила деньги в палате, и именно там, где, по ее мнению, мы бы обязательно отыскали. Причем оставила намного больше, чем требовалось для покрытия расходов на их содержание. Она замечательная мать и страшно переживала из-за амнезии мужа.

– Истинной причиной беспокойства по поводу утраты памяти мужем является возможность ее восстановления. – Пепердайн тотчас повернулся к доктору.

– Когда это может произойти?

– В любой момент, – ответил тот. – Однако не исключено,

что не произойдет вовсе.

– Прекрасно, – растерянно буркнул агент по особо важным делам. – Как вы находите его состояние в результате аварии?

– Ничего страшного, если не будет волноваться. Именно это я ему и предписал.

– А как же нога?

– Обыкновенный перелом. Через пару месяцев кость полностью срастется.

Невозмутимые ответы доктора вывели Пепердайна из себя:

– И вы позволили человеку со сломанной ногой и травмой черепа преспокойно покинуть больницу?

– Не могли же мы предположить, что она выкрадет его посреди ночи.

– А что, для вас это в порядке вещей? И пациенты частенько убегают из больницы, доктор? Почему это вас ничуть не встревожило? И вы не соизволили немедленно сообщить шерифу, обнаружив утром, что они исчезли?

– Заместитель шерифа несколько раз сам допрашивал их и, похоже, вполне удовлетворился их объяснением. Он же не посадил их под арест, не приставил к ним стражу... При чем тут медсестры? И почему этих троих не могут поймать ваши агенты, которые рыскают по всему городу?

– Это уже не ваше дело, – огрызнулся Пепердайн.

Не хватало тут еще газетчиков, подумал он, совсем бар-

дак начнется. Намереваясь до смерти запугать медработников, чтобы выудить как можно больше информации, он отнюдь не стремился заинтриговать их настолько, чтобы они догадались о своей причастности к делу общенационального значения. Иначе любой сотрудник информационного агентства посулит им все что угодно ради одного-единственного слова. До сих пор ему удавалось сохранять инцидент в тайне от средств массовой информации. И чем дольше он будет держать все в секрете, тем лучше.

– Как же они смогли покинуть город? – наконец обратился он ко всем присутствующим.

Пепердайн уже несколько не сомневался, что их нет в Стивенсвилле. Осмотрев на вертолете городок с высоты птичьего полета, он только утвердился в своем мнении: такая умная и изобретательная женщина, как миссис Бернвуд, никогда не спрячет страдающего от амнезии мужа и своего малыша где-нибудь поблизости. Здесь просто негде переждать. Более того, его агенты, при стававшие с их фотографиями к каждому встречному, не получили ни одного положительного ответа.

– Что вы сами-то думаете по поводу способа их исчезновения? Кто-нибудь видел миссис Бернвуд на машине?

– Я одалживала ей свою машину, – неохотно призналась одна из медсестер. – Но всего лишь на несколько часов – съездить в Уолл-Март, за одеждой для себя и ребенка.

– Вы проверили потом, сколько миль она намотала?

– Сколько миль? – переспросила она, широко раскрыв глаза от удивления. Видимо, эта мысль даже в голову ей не приходила.

Еще одна загвоздка. Он уже просмотрел записи полицейских относительно угнанных за последнее время машин. В этих отчетах ни одной стивенсвилльской машины за последние два года не значилось. Кроме того, в городе оказался только один гараж, где продавали подержанные машины. За прошедшие полгода никто ничего не покупал, хотя на продажу были выставлены сразу несколько.

– В этом проклятом городишке нет никаких автобусных линий, никакого воздушного транспорта, никаких катеров и никаких пассажирских поездов. Как же, черт возьми, им удалось удрать из города? – Пепердайн в бешенстве брызгал слюной и чуть ли не кричал от ярости, но это не помогало. Никаких; вразумительных ответов или хотя бы предположений не последовало.

Он вздохнул, всеми фибрами души ощущая во рту горьковатый привкус поражения:

– Спасибо, что уделили мне время, друзья.

Уже на подходе к ожидавшему их вертолету, один из агентов рискнул полюбопытствовать:

– Сэр, как же все-таки они убралась отсюда?

Пепердайн, широко расставив ноги и подставив грудь навстречу рвущемуся потоку, закричал, что было сил:

– Мы перекрыли им все возможные пути, поэтому им при-

шлось отрастить крылья и улететь отсюда ко всем чертям!

Глава десятая

– Как его зовут? Простите, плохо слышно. Вы сказали «Крук»? Пишется как обычно?

Скорчившись в неудобной позе с зажатой телефонной трубкой, Кендал поспешно занесла имя в свой адвокатский блокнот.

– Пойман на месте преступления? Уг-гу. И на том спасибо, – как бы разговаривая сама с собой, проворчала она.

В этот момент в дверь офиса решительно постучали. Затем она широко распахнулась, и на пороге появился Мэт собственной персоной. Кендал махнула ему рукой, приглашая войти.

– Не помешаю? – заглядывая в глаза, спросил он. Состроив подходящую гримасу, она дала ему понять, что он сморозил глупость.

– Ладно, – ответила она кому-то по телефону, – как только улажу все дела, спущусь вниз и побеседую с ним. А сейчас у меня посетители. Всего доброго.

Она картинно бросила трубку и сразу двумя руками пригладила волосы. Затем приветливо улыбнулась.

– Кажется, ты единственный еще в здравом уме, – с ходу начала она.

– По крайней мере, надеюсь, потому что все остальные, с кем мне сегодня довелось общаться, кажется, совершенно

свихнулисьь.

Мэт участливо хихикнул и присел не край письменного стола.

– А все потому, что футбольный сезон в разгаре, – многозначительно пояснил он. – В пятницу вечером наши будут играть дома, на своем поле. Поэтому здесь все немножко обезумели.

– Немножко обезумели? – изумленно переспросила она. – Спустись на землю. Вокруг все с ума посходили!

– Кто, например?

– Вот, смотри. Только что изрядно поскандалили добрые соседи. Какой-то пастух-немец использовал чужой двор в качестве туалета... В общем, ты понимаешь. Это, конечно же, не очень здорово. Тот хозяин сразу же подал в суд. Или вот еще случай. Арестованный за вооруженное ограбление в ожидании суда спрашивает, не могу ли я отпустить его на некоторое время из тюрьмы, чтобы он посмотрел игру. Как тебе это нравится?

Мэт от души расхохотался: – А что я тебе говорил?!

– Безотносительно к футболу я имела бурную встречу с уважаемым прокурором нашего округа. Мы схватились по вопросу о том, учитывать ли на суде все предыдущие правонарушения клиента. Я обозвала Дэбни линчевателем в одном лице. Он, в свою очередь, наградил меня прозвищами мягкосердечной либералки, розовой идиотки, поклонницы янки, и, В сердцах бросив трубку, теперь не отвечает на мои

звонки.

Мэт с большим интересом слушал ее.

– Всем известно, что Дэбни частенько пребывает в дурном расположении духа, но очень отходчив.

Кендал и прокурор Дэбни Горн регулярно и не на шутку цапались. Конфликт обычно затрагивал профессиональную сферу. Впрочем, Кендал казалось, что в этих поединках она только оттачивает свой профессионализм, в противном случае она просто не сможет расти как специалист.

Однако Горн зачастую воспринимал подобные споры, как личное оскорбление, что резко ухудшало и без того не стабильные взаимоотношения, поскольку он был весьма уважаемым человеком в городе. Вот уже целых четыре раза подряд на выборах он был вне всякой конкуренции, а до этого побеждал с огромным преимуществом. Мистер Горн считался в высшей степени популярной личностью в округе, символом законности и порядка, борцом за правду, справедливость и американский образ жизни. Поэтому любой человек, осмелившийся сказать хоть слово против, заслуживал общественного порицания.

Кроме того, он был близким другом Бернвудов. Поэтому в присутствии Гиба и Мэта Кендал приходилось тщательно взвешивать каждое слово и держать свое мнение при себе. Она ведь сразу же разглядела в нем напыщенного фанфарона, умело манипулирующего законом и более заинтересованным в сохранении своей предвыборной репутации, чем в

безупречном служении закону.

Как и судья Фаргоу, взгляды которого, к сожалению, в точности совпадали со взглядами Горна, прокурор оказался самым несносным ее противником. Однако не желая дразнить гусей, Кендал умалчивала об этом.

– Короче говоря, – заключила она, сложив руки словно послушная девочка, – сегодня был тяжелый день. Чем могу служить, мистер Обаятельный Издатель Газеты?

– Для начала неплохо было бы меня поцеловать. – Я не заставлю вас ждать.

Потянувшись друг к другу прямо через стол, они предались сладостному занятию. Наконец она снова села на место:

– Благодарю, оказывается, мне хотелось именно этого. – Просто футбольный сезон в разгаре, – снова повторил Мэт. – Тут все помешаны на футболе.

– Ты тоже играл?

– Шутишь? Отец всегда ставил футбол на второе место после охоты. Он тренировал меня как футболиста одновременно с обучением стрельбе.

Нередко Гиб с горящими глазами перечислял Кендал достоинства сына на футбольном поле. Вряд ли отец испытывал бы такой же восторг от игры Мэта, к примеру, на флейте в школьном оркестре.

Свекор напрочь отвергал все виды деятельности, в коих не подчеркивалось мужское превосходство. По его словам, творчеством, изящными искусствами должны заниматься

лишь женщины и гомосексуалисты. К последним относился любой, увлекающийся классической музыкой, балетом или театром. Некоторые его высказывания звучали столь абсурдно и нелепо, что Кендал едва сдерживалась, чтобы не лопнуть со смеху. А иногда ей становилось страшно.

Порой она стонала от негодования, выслушивая его ультраконсервативную точку зрения. Бабушка всегда прививала ей терпимость к человеческим слабостям, считая, что все люди достойны уважения. Более того, она не раз повторяла, что различия во взглядах делают взаимоотношения людей интереснее и глубже.

Либеральные наклонности Элви Хэнкок не очень-то пользовались популярностью в Шеридане, небольшом городишке в Теннесси. Тем не менее она всегда следовала своим принципам и так же старалась воспитать внучку. Видимо, поэтому Кендал стала общественной защитницей всех неудачников и жертв произвола, по крайней мере, сама она думала так. С подобными бедолагами она частенько сталкивалась в тесных коридорах фирмы «Бристол и Мазере».

– Тебе только что звонили. Кто? – Мэт прервал свободное течение ее мысли. – Или это служебная тайна?

– Останется между нами?

– Железно.

– Некий Крук пытался что-то выкрасть в магазине. Его поймали.

Крук-младший? Билли Джо?

– Вы знакомы? – удивленно спросила она.

– Я знаю его семью. Близнецы Генри и Лютер всего лишь на год старше меня, есть еще другие дети, а самый младший – Билли Джо. Их престарелый отец работал на свалке за городом. Знаешь, там еще огромная гора ржавого металла?

Она кивнула, припомнив местонахождение этой свалки:

– Ты сказал «работал», а что сейчас?

– Пару лет назад он умер, – опустил глаза Мэт. – Миссис Крук сейчас очень нелегко, она пытается сохранить предприятие мужа.

– Как это?

– Старик Крук не всегда дожидался, пока к нему привезут что-нибудь стоящее. Иногда его клиенты покупали у него свои же детали для машины. Говорят, старик заправлял как Фагин. То есть просто-напросто посылал своих ребят воровать запчасти.

– А миссис Крук пытается действовать законно? – Возможно, но весьма сомнительно. Вероятно, недостаток ума, а не моральные убеждения, тормозит ее бизнес.

– Гм-м. Значит, ты с уверенностью можешь сказать только одно, а именно то, что Билли Джо самый младший в большой семье Круков?

– А я и забыл, что ты комедийная актриса.

– Ну зачем же так сразу. Спасибо за информацию о Круках, но это, вероятно, все, о чем сейчас можно поговорить, не нарушая принципов этики.

– Конечно-конечно.

Он никогда не пытался вытянуть из нее больше, чем она считала нужным сообщить, исходя из тайны взаимоотношений адвокат-клиент. Поскольку именно он издавал местную газету и два раза в месяц публиковал свои передовицы, ей приходилось постоянно остерегаться как бы не выболтать что-нибудь важное. И не потому, что она сомневалась в его порядочности, а прежде всего ради своей собственной безопасности.

– Что привело тебя сюда? – спросила она.

– Я хотел сообщить, что не обедаю сегодня дома.

– О, Мэт!

Он поднял руки вверх, взывая к ее разуму, пытаясь унять протестующие вопли:

– Очень жаль, но ничего не могу поделать.

– Второй раз за последние четыре дня! Что у тебя на сей раз?

– Леонард Уайли пригласил сегодня нас с отцом поохотиться на енотов. Он приобрел собаку и очень ею гордится. Короче говоря, отец принял приглашение от моего имени.

– Скажи ему, что сегодня не пойдешь на охоту, у нас свои планы.

– Но у нас же их нет.

– Тогда скажи, что ты пообещал мне остаться дома и мы просто посидим у телевизора.

– Но я же не обещал.

– Он об этом не знает.

– Но я-то знаю!

– Боже мой! – воскликнула она в ужасе.

– Неужели ты ни разу в жизни не врал?

– Врал, но только не отцу.

– В таком случае скажи ему правду. Объясни про мою физиологию, пожалуйста, что я такая сука, что не позволяю тебе бродить ночами на охоте и угрожаю тебе кастрацией, если ты оставишь меня сегодня в гордом одиночестве. – Она проворно выскочила из-за стола, размахивая ножом для бумаги.

Весело расхохотавшись, он уклонился от воображаемого удара в промежность.

– Я так и знал, что ты огорчишься, – тяжело вздохнул он.

– Я не огорчилась. Я просто обделалась от злости. Его веселая улыбка тут же слетела с лица:

– Неужели не нашлось других слов?

От этого дурацкого упрека она еще сильнее разозлилась:

– Я грублю тебе от отчаяния, Мэт. Черт возьми, мой муж всего лишь через три месяца после свадьбы предпочитает провести ночь с охотничьей собакой, а не со мной! Думаю, я имею право быть вульгарной.

Она резко повернулась, и направилась к книжному шкафу, где хранились фолианты по юриспруденции и толстенные тома федерального законодательства и законодательства Южной Каролины. Там же, на одной из полок стоял свадебный подарок Роско – картина в рамке, а с краешка их сва-

дебная фотография. Она специально поместила картину на самом видном месте.

Когда Роско впервые увидел свой подарок в офисе, он гордо расправил плечи и выпятил грудь. Детская неподдельная радость уборщика до слез умилила ее. Пожалуй, не зря она пошла наперекор Гибу и Мэту и послала ему приглашение на свадьбу.

– Никак не пойму, – глядя на фото, сказала она, – почему для тебя так важно взглянуть на новую охотничью собаку.

– Для меня – нет, – спокойно возразил Мэт. – Но она так много значит для Леонарда, что я просто задену его, если не разделю с ним радость.

Она мгновенно повернулась и в упор посмотрела на него:

– А меня, значит, ты не заденешь.

– Я этого не хотел.

– Но ты именно так и поступаешь.

– Я делаю то, – еле сдерживаясь, произнес он, – что устраивает всех. И откровенно говоря, уже здорово устал от всей этой кутерьмы.

Похоже, он давно уже мучился, но не мог набраться смелости и завести разговор. Сейчас решился.

– Не знаю, что хуже, Кендал, – исподволь начал он, – твой обиженный вид, когда я не считаюсь с тобой, или упреки друзей, когда подчиняюсь тебе.

Слова прозвучали хлестко и обожгли ее до глубины души.

– Поскольку твоя женитьба стала помехой для твоих дру-

зей, может, стоило хорошенько подумать, прежде чем предложить мне руку и сердце.

– Я искренне желал этого, – сказал он. – Правда. Но ты должна понять, что...

– Что ты прежде всего принадлежишь им, – закончила она. – И в особенности Гибу.

Он поспешно приблизился и обнял жену за плечи.

– Совершенно верно. После смерти матери я стал для него всем. Мы прожили вместе почти тридцать лет. Вдвоем, я и он. Теперь, в связи с моей женитьбой, он очень одинок.

– Одинок? – переспросила она возмущенным тоном. – Да я не задумываясь назову тебе дюжину женщин, которые ухлестывают за ним и стремятся переплюнуть одна другую лишь бы добиться его расположения. Предложений столько, что он мог бы целый год не обедать дома! Друзей больше, чем возможности всем уделить внимание! Почему ты должен вечно его развлекать?

– Потому что он мой отец и я его очень люблю. А он любит меня. И тебя тоже, – добавил Мэт с особым нажимом на последнее слово. – Ну что плохого он тебе сделал или что-нибудь не так сказал? Разве он не старался изо всех сил, чтобы ты здесь чувствовала себя как дома?

Она опустила глаза и глубоко вздохнула:

– Да, Мэт, это правда. Мне нечего возразить...

Он приложил свой палец к ее губам:

– Давай не будем спорить, Кендал. Ненавижу наши споры.

Ей страшно не нравилось, когда, изложив свою позицию, он потом требовал примирения, лишая ее возможности сделать то же самое. Но даже последний студент юридического факультета прекрасно разбирался в преимуществах выбора аргументов разных сторон, тут она шла ему на уступки. Дело было вовсе не в том, что его желание поохотиться противоречило ее специфическим планам на сегодняшний вечер.

Просто именно эти, свободные от всяких встреч и бесед вечера, она любила больше всего. Ей нравилось, когда они оставались вдвоем, смотрели телевизор, обжирались кукурузными хлопьями. И занимались любовью. Когда же он где-то на стороне встречался с друзьями, она чувствовала себя одинокой и брошенной, тем более что не разделяла их увлечений.

Тем не менее Кендал предпочитала одиночество дома, нежели длинные вечера в обществе жен его друзей, когда мужчины предавались охоте.

Правда, она пыталась обзавестись друзьями, но все эти попытки так ни к чему и не привели, поскольку в отличие от других женщин ее занимала собственная карьера. Кроме того, еще что-то, почти неуловимое, пропастью пролегло между ней и всеми ее знакомыми. Паранойя это или нет, но она почти физически ощущала, что все окружающие что-то намеренно от нее скрывают. Иногда ей казалось, что этой отчужденности она никогда бы не ощутила, пусть она глубокие корни в этом городе.

В самом деле, ей так и не удалось раствориться в общей массе. Возможно, с досады и отчаяния она невольно выплескивала все свои чувства на Мэта, поскольку тот был просто нарасхват. Возможно, она просто расстроилась, будучи не принятой в высшие круги Проспера. А Мэтом восторгались все наперебой. Естественно, она подсознательно стремилась к безраздельному обладанию мужем.

В любом случае ей была присуща патетика молодой жены, которая без разбору отвергала все права мужа на деятельность вне дома.

– Хоть бы эта чертова собака не поймала ни одного енота, – чуть слышно прошептала она.

Мэт воспринял ее слова, как попытку выбросить белый флаг и поцеловал в нос:

– Я долго не задержусь, но ты меня не жди.

– Все равно буду ждать, – возразила она. Он еще раз поцеловал Кендал и направился к двери. – Аккуратнее с оружием и вообще, – бросила она вдогонку.

– Конечно-конечно.

Закрыв за ним дверь, Кендал долго сидела в офисе и размышляла. Мэт наконец высказался, подумала она. Да, положение у него уязвимое и он сам себя загнал, стараясь найти золотую середину между отцом и женой, которых одинаково горячо любил и всячески пытался ублажить.

Она никогда не стремилась их поссорить, напротив, всегда хотела гармонично влиться в их семью. Может, следова-

ло бы проявить больший интерес к их увлечениям, а не ворчать по каждому поводу? Вот бы Мэт обрадовался, впрочем, и Гиб тоже. Он ведь частенько повторял, что желает видеть ее полноправным членом их сообщества.

Теперь Кендал чувствовала себя гораздо лучше. Ее не устраивает нынешнее положение дел – что ж, она в силах все изменить, и добьется этого, наверняка добьется.

Игра стоила свеч еще и потому, что ей мало было просто хорошего брака. Ей хотелось создать самую лучшую семью на свете.

Билли Джо Крук оказался высоким, долговязым парнем, без каких-либо существенных различий в размерах плеч, талии и бедер. Под одеждой без труда угадывались острые кости. Временами он резко встряхивал головой, убирая с глаз светлые прямые волосы, что весьма напоминало нервный тик.

– В полицейском протоколе сказано, что в момент задержания у тебя под рубашкой обнаружили компакт-диски, – начала Кендал ровным голосом.

Он громко втянул в себя содержимое носа и проглотил: – Я собирался за них уплатить.

– За пределами магазина?

– Я пошел к машине, чтобы взять деньги, а эти засранцы налетели на меня сзади, скрутили и стали обыскивать, будто я какой-то страшный преступник.

– Уг-гу, – задумчиво протянула Кендал, абсолютно не отреагировав на его неловкие попытки изобразить из себя невинного младенца. – Тебя раньше уже задерживали за кражу?

Он тупо уставился на нее своими бесцветными глазами. Кендал выдержала этот холодный взгляд и терпеливо ждала, что будет дальше. Наконец он обвел глазами потолок, охранника у двери, остальные предметы в комнате. Через секунду снова глянул на нее своими жуткими колючими глазами:

– Нет.

– Билли Джо, – предупредила она тихо, – не стоит мне врать, поскольку я все равно узнаю правду. И лучше, все расскажешь ты сам, чем я услышу ее от мистера Горна. Раньше аресты были?

– Меня не арестовывали.

– Но инцидент уже был?

Он нагло ухмыльнулся, как бы отвергая упреки:

– Пару лет назад? В Пигли-Вигли?

Кендал, сложив руки на груди, приготовилась слушать его объяснения.

– Эта... эта девчонка у кассы сказала, что я пытался украсть книжку комиксов. – Он равнодушно пожал плечами. – Эта сука все наврала.

– Ты книжку не брал?

– Я, конечно же, взял ее с полки, – нехотя продолжил он. – Я просто взял ее с собой в туалет, чтобы почитать, сидя на

унитазе. Но эта сука подняла вой и вызвала менеджера. Тот вышвырнул меня из магазина, пригрозив, чтобы ноги моей больше там не было. Как будто я что-то сделал. Я им так и сказал, что они меня больше не увидят.

– Полагаю, – заключила Кендал, – они очень расстроились.

– Эй, стерва, ты на чьей стороне? – заорал он, вскакивая со стула. – И вообще, почему мне дали женщину в качестве адвоката?

Кендал так резко поднялась из-за стола, что стул, упав на пол, отлетел в сторону. Полицейский тотчас ринулся к Билли Джо, но она жестом остановила. Тот, еле сдерживаясь, попытался назад, сохраняя бдительность, дабы призвать Билли Джо к порядку в случае необходимости.

Кендал сверху вниз посмотрела на клиента и перешла на угрожающий шепот:

– Если ты хоть раз еще назовешь меня подобным образом, я выбью все твои гнилые зубы и тебе придется их проглотить. Ты меня понял? И на твоём месте я бы предпочла адвоката-женщину, а не мужика. Ты настолько отвратителен, что ни одна женщина не захочет представлять твои интересы в суде, если не будет уверена в том, что тебя осудят незаконно.

После этой тирады Кендал дала ему достаточно времени поразмыслить над ее словами. Он беспокойно ерзал на стуле и беспрестанно грыз грязные ногти, и без того обкусанные. Несмотря на его наглую ухмылку, теперь она заметила лег-

кие признаки беспокойства.

– Ну ладно-ладно, – наконец выдавил он. – Не надо катить на меня бочку. Я не имел в виду ничего плохого.

– Нет, ты имел в виду вполне определенные вещи, – твердо возразила она, поднимая упавший стул и усаживаясь на него. – Мне плевать, что ты обо мне думаешь, Билли Джо. Мне заплатили, чтобы я представляла твои интересы в суде. Хорошо я это сделаю или плохо, это уже мои заботы. Независимо от исхода судебного процесса, я все же получу свой чек в следующую пятницу. Ты меня понял?

Он все прекрасно понял.

– Я не хочу в тюрьму, – тихо сказал он и тряхнул головой, отбрасывая назад волосы.

– Ну хорошо, – примирительно сказала она. – Давай продолжим разговор.

– Признать себя виновным? То есть признаться в том, что он украл? Да ты просто выжила из ума, дамочка!

Грубость, казалось, была неотъемлемой чертой всей семьи Круков, как и их соломенного цвета грязные волосы и лишённые всякой пигментации глаза. Старшие братья-близнецы Билли Джо, такие не высокие и ширококостные, не выглядели, впрочем, такими долговязыми. Возраст сгладил их острые плечи.

Генри и Лютер Крук пристали к ней по дороге из здания суда. Они тоже здорово негодовали по поводу того, что ин-

тересы их младшего брата в суде представляет женщина. Не обращая никакого внимания на их возражения, Кендал спокойно начала излагать стратегию защиты, которую она предложила их брату.

– Я вовсе не выжила из ума, – возразила она ровным голосом. – По некоторым соображениям Билли Джо должен признать себя виновным.

– Признать себя виновным, – грустно повторил Генри. – Ну и адвокат! Ладно, забудь об этом. Мы найдем кого-нибудь другого. Такого, который хорошо знает, что делает.

– Прекрасно, – тут же отреагировала Кендал. – Буду очень рада передать это дело любому, кого вы найдете, или кого назначит суд. Но моя обязанность заключается в том, чтобы закончить это дело как можно быстрее. Может пройти не одна неделя, прежде чем появится новый адвокат. Когда вы собираетесь при влечь его?

Лютер и Генри какое-то время раздумывали над неожиданным поворотом дела. Затем Генри с сожалением посмотрел на Лютера:

– Мать не выдержит, если малыш окажется в тюрьме.

– Выслушайте меня, а затем принимайте решение, – миролюбиво предложила Кендал. – Билли Джо сейчас только шестнадцать. Он еще подросток. Это его первый суд. Забудем про инцидент в Пигли-Вигли. Тогда он не был арестован и не предстал перед судом. Но и в противном случае это не приняли бы во внимание.

– Гм-м?

Генри пихнул брата локтем под ребра:

– Заткнись, дай ей договорить.

Поскольку Генри казался посмышленнее, Кендал стала перечислять все аргументы именно ему.

– Я уверена, что если Билли Джо появится перед судьей по семейным делам и признает, что допустил ошибку, то есть вышел из магазина, не оплатив покупку, эти компакт-диски, хотя и собрался это сделать, то он, вероятнее всего, получит выговор и будет отпущен на поруки.

– То есть?

– То есть не проведет в тюрьме ни дня и его не пошлют на освидетельствование в округ Колумбия.

Это так называемое освидетельствование представляло собой задержание подростка в течение пяти дней и выяснение в течение этого времени всех тонкостей, зафиксированных в Департаменте подростковой преступности. После этого председатель суда выносит свое решение, исходя из рекомендаций Департамента.

– Что означает «на поруки»?

– Это означает, – терпеливо продолжала Кендал, – что Билли Джо не должен допускать подобных «ошибок» на протяжении года. К нему в это время будут внимательно присматриваться. Тут уж ему придется держаться подальше от всяких происшествий.

– А что, если он снова попадется?

– Попадется снова, получит срок на всю катушку. Генри молча обдумывал услышанное, почесывая свой локоть:

– А еще есть какой-нибудь выход?

– Другой выход – признать себя невиновным. Он представит перед судом, который скорее всего назначит ему строжайшее освидетельствование и направит дело в Департамент подростковой преступности. В этом случае, как мне кажется, судья более благосклонно отнесется к раскаянию со стороны обвиняемого.

Кендал увидела пустые глаза, уставившиеся на нее. Она попыталась объяснить свою мысль более популярно:

– Судья, вероятно, поддержит Билли Джо только в том случае, если тот заявит, что сожалеет о содеянном и пообещает, что впредь не допустит ничего подобного. Должна сказать, эта идея понравилась вашему брату. Он поклялся, что если выберется отсюда, то больше не будет искать приключений. Вот и все. Что решили?

Братья долго перешептывались друг с другом в стороне.

– Идет, – сказал, наконец, Генри, когда они снова подошли к ней. – Мы согласны с этим, то есть с тем, что вы сказали.

– Прекрасно, – ответила Кендал. – Но вы должны хорошо уяснить: если Билли Джо признает себя виновным, его осудят за совершение преступления. Отныне у него будет судимость. И к тому же, нет никакой гарантии, что признание вины смягчит сердце судьи. Это такая игра, в которой рикшотом может всем достаться. Однако игра безопасная.

Они снова посовещались и дали добро, не уставая повторять, что мать здорово обрадуется, ведь ее любимчик избежит тюрьмы.

– Разумеется, как только брат выберется отсюда, она так надерет ему задницу, что он и сесть не сможет.

Эта мама, подумала Кендал, должно быть та еще штучка: – Советую вам купить Билли Джо новый костюм, чтобы он появился перед судьей в приличном виде. – Чуть помолчав, добавила: – И туалетные принадлежности. – Затем она стала подбирать слова, чтобы растолковать свою мысль. – Он должен выглядеть так, будто собирается в церковь для венчания.

– Кстати, о венчании, – перебил ее Лютер, – вы правда жена Мэта Бернвуда?

– Совершенно верно.

– И Мэт отдал предпочтение городской девушке?

– Не совсем так, – поправила его Кендал. – Я выросла в восточной части штата Теннесси. В городке Шеридан, который даже меньше Проспера.

– Но вы ведете себя как городская дама, – объяснил Лютер. – И одеваетесь точно так же, – заметил он, оглядывая ее с головы до ног. – Забавно, что Мэт на вас женился. Я всегда считал...

Он замолчал, получив очередной удар локтем под ребра.

– Лютер всегда болтает всякую чепуху, – извиняющимся тоном произнес Генри. – Давай побыстрее домой, порадуем

мать хорошей новостью. – Он подтолкнул брата к стоявшей у обочины машине.

Кендал с облегчением вздохнула. После этой встречи ей вдруг захотелось принять душ.

– Продаются рыбные консервы, – раздался рядом чей-то голос, – три банки за один доллар.

На ступеньках сидел человек, показавшийся ей знакомым. Он громко читал последний выпуск газеты Мэта. Перемазанная чем-то густая борода, с застрявшими в ней крупинками соли и перца, сильно старила его. На самом деле он, видимо, не старше Мэта.

– Добрый вечер, Бама, – сказала Кендал, улыбнувшись.

– Добрый вечер, адвокат.

– Как поживаешь?

– Ничего, потихоньку.

Как-то Роско поведал ей грустную историю.

– Он появился здесь совсем недавно, за несколько месяцев до вашего приезда. Знаете, – уточнил Роско, его зовут Бама, по названию штата Алабама. Он приходит к зданию суда каждый Божий день, невзирая на дождь или непогоду. Сидит на ступеньках и от корки до корки читает газету. Очень добродушный парень. Никому никакого зла не причиняет. Во всяком случае похоже, что так. Несколько раз его пытались отсюда прогнать, но на следующий день он всегда появлялся. Так провести свою жизнь?! – Уборщик грустно покачал головой, словно осуждая те кошмарные обстоятельства,

которые вынудили этого человека бездельничать и совсем опуститься.

Вспомнив обо всем этом, Кендал вынула из сумки долларовую бумажку и сунула в боковой карман грязного твидового пиджака бедняги:

– Купи себе этих самых консервов, Бама.

– Большое спасибо, адвокат.

– Доброй ночи.

– Всего хорошего.

Какой длинный день. Каждая минута оставила в ее душе неизгладимый след, как рубец от удара плетью.

Кендал попыталась, как обещала, дожждаться Мэта, но неожиданно так захотелось спать, что к полуночи, признав свое поражение, она улеглась в постели в гордом одиночестве.

Глава одиннадцатая

– Ваша честь!

– Тихо! – Удар судейского молотка прозвучал гулким выстрелом. – Если адвокат не состоянии сдержать эмоции своего подзащитного, а также всех за него болеющих, я вынужден буду при влечь ее к ответственности за неуважение к суду.

– Ваша честь, – хватаясь за соломинку, крикнула Кендал с места, – позвольте мне высказаться. – Одновременно она отчаянно старалась успокоить Билли Джо Крука. Тот после оглашения приговора орал что-то несуразное и размахивал кулаками.

– Подсудимый признал себя виновным и его дело передается в округ Колумбия для освидетельствования в Департаменте подростковой преступности. – Что еще на сегодня?

– Ваша честь, извините за возмутительное поведение моего клиента, – пыталась перекрычать толпу Кендал. – Но в данном случае его негодование вполне объяснимо.

Фаргоу, подавшись ей навстречу, ехидно осклабился: – Неужели?

– Да, Ваша честь.

– Не ваша честь, а ваша задница, – неистовствовал Билли Джо, шмыгая носом. – Не судья, а кусок дерьма. И она тоже. И все остальные в этом чертовом суде.

Кендал так больно схватила его за руку, что тот даже вскрикнул от неожиданности.

– Сядь на место и заткни свою грязную глотку. Я сейчас с ним поговорю.

– Ах заткнуться, с чего бы это! – гневно завопил он, стремясь высвободиться из ее цепких пальцев. – Я выполнил все, что ты мне сказала, а теперь должен отправляться в тюрьму?! Или почти что в тюрьму. Никакой психоаналитик мне уже не поможет!

Его прилизанные, предварительно сдобренные гелем волосы растрепались и торчали в разные стороны. Он резко потряхнул головой и с ненавистью взглянул на Кендал.

– Твою мать, – в сердцах рявкнул парень и с размаху плюхнулся на скамью. – Блин, я все равно сбегу оттуда. Вот увидишь!

Генри и Лютер, сидя за перегородкой в толпе других посетителей, ворчали как разозленные собаки на коротком поводке. Миссис Крук неистово осыпала проклятиями и адвоката, и судью. Все смешалось, как в кошмарном сне.

Краем глаза Кендал заметила злорадную улыбку Дэбни Горна, выступающего в качестве обвинителя. Он с нескрываемым наслаждением упивался своей победой.

Обычно такие незначительные дела он передавал одному из заместителей, почему же на сей раз себе изменил? Ведь в основном он лично не участвовал в процессе, а вручив мандат на ведение дела у себя в кабинете, затем проводил оста-

ток рабочего дня в кафе напротив, поглощая чудовищное количество чая со льдом за болтовней с посетителями.

Кендал обратилась снова к судье, чувствуя на себе взгляды всех присутствовавших, включая Мэта. Он заскочил специально, чтобы морально поддержать ее. Впрочем, лучше бы его здесь сейчас не было.

– Ваша честь, вынесенная вами мера наказания просто чудовищна. Стоимость похищенного подсудимым не превышает сотни долларов. На каком, простите, основании...

– На основании того, что ваш подсудимый является вором, мадам. И он сам признал свою вину. Если желаете, я попрошу секретаря еще раз зачитать эту часть судебного протокола.

– Нет, благодарю вас, Ваша честь, не надо. Мне известно, что подзащитный признал себя виновным. Мистер Крук сознает, что сделал ошибку в своем заявлении. Это была оплошность, а не злостное преступление, как считает суд. Это первый проступок моего подзащитного.

– Первый, но не последний, – злорадно заметил судья Фаргоу.

– Это единственный ваш аргумент, – тотчас парировала Кендал. – Должны ли мы сделать вывод, что этот суд предвзято относится к моему клиенту?

Фаргоу густо покраснел и угрожающе произнес:

– Вы не можете делать никаких выводов относительно этого суда. – Он возмущенно засопел, подбирая слова. – Вы иг-

раете с огнем, адвокат. Теперь все?

– Нет, не все, – упрямо заявила Кендал. – Пусть в протокол внесут следующее заявление. Считаю ведение этого дела несправедливым и несправедливым. Билли Джо Крук раскался в своем поступке, и, поскольку это его первое разбирательство в суде, полагаю, что мера наказания должна соответствовать обычному в таких случаях стандарту.

– Ну, значит, я просто хочу улучшить обычные стандарты, – съязвил в ответ судья. – И в соответствии с ними ваш подопечный препровождается в тюрьму Департамента подростковой преступности. Срок заключения будет определен в соответствии с его решением.

Судья тут же ударил молотком.

– Дело закрыто.

Стоило лишь полицейскому попытаться надеть Билли Джо наручники, как тот сразу же стал сопротивляться, да так отчаянно, что пришлось звать на помощь остальных стражей порядка. Братья Крук только этого И дожидались. Мигом перемахнув через загородку, они накинулись на полицейских.

Кендал тут же бросилась им наперерез, надеясь, что за это время полицейские справятся с Билли Джо и уведут его из зала суда.

– Пожалуйста, Лютер, Генри, сейчас ему ничто не поможет.

Но они, отпихнув в сторону неудачливого адвоката, кинулись на помощь брату. Больно ударившись об угол стола, она

не устояла на ногах и рухнула навзничь. Поднимаясь, она заметила, что полицейские уже волокут Билли Джо по проходу, не взирая на его пинки и нечеловеческий крик.

Лютер и Генри ломались следом.

Вдруг прямо перед Кендал мелькнула чья-то тень.

Мэт! Догнав братьев, он схватил Лютера за шкуру и прижал его к стене. Генри бросился тому на помощь, но Мэт принял бойцовскую стойку. Зверское выражение его лица привело Генри в замешательство.

– Слышали решение суда? – не своим голосом зарычал Мэт. – Дело закрыто. Билли Джо пойдет в тюрьму.

– Благодаря ей, – бросил Лютер и ненавидящим взглядом смерил Кендал. – Ты тут ни при чем, Мэт. Во всем виновата твоя жена. Это она засадила малыша за решетку.

– Ваш малыш сам постарался, когда украл эти паршивые диски, – резонно заметил Мэт. – Но не в том дело. Посмейте только пальцем тронуть мою жену, я вам глотки по вырываю.

– Мэт, пожалуйста, – вмешалась Кендал, подбежав к ним в последнюю минуту.

Вся эта перебранка вызвала повышенный интерес, и тут же налетела целая толпа зевак – поглазеть на происходящее. Да, положеньице не из легких, Кендал металась в поисках выхода. Стоит только свидетелям ее позора разболтать по всему городу, что Мэту пришлось выручать свою несчастную жену, как это самым серьезным образом скажется на ее репутации. И тогда – конец карьере, доверие к ней будет окон-

чательно подорвано. А местные обыватели получают прекрасный повод позлословить, утверждая, что женщина в принципе не может быть хорошим адвокатом.

– Мэт, я должна сама справиться, пожалуйста. Он свирепо взглянул на братьев и отошел в сторону.

– Если вы помните, – Кендал приблизилась к ним, – я вас предупреждала, что признание вины связано с риском. – Она сочувственно покачала головой. – Поверьте, я, как и вы, огорчена и шокирована.

– Пошла ты к черту.

Неожиданно сзади раздался вкрадчивый и неестественно деликатный женский голос.

– В отличие от своих хрупких отпрысков, миссис Крук оказалась крупной женщиной с весьма плотной фигурой. В каком-то дурацком, неказистом платье, в мягких домашних тапочках она устрасала одним своим видом. Видимо, не от легкой жизни ее лицо было изборождено глубокими морщинами, рот пугал зияющей расщелиной между тонкими губами, словно его не разжимали столетиями.

– Весьма сожалею, миссис Крук, – повернулась к ней Кендал. – Все вышло совсем не так, как я ожидала.

– Из-за тебя мой малыш сел в тюрьму.

– Это временно, – поспешила успокоить ее Кендал. – За Билли Джо не числится никаких серьезных преступлений. Обязательно придут документы с рекомендацией отпустить его на поруки, вот увидите. Судья, конечно, не обязан под-

чиниться, но, уверена, выполнит эту рекомендацию.

– Уверена так же, как сегодня? – грустно спросила миссис Крук. И вдруг глаза ее налились кровью. – Берегись, не дай Бог, нам еще когда-нибудь повстречаться.

Она глянула через голову Кендал и молча приказала сыновьям следовать за ней. Братья послушно стали рядом, затем все трое повернулись и без единого слова вышли из зала суда. Толпа как по команде, расступилась, уступая дорогу грозной процессии.

Кендал широко раскрытыми глазами смотрела им вслед с ужасом и болью в сердце. Сегодня утром она обрела смертельных врагов в этом городе. Такие, как Круки, никогда не забывают обид.

И никогда не прощают.

Минут за двадцать до закрытия магазина спорттоваров Бернвуда туда заглянул Дэбни Горн. Гиб приветливо кивнул и поспешил рассчитаться с очередным покупателем.

Проводив его до дверей, попрощался, запер дверь и, мимоходом погасив свет в салоне, вернулся к гостю. Тот расположился как у себя дома в подсобке магазина.

Прокурор нехотя листал каталог оружия, лениво сплевывая жевательный табак в банку из-под кофе, оставленную здесь именно с этой целью.

– Ну и болтун! У тебя уши не повяли?

– Ладно, пусть болтает. Он щедро расплатился. – Гиб уста-

ло опустился в мягкое, удобное кресло напротив Горна и откупорил бутылку диетической содовой. – Будешь?

– Уже, спасибо, – ответил Горн; громко рыгнув и сплюнув в банку, выпрямился, потирая ладони. – Гиб, ты уже в курсе, что творилось сегодня в суде?

– Да, Мэт мне звонил. Расстроен страшно. И правда, ужасно, если моя невестка поцапалась со всеми из-за этого негодяя Крука.

Горн слово в слово пересказал Гибу все, что произошло у него на глазах.

– Конечно, она теперь твоя родственница, – озабоченно произнес он в заключение, – но ведь буквально пару дней назад. А мы с тобой знакомы очень давно.

В наступившей тишине каждому вспомнилась специфика взаимоотношений, более прочных; чем семейные узы, и продолжительнее, чем сама жизнь.

– Что скажешь, Дэбни? Ты же знаешь, что можешь говорить как на духу.

– Эта девушка беспокоит меня, – ответил тот.

Гиб придерживался того же мнения, но не хотел об этом говорить, не выслушав приятеля. Настоящий лидер всегда знает себе цену и к тому же умеет слушать. И никогда не спешит высказаться, не выяснив взгляды окружающих.

– Почему, Дэбни?

– Тебе никогда не приходило в голову, что она собирается стать членом нашего сообщества Гиб? И неформально, а

фактически? – Поерзав на стуле, он пододвинулся к Гибу, словно намереваясь сообщить тому какой-то сногшибательный секрет.

– Город нуждался в общественном защитнике, который... разделял бы наши взгляды, так сказать, – сбивчиво продолжал Горн. – Мы надеялись, что такая молоденькая девчушка окажется весьма покладистой и разумной. По крайней мере, уж никак не ожидали, что она зарвется. Если помнишь, именно по этой причине мы взяли ее на работу.

Он снова сплунул в банку и, как бы размышляя, вытер рот тыльной стороной ладони:

– Но она оказалась гораздо круче, да еще со своими идеями. К тому же много щепетильнее, чем мы договаривались. И выступает против чаще, чем надо. Многим уже кажется, что мы здорово ошиблись.

Гиб, в свою очередь, был ошарашен приверженностью Кендал формальным принципам, ее сильной волей, вольнолюбием. Ему казалось, что девчонка будет поговорчивее и не такой горластой. Впрочем, Гиб не сомневался, что со временем она приспособится. Правда, понадобится чуть больше времени, чем хотелось бы, но тем не менее... Он поделился своими мыслями с Горном.

Но переубедить прокурора оказалось не так-то просто.

– Она совершенно не похожа на остальных женщин. – Пока, – Гиб старался его успокоить. – Скоро все переменится. Положись на нас с Мэтом. Как-то на днях она тут пожалова-

лась, что чувствует себя одинокой.

– Может, стоит увлечь ее делами нашего общества?

Дэбни Горн сильно сомневался на этот счет.

– Считаешь, это достаточно мудрое решение?

– Не бойся, – самодовольно хмыкнул Гиб. – Я же не дурак.

Мы не будем посвящать ее в свои тайны, пока не убедимся в полной приверженности нашим взглядам.

– Ты, правда, веришь в то, что она поймет и приобщится?

– Да, – ни минуты не колеблясь, ответил Гиб. – Разум невестки все еще находится в плену тех либеральных мерзостей, что окружали ее с детства. Но бабушка-то не вечна. И в один прекрасный момент ее влияние исчезнет.

– А что, если не исчезнет?

– Так должно быть, – твердо произнес Гиб, но затем смягчившись, широко улыбнулся: – Однако не стоит подгонять, Дэбни. Пусть идет своим чередом. Нельзя обрушивать на девочку все сразу без разбора. Она слишком импульсивна. – Гиб яростно сжал кулаки, сверкнув во тьме глазами. – Укрощение строптивой.

– Оставь это мне. Я прекрасно знаю, как и что сделать.

Гиб поднялся и заторопился к выходу.

– Дело в том, – заговорщицки сообщил он Горну, – что она пригласила меня на ужин, и если мы задержимся, я опоздаю.

С порога Горн еще раз напомнил:

– Надеюсь, Гиб, ты правильно понял. Я – все братья – доверяем тебе. И всегда доверяли.

– В таком случае братьям не о чем беспокоиться, не так ли?

– Это был очень благородный жест, Мэт, но мне следовало справиться самостоятельно. – Кендал приблизилась к нему и многозначительно похлопала по плечу.

Однако он ничуть не оттаял.

– Да, кастрировать меня у всех на глазах.

– О, пожалуйста, Мэт!

– А что, не так? Публично меня унизила.

Она беспомощно повернулась к Гибу, словно в поисках поддержки:

– Все выглядело совершенно по-другому.

– Похоже, вы устроили там настоящий спектакль. – Но не так сенсационно, как описывает Мэт, – возразила Кендал.

– А Дэбни считает, что именно так все и было. Настоящая сенсация.

– Дэбни! Ты разговаривал с ним?

Гиб молча кивнул.

– Сегодня вечером он зашел ко мне в магазин и изложил свою версию.

– Согласно которой я, несомненно, выглядела грубой, неотесанной, деревенской бабой. – Кендал резко встала из-за стола. Она надеялась успокоить Мэта, пригласив Гиба на гамбургеры, но ничего хорошего не вышло. Конечно, Мэт чувствовал себя смертельно уязвленным; да и как иначе: же-

на не позволила мужу ее защитить!

Вместо примирения они еще сильнее разругались. Все ополчились на нее. Правда, Гиб резко не высказывался, но она по глазам видела, что он тоже не одобряет ее поведения.

– Еще смешнее было бы, если бы Мэт ввязался в драку с Круками – Кендал пыталась достучаться до мужа – Разве я стремилась унижить тебя, Мэт? Я просто хотела отвести беду.

Мэт все еще дулся и нее собирался так быстро прощать.

– Ну и ну! Не дай Бог услышать, что мой сын и невестка затеяли потасовку с этими беднягами Круками, покачал головой Гиб. – И совсем неважно из-за чего.

– Это ж дружки Кендал, а не мои, – недовольно проворчал Мэт.

Кендал, прислонившись к шкафу, медленно считала до десяти.

– Они мне не дружки, Мэт, – сказала она, немного успокоившись. – Билли Джо оказался моим подзащитным. А в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов Америки каждый человек, включая Билли Джо Крука, имеет право на защиту в суде. Если я не ошибаюсь, в Проспере все еще придерживаются этой Конституции. Разумеется, мои клиенты редко представляют высшие слои общества, его сливки, так сказать.

– Вот это-то мне и не нравится, – подвел черту Мэт. – Ты практически ежедневно отираешься с этой голытьбой.

– Но это моя работа, Мэт.

– Я думаю, – вмешался Гиб, – все дело в разделенной лояльности. Ты приняла сторону Круков, а не сторону мужа, Кендал, и каждый мог убедиться в этом.

Кендал решила, что ослышалась, и повернулась, ожидая опровержения. Но тот был совершенно серьезен.

– Вы все преувеличиваете, – чуть не закричала она. – Вы оба!

– Ты, вероятно, права, – спокойно ответил Гиб. – Но это не должно повториться. Никогда. И, похоже, я нашел выход. Пожалуйста, присядь.

Она нехотя опустилась на стул. Гиб, как и Мэт, не давал ей возможности высказаться. Он просто одним махом отметал все аргументы.

– Вот уже некоторое время я вынашиваю некую небезынтересную идею, – издалека начал Гиб. – Сейчас, кажется, самый подходящий момент вас ознакомить. Кендал, ты никогда не мечтала вернуться в частную фирму и заняться частной практикой?

– Нет, что-то не припомню.

– А может, стоит подумать?

– Я не горю желанием работать в условиях ожесточенной конкуренции, где вся энергия уходит на карьеру, а не на профессиональные обязанности.

– А что, если там не будет ожесточенной конкуренции? – загадочно поинтересовался Гиб. – И вообще никакой конку-

ренции? Что, если я посажу тебя в твой собственный офис? Я бы оплатил все счета, пока ты не станешь зарабатывать самостоятельно.

Такого поворота событий она никак не ожидала и несколько мгновений, показавшихся вечностью, приходила в себя. Одно она знала наверняка: надо отклонить это предложение. И отклонить очень деликатно и дипломатично. Через секунду она взяла себя в руки и недрогнувшим голосом ответила:

– Это чрезвычайно щедрое предложение; Гиб. Огромное спасибо. Но я никогда не смогу вернуть эти деньги. Просто не будет обширной клиентуры, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Я верю в тебя.

– Я тоже верю в себя, – ничуть не смутившись произнесла Кендал. – Но не верю в жителей Проспера. Здесь достаточно консервативный уклад жизни. Ты так не считаешь? – спросила она Гиб с грустной улыбкой. – Будь у семьи Круков хоть малейшая возможность выбора, они никогда не наняли бы меня в качестве адвоката. Кто в этом городе станет обращаться ко мне за юридической помощью? Ко мне, женщине? И доверит мне свои юридические проблемы?

– Да зачем тебе много клиентов... – попытался что-то вставить Гиб.

Впервые за весь вечер слегка оживился Мэт.

– Совершенно верно, дорогая, – поддакнул он. – Мы бы выбрали наиболее приемлемый для тебя стиль работы.

– Ну что ты, Мэт. Представить страшно, смех да и только – невестка Гиба, жена Мэта, одевается каждое утро и играет роль адвоката. – Кендал оставалась неколебимой. – Я очень благодарна вам, но не согласна.

– Разумеется, решать тебе, – разочарованно протянул Гиб. – Хотя, по-моему, ты напрасно растрачиваешь свой талант на государственной службе.

Гиб даже не догадывался, до какой степени он задел ее самолюбие, как сильно обидел!

– Понапрасну, Гиб? – Она взвилась, как ужаленная. – Я так не считаю. Понимаешь, не только подозрительное отношение к женщинам и жесточайшая конкуренция в фирме «Бристол и Мазерс» заставили меня ее покинуть.

Кендал собралась с духом и продолжила:

– Вплоть до сегодняшнего дня об этом знали только Рики Сью и бабушка. Но вам я сейчас расскажу, может быть, тогда вы наконец поймете, почему я предпочла карьеру общественного защитника.

Она взволнованно принялась ходить по комнате взад и вперед.

– В «Бристол и Мазерс» пришла однажды некая женщина в поисках поддержки и помощи. Муж заразил ее вирусом СПИДа, а затем бросил на произвол судьбы с тремя детишками. Здоровье ее ухудшалось с каждым днем. И когда она оказалась не в состоянии работать, чтобы обеспечить семью, штат взял опеку на малышами и поместил их в воспитатель-

ный дом.

Через шесть месяцев она до такой степени истосковалась, что решила во что бы то ни стало повидаться. Но все ее официальные запросы остались без ответа. И тогда она явилась в здание правительства штата с пистолетом в руках, заявив, что-либо она увидит детей, либо... Ее тут же арестовали. Пистолет оказался даже не заряжен, но это детали.

Она внесла залог и была отпущена на свободу, – продолжала Кендал. – Намучившись с адвокатом, которого ей назначили, она в надежде на взаимопонимание пришла ко мне. Да, она совершила преступление, но в силу чрезвычайных обстоятельств. Я пришла к выводу, что закон и справедливость находятся в вопиющем противоречии друг с другом. Перед собой я видела не преступницу, а женщину, которая хотела только одного: в последний раз увидеть своих детей, увидеть перед смертью. Я согласилась ее защищать.

Она глубоко вздохнула, чтобы перевести дух и справиться со взрывом ярости и негодования, каждый раз овладевавшим ею при воспоминании о встрече с коллегами в конференц-зале.

– Все они просто ужаснулись: женщину застали на месте преступления. Заведомо проигрышное дело. Да и сама фирма не хотела связываться с клиентом, зараженным СПИ-Дом. Мне самым решительным образом отказали в поддержке. Мало того, денег на оплату судебных издержек у женщины не было. А фирму «Бристол и Мазерс» интересова-

ли только прибыльные дела. К чему заниматься благотворительностью? Поступившись этим принципом хотя бы однажды, компания рисковала навлечь на себя приток неимущих. Поэтому все единодушно советовали мне бросить это дело.

Был бы у меня выбор, я бы ни минуты больше не осталась в этой фирме. Но сидеть без работы... Поэтому я так безумно обрадовалась вакансии в Южной Каролине! Я подумала, что здесь можно будет работать на совесть, не задумываясь о прибыли работодателя. Я преклоняюсь перед законностью и придерживаюсь того старомодного принципа, в соответствии с которым закон создан для людей, а не для юристов.

Кстати, та женщина умерла незадолго перед судом.

Умерла, так и не увидев своих детей. Поэтому, в очередной раз проигрывая дело, я воспринимаю это как свое личное поражение. Будто бы снова предала ее.

– Очень трогательно, Кендал. – Гиб пребывал в некотором раздумье. – Но вряд ли следует считать своим поражением решение судьи отправить Билли Джо в Колумбию.

– В данном случае совершенно не обязательно было так делать. Его проступок не гарантировал дальнейших преступлений.

– Ну, я обычный продавец спортивных товаров, – продолжил Гиб. – И понятия не имею почему судья вынес именно такое решение. – Гиб секунду помолчал. – Он такой же человек, как и все мы. Естественно, ты огорчена, но не стоит считать его решение предвзятым. Ты сделала все, что могла.

Полностью оправдала наши ожидания.

– Ах, поддержка оказалась очень кстати.

– Спасибо за участие, Гиб. – Она выглядела растроганной.

– Отец – человек мудрый, – высказался Мэт. – Стратегически он всегда прав.

Кендал тихонько приблизилась к Мэту и обняла его.

– Я пропадаю без дружеского сочувствия. Надеюсь, мы остались друзьями?

Он долгим взглядом посмотрел на нее через плечо:

– А ты как думаешь?

Она поцеловала его в лоб:

– Спасибо, что выручил меня. Сегодня я лучше узнала тебя и весьма сожалею, если показалась неблагодарной и неспособной оценить твоё благородство.

– Забудь. – Он улыбаясь ответил на поцелуй. Затем сложил руки на груди и вопросительно посмотрел на отца. – Может, наконец откроем наш секрет, отец?

– Секрет? – Кендал радостно всплеснула руками и удивленно посмотрела на них.

Какой ужасный сегодня день. А завтра будет еще хуже, поскольку слухи, наверное, уже разошлись по всему городу. Бама, и тот уже слышал.

– Очень плохо, адвокат, – бросил он. – Ну ничего, в следующий раз обязательно выиграете. – Его искреннее сочувствие почему-то не помогло, наоборот, настроение ее окончательно испортилось.

Где-то в глубине души она прекрасно понимала, что сделала все от нее зависящее. И тем не менее глубоко переживала неудачу. Кендал чувствовала себя лгуньей, словно обманула чаяния тех, кто ей доверял, – своих клиентов, их семьи, свою бабушку, даже покойных родителей.

Сегодня она до дна выпила всю горечь поражения. Но теперь все уже позади, надо извлечь урок и спокойно готовиться к следующему делу. Работать больше, работать разумнее. Она добьется успеха.

Кендал привела свои мысли в порядок, настроение потихоньку улучшилось. Заманчиво маячили предстоящие выходные.

– Ну, что вы такое задумали? – поинтересовалась она.

– Мэт говорил, что в выходные ты не прочь отправиться за город.

– Не сказала бы, что сильно настаиваю, – плутовато улыбаясь, ответила девушка.

– Да, а где «прошу», «умоляю», «требую»?

Она тут же притворно ударила мужа кулачком в живот, он с готовностью также игриво скорчился от воображаемой боли.

Гиб удовлетворенно улыбался – слава Богу, гармония в семье восстановлена.

– Так ты хочешь послушать или нет?

Кендал сразу же посерьезнела:

– Конечно, хочу.

– В эту субботу будет полнолуние.

В ее голове мгновенно пронеслись романтические картины ужина при свечах в каком-нибудь заброшенном домишке в горах или лодке, плывущей по лунной дорожке озера.

– Полная луна в ноябре может означать только одно, – загадочно произнес Мэт, подогревая ее интерес.

– Что? – спросила она, затаив дыхание.

– Массовый забой свиней.

Глава двенадцатая

Гиб появился еще до рассвета, горя желанием поскорее отправиться в путь в прохладном утреннем воздухе. Изо рта вырвались клубы пара, когда Кендал вышла на улицу. Все трое забралось в кабину пикапа. Кендал дрожала от холода и никак не могла согреть руки.

Мэт прижал ее к себе, чтобы было потеплее:

– Холодно?

– Да уж, – клацнула она зубами. – Ну ничего, согреюсь. – Сама напросилась на эту поездку, стремясь отныне разделять интересы мужа. Потому-то жаловаться сейчас на холод было бы просто смешно.

– Понимаешь, – объяснял ей Мэт, пытаясь ввести – в курс дела, – перед замораживанием свиней следует забивать только в холоде.

Гиб, быстро разогрев мотор, тронулся с места.

– Точно, – подтвердил он, – в противном случае не исключено, что мясо окажется непригодным к употреблению.

– Что ж, разумно.

– Поэтому свиней по традиции забивают осенью. А летом мы усиленно откармливаем их зерном.

– Мы?

– Ну, не мы сами, – засмеялся Мэт. – А наш фермер на своей собственной ферме.

– Понятно.

– Помнишь мясо, что мы ели на нашей свадьбе? Так вот, это свинина с нашей фермы, – гордо произнес Мэт. Кендал, втайне содрогнувшись, ухмыльнулась.

– Никогда бы не подумала, что лакомлюсь другом семьи.

Мэт с Гибом расхохотались от души.

– А ты-то, бедная, до сих пор не знала, что мясо производится отнюдь не в тех красивых вакуумных упаковках, что продаются в магазине?

– Я предпочла бы думать именно так.

– И ты еще говоришь, что ты не городская?

Эта фраза остро напомнила Кендал слова одного из Круков. Ну и, в свою очередь, породила мысли о Билли Джо и о том, что сегодня его отправляют в Колумбию. Парень уже зарекомендовал себя здесь как наглый возмутитель спокойствия с клеймом вора, ясно давая понять, что будет противиться всяким анализам. А в этом случае не жди хороших рекомендаций: сердце Кендал мучительно сжалось от тоски и безысходности.

Муж покрепче прижал ее к себе, решив, что она страдает от холода.

Ферма стояла вдали от шоссе, в дикой глухомани посреди леса, куда можно было добраться только по узкой и очень грязной дороге. Бернвудов уже поджидали.

Около дюжины prosperous семей устроили что-то

вроде карнавала. Холодный воздух пропитался запахом гари и дыма многочисленных костров, на которых в огромных за- копченных котлах, буря и пенясь, кипела вода.

На опушке стайка ребятишек весело играла в пятнашки. Возле пикапа тут же собрались подростки, с шумом и гамом о чем-то беззаботно болтая.

Празднично настроенная публика радостно загудела при виде Бернвудов. Кто-то тут же передал Кендал кофе, и она с удовольствием отхлебнула. Горячий напиток явно взбодрил девушку, она повеселела, но тут взгляд ее упал на огромные туши.

Они висели вниз головой, только что освеженные, и кровь обезглавленных животных медленно стекала на землю. Она смотрела на них замороженным взглядом не в силах их сосчитать и не в состоянии оторваться.

– Кендал? Дорогая?

Рядом появился Мэт, лицо его неожиданно вытянулось. Он дотронулся до нее и повернул к себе. В черных резиновых перчатках, резко выделявшихся на нем, в рабочем комбинезоне, длинном резиновом фартуке и высоченных резиновых сапогах, его прикосновение оказалось холодным и неприятным.

Она опустила взгляд. Под ногами почти не было травы, всюду противная липкая грязь, такая же ржавая, как и комбинезон мужа.

– Это кровь? – с ужасом спросила Кендал и показала на

большие рыжие пятна.

– Здесь мы обычно забиваем свиней.

Кендал с трудом сглотнула подступивший к горлу ком.

– Ты очень побледнела, Кендал, – обеспокоился Мэт. –

Что с тобой?

– Меня немного тошнит.

– Надеюсь, это обычная утренняя слабость?

– К сожалению, нет, – сказала она грустно.

Его разочарование полностью совпадало с ее собственным. Безумно желая ребенка, он обещал оказывать ей всяческую помощь по дому и в воспитании малыша. Правда, она ни минуты не сомневалась, что и сама справится, умело сочетая материнство с карьерой.

Кендал обходился без противозачаточных средств, и тем не менее организм продолжал работать как часы, в соответствии с лунными фазами.

Мысль о луне, полнолунии, вернула ее к суровой действительности.

– Я просто не ожидала, что они такие беспомощные и... оголенные, – еле выдавила она, кивая на жуткие туши.

– Сначала все выглядело по-другому, – откликнулся Мэт, безуспешно стараясь скрыть свое удивление. – Обычно их привозят сюда и убивают выстрелом в голову. Затем, проткнув шейную вену и выпустив кровь, промывают горячей водой и срезают щетину. Это не так-то просто, и мы хорошо платим работникам. К примеру, горцы получают за та-

кую грязную работенку несколько долларов, внутренности и головы.

У Кендал подкосились ноги:

– Головы?!

– Они идут на холодец, надо только поварить как следует.

– Мэт!

Супруги разом повернулись и увидели Гиба рядом с одной из свиных туш. Одетый так же, как и Мэт, он замахал руками, подзывая сына.

– Иду, отец, – крикнул он и с тревогой оглянулся на Кендал. – Ты не ошибаешься, с тобой и правда все в порядке?

– Да-да, – поспешно заверила она. – Просто я же раньше никогда не видела...

– Кендал, все не так ужасно, как ты себе представляешь. – Мэт пытался привести жену в чувство. – Даже дети не особенно переживают.

– О, это невероятно волнующее зрелище, – тотчас заметила девушка. Отец с сыном рассчитывали, что поездка окажется небесполезной для нее, и ни к чему выглядеть благодарной. – Наверное, мне просто нужно чуточку попривыкнуть.

– Мэтью!

– Уже иду, отец.

Мэт порывисто поцеловал Кендал и опрометью кинулся к отцу. Она же решила немного подышать открытым ртом, чтобы избавиться от подступившей тошноты и успокоиться.

Глубокий вдох и медленный выдох. Она старалась насытить организм чистым деревенским воздухом.

Мэт озабоченно оглянулся. Кендал заставила себя весело взмахнуть рукой и изобразить ободряющую улыбку. Она не отрываясь смотрела, как Гиб вручил сыну тесак с длинным и широким лезвием, затем подтащил животное. Мэт проворно полоснул ножом по шее, разом обнажая позвонки. Секунду спустя окровавленная голова свиньи уже была в его руках, а огромная туша глухо плюхнулась под ноги.

Кендал мгновенно потеряла сознание.

Прихожане провожал и ее взглядами, когда они всей семьей пробирались на свое обычное место.

Уткнувшись в программу службы, она притворилась, что очень увлеклась чтением, дабы избежать любопытных взглядов мужчин и укоризненных глаз женщин. Без сомнения, все они считали ее слабонервной фиалкой.

Кендал неудержимо захотелось крикнуть:

– Я еще ни разу в жизни не теряла сознание! Разумеется, она осталась сидеть, но от Мэта не укрылось ее возбужденное состояние.

– Успокойся, милая, – шепнул он на ухо.

– Не могу, – пожаловалась она. – Все же знают о моем вчерашнем позоре.

Самое ужасное, что она очухалась в грузовике Гиба. Над ней суетились какие-то люди, похлопывая по щекам, расти-

рая руки и безжалостно поминая ее слабые нервишки.

– Просто паранойя какая-то! – досадливо бросил Мэт. – Ну и узнали, и что с того?

– Мне очень неловко.

– Ерунда. Чисто женская реакция на новый опыт. Кроме того, я наконец-то реабилитировался. Меня прямо-таки посчитали героем, когда я на руках отнес тебя в грузовик и проявил максимум заботы. – Он ласково улыбнулся. – Ты очень обаятельна в своей беспомощности.

Кендал могла бы поспорить с ним по этому поводу, ибо слово «обаятельная» не лучшая характеристика общественного защитника, но не стала. Его любящий взгляд вновь напомнил о дне свадьбы и у нее отлегло от сердца.

Опершись на его руку, она прочла молитву, прослушала проповедь и снова уселась на место. Правда, она по-прежнему чувствовала себя не очень уютно, и не только из-за вчерашнего. Ей не по нраву пришелся здешний священник, хотя Бернвуды уже давно посещали эту протестантскую церковь.

Священник, Боб Вайтекер, вне церкви любезный джентльмен и добрый пастор для своих прихожан, мгновенно преобразался за кафедрой, осыпая их проклятиями, грозя Страшным судом и пугая дьявольскими кознями. Впрочем, сейчас многие евангелисты устрашали публику разнообразными карами прямо с экрана телевизора.

Все это было еще полбеды – ее пугала сама манера проповеди, какая-то неестественная тяга к проклятиям. Пас-

тор, например, цитировал «око за око» так часто, что у Кендал сложилось впечатление, будто это единственная фраза из всего Писания, которую он помнил наизусть. Он почти не касался милосердия и сострадания, но неустанно напоминал о мести и наказании. Бог в его устах принял образ кровожадного мессии, а не творца любви и всепрощения.

Конечно, она пришла сюда по настоянию Мэта, но никто не мог заставить ее слушать священника. Как только Боб Вайтекер перешел к своим обычным нападка, она полностью отключилась и отдалась своим мыслям.

Кендал раздумывала о предстоящей трудовой неделе, как вдруг совершенно случайно встретилась взглядом с необычайно красивой женщиной по другую сторону прохода. Рядом, совершенно неприметно на ее фоне, притулился какой-то мужчина. Очевидно, муж, подумала Кендал.

Классическая красота в традиционном понимании этого слова не имела никакого отношения к незнакомке.

Но блестящие каштановые волосы, перетянутые на макушке и золотыми локонами спадающие на плечи, выразительные глаза, точеный носик, очаровательный рот придавали всему ее облику неземную привлекательность.

И самым удивительным было то, что женщина пристально, ни на минуту не отрывая своего загадочного взгляда, смотрела на Кендал.

Девушке пришлось беспрестанно вертеть головой и как можно естественнее и незаметнее, чтобы встретившись с ней

глазами, представить все делом случая.

Кендал никак не могла совладать с собой, женщина притягивала ее как магнитом.

Мэт недовольно толкнул ее в бок:

– На кого ты там засмотрелась?

Она быстро мотнула головой:

– Да нет, ни на кого.

Он сжал ее руку и не отпускал до конца службы. Кендал очень хотелось хотя бы вполглаза еще раз взглянуть на эту удивительную женщину. Но она почему-то здорово струхнула.

По окончании службы в проходе на выходе из церкви она снова мелькнула в толпе.

– Мэт, – она дернула мужа за рукав, – кто эта женщина? – и кивнула в ее сторону. – Вон та, в зеленом платье.

Но Мэт даже слова не успел вымолвить, его тотчас окликнули.

– Эй, Мэт. – Школьный суперинтендант, здороваясь с мужем за руку, лихо подмигнул Кендал: – Вы ели сегодня на завтрак свиную отбивную? – Он громко рассмеялся своей собственной шутке. – Как насчет того, чтобы отужинать у нас на следующей неделе? Мы с женой попотчует вас вкусными свиными ребрышками.

Мэт со свекром уже предупредили, что теперь ей проходу не дадут и долго еще будут потешаться над тем странным обмороком. Пересуды наверняка затянутся, может даже на

десятилетия, поскольку никогда еще здешние обыватели не были свидетелями ничего подобного.

На церковной площади разговорам не было конца.

Кендал остановила одна прихожанка, озабоченная желанием дочери поступить на юридический факультет. Подробно объясняя ей преимущества того или иного университета, Кендал, однако, искала глазами женщину в зеленом.

Мэт с Гибом деликатно отошли в сторону и при соединились к небольшой группке мужчин, большинство которых Кендал хорошо знала не только в лицо, но и по имени. Они держались особняком, видимо, решили покурить, подумала Кендал. Некоторые из них действительно задымили.

– Видите ли, я просто не уверена, сможем ли мы позволить себе обучение за пределами нашего штата, женщина все искала ответ в рекомендациях Кендал. – Думаю, она могла бы...

– Извините, что прерываю, – вдруг остановила ее Кендал. – Видите вон ту пару, на противоположной стороне улицы? Они еще садятся в машину... Там женщина в зеленом... Вы ее знаете?

Собеседница из-под руки глянула в ту сторону.

– Да, это же мистер и миссис Линэм! – Она презрительно хмыкнула. – Они редко заходят в церковь, а следовало бы. По-моему, не мешало бы им появляться здесь каждое воскресенье.

Кендал вовсе не интересовали сплетни. Она просто хотела

узнать имя загадочной женщины. Однако прихожанка упомянула о ней с едва скрываемой враждебностью.

– Простите еще раз, – допытывалась Кендал. – Но эта миссис Линэм случайно не связана с семьей Круков?

– Господи, нет конечно! И как вам это в голову пришло?

К счастью, подошел Мэт.

– Здравствуйте, миссис Гарднер, – раскланялся он. – Ну что, пойдём, дорогая? Сегодня в клубе отец угощает нас обедом. Надо поторапливаться, а не то баптисты займут все хорошие столики. Верно, мадам? – Одарив женщину обезоруживающей улыбкой, Мэт извинился и подтолкнул Кендал вперед.

Проходя мимо автостоянки, Кендал еще раз обратила внимание на собравшихся мужчин, которых только что оставил Гиб.

– Прямо конференция на высшем уровне или вроде того, – удивилась Кендал. – Занятно, о чем идет речь?

– А почему ты интересуешься?

Она спросила очень мягко, почти риторически и была крайне обескуражена такой бурной реакцией с его стороны.

– Да так, – пожав плечами, ответила девушка. – Просто из любопытства.

Его подозрительность тут же сменилась очаровательной улыбкой.

– Это обычные дьяконы. Завтра вечером состоится собрание по поводу составления нового церковного бюджета.

– А, понятно, – протянула Кендал.

– Не дуйся, пожалуйста.

– Ладно. У меня вообще-то полно бумажной работы. Вот и займусь этим, пока тебя не будет.

В последнее время она усиленно старалась не обижаться на постоянное отсутствие мужа по вечерам. Напротив, спешила домой, приходила пораньше и не устраивала никаких сцен, когда он возвращался.

Он поцеловал ее, как бы в знак благодарности за то, что она пытается относиться с пониманием.

Гиб догнал их с библией под мышкой.

– Весьма неприлично, – пошутил он. – Шериф вправе арестовать вас за непристойное поведение. – Он торопливо открыл дверь и забрался на заднее сиденье. – Поехали, – бросил он, – да побыстрее, а то уже в животе урчит.

Мэт сел за руль и включил зажигание:

– Ты что-нибудь узнал насчет Билли Джо Крука, а, отец?

Кендал не на шутку встревожилась:

– А что случилось?

– По пути в Колумбию он попал в аварию, – пояснил Гиб с заднего сиденья.

Кендал резко повернулась назад и в упор глянула на Гибя:

– Аварию? Какую аварию? С ним все в порядке?

– Нет, Кендал, – ответил он. – Боюсь, что нет.

Лютер, вгрызаясь в свой палец, вопросительно смотрел на

брата. Генри молча пожал плечами, не зная, что теперь делать.

Братья были взвинчены до предела, до нервного срыва. Непонятно, как выйти из этой ситуации.

Они еще никогда не видели такой свою мать – невозмутимой и молчаливой. В этом состоянии она находилась со вчерашнего вечера, с того самого момента, каким позвонили из тюрьмы и рассказали об аварии.

К телефону подошел Генри. С каждым словом тюремного чиновника гнев его все нарастал, временами сменяясь сильнейшим отчаянием, становясь все более нестерпимым.

– Можно с ним повидаться? – спросил он.

– Только не сейчас, – ответили ему. – Мы позвоним. Повесив трубку, он тут же вызвал во двор брата.

Лютер долго ругался, проклиная вся и всех, а затем напугал Генри еще сильнее, рубанув с плеча:

– Мы должны сказать матери.

Лютер произнес «мы», но Генри прекрасно понимал, что тот имел в виду его.

Позвать кого-либо из сестер и попросить их? Слишком далеко живут, да и наверняка сразу же начнут вопить и плакать, а от этого, как известно, только хуже.

Генри был самым старшим в семье, можно сказать, хозяином. И потому вся ответственность ложилась на него. Братья, в скорбном молчании переступив порог, поведали обо всем матери.

Однако мать к их большому удивлению, не стала орать, рвать на себе волосы, плакать или бить посуду. Она даже к выпивке не прикоснулась, не приняла ни рюмочки. Вместо этого тихо опустил ась в глубокое кресло-качалку и устawiлась в окно. Так, неподвижно и безмолвно, она просидела почти сутки.

Казалось, она просто окаменела, и это начинало действовать Генри на нервы. Пусть бы уж лучше плакала или причитала. Он бы знал, что делать в таком случае.

Спустя час из тюрьмы снова позвонили. Им позволили навестить Билли Джо часов в пять добавив, что подготовят его к этому времени тут уж Генри совсем растерялся: с одной стороны, ему обязательно надо увидеться с малышом, но с другой – оставить мать одну?! А Лютер наотрез отказался посидеть с ней.

– Я?! – переспросил Лютер с неподдельным ужасом, когда Генри предложил ему присмотреть за матерью. – Нет, черт возьми! Да она просто вышвырнет меня. Ты только посмотри, как она сидит, уставившись в окно! Мне кажется, у нее не все в порядке с головой. Даты что? У нее же крыша поехала! Как хочешь, но один яс ней не останусь.

Генри все еще мучился, а времени уже почти не осталось. Если он не приедет к назначенному сроку, возможно, они никогда больше не увидятся с Билли Джо...

– Генри!

Он чуть со стула не свалился от неожиданности:

– Я, мама.

Спотыкаясь, он пересек комнату и приблизился к ней. Взгляд ее был вполне осмысленным. Без сомнения, Лютер ошибся – она еще хоть куда.

– Отец ваш в могиле перевернется, если мы не отомстим.

– Правильно, черт возьми, – выдавил Лютер и, облегченно вздохнув, опустился на колени рядом.

– Нет, сэръ. Так не пойдет. Мы это дело так не оставим.

Она ослабевшей рукой по гладила его по голове.

– Я не сошла с ума, мой мальчик. И не смей больше говорить этого в моем присутствии.

Бесцветные глаза Лютера увлажнились. Видимо, звон в ушах будет стоять в это же самое время и на будущий год.

– Нет, мадам, – сказал он и тут же поправился, – то есть да, мадам.

– Что ты предлагаешь, мама? – спросил Генри.

Она изложила свой план, и стало понятно, что именно его мать так долго вынашивала, уставившись в окно.

Глава тринадцатая

– Ах, как хорошо пахнет кофе.

Кендал настолько погрузилась в свои мысли, что не услышала даже, когда он вошел. Она обернулась на голос. Джон остановился на пороге, опираясь на костыли, одетый, слегка отдохнувший, но все еще небритый и с кругами под глазами.

– Доброе утро, – от неожиданности вцепившись в передник, приветливо улыбнулась она. – Я только что собиралась тебя проведать. Как дела?

– Получше, но пока не очень.

– Надеюсь, Кевин тебе не помешал.

– Нет, он все еще спит в этой квадратной штуковине.

– В манеже. Присаживайся, сейчас приготовлю завтрак. – Она налила кофе. – Что будешь есть? Кекс? Яйцо? Тосты? Могу приготовить все, кроме вафлей.

– Что ты имеешь против них?

– Да просто нет формочек.

– А, – разочарованно протянул он. – Откуда все эти продукты? Неужели ночью принесла сказочная фея?

– Я утром ездила за покупками.

Он вытаращил глаза от удивления:

– А я не слышал, как ты вышла.

– Так и было задумано.

– А ближайший городок далеко отсюда?

– Нет, не очень.

– Слушай, ты случайно не вспомнила о газете?

– Там в гостиной, на столе.

– Спасибо.

Она приготовила яичницу с беконом, как он и просил. На тарелке в мгновение ока остался только кусок мяса.

– Хочешь? – обратился он, словно опомнившись.

– Запомни, я не ем свинину.

– Все еще в сердце жива та история?

– Никакой истории нет.

– Сомневаюсь, – он покачал головой. – Я, правда, не знаю, в чем она заключается. Почему ты не бросила меня, пока я спал? У тебя была прекрасная возможность.

Действительно, подумала Кендал, почему она его не оставила? Этот вопрос занимал ее с тех пор, как она вернулась. Сегодня утром, на рассвете, она еще собиралась улизнуть. Уехать навсегда. Но потом вдруг почувствовала себя виноватой.

Вспомнила, как он стонал всю ночь напролет. Джон все еще с трудом передвигался, да и раны его как-никак не зажили. Даже животное она бы не бросила в подобном состоянии. Пожалуй, могла бы оставить его, бесчувственного, на месте аварии, но только не такого беспомощного. Это было выше ее сил.

Дурацкое чувство ответственности за него досаждало и бесило ее. Нарушало все первоначальные планы и уводило

в сторону от намеченного пути. Но Кендал прекрасно знала, что ничего не сможет с собой поделаться, что будет присматривать за ним до тех пор, пока он не поправится и не станет обеспечивать себя сам.

К тому же ей пришло в голову, что здесь она в большей безопасности, чем на пустынной дороге. Сегодня утром на пути в город ее не покидало гнетущее чувство незащитности и полной беспомощности. Ну, и куда бежать? Кендал никак не могла придумать, где бы переждать. А беспрестанно крутить баранку слишком тяжело. До сих пор все шло нормально, и она решила пока остаться. К чему торопить события и скрываться, если в этом нет серьезной необходимости?

Правда, в голове мелькнула мысль о своей излишней рациональности. Под крышей любимого дома она чувствовала себя увереннее и потому не хотела его покидать.

– Обещаю, что не покину в таком состоянии.

..... Он наконец нарушила молчание.

– Надо понимать, ты сделаешь это, когда мне станет лучше?

– Не придирайся к словам.

– Твои речи настолько туманны, что я вынужден заполнять пробелы.

– Эти пробелы заполнятся сами собой, как только ты обрешь память. Доктор ведь не случайно заметил, что ты, возможно, сам блокируешь ее. Подсознательно, конечно. Просто, не желая ничего воскрешать в памяти.

· Джон сжал чашку, так что побелели костяшки пальцев, и посмотрел ей прямо в глаза:

– Неужели он прав, Кендал?

Он впервые назвал ее по имени. Это прозвучало столь ошеломляюще, что она просто никак не могла собраться с мыслями.

– Прав ли он? – повторила она, беря себя в руки. – Откуда мне знать. Только ты с состоянием пролить свет на эту загадку.

– Раз я ничего не помню, – возмутился мужчина, – как же я могу понять, что я хочу помнить, а что нет? – Он так разволновался, что машинально взъерошил волосы, напрочь забыв о своей травме. – Ой-й-й! – Он тут же застонал от невыносимой боли.

– Поосторожнее, ты что! Дай посмотрю, – вскочив со стула, она бросилась к нему и, поправив повязку на голове, внимательно осмотрела раны. – Никаких признаков инфекции, – участливо успокоила женщина. – Швы чистые и в полном порядке, насколько я могу судить.

– Черт, как чешется, – раздраженно выпалил он.

– Значит, заживает.

– Да хорошо бы, – отозвался он и испытующе глянул снизу вверх. – Откуда у тебя деньги на продукты?

– Я уже говорила тебе. Я...

– Заработала. Я это уже слышал. Как именно заработала?

Кендал секунду помолчала, раздумывая, что ответить.

Наконец, взвесив все «за» и «против», решил ась. Все равно когда-нибудь придется сказать правду.

– Я адвокат.

Он чуть не подавился от смеха:

– Твоя ложь становится все изощреннее.

– Общественный защитник, – добавила она, не обращая никакого внимания на эту бестактность. – Правда, – уточнила женщина, завидев тень сомнения в его глазах.

– Ну, расскажи что-нибудь.

– Что?

– Ты была хорошим адвокатом? Держу пари, да. Ты прекрасно умеешь лгать.

Кендал лукаво улыбнулась:

– То же самое я когда-то слышала от Рики Сью.

– Кто-кто?

– Моя лучшая подруга.

– Гм-м. – Он рассеянно дожевывал последний кусок бекона. – Ты успешно работала в качестве общественного защитника?

Она неспешно налила себе кофе, а затем, подвинув стул, села напротив:

– Думаю, я была хорошим защитником. Выше среднего. Уверена, мне поставили бы «отлично», если не больше.

Я всегда старалась, – продолжила она после небольшой паузы. – Поступая на работу, я чувствовала страшное недоверие комиссии. Как же – женщина! Вот мне и пришлось до-

казывать соответствие занимаемой должности. Вообще говоря, список моих побед и поражений весьма впечатляющ. Естественно, невозможно выиграть каждое дело.

Джон, не перебивая, застыл в выжидающей позе, что приободрило ее и заставило продолжить свой рассказ.

– Впрочем, одно поражение оказалось особенно горьким. Поначалу казалось, что дело выеденного яйца не стоит, потом... просто кошмар какой-то.

– Что случилось?

– Я посоветовала одному шестнадцатилетнему парню признать себя виновным в магазинной краже и понадеяться на милосердие суда. Это был его первый проступок, и я посчитала, что судья отнесется снисходительнее. Но, увы, тот использовал парнишку как верное средство унижить меня. – И Кендал дрожащим от переживаний голосом пересказала сцену драки в суде.

– Слушай, а ведь впоследствии что-то произошло, верно?

– Да, его переправляли в Колумбию, и случилось нечто ужасное. Понимаешь, он был в наручниках, и, когда они остановились, чтобы перекусить, эти наручники каким-то образом за что-то зацепились. Вся его рука... – Она запнулась и проглотила горький комок, подкативший к горлу. – Правая рука оказалась полностью оторвана у плеча, в буквальном смысле оторвана, будто его четвертовали. Во время шока он чуть было не умер от потери крови. Жизнь ему спасти удалось, но он уже никогда не станет полноценным че-

ловеком ни физически, ни психологически.

Когда в то памятное воскресное утро Кендал узнала об этом несчастье, волна горечи и негодования захлестнула ее с головой. Это чувство преследует ее до сих пор. Билли Джо, конечно же, не ангел, но этот случай в пух и прах разбил все надежды на то, что он когда-нибудь станет законопослушным и полезным гражданином. Искалеченный и обозленный, он во всех своих бедах и несчастьях всегда будет обвинять целый мир. А в особенности будет ненавидеть своего адвоката.

Но еще больше на нее обозлятся все Круки.

– Чертовски неприятно, – осторожно заметил он, стараясь не тревожить женщину и дать время на обдумывание сложившейся ситуации и последствий.

А стоило ли вообще сообщать ему про этот случай? Не слишком ли много она ему наговорила? Впрочем, было в этом и нечто положительное. Она наконец сбросила с себя всю ту тяжесть, которая угнетала ее последние месяцы, облегчила душу, высказавшись.

– У меня есть собственное мнение на сей счет, внезапно выдала она.

– То есть?

– Это вовсе не был несчастный случай.

– Интересно, – вполголоса заметил Джон и наклонился вперед. – Появились какие-то доказательства?

– Да мне тогда и в голову не приходило проверить все обстоятельства инцидента.

– А с парнем ты разговаривала?

– Пыталась. Ходила к нему в больницу, но мне отказали, сославшись на то, что он все еще не вполне здоров, чтобы принимать посетителей.

– И это не вызвало у тебя никаких подозрений?

– Следовало бы им появиться, но в то время подобное объяснение мне казалось достаточно разумным. В течение нескольких недель длился кризис. Затем мне прислали копию отчета об этом несчастном случае, хотя я его еще не требовала. Достаточно подробное описание происшествия, казалось, вполне официальным и правильно оформленным. И только много позже мне в голову пришла мысль, что этот «несчастный случай» был кем-то подстроен. Билли Джо стал жертвой преднамеренных действий.

Она пригладила волосы, разволновавшись и досадуя, что тогда проявила непростительную, прямо-таки детскую наивность.

– Когда я дошла до этого, было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Я и так уже натворила... – Она запнулась, испугавшись, что выложит лишнее.

– Натворила что?

– Так, ничего.

– И все-таки?

– Похоже, Кевин заплакал, – она в смятении вскочила со

стула.

– Тебе от меня так просто не отделаться, – настойчиво произнес он. – Малыш молчит. Сядь.

– Я не собака, чтобы садиться по команде хозяина. Почему бы тебе не досказать?

– Потому что я... я...

– Ну, что ты, Кендал? От кого-то все время убегаешь... От меня?

– Нет, – ответила женщина неожиданно хриплым голосом.

– Ты, конечно, никогда не признаешься, но я абсолютно уверен, что ты собиралась покинуть больницу одна. Не перехвати я тебя в коридоре, ты непременно скрылась бы в неизвестном направлении. И не старайся отрицать понапрасну. Это чистая правда. Зачем ты привезла меня в такое место, где нет ни телефона, ни радио, ни телевизора? Никакой связи с внешним миром. Впрочем, – продолжил он, заметив ее вытянувшееся лицо, я попытался воспользоваться аппаратом, припрятанным в шкафу. Но он сломан. Ты специально испортила его?

– Я знала, что он не работает, и спрятала подальше.

Однако он все еще ничему не верил.

– У нас нет абсолютно никакой связи с внешним миром, – снова повторил он. – Здесь нет даже соседей. Во всяком случае, я их не видел. Ты сознательно нас изолировала.

Мужчина посмотрел на нее в упор.

– Ты все время что-то не договариваешь, – с расстановкой произнес он. – Очень многое не договариваешь – относительно моего прошлого, нашего брака.

– Если мы вообще женаты.

Он тяжело оперся о стол, чтобы подняться:

– В голове моей полная каша, и лишь ты одна знаешь обо всем том, что произошло со мной до аварии. Ты должна помочь мне восстановить прошлое. Помоги мне, пока я не сошел с ума. Расскажи все, что я хочу знать. Пожалуйста.

Кендал так сильно сжала спинку стула, что пальцы ее побелели от напряжения:

– Хорошо, что например?

– Для начала скажи, за что ты злишься на меня?

– Разве? Кто тебе сказал?

– Да это же проще простого. Подвернулся тебе удобный случай, и ты тут же попыталась меня бросить. И ведь чуть не бросила. Второе: ты утверждаешь, что мы женаты, но по всему видно, что это не так. Почему же ты настаиваешь?

– Что ты имеешь в виду?

– Я видел тебя обнаженной. И прикасался к тебе. Но у меня не появилось ощущения того, что ты мне знакома. Нет ощущения... нашей близости.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что я знаю, это особого рода волнение.

Кендал заерзала на стуле:

– Возможно, тебе только кажется. А все потому, что ты не

помнишь наших самых интимных моментов.

– В таком случае, почему сейчас ты не допускаешь близости между нами?

Она опустила глаза, растерянно посмотрела на свои ногти и ничего не ответила. Да и не могла ничего ответить.

– Ты всю ночь пролежала рядом, – безжалостно продолжал он, – но очень старалась не прикасаться ко мне, даже случайно. Я не спал и прекрасно помню, как ты избегала этого.

– Ничего подобного, – возразила она, – я же поцеловала тебя и пожелала спокойной ночи.

– Это я поцеловал тебя, а не ты. И у меня сложилось впечатление, что я никогда не знал твои губы прежде. – Разве можно быть уверенным в этом?

– Но я же этого не помню.

Женщина ласково улыбнулась:

– Значит, мои поцелуи просто-напросто не запоминаются.

– Вряд ли, как раз наоборот.

Его голос понизился до шепота, и она невольно подняла глаза. Теперь уже он безотрывно смотрел на нее сверху вниз. Кендал кинуло в жар, его глаза как будто обжигали. Она, не в состоянии произнести ничего вразумительного, во все глаза глядела на него.

Спустя какое-то время Джон возобновил разговор, похоже, сдаваться он не собирался:

– Но, если мы действительно женаты, значит, мы поссо-

рились во время аварии?

– Я никогда этого не говорила.

– Просто не было необходимости. Что же тогда раскололо наш брачный союз? Может, мне не нравилось, что ты слишком много времени уделяешь своей карьере?

– Нет, совсем не так.

– Может, мы не сошлись характерами?

– Нет, мы прекрасно ладили.

– Мы спорили относительно рождения ребенка? Я что-то смутно припоминаю, вроде бы мы пререкались по этому поводу.

– В самом деле? – поинтересовалась Кендал, выразив крайнее изумление.

– Я хотел ребенка?

– Конечно.

Он чрезвычайно озабоченно и нервно потер ладонью лоб, словно пытался что-то вспомнить:

– Сомневаюсь.

– Ты говоришь ужасные вещи!

– Я всегда был честен до грубости, – отрезал он. – Тем и отличаюсь от тебя.

Он выжидающе пронизывал ее глазами, словно желая получить правдоподобное объяснение. Но Кендал застыла на месте с совершенно бесстрастным лицом.

– Может, мы разошлись из-за денег?

– Нет.

– Тогда из-за секса?

Она долгим взглядом посмотрела в окно и молча покачала головой.

– Значит, из-за секса. – Джон уверенно тряхнул головой, как бы подтверждая свои предположения.

– По этой части у нас никогда не было никаких проблем.

– Тогда подойди сюда.

– Зачем?

– Подойди ко мне, – повторил он мягко, но вместе с тем довольно решительно.

Кендал лихорадочно соображала, что же делать. Останься она на месте, он может ошибочно расценить ее упрямство как трусость. А ей вовсе не хотелось давать ему повод так думать, хотя отчасти это было действительно так. Спустя мгновение она поднялась и направилась к нему.

– Это что, проверка?

– Что-то вроде того, – ответил он.

Джон прикоснулся к ее груди и легонько сжал у Кендал перехватило дыхание.

– Теперь все ясно, – прошептал он.

Она с трудом сохраняла спокойствие, так же как и прошлой ночью, когда он дотронулся. Но ей во что бы то ни стало надо было выдержать, выдержать и сохранить свою репутацию.

– Просто между нами уже давно ничего не было.

– Как давно? – уточнил он, настойчиво касаясь ее сосков.

Еще до рождения Кевина.

– В таком случае я больше не удивляюсь.

– Что ты имеешь в виду?

Он приблизился к ней вплотную, и она сразу же все поняла.

Низко наклонив голову, подавшись вперед, он впился в нее губами и ощутил божественный трепет. Они слились в страстном поцелуе, он языком настойчиво требовал большего.

Кендал, затаив дыхание, попыталась высвободиться из крепких объятий.

– Я не могу, – прошептала она еле слышно.

– Почему? – Он жгучими поцелуями осыпал ее шею.

– У меня молоко.

– Молоко?

– Да, я кормлю грудью. – Она наконец оттолкнула его и отступила назад. При этом она машинально дотронулась до припухшего рта, до горячей страшным огнем шеи, рукой прикрыла влажные пятна на майке. – В данных обстоятельствах, – начала она, – мне кажется, мы должны... должны воздерживаться.

– Почему?

Потому что мне очень неудобно.

– Почему?

– Твоя амнезия сделала нас почти чужими.

Но ведь ты утверждала, что мы женаты.

– Да.

– И у нас общий ребенок.

– Да.

– И тем не менее ты считаешь, что мы чужие! Объясни, Кендал, как это. И, поскольку ты здесь... – Он пошарил рукой по спине и что-то вытащил из-под ремня. – Объяснись же, наконец.

Вытянув руку вперед, он направил на нее пистолет.

Глава четырнадцатая

– Меня зовут Кендал Бернвуд.

Она положила портфель на стол и протянула руку женщине, ожидающей допроса. Тусклый взгляд, спутанные волосы, обезображенное синяками и кровоподтеками некогда экзотической красоты лицо. И тем не менее Кендал узнала в ней ту самую даму в зеленом, которая так заинтересовала ее когда-то.

– Я знаю, кто вы, – сказала женщина. – Лотти Линэм.

И без всякого энтузиазма ответила на рукопожатие.

Ладонь ее неожиданно оказалась сухой, без всяких признаков нервной потливости, голос твердый, а взгляд спокойный. В подобных обстоятельствах людям свойственно более эмоциональное поведение.

Она казалась удивительно невозмутимой и бесстрастной для женщины, которая только что убила своего мужа.

– Чем могу быть полезна, миссис Линэм?

– Освободите меня отсюда.

– Я сделаю все возможное, – с готовностью откликнулась

Кендал. – Что вы сообщили полицейским во время ареста?

– Ничего.

– Мне очень важно знать все, что вы сказали в полицейском участке. Даже самые незначительные детали.

– Я не проронила ни слова, кроме того, что Чарли меня из-

бил и изнасиловал. И еще заявила, что буду говорить в присутствии адвоката.

– Что ж, прекрасно, – обрадовалась Кендал. – Очень разумно и осмотрительно с вашей стороны.

– Да уж, посмотрелась всякой всячины по телевизору, – заметила она сухо.

– В котором часу вас арестовали?

– Около четырех пополудни.

– Вас осматривал доктор?

Они доставили меня прямо сюда.

Кендал взглянула на часы. Было почти семь.

– И в таком состоянии вы находитесь здесь более трех часов? Вас что-нибудь беспокоит?

– Да, немного, но я потерплю.

– Нет, это невозможно. – Кендал с шумом отодвинула стул, шагнула за порог, сердито распахнула дверь и крикнула кому-то в коридоре. – Клиенту немедленно требуется медицинская помощь. С кем мы поедем в поликлинику?

Разместившись в заднем сиденье патрульной машины, Кендал и миссис Линэм всю дорогу молчали. В поликлинике обвиняемую подвергли тщательному осмотру, зафиксировали все синяки и побои, установили факт изнасилования и запечатлели травмированные участки тела на фотопленку. Доктор пообещал прислать Кендал копию медицинского освидетельствования вслед за аналогичной копией, предназначенной для полицейских.

Лицо миссис Линэм выглядело как один большой синяк, но доктор заверил ее, что в связи с поверхностным характером побоев скоро все пройдет. Раны потерпевшей обработали антисептиком и отправили женщину назад. Кендал потребовала предоставить подзащитной возможность принять душ и позавтракать, прежде чем ее начнут официально допрашивать.

– Позовете, когда все будет готово, – повелительно бросила она офицеру полиции, который занимался этим делом. – Я буду ждать у себя. – Она тут же вышла, на ходу ободряюще пожав руку миссис Линэм.

Два часа спустя Кендал уже присутствовала при допросе. Роскошные волосы Лотти Линэм еще не высохли после душа. Умывшись и без косметики Лотти выглядела гораздо моложе и беззащитнее. Кендал про себя отметила, что в тюремном платье серого цвета и дешевых кожаных тапочках она казалась невинной жертвой садиста.

– У Чарли... э-э-э... то есть у пострадавшего, обнаружено три пулевых отверстия, – детектив зашелестел фотографиями. – Правда, они не очень хорошие.

– Могу я на них взглянуть?

Он молча передал ей пачку снимков с места преступления. Как он и говорил, в цвете все это смотрелось ужасно.

– Одной пулей прострелена шея, – комментировал детектив. – Другая попала прямо в лоб, примерно вот здесь. – Он

пальцем показал на себе. – Третья, пройдя через щеку, вышла на затылке. Оружие применялось с очень близкого расстояния, примерно в полчетвертого утра. Он умер в своей собственной постели.

Он многозначительно посмотрел на Лотти, которая, сжав руками колени, оставалась совершенно невозмутимой. Завидное самообладание, подсознательно мелькнуло в голове Кендал, чрезвычайно выигрышно во время суда.

Она поблагодарила полицейского за подробную информацию:

– А отчет о вскрытии?

– К нему приступили сегодня утром, – объяснил детектив. – И пообещали подготовить к концу дня.

– Хорошо бы побыстрее получить копию отчета. Как, сможете ускорить?

– Разумеется. Но там вы найдете лишь полное подтверждение моих слов.

Кендал оставила последнюю фразу без внимания и напоследок спросила:

– Почему мою подзащитную задержали по подозрению в убийстве?

Помощник детектива, не выдержав, громко расхохотался. До сих пор, прислонившись к стене, он молча ковырял в зубах.

Теперь же, указав на пистолет, лежавший на столе в целлофановом па кете с биркой, напарник выдал целую тираду.

– Орудие убийства прямо перед вашими глазами. Мы нашли его на полу у кровати, где Чарли снесли полголовы. Отпечатки ее пальцев уже сопоставлены с теми, что остались на пистолете. К тому же ее руки хранят следы легких ожогов от выстрелов. Так что доказательств более чем достаточно.

– Неужели? – снисходительно усмехнулась Кендал. Тут в разговор вмешался еще один детектив.

– Когда мы прибыли к ним домой, Лотти, сидя на кухне попивала виски, безмятежная как младенец.

– Думаю, миссис Линэм просто была в шоке и отходила с помощью спиртного после изнасилования.

– Изнасилования! Да Чарли же был ее мужем! И уже не первый год, – продолжал оспаривать помощник детектива. – Однозначно, мы имеем дело с совершенно неопровержимым убийством. Картина происшедшего ясна как Божий день.

– Да что вы говорите? – удивленно воскликнула Кендал, что еще больше раззадорило полицейских.

– Чарли вернулся домой в подпитии, – начал младший детектив. – Лотти это, конечно, не понравилось. Она, вероятно, его обвинила, а он ее слегка поколотил. Конечно, не скажу, что он прав, – скороговоркой добавил полицейский. – Во всяком случае, Лотти уже завелась и, когда муж уснул, тремя выстрелами прикончила его.

– У вас есть показания свидетелей? – не сдавалась Кендал.

– Свидетелей?

– Ну тех людей, кто был в этом доме и видел, что произо-

шло, – терпеливо разжевывала Кендал. – Может кто-нибудь из соседей подтвердить, что такая ссора имела место? Утверждать, что миссис Линэм, рассердившись на мужа, застрелила его из пистолета, который случайно оказался у нее под рукой? Вообще говоря, ее и раньше видели с пистолетом?

Детективы недоумевающе переглянулись.

– Нет там никаких соседей, – нехотя выдавил один. – Они живут на отшибе, за городом.

– Понятно, – спокойно заключила Кендал. – Стало быть, никто не слышал той ссоры, о которой вы постоянно твердите. И никто не видел, как она стреляла.

Младший детектив раздраженно бросил на пол зубочистку и отлип от стены.

– Точно так же никто не видел, как Чарли ее насиловал. – Он нагло ухмыльнулся.

Кендал поблагодарила полицейских и попросила оставить их с подзащитной наедине. Когда те вышли из комнаты, Лотти впервые открыла рот:

– Все произошло примерно так, как они сказали.

Кендал, почти не сомневаясь в этом, неожиданно для себя испытала легкое разочарование, но тем не менее постаралась его скрыть.

– Судя по данным медицинского осмотра, которые уже получены, можно сделать вывод, что вас обвинят в убийстве. Независимо от моей беседы с полицейскими, нам с вами известно, что вы нажали на курок пистолета, из которого убит

ваш муж. Вы виноваты – это факт. Однако все дело в степени вашей вины. Поэтому я обязана найти и представить суду те обстоятельства вашей совместной жизни с Чарли, которые смягчили бы тяжесть наказания. Прежде чем защищать в зале суда ваши интересы, я должна как можно больше узнать о вас и вашем муже. В присутствии обвинителя и присяжных у меня не должно быть никаких сюрпризов и неожиданностей. Поэтому заранее прошу извинить за то, что буду совать нос в ваши интимные отношения. Это не слишком приятно, но все же необходимо.

Как ни старалась Лотти скрыть свою интимную жизнь от посторонних, ей все же пришлось согласиться и кивнуть головой в ожидании нескромных вопросов.

Кендал начала с биографии. Итак, Лотти родилась в Преспере и была самым младшим, пятым ребенком в семье. После смерти родителей, братья и сестры как-то незаметно рассеялись по свету. Она окончила среднюю школу, поступила в колледж, но через год оставила учебу и стала работать секретарем в страховой компании.

Чарли Линэм занимался продажей офисного оборудования в качестве торгового агента.

– Как-то раз, оказавшись в одной компании, – продолжала Лотти, – он начал флиртовать и назначил мне свидание. Сперва я не соглашалась, но потом уступила, и мы периодически встречались, когда он наезжал в город.

За весь свой семилетний брак детей они так и ненажили.

– Я бесплодна, – смущенно призналась она. – Еще в юности я перенесла аппендицит и вот в результате инфекции...

Жизнь Лотти Линэм отнюдь не показалась Кендал интересной и богатой на события. Чем больше она узнавала о Лотти, тем сильнее проникалась симпатией, испытывая горячее желание помочь отчаявшейся и исстрадавшейся женщине, вынужденной пойти на крайний шаг, чтобы защитить себя от оскорбительных посягательств жестокого мужа. Правда, в подобных случаях адвокату полагалось сохранять полную отстраненность.

Кендал не спеша открыла папку с делом об убийстве Линэм:

– Пока вы принимали душ и завтракали, я кое-что разузнала. За последние три года вы семь раз вызывали домой полицию. – Кендал подняла на нее глаза. – Правильно?

– Раз вы утверждаете, значит, так оно и есть. Я потеряла счет этим вызовам.

– При этом вас дважды госпитализировали. В первом случае у вас были сломаны ребра. А во втором – сильные ожоги на спине. Что за странные ожоги, миссис Линэм?

– Он прижигал меня моими же бигуди, – не теряя самообладания сообщила она. – Мне еще тогда повезло. Он пытался... засунуть их мне вовнутрь. Сказал, что хочет сделать меня своей раз и навсегда.

Сердце у Кендал обливалось кровью, но ей вновь пришлось сосредоточиться на фактах и не показывать виду.

– Он был ревнивым мужем?

– Ужасно ревнивым. Ревновал ко всем мужчинам подряд.

Я никуда не могла пойти, ничего не могла сделать, чтобы тут же не выслушать упрека в том, что пытаюсь кого-либо соблазнить. Ему всегда хотелось, чтобы его жена выглядела лучше всех, но, как только я приводила себя в порядок, он просто сходил с ума от взглядов, которые на меня бросали. А потом напивался и избивал меня до полусмерти.

Он когда-нибудь вам угрожал?

– Слишком часто, чтобы запомнить и сосчитать. – Хорошо бы вы привели мне конкретный пример его угрозы в ваш адрес в чьем-либо присутствии. Вы когда-либо с кем-либо обсуждали его агрессивное поведение? – Лотти задумчиво покачала головой. – Было бы весьма кстати припомнить такой случай. Чтобы кто-нибудь подтвердил, что вы постоянно опасались за свою жизнь, что он действительно мог вас убить. Неужели вы копили это в себе?

Она вновь отрицательно покачала головой:

– Нет.

– Хорошо. Что произошло прошлой ночью, миссис Линэм?

– Чарли находился в разъезде несколько дней. Вернулся усталым, расстроенным и начал пить. Вскоре он уже так напился, что, ударив кулаком по тарелке, разметал на мелкие кусочки свой ужин. Тарелки с едой полетели в стену, вся посуда оказалась перебита.

– Полиция видела?

– Нет, я все смыла и вытерла.

– Да, дело дрянь. Уничтожены прекрасные доказательства вспышки ярости и необузданной злобы. А ведь Кендал так нужны неопровержимые факты жутких приступов бешенства и озлобления Чарли.

– Дальше, – попросила Кендал.

– Затем он вихрем вылетел из дому и несколько часов где-то болтался. Вернулся в полночь вконец опьяневший и озверевший. Когда я ему отказала, жестоко меня избил. – Она машинально потрогала лицо. – Думаю, это самое настоящее изнасилование в ответ на «нет» женщины.

– Да-да, именно так, – подтвердила Кендал. – Вы четко дали ему понять, что не хотите ложиться с ним в постель? Верно?

Она молча кивнула:

– Но он взял меня силой. Бросил на кровать и придавил рукой, затем, содрав нижнее белье, овладел мною. Да так, чтобы было побольнее. Наверное, специально.

– Как вы думаете, в поликлинике в остатках грязи из-под ваших ногтей найдут какие-нибудь следы того, что вы сопротивлялись?

– Думаю, найдут. Я дралась, как дикая кошка, кусалась и царапалась. Ничего не помогло – он кончил, обозвал меня самыми грязными словами и пригрозил убить.

–, Важно точно передать его слова.

– Муж достал пистолет из ящика стола, сунул ствол мне в рот и сказал, что хочет разmozжить мою чертову голову. Он еще тогда мог бы убить меня. Но почему-то поднялся и вышел из спальни.

– Я долго лежала без движения. Слишком устала и перепугалась, чтобы шевельнуться. Знала, что, пока он спит, я в полной безопасности. А что будет, когда он проснется? Поэтому решила убить его, прежде чем он убьет меня.

И она поведала Кендал, как это произошло:

– Взяв его пистолет, я трижды выстрелила ему в голову, именно так, как они сказали. И нисколько не жалею о содеянном. Рано или поздно он все равно убил бы меня. В моей жизни ничего хорошего не было, но умирать мне не хотелось.

Вернувшись к себе в кабинет, Кендал какое-то время отрешенно размышляла над рассказом Лотти, наблюдая за каплями дождя, стекающими по стеклу.

– Какой кошмар, – пробормотала она.

Сегодня утром у здания суда Бама предсказывал дождь.

– Перед тем, как стемнеет, – уточнил он, даже не взглянув на небо.

Кендал подняла глаза, напряженно вглядываясь ввысь:

– Но на небе – ни облачка, Бама. Ты уверен, что будет дождь?

– Перед заходом солнца начнется гроза, – ответил тот. – Помяните мои слова.

Он оказался прав. Далеко за горами слышались раскаты грома, а небо затянуло густыми черными тучами и туманом. Поеживаясь от дурного предчувствия, Кендал прослушала автоответчик и принялась разбирать почту.

Среди всего прочего обнаружилось еще одно письмо Круков, в котором, как и раньше, содержались угрозы в ее адрес. Это уже пятое письмо подобного содержания со времени несчастного случая с Билли Джо. И в общем, не самое плохое. Пару дней спустя после инцидента с младшим Круком ей вручили пакет с огромной дохлой крысой.

Весть об этом происшествии как молния облетела весь суд, затем докатилась и до редакции газеты, находившейся в двух кварталах отсюда. В офисе моментально появился Мэт и потребовал объяснений.

Стоило только Кендал показать ему зловонное содержимое пакета, как он тотчас ринулся на поиски добровольцев, чтобы разобраться с братьями-близнецами и остальными из семейства Круков. Гиб, не колеблясь, поддержал Мэта.

Кендал пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать их от неосторожного шага.

– Они же очень расстроены случившимся, – пыталась утешать Кендал. – В известном смысле я их прекрасно понимаю.

– Понимаю! Да ты сделала все возможное для этого сопливого воришки, – в ярости кричал Мэт.

– Вся эта тактика запугивания совершенно омерзительна

и недопустима, даже для такого негодяя, как Крук, – горячо поддерживал сына Гиб. – Настоящее хулиганье, с этим нужно покончить раз и навсегда!

– Послушайте, они просто недалекие люди. – Кендал готова была признать все, лишь бы их успокоить.

– Я же предупреждал этих мерзавцев, – никак не мог утихомириться Мэт, – что если они тронут тебя...

– Но они же не тронули, – перебила его Кендал. – Ответить им тем же, значит, самим опуститься до их уровня. Не надо поспешных решений, пожалуйста, Мэт, Гиб. В конечном счете это сильнее навредит мне, чем Крукам. Я должна реагировать на все эти выходки профессионально, то есть просто-напросто игнорировать.

В конце концов ей удалось уговорить обоих Бернвудов и взять с них обещание, что не будет никакой мести. При этом она обошла молчанием все другие письма, опасаясь взрыва негодования и вспышки слепой ярости со стороны Мэта и свекра. Она пожаловалась Мэту, что камнем, вылетевшим из-под колес грузовика, разбило ветровое стекло машины. На самом же деле это, конечно же, работа одного из Круков. Все прояснилось однажды вечером, когда в салоне машины она нашла камень с запиской, полной угроз и проклятий ее адрес.

Кендал не уничтожала эти послания в надежде позже использовать их в качестве улики. Она просто прятала их в сейф, как спрятала и сегодняшнее письмо с аналогичными

угрозами. Вернувшись к делу Лотти Линэм, Кендал стало ясно, что в течение следующих нескольких месяцев этот процесс станет для нее самым важным.

Прокурор Дэбни Горн не заставил себя долго ждать.

Правда, начал издали.

– Ну, похоже, грядет волнующее событие, – захрипел он в трубку.

– О, в самом деле? – невинно переспросила Кендал. – Неужели наконец пустят давно обещанный лифт? Старый так скрипит и дергается, что я предпочитаю ходить по лестнице.

Он расхохотался в ответ, якобы по достоинству оценив ее юмор.

– Это чертово дело не заслуживает никакого оправдания, миссис Бернвуд. Вы влипли в дурацкую историю.

– Верно, – согласилась Кендал. – Я обожаю заниматься такими грязными делами, как избиение и изнасилование.

– А как насчет убийства?

– Убийства? – переспросил а она с явным недоумением. – Надеюсь, мы говорим об одном и том же?

– Лотти Линэм.

– Представить это дело как убийство?! У меня просто нет слов.

– Мы с вами читали одни и те же отчеты о преступлении.

– Каким же образом вам удалось пропустить фотографии миссис Линэм с синяками и кровоподтеками? Их сделали

в нашей поликлинике. А отчет о ее предыдущих визитах в поликлинику? А полицейские протоколы, где документально подтверждено, что в доме Линэм часто происходили акты насилия и издевательства над этой женщиной?

– Все это говорит лишь в пользу преднамеренного убийства, – упрямо стоял на своем прокурор. – У Лотти хватало причин для подобного действия и задумала она его задолго до сего дня. Ей предъявят обвинение в убийстве с особой жестокостью, тем более что это было сделано преднамеренно. Вы что же, надеялись представить это дело как непредумышленное? Забудьте об этом. Ваша подопечная все хорошо и тщательно обдумала. И только после этого взяла оружие и пристрелила бедного Чарли.

– Сие недоказуемо, и вы, Дэбни, прекрасно знаете об этом. Я сильно сомневаюсь и не без оснований, что дело обстояло так, как вы хотите представить.

– Хорошо, адвокат, не стоит ходить вокруг да около, – пошел на попятную прокурор после некоторых раздумий. – Чарли Линэм вряд ли может быть жертвой, вызывающей всеобщие симпатии. Ни для кого не секрет, что он много пил и изголялся над Лотти. Давайте сэкономим деньги наших налогоплательщиков, а также наше собственное время.

– К чему вы клоните? – допытывалась Кендал, стараясь побыстрее добраться до сути.

– Вы убеждаете Лотти признать себя виновной в непредумышленном убийстве. Она, вероятно, получит лет двадцать,

но отсидит от силы восемь.

– Спасибо, но дело так не пойдет, – мгновенно отреагировала Кендал. – Моя подзащитная невиновна.

– Невиновна! – Чуть не закричал прокурор, не ожидавший от адвоката такой прыти. – Вы будете настаивать на ее невинности?

– Да, именно это я и собираюсь сделать.

– Чем же вы будете аргументировать? Ее неменяемостью?

– Нет, почему же. Лотти Линэм вполне в здравом уме и твердой памяти. Она прекрасно понимала, каким, образом ей еще удастся спасти свою жизнь. Разумеется, шаг отчаянный, но убийство мужа было совершенно очевидным актом самозащиты.

Глава пятнадцатая

– Мистер Пепердайн?

– Я здесь, – отозвался полицейский агент.

В небольшую кухоньку ворвался младший агент из его команды. Пепердайн оторвался от домашних счетов Кендал Бернвуд и посмотрел на своего подопечного.

– Что-нибудь отыскали?

– Да, сэр. Только что, в спальне. Это было приклеено к нижней части ящика стола.

Пепердайн осторожно принял из рук агента кипу бумаг и принялся за изучение. Подчиненный же слишком разволновался, чтобы спокойно сидеть на одном месте. Он беспокойно расхаживал по кухне взад и вперед.

– Я всегда считал, что священник Боб Вайтекер не так прост, как кажется; – продолжал агент. – Мы знали, что он никогда не заканчивал семинарию и исключили его фактически за слишком неортодоксальную веру?

– Нет, – сдержанно признался Пепердайн.

– А вот миссис Бернвуд знала. И считала себя вправе знать это. Причем все это задокументировано.

– Гм-м-м, – промычал Пепердайн. – Наша миссис Бернвуд была ужасно занята.

– А вот настоящее досье на окружного прокурора Проспера. В Южной Каролине их еще называют солиситорами. Вы

уже прочитали?

– Перескажите мне кратко содержание.

– Горн, лишившись адвокатской практики в Луизиане, переехал в Южную Каролину. Через несколько лет его избирают прокурором округа Проспер. Темное дело, если не сказать больше. То же самое и с городским судьей. Банкиры, школьные администраторы, сотрудники правоохранительных органов. Подробные досье на всех видных деятелей округа. Причем одного этого уже достаточно, чтобы перевернуть здесь все вверх тормашками.

Пепердайн бы чрезвычайно поражен широтой и глубиной проведенного расследования. Оно вполне могло соперничать с лучшими расследованиями его департамента.

– На такую грандиозную работу, – с уважением в голосе заметил младший агент, – должно быть, потребовалась уйма времени. И ума, – добавил он после некоторой паузы.

– Уж чего-чего, а ума ей не занимать, – ехидно произнес Пепердайн. – К тому же она такая скользкая, как сопля на дверной ручке.

– Уже почти две недели, как они сбежали из больницы, и до сих пор никаких следов.

– Я знаю, сколько времени прошло, – раздраженно откликнулся Пепердайн. Он столь поспешно вскочил со стула, что чуть было не опрокинул кухонный стол. Подчиненный, мигом сообразив что к чему, пулей выскочил вон, сославшись на срочную работу в спальне.

Пепердайн задумчиво разгуливал по кухне. На подоконнике, изнемогая, от недостатка воды, отчаянно боролся за выживание слабенький плющ, посаженный в керамический горшок с яркими подсолнухами. Оконные шторы пестрели почти такими же, но побольше. Пепердайн притронулся к одному из них, и лицо его озарилось светлой улыбкой.

Все это принадлежит хозяйке дома, напомнил он себе и отдернул руку.

Да, она похитила мужа и ребенка, но, к счастью, она не убийца. Вскрытие тела той женщины, что обнаружилось в пропавшей машине, показало, что она умерла от ран, полученных во время аварии. Миссис Бернвуд не имеет ни малейшего отношения к ее смерти, а стало быть, убийцей не является. Пока.

Пепердайн посмотрел в окно, размышляя о том, что нового за последнее время прибавилось к характеристике миссис Бернвуд. Он вдруг подумал о населении Южной Каролины, обо всех тех, с кем ей совсем недавно пришлось иметь дело. Чем больше он узнавал, тем меньше понимал. Каждый вопрос, на который он пытался найти ответ, тянул за собой череду других гораздо сложнее и загадочнее. Бегство их продолжалось, а следы становились все холоднее и холоднее.

Тихо выругавшись, он стукнул кулаком по подоконнику.

– Где же вы, мэм? И что вы с ним сделали?

Неожиданно громко зазвенел телефон. Пепердайн, вздрогнув, уставился на аппарат и немного подождал. Через

пару секунд звонок повторился, вызвав к жизни слабенькую надежду на то, что звонят знакомые миссис Бернвуд, и сейчас он получит ключ к разгадке. Грех не воспользоваться случаем.

Он подошел к телефону и осторожно ответил, стараясь не спугнуть звонившего.

– Мистер Пепердайн?

– Да, слушаю, – он с облегчением вздохнул.

– Это Ролинз, сэр. У нас тут есть кое-что.

У Пепердайна все внутри сжалось, когда он узнал по голосу одного из своих агентов, оставшихся в Стивенсвилле.

– Да, да, слушаю.

– Мы нашли человека который утверждает, что продал машину Кендал Бернвуд. Он узнал ее по фотографии.

– Он уверен, что это она?

– Вне всяких сомнений, сэр.

– А где, черт возьми, его носило столько времени?

– Он навещал своих внуков во Флориде. А билет на самолет до Майами он купил как раз на те деньги, которые миссис Бернвуд уплатила ему за машину.

– Она расплачивалась наличными?

– Да, он так сказал.

Плохо дело, подумал Пепердайн. Значит, опять никаких бумажных следов. Конечно, она очень осторожная женщина, но ведь всегда надеешься на удачу.

– Его не было в городе, когда мы опрашивали жителей, –

продолжал агент. – Вернувшись прошлой ночью, он увидел в местной газете знакомое лицо, прочитал статью и сразу же позвонил нам.

- Сообщите всем постам об этой машине.
- Уже сделали, сэр.
- Хорошо. Не упускайте его из виду. Я выезжаю.

Глава шестнадцатая

– Пусть они замолчат! Я больше не вынесу этого! Остановите их, уймите их, уймите их. О Господи! О Боже! Нет!

Джон проснулся от собственного крика. Резко подскочив на кровати, он сел с краю и недоумевающее огляделся. Потом, будто что-то вспомнив, пошарил рукой под матрасом в поисках спрятанного вечером пистолета.

– Его там нет, – вдруг раздался откуда-то голос Кендал. Он посмотрел по сторонам, но так и не увидел ее. – Я забрала и спрятала так, чтобы ты больше никогда не нашел.

Он тряхнул головой, пошарил глазами по углам и наконец обнаружил ее на полу возле кровати.

– Что стряслось? Почему ты на полу?

– Ты просто-напросто сбросил меня. Тебе снились какие-то кошмары, и я пыталась тебя разбудить. Но не тут-то было. Ты как следует врезал мне по плечу, и я свалилась на пол.

– Сильно ушиблась?

– Нет, – успокоила она, поднимаясь на ноги.

Сердце его бешено колотилось, он обливался холодным потом. Чувствуя себя слабым и дезориентированным, Джон так и сидел на кровати, поджав под себя здоровую ногу и повесив голову.

– Это, должно быть, что-то ужасное, – женщина первая

нарушила молчание. – Ты хоть что-нибудь помнишь?

Он тотчас встрепнулся и взглянул ей в глаза:

– К счастью, нет. Снилось, видимо, какая-то муть. – Ты весь в поту, – заботливо сказала она. – Я сейчас принесу полотенце.

Кендал вышла, и он, с трудом поднявшись, заковылял к окну. Усевшись рядом., он приподнял штору и слегка разочаровался – воздух оказался таким же пыльным и неподвижным, как и в тот день, когда ему захотелось немного вздремнуть. После двух недель непрерывных дождей наконец засияло солнце, и они просто изнывали от жары.

Джон с ужасом кинул взгляд на смятые и влажные простыни.

– Мне очень жаль, – извинился он перед Кендал, когда та вернулась.

– Не переживай. Заменить постель не проблема, откликнулась она и спустя секунду добавила: – Знаешь, тебя уже не первый раз мучают кошмары.

– Не первый?

– Но на этот раз все было еще страшнее. Сейчас лучше?

Он кивнул, не сказав ни слова, и с благодарностью потянулся за лимонадом, что она держала на подносе. Рука его чуть дрогнула. Он глотнул ледяного напитка, а затем приставил холодный стакан ко лбу.

Кендал, словно угадав его желание, накинула ему на плечи холодное полотенце, и мужчина сразу же почувствовал при-

ятное облегчение. Обычно она не приближалась к нему, но на сей раз изменила себе. Не спеша провела мокрым полотенцем по его широкой спине, спустилась ниже, осушив лодыжку на мускулистом торсе, куда тонкими струйками стекал пот. Мягкое, прохладное полотенце несло с собой неопишное блаженство. Еще приятнее оказались ее прикосновения, нежные и успокаивающие.

Джон вспомнил, что именно так она обращалась с ребенком. Как бы там ни было на самом деле, подумал он, Кендал все-таки прекрасная мать. Нежная, щедрая, внимательная, любящая. Ей очень шла эта роль. Кевин сразу же расплывался в беззубой бесхитростной улыбке, как только она склонялась над кроватью.

Ему почему-то нравилось наблюдать за ней исподтишка, когда женщина этого не замечала и в упоении любовалась Кевином. Джон даже порой завидовал малышу. Конечно же, детства своего он не помнил, даже представить не мог, что такое возможно. Вряд ли он сам был когда-то предметом такой любви и материнской ласки, причем, что в детстве, что в зрелом возрасте.

Его вдруг начала одолевать мысль, способен ли он сам так глубоко и безоглядно любить, и в страхе, что ему это не дано, настойчиво гнал ее.

– Ну как, тебе лучше? – Кендал положила компресс из полотенца ему на шею.

– Да, спасибо. – Он невольно потянулся к голове и неча-

янно коснулся ее руки. Она, оставаясь невозмутимой, продолжала держать полотенце. – Намного лучше.

– Хорошо.

Спустя какое-то время он взял полотенце и тщательно обтерся. Ему вдруг захотелось стать моложе, мускулистее, привлекательнее. Кендал глаз с него не сводила, но встретившись с ним взглядом, смутилась и тотчас отвернулась.

Они заговорили почти одновременно.

– Я принесла...

– К чему все это?

– Подожди минутку, – сказала она, как бы в ответ на его вопрос. – Тебе нужно перевести дыхание.

Кендал забрал ась на кровать и обхватила руками колени. Ему бросились в глаза ее стройные, совершенно гладкие ноги, правда, бедра прикрыты шортами, но и этого было достаточно, он никак не мог отвести взгляд.

Видимо, она сбривала волосы на ногах всякий раз, когда принимала ванну. По какой-то не совсем понятной для себя самой причине он перестал распускать руки и уже не пытался добиться близости. Он неустанно убеждал себя, что не имеет ничего против табу, навязанного ею. Раз уж она так хочет, что же, прекрасно.

Но на самом деле Джон уже находился на грани сексуального истощения, ведь как муж он все еще чувствовал себя посторонним, находясь с ней в одной кровати. С каждым днем внутренний жар в нем разгорался все сильнее, нестер-

пимее. Он все чаще жаждал обладания. И ценой невероятных усилий, наконец, отвел взгляд от ее ног и маленьких узких ступней.

Кто эта женщина, снова подумал он.

От кого все время убегает? А она действительно убегает. И пусть себе отрицает хоть до Судного дня, но для него не секрет, что за стенами этого дома существует нечто такое, что постоянно угнетает и ужасает ее. По несколько раз за ночь она вскакивает с постели, на цыпочках подкрадывается к окну и внимательно всматривается в темноту. Зачем? Чего боится? В таких случаях он всегда притворялся спящим, а сам осторожно наблюдал за ней, напрочь лишаясь покоя от того, что ему неведома истинная причина ее страха.

Порой ему казалось, что он больше не выдержит. Почему бы ей не довериться и не положиться на него? Единственное, до чего он дошел, размышляя над таким положением вещей, заключалось в том неприятном факте, что сам он являлся составной частью этой проблемы. Вероятно, это ей не доставляло радости, но она могла бы в два счета сорвать покров с тайны. Наивная надежда. Вот уже две недели он и спят на одной кровати, но он так и не смог завоевать доверия.

Он уже изучил ритм ее дыхания, даже с закрытыми глазами мог бы узнать по запаху и по звуку шагов, но она все еще оставалась для него чужой. Он нисколько не сомневался в этом.

– Как тебе удалось обнаружить пистолет? – поинтересо-

вался он.

– Для человека на костылях здесь не слишком-то разгуляешься, чтобы можно было что-либо спрятать.

Пистолет он нашел в первое утро их совместного проживания в сумке с детскими пеленками. Она возилась на кухне, а он в это время просматривал все вещи, чтобы раскрыть тайну, покрытую мраком. Ей и в голову не приходило, что он полезет туда. Значит, и в самом деле, она постоянно врет, и ситуация совсем не так безобидна, как хочется представить.

Естественно, Кендал очень расстроилась, увидев его с оружием в руках. Она долго распекала и упрекала его за то, что он роется в чужих вещах, как он вообще посмел это сделать, а потом решительно потребовала вернуть пистолет. Он нагло рассмеялся ей в лицо, признав, правда, что поступил не очень красиво.

Но хорошо смеется тот, кто смеется последним: все патроны от пистолета она спрятала совершенно в другом месте. Поэтому находка оказалась для него абсолютно бесполезной.

И тем не менее эта бесполезная игрушка порождала ложное ощущение власти над событиями. К своему удивлению, Джон обнаружил, что с оружием чувствует себя гораздо увереннее и спокойнее. А самое интересное, что он уже откуда-то знал вес оружия, вспомнилась его приятная форма и в руке оно лежало совершенно естественно. Джон чувствовал, что умеет обращаться с ним. Даже в отсутствие патронов,

он каким-то образом знал всю механику пистолета, умел заряжать и стрелять, нисколько не страшась, наоборот, с каким-то необъяснимым уважением.

Он долго размышлял над этим. Почему он успокаивается, держа в руках пистолет? Откуда эти навыки? Он пытался вспомнить подобный опыт, но провалы в памяти обрекли все на неудачу. Правда, еще теплилась надежда, что пистолет поможет ему хоть что-нибудь припомнить. Поэтому он так расстроился, когда Кендал забрала игрушку.

– А я все равно найду, – упрямо буркнул он.

– На сей раз и не надейся.

– Буду искать, пока не найду.

– Отнюдь.

– Чей он вообще-то?

– Мой.

– Кормящие матери редко носят с собой оружие, Кендал. Зачем тебе пистолет? Неужели ты похитила меня, пригрозив оружием? Может, ты держишь меня в качестве заложника?

Она весело рассмеялась в ответ.

– Как думаешь, сколько ты стоишь? Думаешь, ты очень богат?

Он на мгновение задумался, потом решительно покачал головой:

– Нет, вряд ли.

– Помнишь, ты сам настоял, чтобы я взяла тебя с собой?

Не будешь же ты утверждать, что из больницы я забрала тебя

насилъно?

Да, все верно, подумал он. Она не заставляла его бежать вместе. Значит, предположение о похищении и содержании в качестве заложника летит ко всем чертям.

– Пистолет небось в том же месте, что и ключи от машины?

– А зачем тебе ключи?

– А зачем ты их спрятала?

– Ну, преподнесу я ключи на голубом блюдечке с золотой каемочкой, и что ты будешь с ними делать? – лукаво поинтересовалась женщина. – Ты ведь все равно не сможешь вести машину одной левой.

– Но могу попробовать, черт возьми.

– И сможешь оставить меня и Кевина без средства передвижения?

– Точно так же, как ты собиралась бросить меня при первом же удобном случае, – тотчас парировал он, выразительно взглянув ей в глаза. – Должен же я с чего-то начать.

Надо покончить с этим раз и навсегда.

Кендал соскочила с кровати, подвинула к себе поднос, что лежал на ночном столике. Он подозрительно наблюдал за ее действиями: она достала пластиковую бутылку со спиртовой растиркой: маленькие ножницы и спирт.

– Значит, покончить раз и навсегда? Давай снимем швы с твоих ран.

– Черта с два.

– Да не бойся ты, это не страшно.

– Легко тебе говорить. Швы-то не твои. Почему бы нам не обратиться к врачу?

Кендал смочила спиртом кусочек марли.

– В этом нет никакой необходимости. Швы следует просто надрезать, а затем вытащить пинцетом. Я видела, и не раз, как это делается.

– А я видел операцию на открытом сердце, – возразил он. – Но это же отнюдь не означает, что я могу проделать то же самое.

– Когда это ты видел подобное?

– Обычная метафора. – Джон кивнул на поднос. Сейчас же убери всю эту дрянь подальше. С этими ножницами я тебя к себе не подпущу. Откуда мне знать, вдруг ты перережешь мне вены?

– Задумай я это сделать, выбрала бы более подходящее время – когда ты спишь. Да и не стала бы ждать две недели.

В этом есть свой резон, подумал он. Она, безусловно, хочет от него избавиться, но вряд ли пойдет на убийство.

Во всяком случае, ему так казалось.

– Перестань вести себя как мальчишка и наклонись, – приказала она и уверенно приблизилась. Но он крепко схватил ее за руки.

– Ты, вообще говоря, знаешь, что делаешь?

– Доверься мне.

– Ни за что на свете.

Кендал закатила глаза, сожалея, что придется тратить время на объяснения.

– На поверхности осталось лишь несколько швов. Все остальные раны уже заросли, а швы рассосались.

– Откуда ты знаешь?

– Доктор сказал. – Кендал посмотрела на него сверху вниз открытым и честным взглядом. – Больно не будет, обещаю. Рана уже затянулась.

И правда, вот уже в течение нескольких дней он не чувствовал никакой боли. И голова больше не раскалывалась. Можно было даже вымыться с головой. Раны затянулись и вызывали легкий зуд, да еще потихоньку отрастали волосы и ему все время хотелось почесаться.

– Ладно, – нехотя согласился он, – но если начнет болеть... – и отпустил ее руки.

– Я сразу же все брошу.

Кендал мягким, но уверенным движением наклонила его голову. Затем продезинфицировала рану.

– Сиди спокойно, – проворчала она, сняв бинты и взявшись за маникюрные ножницы.

Затаив дыхание, она приступила, и если бы не металлическое клацанье ножниц, то он ни за что бы не догадался, что первый шов уже снят. Все его внимание сосредоточилось на другом – близкое свежее дыхание женщины, ее бедра, округлость которых он уже ощущал своим плечом, ее вздымающаяся грудь чуть ли не перед самым носом – все это волно-

вало гораздо сильнее, чем страх боли.

Возможно, ему не следовало искать ее близости. Тогда это показалось хорошей идеей. А оказалось глупым способом проверки истинности ее «брачной» истории. Пожалуй, за эту тактическую ошибку лично он расплачивался куда сильнее, чем она. Колыхание ее груди под ночной рубашкой или майкой вызывало у него бесконечные грезы и несбыточные мечты.

– Ты в порядке? – неожиданно спросила Кендал.

– Да, конечно.

– Твоя нога все еще тебя беспокоит?

– Нет.

– Тогда в чем же дело?

– Ни в чем.

– Ну так перестань ерзать. Я ничего не смогу сделать, пока ты не сядешь спокойно.

– Давай побыстрее, ладно? – сердито бросил Джон. Она положила ножницы и взяла пинцет:

– Возможно, ты почувствуешь легкую...

– О-о-о!

– Снимаю.

– О-о-о!

Она немного отступила назад и поставила руки в боки. Майка, натянувшись, выявила ее пышные формы. – Может, ты хочешь сделать это сам?

«Я хочу сделать тебя», – кричало в его душе.

– Скажи и я сразу же все брошу.

– Ты зашла так далеко, что надо побыстрее кончать, черт возьми.

Спустя какое-то время она закончила сию неприятную процедуру и продезинфицировала шрамы спиртом. Он почувствовал легкое пощипывание, но ни словом не упрекнул.

– Как только твои волосы отрастут, – произнесла она, убирая ненужные инструменты, – ты будешь чувствовать себя как новенький.

– Вряд ли.

– А, амнезия? Все еще никаких проблесков?

– Не притворяйся, что разочарована, – хмыкнул он. – Ты же не хочешь, чтобы я что-нибудь помнил?

– Очень даже хочу.

– Тогда почему не помогаешь мне вспомнить прошлое? Как только дело доходит до чего-то важного, ты тут же становишься сдержанной.

– Доктор сказал...

– Доктор сказал, доктор сказал, – передразнил он недовольным голосом. – Ты как-то говорила, что не доверяешь этому болтливому и самодовольному идиоту, но сие ничуть не мешает тебе ссылаться на него, когда это выгодно.

– Доктор сказал, – продолжила она, не обращая внимания на возражения, – что мне не следует обременять твое сознание избыточной информацией.

Кендал явно выглядела недовольной из-за его ворчливо-

сти и грубости. Неужели эту женщину ничто не волнует, подумал он. Ее удивительно спокойный голос и исключительная невозмутимость не только не успокаивали его, а наоборот, доводили до белого каления.

– Тебе ни к чему торопиться с восстановлением памяти и насиловать себя, – пояснила она. – Память вернется только тогда, когда сама этого захочет. И незачем ее подгонять.

– Ага, тебя это вполне устраивает.

– Спорный вопрос, – сказала Кендал – Хорошо, валяй. Что ты хочешь узнать?

– Кто отец твоего ребенка?

Наконец-то! Честная, не наигранная, импульсивная реакция. Она была просто потрясена откровенностью вопроса. Он застал Кендал врасплох. Она ожидала услышать все что угодно, но только не это.

– Это не мой ребенок, – с уверенностью заявил Джон. – Я знаю, что не мой, – повторил он твердо. – Он не вызывает у меня никаких эмоций. Он не плоть плоти моей.

– Да как ты можешь? Откуда ты знаешь? Ты ведь даже ни разу не дотронулся. Даже не посмотрел на него ни разу.

– Я... Я не могу, – запинаясь, выдавил он. – Он... вообще дети... Они... – Что он мог ей сказать? Что они наводят на него ужас? Кендал подумает, что он сумасшедший, и будет права. Нет, самое близкое по значению слово, которое, пожалуй, передаст всю гамму его чувств, – это страх. Каждый раз, приближаясь к ребенку, он испытывает прямо-таки жи-

вотный страх.

Кендал с любопытством уставилась на него, ожидая, когда же он выскажется.

– Мне слишком не нравится, как они хнычут и плачут, – наконец произнес он.

Одна только мысль о детском плаче доводила его до нервного тика. Он слышал отзвуки своего недавнего кошмара, но вместо того, чтобы отогнать их и побыстрее забыться, усилием воли воскрешал все подробности. Он старался раздвинуть границы сознания и на этот раз уловил что-то такое, что раньше всегда ускользало. Во сне он отчетливо обнаружил стремление во что бы то ни стало прекратить детский плач. Но сейчас понял еще кое-что поинтереснее: он боялся внезапного молчания так же сильно, как и плача. Вероятно, потому, что молчание ребенка в его сознании ассоциировалось со смертью. Теперь Джон хорошо это знал. А также знал, что каким-то образом несет за это ответственность. Господи.

Прошло немало времени, прежде чем он осмелился открыть глаза. Он чувствовал себя физически истощенным и подавленным, будто снова пережил ночной кошмар.

Кендал застыла как вкопанная, глядя на него со смешанным чувством беспокойства и сожаления.

– Когда ты попыталась избавиться от меня в Стивенсвилле, это имело какое-то отношение к ребенку? – он наконец-то решил нарушить тишину. – Что я имел против него? – Ничего.

– Не лги мне, Кендал. У меня какое-то сильное предубеждение против грудного ребенка, и я не знаю отчего. Если я не законченный бессердечный подонок, то должна же существовать причина, объясняющая такое мое отношение. Что это за причина?

– Я не знаю.

– Скажи мне.

– Я не знаю!

Глава семнадцатая

Я беременна!

Кендал прямо-таки вцепилась в руль, чтобы сдержать охватившее ее радостное волнение. Но это оказалось невозможно. Она то и дело вскрикивала, громко смеялась, вздрагивала, пожимала плечами. Если бы в этот момент кто-нибудь с улицы заметил ее, то непременно бы подумал, что она спятила. Но Кендал была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Интересно, подумала она, догадывается ли Мэт. Нет, скорее всего. В том, что она уехала из дома рано утром, не было ничего необычного. Она довольно часто являлась к себе в офис задолго до начала рабочего дня, чтобы поработать в спокойной обстановке, не опасаясь неожиданных вторжений.

Однако сегодня утром планы ее несколько изменились. Кендал поехала на прием к гинекологу, не желая посвящать Мэта, пока не получит достоверных медицинских подтверждений этого безумно радостного факта, что на свет скоро появится долгожданный маленький Бернвуд.

Кендал настоятельно упрашивала гинеколога и персонал до поры до времени держать все в тайне. Подобные новости в Проспере распространяются со скоростью света. Ей просто не хотелось, чтобы об этом важном событии Мэт узнал от

посторонних. Она жаждала сообщить ему новость первой.

Да, надо улучшить момент. Может, во время обеда?

Пожалуй, она позвонит и договорится встретиться где-нибудь в городе. А еще лучше подождать до вечера и сообщить во время ужина при свечах.

Когда она добралась до здания суда, все еще стояло раннее утро. На автостоянке перед судом не было еще ни одной машины. Она словно на крыльях влетела в здание и по пустынным коридорам быстро направилась к себе.

Завернув за угол огромного холла, она увидела свет в своей конторе. Роско тоже приходил на работу очень рано.

Она просунула голову в открытую дверь и остолбенела.

– Боже мой! – воскликнула она вместо приветствия. Сторож чуть не рухнул от неожиданности, но, увидев Кендал, сразу же успокоился. Тревога в его глазах мгновенно сменилась сожалением.

– Я надеялся, миссис Бернвуд, что успею прибраться все до вашего прихода.

Ее глазам предстали результаты чудовищного вандализма. Разбитое дверное стекло. Повсюду куски бумаги, обрывки документов, осколки и письменные принадлежности. От ящиков письменного стола остались только щепки, а их содержимое валялось на полу. По книжным полкам словно прошелся ураган: ни одной книги по юриспруденции.

Две африканские фиалки, которые ей так нравились и находились под неусыпной заботой, безжизненно лежали на

письменном столе, от них остались лишь порезанные листья да комья земли из разбитых горшков. Все остальные предметы в офисе были сброшены на пол, растоптаны или разбиты. Кожу на стуле изрезали на мелкие кусочки.

– Кто здесь побывал? – срывающимся голосом спросила Кендал.

– Вы думаете, это работа негодяев Круков? – в свою очередь вопросом на вопрос ответил тот.

Да, она нисколько не сомневалась в этом, но не высказала ему своих подозрений. И тут же позвонила в полицейский участок. Вскоре в офис прибыли два офицера и стали будто бы внимательно обследовать место происшествия. Но Кендал заметила, что они работают спустя рукава. Она остановила их в коридоре, подальше от Роско, когда они, сняв все отпечатки пальцев, уже собрались уходить.

– Вам удалось снять надежные отпечатки?

– Трудно сказать, – ответил один. – Вероятно, самыми хорошими отпечатками окажутся ваши, вашего секретаря и этого старого негра.

Второй полицейский кивнул в сторону кабинета:

– Откуда вы знаете, что это не он постарался? Кендал настолько ошарашил расистский выпад полицейского, что какое-то время она не могла вымолвить ни слова.

– Мистер Кэлоуэй? – переспросила она изумленно. – Да зачем же ему это делать?

Полицейские переглянулись, давая понять, что весьма

удивлены ее простодушием.

– Ладно, миссис Бернвуд, – откликнулся первый полицейский, – о результатах расследования вам сообщат. Вы не нашли себе каких-либо врагов за последнее время?

– Целую дюжину, – сухо ответила она. – В особенности в вашем департаменте.

Она ничем не рисковала, задевая их самолюбие. Ее ответ тщательно задокументируют в протоколе и благополучно забудут: Никакого серьезного расследования проводиться не будет. Она нисколько не сомневалась, ибо полицейские чины ее здорово недолюбливали. И было за что, слишком многих из них адвокат подвергла беспощадным атакам во время перекрестных допросов.

– Заранее благодарна.

Она долго смотрела им вслед, не питая никаких иллюзий. Этим все и закончится. Только она сама может расследовать этот инцидент, но из-за Мэта не станет. Ведь узнав об очередной акции Круков, муж в порыве праведного гнева, пожалуй, отомстит им.

– Роско, – обратилась она к уборщику, вернувшись в кабинет, – помогите мне, пожалуйста, убрать весь этот бардак.

– Конечно, конечно, – с готовностью ответил тот. – Не стоит даже просить.

– Спасибо. Все мои бумаги нужно собрать как можно скорее. – Она на секунду задумалась. – Я была бы вам очень признательна, если бы вы не распространялись о нынешнем

происшествии. Пожалуйста, никому ни слова. Даже моему мужу.

К полудню Кендал уже свободно передвигалась по кабинету, не спотыкаясь о книги и не хрустя осколками битого стекла. Секретарь навел некоторое подобие порядка во всех важных документах и материалах, а Роско подремонтировал стул.

Понятно, что при встрече с Генри или Лютером Круками она просто будет сгорать от желания собственноручно расправиться с ними и не только из-за этого погрома, но еще и потому, что они испортили ей такой прекрасный день. Вместо того чтобы тихо наслаждаться счастьем обдумывать, как именно и когда лучше всего сообщить эту потрясающую новость Мэту, она теперь должна страдать от вандализма негодаев.

Разумеется, беспорядок в ее кабинете вызвал необыкновенное любопытство служащих. И, конечно же, ей все время приходилось врать. Она соврала даже прокурору Горну, когда тот заглянул в конце рабочего дня.

Он уставился на рабочего, который в этот момент занимался установкой нового дверного стекла.

– Что здесь произошло? – изумленно спросил он.

– Я решила кое-что переделать, – поспешно ответила Кендал и, не давая ему времени опомниться, сменила тему разговора. – Что привело вас, достопочтимый Дэбни, сюда в та-

кое время? Неужели в кафе напротив закончились все запасы чая со льдом?

– Вы очень невоздержанны на язык, адвокат, – тотчас отреагировал он. – Удивляюсь, почему Гиб с Мэтом до сих пор не обучат вас хорошим манерам.

– Мэт мой муж, а не воспитатель, – парировала она. – А Гиб и вовсе не волен мне указывать. Кроме того, будь я не так остра на язык, я не встала бы у вас поперек горла. И знаете, я довольна и наслаждаюсь этой ролью с каждым днем все больше и больше.

Она потянулась к папке, которую он захватил с собой. Ей показалось, что его неожиданный визит вызван именно желанием передать ей загадочное досье.

– Что там у вас для меня?

– Готовое расследование по делу Линэм. Все это мы хотим использовать во время судебного разбирательства. И вам никогда не удастся обвинить моих сотрудников в том, что мы придерживаем доказательства, а потом неожиданно обрушиваем во время процесса. Нам нет нужды заниматься этим. Картина совершенно ясна.

С чувством собственного превосходства он выпрямился и удовлетворенно оттянул подтяжки.

– Дело подготовлено для передачи в суд, – важно сообщил прокурор. – Я смог бы получить обвинительное заключение, даже не шевельнув пальцем.

– Сомневаюсь, что вы сами в это верите, Дэбни, отозва-

лась Кендал, встала со стула и, подхватив сумку и портфель, направилась к выходу. – Были бы вы так убеждены, не напоминали бы беспрестанно. Спасибо за папку. А сейчас придется вам меня извинить. Незадолго до вашего прихода я как раз собиралась уходить. Полагаю, вы найдете меня, как только захотите увидеть.

Еще днем, во время работы Кендал позвонил Гиб и пригласил их с Мэтом отужинать. Она с удовольствием приняла приглашение, поскольку день выдался ужасный и ей совсем не хотелось что-то готовить или ужинать в ресторане. К тому же она просто сгорала от нетерпения, спеша сообщить мужу радостную новость.

Гиб позвал их в гости наудачу, ничего специально не готовя. Поэтому они ужинали с подносов, прямо под остекленевшими взглядами его многочисленных трофеев в гостиной. За десертом Гиб завел разговор о предстоящем судебном процессе над Лотти Линэм.

– Неужели ты считаешь ее невиновной? – осторожно поинтересовался свекор, тщательно подбирая слова.

– Гиб, – сухо ответила Кендал, – я не могу обсуждать здесь все подробности этого дела. Вы же прекрасно знаете.

– Я, конечно, осведомлен о всех прерогативах адвоката и так далее, – отозвался он. – Но ты же член нашей семьи. – Он добродушно улыбнулся. – Кроме того, мне интересны кое-какие подробности. Я имею в виду самые общие принципы.

– Вроде тех, что высказывал в прошлое воскресенье свя-

щенник Вайтекер?

Кендал до глубины души возмутила последняя воскресная служба, и она решила высказаться, хотя отдавала себе отчет, что это не понравится мужчинам. Те с особым уважением относились к священнику и любое несогласие с его проповедью действовало на них, как красная тряпка на быка.

– Какое отношение проповедь Вайтекера имеет к твоему делу? – удивился Мэт.

– Я никогда не поверю, что он совершенно случайно упомянул в воскресенье о священных узах брака. – Кендал старалась держать себя в руках и говорить как можно спокойнее, но это ей плохо удавалось. – Он целый час убеждал прихожан в том, что жены должны слепо повиноваться своим мужьям.

– Но женская покорность провозглашена в Писании.

– А в этом Писании сказано, что жена должна покорно сносить издевательства мужа, который терроризирует ее горячими бигуди?

– Согласись, это не слишком подходящая тема для разговора за ужином?

– Это вообще не тема для любого разговора и в любое время, Мэт. – Кендал всеми силами старалась сдерживаться. – Но, возвращаясь к воскресной службе, я могу сказать только одно – эта проповедь закрепляет неравноправие и делает женщин объектом сексуальных домогательств. Среди прихожан немало будущих присяжных заседателей. Как они могут

противостоять такому влиянию?

– Боб не оправдывал избивание жен, Кендал, – прервал ее Мэт. – Каждому известно, что Чарли Линэм был жестоким грубияном и пьяницей.

– Но это не давало ей никакого права убивать его, сынок, – возразил Гиб и повернулся к Кендал. – Я сказал Дэбни, – что ты настаиваешь на не виновности Лотти только потому, что как следует ее не знаешь.

– Что значит «я сказал Дэбни»? Разве он обсуждал это с вами? Его совершенно не касается...

Гиб поднял руку, призывая к молчанию.

– Мы с Дэбни очень старинные друзья, Кендал. Фактически я уговорил его занять должность прокурора и поддержал во время выборов. Именно на правах друга он поинтересовался моим мнением относительно того, что ты хочешь добиться оправдательного приговора. Я честно высказал все, что думаю по этому поводу.

– Ты ведь не местная, Кендал, – продолжал он без остановки. – Лотти навешала тебе лапши на уши. Тебе и невдомек, что она всегда занималась проституцией, во всяком случае с тех пор, как стала женщиной. И замужество совершенно не изменило ее привычек. Именно поэтому Чарли с каждым днем пил все больше и больше.

Кендал просто потеряла дар речи от возмущения. Прокурор Горн нарушил адвокатскую этику самым вопиющим образом. Он выяснял позицию Гибба относительно предстояще-

го дела об убийстве, но Гиб, кажется, ничего не понял. Он весь отдался страсти переубедить свою невестку и заставить ее встать на сторону подонка.

– Гиб, – наконец тихо вымолвила Кендал, – мистер Горн не имел права обсуждать с вами подобные вопросы. А моральные устои миссис Линэм абсолютно никакого отношения к предстоящему суду не имеют. Вы сами подошли к опасной черте, перейдя которую, вы с легкостью произнесете, что она заслуживает быть изнасилованной и избитой до смерти.

– Это же совсем другое дело, – возразил Гиб. – Мне плевать на все ваши законы, но объясни, как муж может изнасиловать свою собственную жену?

Кендал не успела ответить на этот дурацкий вопрос, как в разговор вмешался Мэт.

– Отец, Кендал не имеет права обсуждать с нами свои адвокатские дела. Она очень устала. Давай-ка закругляться, и я отвезу ее домой.

Кендал вернулась к этому разговору, прежде чем они отошли на достаточное расстояние от дома Гива.

– Больше всего меня пугает, что подавляющее большинство будущих, потенциальных присяжных заседателей готовы поддержать идеи Гива о полном подчинении жены мужу. Они не станут вдаваться в подробности. Боюсь, придется потребовать изменения судебного округа. Моя подзащитная никогда не дождетя справедливого суда в Проспере.

– Отец принадлежит к совершенно другому поколению, Кендал. Смешно требовать от них придерживаться таких же, как мы, социальных и моральных принципов.

– В отношении, например, хронического пьянства и изнасилования жены?

– Давай не будем ссориться, – попросил Мэт, чувствуя, как изменился ее голос. – Я нисколько не оспариваю твою позицию.

– Но ты и не принимаешь ее.

– Я просто не хотел участвовать в этом бессмысленном споре.

– Не думаю, что этот спор лишен смысла, – возразила она. – Да и миссис Линэм вряд ли найдет его вздорным.

– Я не присяжный заседатель, – пытался успокоить ее Мэт. – Тебе ни к чему оправдываться передо мной. Точно так же, как обсуждать свои дела с отцом.

– Это ему не следовало обсуждать судебные дела с прокурором. – Кендал не на шутку расстроилась и одновременно была озадачена. – Слушай, Мэт, почему Дэбни всегда обсуждает свои профессиональные дела с Гибом?

– Отец тебе уже объяснял. Как старые приятели им всегда хочется просто о чем-то поболтать. Ты придаешь этому слишком большое значение.

– Вряд ли, – задумчиво отозвалась она. – Я весьма обеспокоена тем обстоятельством, что Дэбни бегаёт докладывать обо всем Гибу, словно тот полностью контролирует мою ад-

вокатскую деятельность.

Дело и так слишком запутанное, а тут еще это вмешательство Гиба! Кендал нисколько не сомневалась в том, что оправдательного приговора в Проспере практически не добиться. Остается уповать только на чудо.

– Ты не возражаешь, если я возьму интервью у миссис Линэм?

– Что? – Она настолько погрузилась в свои грустные мысли, что даже не поняла о чем он. – Что это будет за статья?

– Миссис Линэм уже давно является объектом нападок и злословия в церкви, на улице и так далее. Даже со стороны моей газеты, – признался он неохотно. – Дадим же ей высказаться.

Кендал поблагодарила мужа за внимание, но сразу же добавила, что пока воздержится. По дороге домой они говорили только об этом. Даже направляясь в спальню, Мэт все еще настаивал на том, что публикация пойдет ей только на пользу.

– Я знаю, как урезонить отца, – не отставал от нее Мэт. – Он здорово избалован всеобщим вниманием, вот и не скупится на советы. Он, видимо, просто не осознает, что ставит тебя в неловкое положение своими рекомендациями Дэбни. Положись на меня, Кендал. Клянусь, в этой статье не будет ни капли интриганства.

– Вообще-то, – продолжал он с энтузиазмом, – я могу отпечатать перечень вопросов заранее. Ты предварительно

ознакомишься и ориентируешь миссис Линэм. Статья будет состоять только из этих вопросов, ты просмотришь готовый материал заранее. И вычеркнешь лишнее, если сочтешь нужным.

Кендал ничего вразумительного ответить не могла и наконец согласилась.

– Ладно, – сдалась она. – Спасибо.

Мэт робко потянулся к ней.

– Иди сюда. Мне кажется, ты хочешь, чтобы я тебя обнял.

Она в порыве нежности прильнула к нему и замерла в его объятиях. За ужином у Гиб ей так и не удалось порадовать мужа сногсшибательной новостью.

Сперва она хотела осчастливить их обоих, но потом передумала. Все-таки Гиб для нее оставался чужим, а это особое событие требовало определенной интимности. Она ревностно относилась к мужу и ждала, когда они окажутся одни.

И вот наконец они остались вдвоем.

Кендал уже открыла было рот, но он первым нарушил тишину.

– Кендал? – Он слегка отстранился и ласково потрепал по щеке. – Ты так расстроилась сегодня. Могу ли я рассчитывать сейчас на исключительное внимание с твоей стороны?

Так даже лучше, подумала женщина. Сначала они займутся любовью, а затем, утомленные страстью, захотят отдохнуть. Вот тогда она ему и сообщит... Кендал с радостью обвила его за шею.

– С огромным удовольствием, – шепнула она. Она нежно ласкала мужа, наслаждаясь его физическим совершенством, скрытой энергией выпуклых мышц, страждущим мужским естеством. Очаровательное, волнующее состояние близости, в которое, по его словам, они давно уже не погружались.

Но самый интимный момент оказался не таким упоительным, как раньше. Почувствовав сильное возбуждение, он в нетерпении сильно и резко вошел в нее, и ей, не совсем еще готовой, стало больно. Вместо невероятного наслаждения, которое ей так хорошо знакомо!

Правда, при этом предполагалась продолжительная любовная игра, постепенно пробуждающая глубокое желание и лишаящая ситуацию свойственной ей неловкости.

Некоторое время спустя он виновато улыбнулся.

– Как ты?

Она, не колеблясь, соврала, чтобы не задеть его самолюбия.

– Ты слишком занята в последнее время, Кендал, – буркнул Мэт недовольно. – Мы перестали понимать друг друга. Отец прав.

Она приподнялась на локтях.

– Прав в чем?

– Ты слишком много времени проводишь на работе и почти не бываешь дома.

– Ты перебиваешь мои косточки с отцом?

– Не заводись, – оборвал ее Мэт. – Я тебя ни в чем не

обвиняю. Я просто спрашивал его, как мне себя вести, чтобы ты не была такой отстраненной.

– Мэт, не придирайся ко мне, – обиженно воскликнула Кендал. – Вчера вечером я предупредила тебя, что задержусь на работе допоздна. Ты абсолютно не возражал, поскольку тоже собирался побыть с друзьями, а не дома. Когда ты вернулся, я уже ждала тебя в постели.

– Не сходи с ума.

– Ах, не сходить с ума? Ты постоянно все передергиваешь. Я задерживаюсь только в редчайших случаях, когда у меня много работы. Если тебя нет допоздна, то это всего-навсего значит, что ты веселился с Гибом и со своими друзьями.

– Ты просто ревнуешь.

– Это вовсе не ревность.

– Но здорово смахивает.

– В таком случае я могу утверждать, что ты ревнуешь меня к работе.

– Да, действительно, и не отрицаю это. Потому что ты чертовски поглощена своей карьерой.

– Я просто люблю свою работу. Будь я мужчиной, меня бы просто называли энергичным человеком.

– Но ты не мужчина, а женщина. И твоя деятельность мешает тебе выполнять обязанности жены. – Мэт немного смягчился, ласково привлек Кендал к себе и загляделся на ее волосы. – Дорогая, я ненавижу наши ссоры.

– Я тоже, Мэт, – отозвалась она, – но иногда после раз-

молвок все встает на свои места. Перед нашей свадьбой ты прекрасно знал, что я хочу преуспеть, сделать карьеру. Мне нравится адвокатская практика. И я хочу добиваться справедливости для...

– Я все знаю, – перевал он ее монолог. – Я горжусь тем, что ты занимаешь такое положение. Но не слишком ли ты гордишься на работе? Неужели нельзя больше внимания уделять себе? И мне, своему мужу. Кроме того, неплохо тебе поинтересоваться общественной жизнью города, почаще общаться с нашими женщинами. Послушай, принадлежность к влиятельной группе дает немало преимуществ. А это куда предпочтительнее, чем держаться особняком.

Он ласково поцеловал ее в макушку.

– Отец считает, что нам нужен ребенок. Тогда в твоей жизни появится внутреннее равновесие. Я теперь полностью согласен с ним. Давай заведем ребенка, Кендал. И приступим к этому прямо сейчас.

Естественно, абсолютно не в такой атмосфере Кендал мечтала сообщить мужу, что их долгожданный ребенок уже зачат.

Они снова занялись любовью, но Кендал так и не погрузилась в то упоительное наслаждение, которое прежде всегда сопровождало их интимные отношения. И виноват во всем был Мэт с его дурацкими замечаниями и упреками. А он, увлеченный идеей зачатия, даже не заметил, что она не отвечает взаимностью.

Глава восемнадцатая

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу поехать в город вместе с тобой.

Джон уселся рядом с ней спереди, а костыли бросил на заднее сиденье.

– Нет, ты никуда не поедешь, – возразила Кендал.

– Еще как поеду.

Кендал постаралась не раздувать из мухи слона, дабы избежать дополнительных подозрений.

– Поверь мне на слово, это совсем маленький городишко.

– Я сам хочу посмотреть, – твердо сказал он, – и к тому же тебе не верю.

Черт побери! Ну почему ему захотелось поехать именно сегодня?! Может, вчерашний кошмар вызвал у него какие-то смутные воспоминания? Он во сне выкрикивал имена таких людей, при одной мысли о которых у нее кровь стыла в жилах. Стоит ему лишь вспомнить их, как он тотчас вспомнит все остальное. И тогда – ей конец, если только сам Господь Бог не поможет.

Вот почему она решила сегодня же уехать в город и больше сюда никогда не возвращаться.

– Слушай, стоит такая жуткая жара. – Она попыталась урезонить его. – Ты только устанешь и ничего больше. Почему бы тебе не подождать хотя бы еще денек? Ты отлежишь-

ся, отдохнешь, а потом, если уж ты так настаиваешь, я отвезу тебя в любое время. К примеру завтра.

– Я очень тронут твоей неустанной заботой о моем здоровье, но... – Джон упрямо покачал головой. – Я не выйду из машины. Тебе придется вытолкнуть меня, но у тебя вряд ли что-нибудь получится. Даже со своей сломанной ногой я гораздо сильнее. Все, разговор окончен, я еду.

Подобный мятеж был лишь делом времени, Кендал хорошо это знала. Он с каждым днем набирался сил и она постепенно, но бесповоротно теряла над ним контроль. Джон выздоравливал прямо на глазах и не исключено, что, почувствовав свою силу, он перехватит инициативу.

Он и так явно сомневался в ее объяснениях по поводу его нынешнего состояния, давно уже осознав, что она всячески скрывает правду. Вчера, отвечая на его вопрос о странном отращении к Кевину, она еще как-то смогла сослаться на причуды амнезии. Но, похоже, неуклюжая уловка женщины не только не успокоила, а наоборот, лишь усилила его любопытство.

С каждым днем его интуитивное мышление все улучшалось, и времени у нее почти не было. Она и так оставалась с ним много дольше, чем это позволяли приличия. Если он достаточно здоров, чтобы противиться ей, значит уже вполне способен защитить себя без всякой посторонней помощи.

Вот уже две недели ее раздирали противоречия: с одной стороны, страх перед тем, что к нему вернется память,

с другой – страх перед необходимостью покинуть безопасный бабушкин дом. Это место, разумеется, не гарантировало ее полного исчезновения, но все же здесь намного лучше, чем на открытом шоссе, где полицейские уже давно ее разыскивают. Конечно, к этому времени шумиха, поднятая ее внезапным исчезновением из больницы, должна бы потихнуть, дорожные посты погрузиться в свою обычную размеренную беспечность. Детально все проанализировав, она решила, что наступило самое подходящее время для отъезда.

И вот теперь в очередной раз все ее планы летели к чертовой матери. С другой стороны, может, это и к лучшему, что он настаивает на поездке. Он, конечно, обо всем догадался, но вместе с тем не сообразил, что, заперев его в машине, она потом спокойно смоеется.

По дороге в город Кендал лихорадочно обдумывала способы осуществления своего безумного плана.

– Ладно, – бросила она, изобразив некое подобие улыбки, – поехали. – В твоей компании, пожалуй, веселее.

Но какое уж тут веселье! Первые десять минут Джон молчал как рыба и внимательно разглядывал в окно окрестности. Он мог бы даже составить подробную карту их передвижения. В любом другом случае Кендал и внимания бы не обратила на его не вероятную наблюдательность, но сейчас это сильно беспокоило.

– Ты прекрасно знаешь дорогу, – заметил он недоверчиво.

– Еще бы, – без тени смущения ответила она, – именно здесь бабушка учила меня водить машину.

– Ты так часто о ней говоришь. Видимо, ты действительно любила ее?

– Конечно.

– За что, если не секрет?

Понятно, что обычные слова бессильны передать всю глубину безграничной любви к бабушке, но все же Кендал попыталась объяснить свои чувства, невзирая на несовершенство языка.

– О, бабушка была натурой творческой, жизнерадостной и большой выдумщицей. Я не только ее люблю, она восхищает меня как личность. Ах, каким же она была необыкновенным человеком, – исключительно терпимым, понимающим и принимающим всех такими, как они есть. Будучи женщиной с чувством собственного достоинства, она прививала его мне. Даже провинившись и понеся справедливое наказание, я никогда не сомневалась в ее великодушии и любви.

Начались городские застройки. Кендал въехала на стоянку у супермаркета. Он подождал, пока она выключит двигатель, а потом неожиданно спросил:

– Ты любила ее сильнее, чем меня?

Кендал на минуту лишилась дара речи:

– Что за вопрос! Это совершенно разные вещи, совсем другие отношения. И нечего сравнивать себя с бабушкой.

– Но любовь есть любовь, разве не так?

– Вовсе нет. Все зависит от обстоятельств.

– Каких таких обстоятельств?

– От самих людей и природы их взаимоотношений.

А я тебя любил? Впрочем, не надо, не отвечай.

Он тут же пошел на попятную. – Скорее всего, ты мне со-
врешь. – На какое-то время Джон неподвижно застыл, гля-
дя в ветровое стекло, затем снова повернулся к ней: – Я не
помню, чтобы любил кого-нибудь. В противном случае ты
бы решила, что я обязательно это вспомню. Разве не так?

Он пристально взглянул на Кендал, и в его глазах мельк-
нули тревожные тени. Интересно, подумала она, о чем он
сейчас думает? Если бы обстоятельства были другими...

Но они были именно такими – ужасными и рискованны-
ми, и все размышления на этот счет просто-напросто беспо-
лезны. Ни к чему обременять себя мыслями о его эмоцио-
нальном состоянии.

Она поспешно вылезла из машины и взяла Кевина на ру-
ки.

– Я долго не задержусь, – не моргнув глазом, солгала она. –
Надеюсь, тебе здесь не наскучит.

– Конечно, конечно, – отозвался он. – Я просто буду си-
деть и смотреть в окно.

Забрать все вещи, которые она приготовила и сложила в
багажник, не было никакой возможности. То же самое отно-
силось и к продуктам. Может, ей удастся что-нибудь прику-
пить, пересекая супермаркет, хотя времени для этого прак-

тически не оставалось.

– Тебе что-нибудь принести? – спросила она, стараясь вести себя как можно естественнее.

– Упаковка пива просто предел мечтаний, – откликнулся он.

– Какое конкретно пиво?

– Я не помню, что мне нравится, – ответил он. – Ты, должно быть, знаешь. Самое дорогое.

Она мужественно проигнорировала его сарказм.

– Разумеется, знаю, – не замедлила подтвердить женщина. – Вернусь через секунду.

Пока она шла к супермаркету, ей казалось, что в ее спину упираются два острых ножа. Кендал всеми силами старалась не торопиться и не привлекать к себе внимания. Но стоило оказаться внутри и убедиться, что он не видит ее за зеркальными стеклами витрин, как она опрометью бросилась к телефону-автомату. К счастью, память не подвела.

– Алло?

– Миссис Вильямс? Это Мэри Джо Смит, я звонила вам несколько дней назад насчет машины.

– Да, конечно. Я уже давно вас поджидаю. Надеюсь, вы еще не передумали? Потому что всем остальным я уже сказала, что машина продана.

– Нет, нет, не передумала. Просто я... Помните, я вам говорила, что моя машина на последнем издыхании? – Я здесь застряла навсегда и теперь не могу добраться до вашего до-

ма. Да к тому же с грудным ребенком на руках, и я... О, я просто не знаю, что делать!

Голос ее дрогнул, словно она действительно оказалась в бедственном положении и чуть не плачет от отчаяния.

– О, дорогая, ну... – Миссис Вильямс оказалась полна решимости проявить всяческое сочувствие, но осторожность никогда не помешает. Она, вероятно, наслушалась историй о всяких проходимцах, которые частенько обманывали старых вдов. – Вы знаете, я могла бы привезти вам машину туда, где вы застряли.

– О, не смею даже просить вас об этом! Нет, нет, я только... гм-м-м. Дайте-ка я соображу.

Тактика Кендал сработала великолепно.

– Это не доставит вам много хлопот, – убеждала уже миссис Вильямс. – Где вы находитесь в данный момент?

Кендал назвала ей адрес заправочной станции, которую она заметила по пути к супермаркету.

– Чудесно, всего лишь в пяти минутах езды от моего дома, – обрадовано воскликнула миссис Вильямс. – Я сейчас подъеду на машине, оформим документы; а потом вы отвезете меня обратно.

– О, мне ужасно неудобно так обременять вас... – снова начала Кендал.

– Ничего страшного, – ответила та. – Я хочу поскорее продать машину.

– А я – поскорее купить.

Так оно и было. И следовало поторопиться, ведь к этому времени Джим Пепердайн уже наверняка нашел того продавца из Стивенсвилла. Поэтому ей нужно было во что бы то ни стало избавиться от этой засвеченной машины и выбраться на шоссе, ведущее в южные штаты.

Миссис Вильямс четко повторила место и время встречи.

– Хорошо, я буду там через пять минут. – Кендал повесила трубку и направилась к запасному выходу супермаркета.

Автоматическая дверь бесшумно отворилась. Кендал сделала шаг вперед и остолбенела.

Пока они ехали в город, его нога снова разболелась. Но тем не менее он решил проверить, что творится вокруг.

Как только Кендал скрылась в супермаркете, Джон распахнул дверцу машины и достал костыли. Затем медленно выбрался и огляделся.

Она оказалась права: городишко действительно, был маленький. Он без труда разглядел бензозаправочную станцию, авторемонтную мастерскую, небольшой ресторанчик, парикмахерскую и... почту!

Медленно бредя по асфальтированной поверхности стоянки, которая, казалось, раскалилась докрасна, он обливался потом. Уже через минуту рубашка противно прилипала к телу, ноги подкашивались от усталости. Боже, как он ненавидел свою беспомощность и слабость!

Краешком глаза он заметил проезжавшего мимо мальчишку на велосипеде.

– Эй, парень, – позвал он негромко.

Тот оглянулся, притормозил и подъехал поближе.

Только теперь он разглядел, что пареньку лет двенадцать, не больше.

– Что у вас с ногой? – поинтересовался парнишка.

– Да вот попал в автокатастрофу.

– И голова тоже?

– Да, и голова. Что это за город? Это штат Теннесси?

Парень от удивления чуть было не свалился с велосипеда.

Он внимательно пригляделся, понимающе подмигнул и ухмыльнулся:

– Ну ты и хорош! Во, набрался! – И сложив кольцо из двух пальцев, поднес его к губам, намекая на курение марихуаны.

– Да нет же, я в полном порядке. Просто мне надо знать, где я.

Парень с лукавой усмешкой наклонился к самому уху.

– В Катманду, где же еще, – прошептал он. – А не слишком ли ты стар для этого дела? – Он снова сложил пальцы колечком. – Похоже, тебе уже перевалило за сорок.

– Верно, – отозвался он. – Я первобытный человек. Реликтовый гуманоид. А теперь скажи, как называется этот чертов городишко?

– Господи, да ты же псих! – Парень быстро развернулся и что есть мочи закрутил педалями.

– Стой, подожди!

Парень оглянулся и неприличным жестом отмахнулся от него.

Джон тут же огляделся по сторонам, желая убедиться, что никто не видел эту позорную сцену. Было бы весьма некстати, если бы полиция обратила внимание на некоего бродягу, задающего прохожим весьма странные вопросы. Собственно говоря, он и на почту-то хотел заглянуть только для того, чтобы выяснить название города и убедиться в отсутствии своей фотографии на доске разыскиваемых преступников.

Он прикинул расстояние до почты и пришел к выводу, что переоценил свои возможности. Тем более что передвижение по раскаленному асфальту стоянки окончательно вымотало его.

Интересно, подумал он, сколько времени ей понадобится, чтобы купить все необходимое и вернуться к машине? Успеет ли он к этому времени? И вообще, что там она собирается покупать, кроме упаковки с пивом? Она не очень-то спешила, направляясь в супермаркет...

Вдруг он вспомнил, как она входила к открывшуюся дверь. Она несла в руках Кевина, большую сумку и сумку с пеленками... Сумка с пеленками! Если она забежала в супермаркет на несколько минут, то зачем же ей сумка с пеленками?

Он повернулся так резко, что чуть было не потерял равновесие. Но справившись с внезапно подкатившей слабостью, заковылял так быстро, как только позволяли костыли.

– Чертов дурак, – ворчал он, проклиная собственную глупость. – Идиот! Как же я выпустил ее из виду?

Значит, предчувствие не обмануло. Она хотела улизнуть. Подчиняясь интуиции, он настоял на их совместной поездке в город. Но почему он не догадался, что его присутствие отнюдь не помеха?! Как глупо! Он только облегчил ей выполнение задуманного.

Проклиная свою невероятную слабость, а заодно костыли, он изо всех сил старался идти быстрее.

– О Боже мой! Боже мой! – Кендал сразу и не сообразила, что произносит эти слова вслух и очень громко, а не шепотом и про себя, как ей казалось.

Она застыла перед огромной стойкой с газетами, где красовалась ее фотография. Затем медленно попятилась назад и направилась к выходу, низко опустив голову. Надо как можно быстрее выбраться отсюда, пока ее еще не узнали. Неужели уже прошло пять минут, подумала она. Надо спешить, а то миссис Вильямс уже ждалась. Не застав ее на месте, женщина с чистой совестью уедет прочь.

Но тут ей в голову пришла ужасная, прямо-таки жуткая мысль. Что, если эта миссис Вильямс уже просмотрела утренние газеты и с ходу узнает ее?

И все же Кендал решилась рискнуть и купить машину. У нее просто не было другого выбора. Случилось самое страшное: за ней уже охотились, и она чувствовала себя намечен-

ной жертвой.

Кендал быстро покинула супермаркет и, оказавшись снаружи, совершенно ослепшая от яркого солнца, двинулась вдоль стены. Вроде бы он не должен увидеть ее из машины, но...

– Ты куда-то собралась?

Сердце Кендал беспомощно сжалось и она, испугавшись, тотчас повернулась. Грузно опираясь на костыли, часто и тяжело дыша, он стоял неподалеку. Волосы его растрепались и слиплись от пота.

– Почему ты вышел из машины?

– А ты почему вышла через черный ход? Ведь машина с противоположной стороны здания.

– Ох, похоже, я заблудилась в этом огромном супермаркете.

– У-гу, – многозначительно протянул он. – Понятно. А почему ты ничего не купила?

Почему она ничего не купила? Думай, Кендал, думай, приказала она себе.

– В супермаркете Кевин начал вести себя слишком беспокойно. Видимо, ему не очень хорошо. Может, жара на него так подействовала, а может, что другое.

– А мне кажется, он вполне доволен жизнью. Кевин и в самом деле никогда еще не выглядел таким здоровым и счастливым. Он преспокойно пускал пузыри и радостно теребил ее серьги.

– Ну, нет, я бы так не сказала, – поспешно стала оправдываться Кендал, понимая, что все это не очень-то убедительно. Ладно, приедем сюда еще раз.

Она побрела к своей старой машине, которая находилась на автостоянке с противоположной стороны от бензозаправки, где ее безуспешно ждала раздосадованная и возмущенная миссис Вильямс.

Она не будет покупать сегодня другую машину.

И не будет предпринимать попыток сбежать от него.

Глава девятнадцатая

– Ли – это китайское имя?

– Тюремный охранник равнодушно пожал в ответ плечами:

– Китаеза или япошка, Бог его знает, кто он? Я не отличаю этих узкоглазых друг от друга.

Укоризненный взгляд Кендал заставил его замолчать. Стражник, несколько смущаясь, открыл дверь маленькой комнаты, где адвоката уже ждал очередной клиент. Как только она появилась на пороге, обвиняемый в изнасиловании Майкл Ли вскочил на ноги.

– Я буду здесь, за дверью, – громко произнес охранник, адресуя эти слова скорее заключенному, чем адвокату.

Кендал, закрыв за охранником, повернулась и приблизилась к Ли, который так вытянулся по струнке, что у нее чуть было не вырвалось «вольно». Представившись и пожав ему руку, она указала на стул, приглашая сесть, сама же расположилась напротив.

– Вам что-нибудь нужно? Например, воды? – Нет, мадам, – сдержанно ответил он.

У восемнадцатилетнего Майкла Ли оказалось совершенно чистое, без каких-либо признаков растительности лицо и прямые черные волосы. Маленького роста, очень тщедушный, он с тревогой и вместе с тем с любопытством смотрел

черными блестящими глазами, как она, открыв портфель, достала оттуда ручку и записную книжку.

– Тюрьма, конечно, заведение не очень приятное, – между тем заговорила она. – Хотя, пожалуй, слишком мягко сказано.

– А вы когда-нибудь сидели в тюрьме? – поинтересовался он.

– Да, однажды, – честно призналась она. – Меня арестовали среди протестующих против запрета на некоторые книги в публичной библиотеке.

Он понимающе кивнул, как бы одобряя ее поступок.

– Я сейчас же договорюсь, чтобы вас выпустили под залог.

– Моя семья себе этого не может позволить, – грустно произнес он, не теряя чувства собственного достоинства. – Миссис Бернвуд, мне не хотелось бы доставлять беспокойство родителям. Они и так достаточно пострадали из-за этого недоразумения.

– Я надеюсь договориться о какой-нибудь приемлемой для вас сумме.

– О, если это возможно, я бы хотел продолжить учебу в школе, – воскликнул он взволнованно. – Мне очень важно окончить школу со своим классом.

– Вы уже выпускник, не так ли?

– Совершенно верно.

– Ваши родители, должно быть, весьма гордятся вами.

– Да, мадам, очень. Мне уже предложили несколько сти-

пендий для обучения в одном из университетов. Правда, я еще не решил куда именно поступать. – Он опустил глаза и гневно сжал кулаки. – Хотя теперь, может, вообще никуда поступать не придется.

Кендал решила больше не продолжать разговор о его будущем. Одно лишь упоминание о том, чего он может лишиться, полностью деморализует подзащитного. Она просто старалась уловить суть и понять человека, которого придется защищать.

– Итак, вы принимаете активное участие в общественной жизни школы и ее организаций, включая Национальное Общество Чести.

– Да, мадам. Кстати, именно во время одной из поездок в Гетлинбург я впервые познакомился с Ким.

– Почему бы нам не начать с этого самого момента. Расскажите, пожалуйста, о ваших взаимоотношениях вплоть до сегодняшнего дня.

– Мы познакомились во время туристической поездки в Теннесси, в этот маленький городок в горах, и с тех пор нередко встречались. Вместе проводили все свободное время, но я никогда не бывал у нее. Приходилось договариваться о каком-то условном месте, поскольку Ким не сомневалась, что родители не одобряют ее выбор. Я для них иностранец.

Но мгновенно преисполнившись гордости за свою принадлежность к этой стране, он вдруг как-то сразу просветлел:

– Я американец, – твердо произнес он. – Такой же, как и Ким. Такой же, как и мистер Джонсон. Моя мать родилась в Америке. А родители отца приехали сюда, когда он был еще совсем маленьким. Он и китайский-то никогда не изучал, а по-английски говорит лучше, чем мистер Джонсон.

Кендал охотно поверила Майклу. Она не была близко знакома с Германом Джонсоном, но частенько видела его в загородном клубе. Всегда навеселе, громко хохоча и отпуская сальные шуточки, он производил впечатление шута горохового.

Правда, Кендал не знала и мистера Ли, но они с женой воспитали замечательного сына, с хорошими манерами. Из того, что она слышала, было ясно, что это трудолюбивые люди, которыми не без оснований гордится их сын.

Со временем связь Майкла Ли с Ким Джонсон только упрочилась.

– У нас очень серьезные отношения, – тихо уточнил он. И признал, что сексуально сблизились они примерно месяца два назад.

– Но подошли к этому очень ответственно, – подчеркнул он горделиво. – Я всегда предохранялся, – добавил он через минуту. – И к тому же все происходило по обоюдному согласию. Клянусь вам. Я бы никогда Ким и пальцем не тронул. Разве мог я ее обидеть! – На глаза юноши навернулись слезы. – Ни за что, – произнес он с жаром.

– Я верю тебе, – дружески ободрила его Кендал. – А теперь

расскажи все по порядку о вчерашнем происшествии.

Он встретился с Ким в библиотеке. Почему бы не позаниматься вместе? Сидя за одним столом, они усиленно старались показать, что не знакомы друг с другом, ибо библиотекарьша внимательно за ними следила.

Каждый сам по себе вышел из библиотеки, но потом, как и договаривались, он подсел в ее машину на стоянке. Майкл в смущении отвел глаза, тем не менее признавшись Кендал, что они сразу же предались любовным утехам на заднем сиденье.

– Я понимаю, что ты чувствуешь себя неловко, как можно участливее сказала Кендал, – но если будет предъявлено обвинение в изнасиловании, то тебе придется выложить суду гораздо больше, чем мне сейчас. Прокурора не разжалобить. Поэтому прошу тебя быть предельно откровенным со мной. Я могу рассчитывать на это?

Он молча кивнул, и Кендал приступила к вопросам по существу.

– Ким разделась?

– Нет. Только трусы сняла.

– Значит, она осталась в юбке?

– Да.

– И в блузке?

– Да.

– А бюстгальтер был?

– Да.

– Значит, ничего из этого она не сняла? Расстегнула, но осталась в одежде.

– А ты?

– Я просто расстегнул молнию на брюках.

– Рубашку снял?

– Нет.

– Но расстегнул?

– Да.

– Когда вас застали в машине, кто-нибудь видел, что рубашка на тебе расстегнута?

– Думаю, что да. Неужели это имеет какое-то значение?

– Разумеется, – подтвердила Кендал. – Дело в том, что насильнику наверняка не хватило бы времени расстегивать пуговицы своей рубашки. Обычно такие вещи делают только любовники.

Он с облегчением вздохнул, на лице появилось слабое подобие улыбки.

– Вы закончили половой акт к тому моменту, когда к машине подошел мистер Джонсон?

– Да.

– Ты кончил?

– В презерватив, – тихо отозвался Ли и опустил глаза.

Значит, это физическое доказательство, отправленное на анализ в лабораторию, не вызовет никаких сомнений?

– Да. – Юноша поднял голову и посмотрел на нее в упор. – Я не отрицаю сексуальных отношений между мной и Ким,

миссис Бернвуд. Но это не было изнасилованием, как утверждает мистер Джонсон. Ему позвонила библиотекарьша и сообщила, что я вслед за Ким вышел из библиотеки. Она, видите ли, заботилась о безопасности Ким. Если у вас узкие глаза, значит, вы обязательно подозрительный тип. Так что ли? – добавил он упавшим голосом.

– Как бы то ни было, Ким еще не вернулась домой, и мистер Джонсон запаниковал. Он начал разыскивать ее и с пеной у рта подскочил к машине. Вытащив меня оттуда, он зарорал на всю улицу, размахивая кулаками. Я даже испугался, что он меня убьет.

– А что же Ким? Она-то что делала в этот момент?

– Истерически рыдала. Прибыла полиция и ее вытащили из машины. Она так и не успела привести себя в порядок.

Ли на мгновение замолчал и закрыл лицо руками.

– Она, должно быть, чувствовала себя отвратительно. Вся библиотека высыпала на стоянку поглазеть на происходящее, и я, к сожалению, не смог избавить ее от такого позора.

Кендал задумчиво отложила ручку и положила руки одна на другую.

– Как ты думаешь, что Ким ответит на вопросы в полицейском участке?

– Что я никогда не насиловал ее, – тотчас воскликнул Ли без тени сомнения. – Ведь я даже никогда не провоцировал. Она непременно так и скажет, если, конечно, уже не сказала. Ким не позволит, чтобы меня обвинили в изнасиловании.

Как только полиция все выяснит и получит неопровержимые доказательства моей невиновности, меня сразу же выпустят.

Кендал не разделяла его безоговорочной веры в Кимберли Джонсон. Герман Джонсон отличался весьма крутым нравом, и, застав свою дочь в объятиях Майкла Ли, он, вероятно, до смерти запугал дочь. Не исключено, что от страха она наврет полиции, окружному прокурору и суду присяжных. Короче говоря, приложит все усилия, чтобы избежать отцовского гнева и наказания.

В практике Кендал встречалось немало случаев, когда даже менее пугливые давали ложные показания перед присяжными с одной-единственной целью – защитить себя. Ким, наверное, испугается остракизма со стороны всех своих домочадцев за добровольное сожителство с этим парнем. В особенности если они настроены против Майкла Ли по причине расовых предрассудков.

Но и в противном случае, пусть даже Ким признается родителям в своей симпатии к Майклу, они все равно попытаются заставить ее солгать суду. Посчитав, например, оскорбительным для семьи факт взаимоотношений их дочери с парнем азиатского происхождения. Или, к примеру, побоятся общественного мнения несмотря на то, что Майкл Ли является отличником в школе и подает большие надежды.

Кендал чувствовала себя омерзительно, подозревая людей в самом низменном, тем более что достаточно их не знала. Но ей надо предусмотреть самое худшее. По всей вероятно-

сти, родители сделают все возможное, чтобы доказать факт изнасилования дочери. Что же касается самой Ким, то она, вероятно, пойдет у них на поводу, чтобы избавиться себя от скандала и всевозможных упреков.

Однако Кендал не хотелось подрезать своему подзащитному крылья, важно, чтобы сам он верил в благополучный исход дела.

– Надеюсь, твои одноклассники подтвердят, что вы с Ким были хорошей парой. И свидетельства учителей нам бы не помещали. В общем, придется здорово поработать.

Она бросила в портфель записную книжку и собралась уходить.

– Надеюсь, мистер Джонсон откажется от своего обвинения. В противном случае постараюсь, чтобы обвинение тебе предъявили завтра.

Майкл с жаром уверял Кендал в том, что дело не зайдет так далеко.

– Ким любит меня всем сердцем, так же, как и я ее. Она честно признается, и отцу девушки не останется ничего другого, как отказаться от этого дикого обвинения.

Ах, как Кендал хотелось верить в то, что именно так все и произойдет!

Кендал никогда не уходила с работы, не перекинувшись парой слов с Бамой. Но бедняга, очевидно, уехал куда-то на проходящем поезде. Во всяком случае, именно эта мысль

пришла в голову одновременно и ей, и Роско.

– Он ведь прирожденный бродяга, – заметил тот, когда Кендал поинтересовалась странным отсутствием нищего. – Бама странным образом очутился здесь однажды утром. Думаю, – добавил с сожалением Роско, – он вернулся туда, откуда приехал. Видимо, здесь он больше не появится.

Уже больше недели прошло с момента исчезновения Бамы. Сегодня, после встречи с Майклом Ли, Кендал особенно остро вспомнила их разговоры, вроде бы ничего не значащие фразы, которыми они с Бамой обычно обменивались на прощание. Она вдруг почувствовала, что соскучилась, ей очень не хватает этого. Он первым и последним встречал и провожал ее каждый день и стал кем-то вроде верного друга.

Сегодня вечером она осталась без дружеской поддержки.

В кабинете адвоката все еще не навели полный порядок, после стараний небезызвестных братьев. Она по-прежнему считала их основными виновниками этого беспримерного вандализма, хотя абсолютно никаких доказательств не было. Как она и предполагала, полиция и не собиралась ничего расследовать.

Разгромленный офис породил у нее что-то похожее на клаустрофобию. Беседа с Майклом Ли добила девушку окончательно. Физически ощущая, что заперта в четырех стенах, она, поразмыслив, решила прихватить с собой папку с делом миссис Линэм и отправиться к ней домой. Кендал надеялась взбодриться на свежем воздухе, а тогда уж на об-

ратном пути заняться другими делами.

Ее сильно угнетали в последнее время не профессиональные, а сугубо личные проблемы. Больше суток уже прошло с тех пор, как она узнала, что носит в себе ребенка Мэта. Но Кендал все еще не сообщила ему об этом.

Вчера вечером он сам лишил ее такой возможности, заявив, что она уделяет ему слишком мало внимания, отдавая все свое время, силы и энергию работе. Ее крайне шокировали такие старомодные взгляды мужа на семейную жизнь и жесткую заданность роли каждого из супругов.

Произнеси он это в порыве страсти или гнева, она не придала бы его дурацким упрекам никакого значения. Но Мэт рассуждал спокойно и убежденно, что прямо-таки на весь день выбило ее из колеи.

Конечно, сын во всем вторил отцу, на самом деле не желая видеть своей женой покорную и забитую женщину. В противном случае он никогда бы на ней не женился. В общем, все бы еще полбеды, если бы Гиб не оказывал столь сильного влияния на сына, его образ мыслей и образ жизни. Мало того, Гиб, оказывается, чуть ли контролировал некоторые сферы общественной жизни города, которые, на ее взгляд, к нему не имели ни малейшего отношения.

И вот вместо того, чтобы радоваться неожиданной новости, она должна теперь с грустью размышлять над взаимоотношениями с мужем и нежелательном влиянии его отца.

Как же много сил уходит на все эти семейные дразги! А

ведь можно было бы бросить их на борьбу за справедливость, на защиту Лотти Линэм.

Кендал здорово намучилась, убеждая прокурора Горна отпустить миссис Линэм под залог, но, к ее удивлению, судья Фаргоу поддержал адвоката, что и решило исход всего дела. Никто из родственников не оказал ей никакой помощи и поддержки, но миссис Линэм удалось раздобыть необходимую сумму под залог имущества, доставшегося после смерти мужа.

Стратегия защиты выглядела не очень убедительно. Направляясь к Лотти, Кендал надеялась на какую-нибудь дополнительную информацию. Возможно, ей вспомнится нечто такое, что заронит сомнение в душах присяжных, заставит поверить в то, что она просто защищалась. Самозащита – вот их единственный козырь.

Кендал не питала никаких иллюзий относительно предстоящего суда. Это чрезвычайно сложное дело потребует от нее собрать воедино все свои душевные и физические силы, все мастерство и ораторское искусство.

При одной лишь мысли об этом у нее сразу же заняло под лопаткой.

Не хотелось бы предстать перед своей подзащитной растерянной и беспомощной. Она резко тормознула и остановилась на обочине узкой улочки. Дом миссис Линэм находился совсем близко, и Кендал решила прогуляться, что в теперешних обстоятельствах благотворно скажется на здоровье

ее ребенка.

Девушка вышла из машины. Деревца по обеим сторонам дороги уже радовали глаз свежей зеленью, значит, скоро весна. Это многообещающее обновление, наряду с мечтами о будущем ребенка, подняло настроение, придало сил и молодости. Она должна преуспеть, и не столько ради карьеры, ради профессионального роста, сколько ради себя самой, своих личных мотивов и устремлений. Оказавшись в Проспере, она затеяла грандиозную игру. И сейчас не имеет права проиграть.

Подгоняемая этими думами, Кендал ускорила шаг и вдруг остановилась как вкопанная. На площадке перед домом миссис Линэм рядом с ее машиной стоял другой, очень знакомый автомобиль.

Что здесь понадобилось Мэту, подумала она.

Может, он звонил ей в офис и она предупредила, что собирается навестить миссис Линэм? Или он решил поприсутствовать при этом разговоре и разжиться материалом для статьи, на которой вчера настаивал?

Нет, не может быть. Мэт еще не предоставил ей список обещанных вопросов. Вряд ли он станет действовать за спиной и приступит к расспросам миссис Линэм, прежде чем Кендал ориентирует ее.

Но если в присутствии ее мужа в этом доме среди белого дня нет ничего странного, то к чему ей прятаться за углом и ломать себе голову? Почему бы не войти в дом и не увидеть

все собственными глазами?

Пока она раздумывала, на пороге дома показались Мэт и Лотти. Дверь широко распахнулась и они остановились на веранде. Одной рукой Мэт держал за петельку свой пиджак, перекинув его через плечо, а другой обнимал за талию Лотти.

Кроме великоватой ночной сорочки, белоснежной, немного старомодной, с кружевными оборочками, едва прикрывавшими колени, на ней ничего не было. Не замечая упавшей с плеча ляпочки, с обнаженной белой грудью, она прильнула к мужчине, покорно поникнув головой. Казалось, они слились в единое целое.

Они сделали всего лишь несколько шагов, как Лотти порывисто обернулась и бросилась к нему на шею. Он выронил пиджак и заключил ее в объятия. Лотти обвила его за шею.

Он, нетерпеливо поглаживая ее бедра, привлек женщину к себе. Она привстала на цыпочки, чтобы предоставить ему свободу действий. Мэт всем телом приник к ней. Она снова склонила голову ему на грудь. Он, задыхаясь, простонал ее имя. И они слились в страстном поцелуе, даже не пытаясь сдерживаться.

Глава двадцатая

– Что ты сделала с волосами, черт возьми?

– Кендал только что вышла из ванной и невольно коснулась рукой затылка, где совсем еще недавно красовались роскошные локоны, а сейчас абсолютно ничего не было.

– Жара на дворе, – объяснила она, как ни в чем не бывало, – волосы все время слипаются, голова потеет. Просто все это мне страшно надоело. – Женщина взглянула на него, прямо на его макушку, где все еще оставалась проплешина от многочисленных ран. – Кроме того, посмотри-ка на свою голову. Не тебе об этом говорить.

Она, конечно же, права, ее прическа намного лучше. Но Джон понял, в чем дело. После того как во всех газетах появились ее фотографии, остричь волосы казалось единственным шансом сохранить инкогнито и не попасться в лапы первому встречному полицейскому. Вероятно, к тому же ее фотографию уже показали по телевидению. Несомненно, Кендал надеялась, что в таком виде останется неузнанной.

– Ребенок заплакал, – заметил он, прислушиваясь. Кендал, обойдя его, тотчас исчезла за дверью маленькой комнаты, где обычно спал Кевин.

– Что случилось, Кевин? А?

– Думаешь, он тебя сейчас узнает?

– Он узнает по голосу. – Она вытащила малыша из кро-

ватки и положила на бюро, служившее ныне столом для пеленания. – Малыш, ты мокрый? И поэтому плачешь?

Сзади послышался стук костылей. Джон приблизился и стал за ее спиной. Не обращая на него никакого внимания, она спокойно пеленала ребенка.

– Он, оказывается, обрезан, – заметил Джон.

– Угу.

– Из религиозных соображений?

– Не только. Просто мы с тобой так договорились.

– Почему?

– Не знаю, – равнодушно откликнулась Кендал.

– Чего я хотел: чтобы он походил или не походил на меня?

– Что ты имеешь в виду?

– Я обрезан или нет?

У нее вырвался вздох удивления:

– А сам ты разве не знаешь?

– Я-то знаю, – произнес он и, взяв ее за подбородок, заглянул в глаза. – А ты?

Если бы сейчас в нее выстрелили, она бы, наверное, удивилась меньше. Она затаила дыхание, но через секунду уже пришла в себя и даже кашлянула коротким смешком:

– Чепуха какая-то. – Она отвернулась, но он крепко схватил женщину за руку и снова повернул к себе.

– Ну так что? Обрезан я или нет?

– Мне бы не хотелось, чтобы ты проверял меня таким образом, – ушла от ответа Кендал.

– А мне не хотелось бы, чтобы ты все время врала мне. Ты утверждаешь, что являешься моей женой. Жена может многого не знать, но обрезан ее муж или нет, ей должно быть известно.

Он говорил удивительно спокойно, но с таким нажимом, что казалось, выдавливал каждое слово. И при этом неотрывно смотрел ей в глаза.

– Ну и что? Мы всегда занимались любовью при выключенном свете?

– Конечно же, нет.

– А мы принимали душ вместе?

Кендал попыталась отвести взгляд, освободиться, но он крепко держал ее за руку. Она искоса посмотрела на него:

– Иногда.

– Значит, ты помогала мне мыться. Ласкала меня. – Он поднес ее ладонь к своим губам и нежно к ней прикоснулся. – Клянусь, ты хорошо знаешь, как возбудить меня, чтобы кровь стыла в жилах, – проговорил он ей прямо в ладонь.

Кендал почувствовала, как у нее внутри все сжалось. Она пыталась перевести дух, но во рту все пересохло. В ушах звенело, гулко билось сердце.

– Да, ты никогда не жаловался, – тихо произнесла она.

– В таком случае вопрос не должен озадачить тебя.

– Конечно.

– Ну так ответь мне.

– Это глупо.

– Доставь мне такое удовольствие.

Она знала, что ответит сухими хриплым голосом, но не могла смолчать. Он ждал, и ответ ее должен быть правильным.

– Ты обрезан, – с трудом выдавила она.

Джон еще некоторое время держал ее за руку, прежде чем разжать свою мертвую хватку. Кендал чуть не рухнула на пол от облегчения, пытаясь унять жуткое головокружение, ведь он предоставил ей лишь временную передышку.

Быстро подхватив Кевина, она чмокнула его на ночь и положила в кроватку. Затем, аккуратно прикрыв одеялом, выключила свет.

Женщина уже собиралась выйти из комнаты, как вдруг заметила, что он по-прежнему стоит рядом. Она вопросительно взглянула на него. Он тотчас приблизился и обнял ее за плечи. Взгляд его скользнул по ее остриженным волосам.

– Скажешь, зачем ты это сделала?

– Неужели настолько ужасно? – виновато спросила она.

– Ну по сравнению с тем, что было раньше, это просто кошмар. Итак, зачем ты обрезала свои волосы? – настойчиво повторил он.

– Я же тебе уже сказала...

– Ты сказала мне неправду, Кендал. Если от волос у тебя так сильно потела голова или шея, ты могла бы забрать их в пучок. А ты постриглась. Почему? ~ Он смотрел на нее своим испытующим, пронзительным взглядом. – Ты собиралась

сегодня уехать, признавайся?

– Нет!

– Прекрати лгать. Раз уж ты не можешь не лгать, лучше молчи. – Джон привлек ее к себе и неожиданно крепко обнял. – Потому что я начинаю хотеть, чтобы твоя ложь оказалась правдой. Я так сильно хочу тебя, что начинаю верить в твою ложь. Я хочу, чтобы ты была моей. Хочу... О, черт возьми. – Он горячо и жадно поцеловал ее.

Кендал не сопротивлялась и позволила себе ответить на поцелуй. Внезапно ее пронзило неожиданное открытие – все эти дни она, по всей видимости, хотела его так же страстно. Сперва она побаивалась и презирала его. Ей застило глаза и она не разглядела в нем мужчину, в конце концов, просто человека. Но, прожив с ним какое-то время под одной крышей, проспав рядом с ним в одной постели, она не могла больше отрицать его мужественности. Кендал убедила себя, что выработала надежный иммунитет к желаниям плоти, несмотря на его необычайную привлекательность. На самом деле это было не так, она ошиблась.

Даже будучи совершенно беспомощным, он поражал ее силой духа, потрясающей волей к жизни. Невозможно было устоять перед этой мощью, – хотя сам он, возможно, увлекал ее неосознанно.

С каждым днем, с каждым часом они неотвратно приближались друг к другу. Неизбежное с самого начала чувство целиком поглотило ее. Безотчетно влекомая им, она на-

конец уступила, приблизилась к нему вплотную в поисках его объятий. Он застонал от наслаждения и прикоснулся к ее груди.

– Позволь мне почувствовать тебя, – голос его предательски дрожал.

Он дотронулся до сосков, начал нежно ласкать, они сразу же стали твердыми. На ночной рубашке проступили едва заметные пятна грудного молока. Он перевел взгляд с этих возбуждающих клякс на свои влажные пальцы, и лицо его искажилось от нахлынувшей страсти, безудержной и неутолимой.

Джон нежно обнял ее голову и пальцами принялся изучать черты лица. Потом потянулся, чтобы еще раз поцеловать, теперь уже не спеша, растягивая удовольствие, и она почувствовала его удивительно мягкие губы. Он осыпал ее поцелуями, едва касаясь губ. Кендал с ума сходила от наслаждения. Казалось, еще немного и она совсем растает.

Ее терпение было наконец вознаграждено. Он впился в нее жадными губами и, приоткрыв ей рот, стремительно вонзил язык. Кендал почувствовала зов плоти, восставшее мужское естество и застонала. Часто и глубоко дыша, она покрылась испариной, силясь вспомнить, когда в последний раз она испытывала нечто подобное. Его прикосновения доводили ее до бессознательного состояния. Ей хотелось повсюду ощущать его губы, слиться с ним воедино.

– Кендал?

– А-а-а?

– Пойдем в постель.

Постель, с быстротой молнии пронеслось у нее в голове. Заманить ее в постель и заняться любовью. Он хочет, чтобы она вела себя как жена.

Непрощенная мысль словно громом поразила ее. Она больше не в состоянии сопротивляться, не в силах держать его на почтительном расстоянии. Он сметет ее, растопчет. Это неизбежно произойдет.

Она что, с ума сошла? Может, у нее тоже амнезия? Ей никак нельзя делать этого!

– Очень жаль, – прошептала она еле слышно. – Но я не могу.

Кендал так резко и неожиданно отпрянула от него, что едва не потеряла равновесие. Он тоже покачнулся, но все же удержался на ногах. Кендал прислонилась к бюро, а затем предостерегающе вытянула руку:

– Пожалуйста, не делай так больше.

Лицо его мгновенно вытянулось и посерело. Он грубо и хрипло выругался.

– Это же совершенно бессмысленно, Кендал, – упрасивал он. – Почему ты не можешь?

– Я сказала просто и ясно – не могу. Нашим отношениям придет конец.

– Только не с моей стороны, – возразил он. – Я хочу услышать разумное объяснение.

– Я уже все объяснила.

– Ты объяснила так загадочно, что ни один мудрейший из мудрейших не разгадает. – Он так выкрикнул это, что напугал Кевина, и малыш заплакал. Мужчина опомнился и понизил голос. Схватившись за голову он глубоко вздохнул:

– Я ничего не понимаю. Если мы муж и жена, как ты утверждаешь, если мы оба хотим этого...

– Я больше не хочу, – перебила, не дослушав Кендал. – Не хочу уже долгое время.

– Почему?

– Мне больно.

– Больно? – Лицо его побледнело. – Я причинил тебе боль?

Она покачала головой:

– Не физическую, – уточнила она. – Эмоциональную. Духовную. – На глаза ее неожиданно навернулись слезы. – Я все прекрасно помню и все еще чувствую.

В этот момент она действительно вспомнила те самые ощущения, ту самую боль, что испытала возле дома Лотти Линэм. Ее пронзила боль предательства. Она схватилась за живот, словно у нее внутри все сжалось от судорожной агонии.

– О, черт, – раздосадовано воскликнул он. Его совсем еще недавно искавшие наслаждения губы вдруг вытянулись в ниточку от огорчения и сожаления. – Здесь замешана еще одна женщина, так ведь?

Глава двадцать первая

Сидя в глубоком кресле на веранде, Кендал уставилась невидящими глазами в пространство. Ее не трогали грациозно прыгающие с дерева на дерево белки, хотя обычно она получала огромное удовольствие от их резвой игры. Не слышала она и резких звуков пилорамы, работавшей по соседству. И даже веселое щебетание сойки ничуть не задевало.

Все чувства мгновенно притупились, когда она увидела Лотти Линэм в объятиях своего мужа – более страстных и волнующих, чем те, которые он мог позволить со своей женой.

Кендал укоряла и кляла себя за то, что не решилась нарушить их любовные утехи. Они не смогли бы отрицать этого. Почему же она не выразила им своего презрения, они же вполне его заслуживают?

Видимо, в тот самый момент она лишилась последних сил от горя и отчаяния. Ей ничего не оставалось, как просто-напросто удалиться, чтобы в одиночестве зализывать раны. На какое-то мгновение ей показалось, что все это шутка и розыгрыш, и они вот-вот повернутся И, весело улыбаясь, скажут: «Ну как, здорово мы тебя провели?» Она все еще не верила своим глазам.

Но, к сожалению, они не шутили. В этой трагической реальности Кендал с ужасом наблюдала за взаимными ласками

любовников. В невыносимой тоске она повернулась и, никем не замеченная, медленно побрела вдоль дороги. Почти у самой машины она почувствовала острый приступ тошноты, ее вырвало прямо на виноградный куст в глубоком кювете. Ей как-то удалось добраться до дома, хотя она так и не вспомнила потом ни единой подробности.

Прошло уже несколько часов. Боль поутихла, неожиданно сменившись сильным приступом гнева. Теперь она уже готова столкнуться с подлым предательством мужа, хотя еще не знает, как именно. Эта ситуация относилось к разряду тех, которые невозможно ни спланировать ни отрепетировать.

В любом случае времени у нее уже не оставалось. Он подъезжал к дому. Машина, свернув с шоссе, въехала во двор. Мэт дважды просигналил, увидев ее на веранде. Затем быстро вылез из машины, сияя от счастья и радуясь встрече.

– Привет, – он приблизился к веранде. – Я звонил тебе на работу, но мне сообщили, что ты уехала сегодня пораньше. Где ты была?

– Мне надо было кое-что уладить.

Он легко взбежал по ступенькам, бросил портфель на пол, снял пиджак и повесил на спинку стула. Затем приблизился к ней, поцеловал в лоб. Она изо всех сил старалась держаться с чувством собственного достоинства. По крайней мере, муж не пытался поцеловать ее в губы. Она бы этого просто не вынесла.

– Видимо, выдался тяжелый день? – участливо спросил

он, заметив в ней отсутствие всякого энтузиазма.

– Так себе.

Так себе? Напротив, подумала она. Ничего ужаснее она и представить себе не могла. Двойное предательство. Ее предал муж, которого она всегда считала порядочным человеком, и подзащитная, будущее которой всецело зависит от нее.

Мэт ослабил галстук и уселся напротив Кендал.

– Я сегодня весь день пытался дозвониться до капитолия в Колумбии, хотел выяснить насчет нового бюджета для общественных школ. Абсолютно бесполезно, у всех свои заботы, и если ты не представляешь солидную газету какого-нибудь большого города, они и разговаривать с тобой не станут, он не спеша снял ботинки и носки. Затем, положив ногу на ногу, почесал ступню:

– Ты сегодня разговаривала с отцом?

– Нет.

– Я тоже от него ничего не слышал. Интересно, чем он так занят? Пойду-ка позвоню ему.

Она остановила его уже на пороге:

– Мэт, когда я получу обещанный список вопросов?

– Что за список?

– Для интервью с миссис Линэм.

Он прищелкнул пальцами:

– О, да, вспомнил. Значит, ты со мной согласна? Даешь мне зеленую улицу?

– Взять интервью или трахать ее?

Это был не совсем грациозный жест. Скорее удар, и он достиг своей цели. Мэт дернулся от неожиданности и побелел как мел.

Необычайно ровным голосом, настолько невозмутимо, что даже сама не ожидала этого, она продолжила:

– Не стоит изображать смущение и тем более оскорблять мой слух наглой и гнусной ложью. Это не грязные слухи из дамского салона. Я ездила днем к Лотти Линэм и видела вас вместе своими собственными глазами. Из всего этого я могу сделать лишь один-единственный вывод. Для любого другого у меня не было абсолютно никаких оснований.

Он вышел на веранду и отвернулся от нее. Кендал с болью в сердце терпеливо ждала объяснений. Она уже готова была наброситься на него с самыми грубыми ругательствами, когда он наконец оторвался от перил и встретился с ней взглядом.

– То, что ты увидела, не имеет к тебе абсолютно никакого отношения.

Он произнес это с убийственным спокойствием.

Кендал словно током ударило.

– Не имеет ко мне отношения! – неистово закричала она. – Не имеет ко мне отношения? Но я твоя жена!

– Правильно, Кендал. Я выбрал тебя в качестве своей жены.

– А Лотти Линэм – В качестве своей любовницы?

– Вот именно. Давным-давно. Задолго до нашей встречи.

– Давным-давно?

Он снова отвернулся, но она, порывисто вскочив со стула, рванул ась к нему и, схватив за рукав, резко повернула к себе.

– Сколько времени ты уже спишь с ней, Мэт? Я хочу знать.

Пытаясь освободиться, он со злостью выдернул руку. – С четырнадцати лет.

Ошарашенная таким признанием, Кендал сделала шаг назад.

– Успокойся, – сказал он. – Тебе стало лучше от того, что ты узнала правду? Кендал, неужели тебе лучше от этого? Конечно же, нет. Давай оставим это.

Но она уже завелась, да и он не мог прекратить этот разговор, после того, что сообщил. Все равно его любовная связь обнаружилась, ему некуда было отступать.

– Еще с тех времен, когда мы были любопытными детьми, между мной и Лотти зародились какие-то особые отношения, – начал он. – Не знаю, как ты назовешь – физиология, карма или что-нибудь в этом роде.

– Меня всегда влекло к ней, а ее ко мне. В четырнадцать лет мы удовлетворили свое детское любопытство. Так все и началось.

Кендал в ужасе, прикрыла ладонью рот, чтобы сдержать невольный возглас. Все оказалось гораздо хуже, чем она предполагала. Это вовсе не было случайным увлечением,

ошибкой молодости, которую можно исправить со временем и вспоминать со стыдом и сожалением. Ее мужа и Лотти Линэм связывало нечто большее, чем обычная интрижка. Их отношения длились дольше, чем многие брачные узы.

Кендал рассчитывала на борьбу, ожидая, что он сначала будет отпираться, затем во всем признается и станет просить прощения и понимания, но к такому повороту событий она была не готова.

– После нашей первой встречи, – продолжал он, мы с Лотти встречались при каждом удобном случае. Я назначал свидания другим девчонкам, а она встречалась с другими парнями, но исключительно для того, чтобы никто не смог нас заподозрить. Лотти всегда сама покупала презервативы, поэтому аптекарь не мог донести отцу о происходящем. А Лотти в результате заработала репутацию проститутки. Никому и в голову не приходило, что у нее всего лишь один любовник.

Разумеется, со временем просочились слухи о наших тайных свиданиях, что-то дошло и до отца. Он поинтересовался, но я тогда все отрицал. Отец ровно на неделю оставил меня в покое, чрезвычайно занятый выставкой спортивных товаров в Мемфисе, но вернувшись домой, застал нас с Лотти в постели.

Сперва он разорался, а затем позвонил отцу Лотти, мол, пусть забирает ее домой. Страшный скандал! Отец мне долго втолковывал насчет разных женщин. Некоторые, вроде Лотти, якобы специально опутывают хороших парней, что-

бы выйти за них замуж. Он считал, что Лотти мне не пара. После этого, снабдив меня адресом женщины в Джорджии, предложив оплатить все ее услуги в случае нужды, он строго-настрого запретил мне встречаться с Лотти.

– Ничего хорошего от общения с нею не получится, – сказал он напоследок.

– Какое-то время я, опасаясь гнева отца, обходил ее стороной. Прошло несколько лет, и я почти забыл о своем детском увлечении. После окончания колледжа, вернувшись в Проспер, я загорелся идеей купить местную газету. И без труда добившись этого, отправился в страховое агентство за страховкой на здание и оборудование. Тут-то мы и увиделись.

Он немного помолчал, словно представив ее за столом страхового агентства.

– Мы мгновенно поняли друг друга. Все началось с самого начала, с того, на чем мы тогда остановились. В течение нескольких лет все складывалось удачно, и вдруг она выдвинула мне ультиматум: либо я женюсь на ней, либо совсем исчезаю из ее жизни. Я сказал, что она блефует, и перестал с нею встречаться. Несколько месяцев спустя она вышла замуж за Чарли Линэма.

– Чтобы досадить тебе.

Он молча кивнул:

– С тех пор с каждым днем она становилась все несчастнее.

– Кроме тех мгновений, которые она проводила к объяти-

ях моего мужа, – ехидно заметила Кендал.

Он без тени смущения пригладил свои волосы:

– Сегодняшний день был исключением, Кендал, – проронил он. – Я не встречался с Лотти с тех самых пор, как мы с тобой поженились. Представь себя на моем месте, когда я узнал, что она твоя подзащитная. В общем, ничего хорошего, но как я мог вмешаться?

– Почему ты сегодня поехал к ней?

– Не знаю, – откровенно признался он. – Какая в конце концов разница?

– Для меня это очень важно, – настаивала на своем Кендал. – Ты изменил брачным узам. Я жду объяснений. В конце концов я имею на это право.

Его окончательно загнали в угол, и, покусывая губы, он беспомощно выглядывал оттуда.

– Не могу я этого объяснить, понятно?

– Нет, не понятно, – упрямо сказала она. – Ты любишь ее? – Она все же задала этот самый трудный для себя вопрос, может, даже поступившись своей гордостью.

Он решительно покачал головой и твердо произнес: – «Нет».

– Но Лотти всегда была способна на...

– На что? – уточнила Кендал. – Что она значит для тебя?

– Она удовлетворяет мою особенную потребность, – закричал он вне себя от бешенства.

– Потребность, которую я удовлетворить не могу?

Мэт плотно сжал рот и замолчал, хотя ответ напрашивался сам собой, как ни больно это било по самолюбию Кендал. Как после сегодняшнего разговора можно быть уверенной в том, что по-прежнему желанна для мужа?

Он словно прочитал ее тайные мысли: – Я никогда не хотел тебя обидеть.

– Ну, это несколько запоздалое желание, мистер Бернвуд, – сухо заметила она. – Ты очень сильно меня обидел, просто до крайности разозлил. Но смущена я еще сильнее. Если Лотти действительно удовлетворяет все твои потребности, то почему, черт побери, ты не женился на ней?

В ответ раздался короткий, какой-то грустный смешок.

– Жениться на ней? Об этом не могло быть и речи. Отец никогда бы не допустил этого.

– Что значит отец бы не допустил этого? – Изумленно спросила Кендал. – Разве это прерогатива Гиба! А меня кто выбрал, ты или он?

– Не цепляйся к словам, Кендал.

– А ты не говори со мной менторским тоном.

– Опять истери ка.

– Нет у меня никакой истерики. – Она едва сдерживалась, чтобы не кричать. – Я просто схожу с ума. Ты довел меня до этого, ты дурачишь меня на каждом шагу.

Он поставил руки в боки, стараясь не подавать виду, что испуган, да к тому же еще и виноват.

– Чем же я дурачу тебя?

– Тем, что обхаживаешь меня и притворяешься, что любишь.

– Я действительно тебя люблю, – подтвердил он. – Я много лет искал прекрасную жену, именно такой женой ты и стала. Только ты обладаешь теми качествами, которые мне нужны, которые я ценю.

– Другими словами, ты выбирал жену точно так же, как выбираешь машину. То есть, прежде чем купить автомобиль, ты ждешь появления новой модели.

– Ты ведешь себя неразумно, Кендал.

– Полагаю, моя «неразумность» вполне оправдана.

– Из-за того, что я совершил проступок? Один день провёл со своей старой любовью? Я вообще не понимаю, почему ты так расстроилась. Из-за чего весь этот шум?

Она ушам своим не могла поверить. Боже, что за человек? Хорошо ли она его знает? А он ее? Неужели ему непонятно, что превыше всего для нее верность и преданность? До сего дня они никогда не вдавались в такую философию, но ей казалось, что ему и так все ясно.

– А что было бы, если бы я с кем-нибудь переспала? – спросила она с большим интересом. – Что, если бы ты застал меня с чужим мужчиной? С моей старой любовью?

– Но это вовсе не одно и то же.

– Ну и в чем разница?

– Это совсем другое дело, – отчеканил он.

– Не существует двух разных правил поведения, Мэт, од-

ного – для маленьких мальчиков, а другого – для маленьких девочек.

– Мы дошли до абсурда, – заключил Мэт. – Давай оставим этот разговор, пойдем в дом, я переоденусь. – Он попытался уйти в комнату, но она загрозила дорогу.

– Этот разговор вовсе не абсурдный, Мэт. И к тому же не закончен. Я видела вас вместе, видела как вы обнимались и, честно говоря, думала, что вы просто дурачитесь. Но я ошиблась, Мэт. Это совсем не походило на случайную встречу, в чем ты пытаешься убедить, как раз наоборот. Что же касается меня, то я не могу притворяться, что ничего не случилось. Я не могу так легко забыть твое предательство.

Ее голос как-то странно надломился. Кендал сделала глубокий вдох, чтобы не сорваться и не расплакаться. Любое проявление слабости могло бы подорвать ее позицию.

Совладав через секунду с голосом, она продолжила:

– Я бы хотела, чтобы ты на время переехал к Гибу. Мне необходимо привести в порядок свои мысли. До тех пор я не желаю находиться с тобой под одной крышей.

Он изобразил печальную улыбку, словно давая понять, что ее наивность ему импонирует.

– Этого никогда не будет, Кендал, – мягко возразил он. – Это мой дом, а ты моя жена. Я встретился с Лотти безо всякого намерения оскорбить или обидеть тебя. Очень сожалею, что ты видела меня, но у тебя есть один выход – забыть все, что произошло. Другого выхода нет.

Он отодвинул ее в сторону и направился к выходу. По пути он чрезвычайно ласково, так, словно ровным счетом ничего не случилось, сказал:

– Мы с отцом сегодня вечером отправляемся на оленье стойбище. Вероятно, я вернусь домой очень поздно.

Глава двадцать вторая

Меньше десяти минут понадобилось Мэту, чтобы переодеться, надеть сапоги, сложить в походную сумку охотничьи принадлежности и выйти из дома. Он поцеловал ее на прощание и был, как показалось Кендал, очень удивлен тем, что она не ответила на поцелуй.

После ухода мужа Кендал долго еще размышляла, не находя в себе достаточно сил чем-нибудь заняться, над тем, что досаждало ей больше: его предательство или полное безразличие к ее упрекам.

– Неужели он надеется, что она смирится с изменой лишь потому, что это случилось впервые? Неужели считает, что его выдержка и самообладание заслуживают похвалы и делают ему честь? Да как он смеет так спокойно реагировать на упреки, игнорировать гнев, не проявляя должного внимания к ее справедливым обвинениям?

Если она сейчас же уйдет из дома и заберет все свои вещи, это, несомненно, послужит ему хорошим уроком. Заставит, вероятно, обратить внимание на то, что случилось!

Но она отдавала себе отчет, что, действуя импульсивно, в порыве гнева, ей никогда не построить хорошую семью. Нет, здесь поможет только мудрый, хорошо продуманный план действий и никакой поспешности, никакого легкомыслия! Конечно, его предательство опустошило душу, ей уже нико-

гда полностью не оправиться от этого удара. И все же не секрет, что гнев, помноженный на гордость, придаст сил и терпения.

Однако у нее просто руки опускались при одной лишь мысли о том, что в течение многих лет Мэт любил Лотти и женился бы на ней, если бы не Гиб.

По мнению Гиба, Лотти просто недостойна его сына, она никоим образом не соответствует высоким стандартам Бернвудов. А вот Кендал Дитон – культурная, образованная, уравновешенная и красноречивая; ему понравилась.

Ее единственным недостатком явилась неспособность удовлетворить все потребности мужа, с горечью подумала девушка.

Она еще долго размышляла о том, кто ее выбрал. Мэт или Гиб? Возможно, Гиб своим бесспорным авторитетом повлиял на решение Мэта. Но в таком случае только при поддержке свекра возможна нормальная семейная жизнь, утратив же его расположение, она останется в одиночестве.

Она все время старалась отогнать от себя подобные дурные мысли, но наступил наконец момент взглянуть правде в глаза и решить, что делать со своим замужеством.

Хочет ли она сохранить этот брак? Да, несомненно. Но как?

Конечно, по сравнению с Лотти Линэм, перевес на ее стороне. Первое – Гиб не одобрил Лотти в качестве жены сына,

а его мнение всегда определяло мнение Мэта. Второе – Лотти не могла иметь детей, а Кендал уже носила под сердцем ребенка Мэта.

Однако все эти преимущества не только не принесли ей душевного равновесия, а напротив, резко усилили боль. Они с Мэтом должны были праздновать сегодня вечером торжественное событие, поражаться и восхвалять это величайшее чудо природы, порожденное их совместной любовью; Должны были строить планы на будущее, обсуждать имя сына или дочери, размышлять по поводу обстановки детской.

А вместо этого он ушел из дому, оставив ее, одинокую и несчастную, ломать голову над их взаимоотношениями с Лотти Линэм, предпочитая развлекаться с друзьями.

– Черт бы его побрал! – воскликнула она возмущенно. Да как он мог так просто уйти, притворившись, что ровным счетом ничего не произошло? Он даже не удостоил ее хорошим семейным скандалом!

Внезапно она вскочила с места и молнией бросилась в дом. Задержавшись ровно столько, сколько нужно, чтобы отыскать дамскую сумку, пару минут спустя она уже сидела в своей машине и мчалась не разбирая пути.

Кендал действительно хотела остаться женой Мэта, всегда стремилась создать хорошую семью и всегда мечтала быть членом этой семьи.

Но только не за счет унижения. Она не допустит, чтобы ее игнорировали и тем самым унижали достоинство.

Она никогда не позволит, чтобы об нее вытирали ноги. И никогда не разрешит Мэту относиться к праведному гневу, как к ущемлению большого самолюбия.

Ради сохранения семьи он вынужден будет полностью признать свою вину. И дать ей слово, что его любовная связь с Лотти Линэм отныне кончена раз и навсегда. И не только с Лотти, но и с любой другой женщиной. Супружеская верность не должна быть предметом обсуждения. Если он с готовностью раскается в своих ошибках, она его простит.

Но весь этот разговор уместен только сегодня вечером. Завтра будет уже поздно.

И незачем дожидаться его возвращения, как какая-то послушная и покорная курица. Он уехал на охоту, а она станет охотиться на него. И пусть с ним окажется Гиб, это будет еще лучше. Вот уж достанется ему за «амуры» с Лотти Линэм. Отец-то всегда был против подобных отношений!

Кендал прекрасно знала, что в этом споре Гиб примет ее сторону.

Уже порядком стемнело, когда она добралась до окраины города. Да, пожалуй, не так-то просто в такое время отыскать человека в лесу. Во всяком случае, об этом она не подумала. Огни Проспера остались далеко позади, и не было никаких примет, которые подсказали бы ей дорогу к стойбищу.

Она была там с Мэтом всего один раз, в маленькой лесной хижине, которую отец с сыном соорудили собственными руками и с нескрываемой гордостью говорили об этом сейчас

ей оставалось только сожалеть, что она не обратила должного внимания на дорогу.

Грунтовые, узкие и неосвещенные, все дороги за пределами Проспера пролегали по высоким, поросшим лесом холмам. Потому лишь местные жители ориентировались на этой пересеченной местности, для остальных разобраться в хитросплетениях путей было не под силу.

Кендал упорно ехала вперед, втайне надеясь, что рано или поздно что-нибудь поможет ей сориентироваться и выбрать нужное направление. Но, дважды проехав мимо большого заброшенного коровника, она поняла, что безнадежно заблудилась.

Машина остановилась посреди дороги.

– Черт возьми! – Она чуть не плакала от отчаяния.

Ей так нужно найти Мэта! Чем быстрее они разберутся в своих взаимоотношениях, тем быстрее все это забудется и в семье наступит долгожданный мир.

Всячески стараясь успокоиться, она вышла из машины и огляделась по сторонам. Абсолютно незнакомое место, глухой и угрюмый лес.

Она снова забралась в машину в надежде, что рано или поздно обратная дорога в Проспер отыщется. Придется смириться с тщетностью всяких поисков стойбища, а следовательно, и Мэта.

И вдруг ее осенило. А может, и к лучшему, что она заблудилась? Есть время остыть и успокоиться, встретить мужа во

всеоружии, рассмотрев проблему со всех сторон. Во всяком случае, не помешает. Возможно, прежде всего ей стоит задуматься, а почему Мэта вновь потянуло к бывшей любовнице. Может, она сама виновата в этом?

Всецело занятая мыслями о будущем примирении, Кендал неспеша ехала по лесу. Машина поднялась на пригорок, и вдруг примерно в полумиле отсюда девушка увидела красноватое зарево над деревьями. У нее сразу же возникла паническая мысль о лесном пожаре. Но огонь наблюдался только в одном месте, без всяких признаков продвижения в какую-либо сторону, и она успокоилась.

Подъехав поближе, Кендал с удивлением обнаружила знакомые места. Все ясно, они были здесь в ноябре прошлого года вместе с Мэтом и Гибом на забое свиней. Разве можно забыть свой позорный обморок! Ладно, тоже неплохо, уж отсюда-то она без проблем доберется до Проспера. И, возможно, ко времени возвращения Мэт, еще раз обдумав свое поведение, уже будет ждать дома.

Несмотря на свой неожиданный оптимизм, Кендал нажала на тормоза. Что же там все-таки горит?

Может, как всегда, первое впечатление самое правильное? И кто-то из туристов развел костер? Но судя потому, что никаких машин на дороге не было, огонь остался без присмотра. Она не на шутку встревожилась.

Не выключая двигатель, Кендал внимательно осмотрелась и осторожно открыла дверь. В нос ударил теплый весенний

воздух, сильно отдающий древесиной.

Она вышла из машины и оценивающим взглядом окинула лесной массив. Может, стоит вернуться в Проспер и сообщить обо всем городской пожарной инспекции?

А что, если это группа подростков, решивших провести вечерок на природе? Или какая-нибудь семья, приехавшая на пикник? Значит, эта шумиха из-за пустяка станет еще одним поводом позлословить относительно ее малодушия, как тогда из-за обморока во время забоя свиней. Еще раз стать объектом насмешек, ну уж нет!

В одном только она абсолютно не сомневалась: нельзя просто взять и уехать, не выяснив в чем дело. Собрав все свое мужество, она ступила в лес.

Конечно, такая прогулка оказалась совсем некстати. В строгом деловом костюме, в туфлях на высоком каблуке, она чувствовала себя неловко. Колючие ветки ежевики и виноградной лозы, набиравшие силу после зимней поры, в кровь раздирали ей руки и ноги, цепляясь за волосы и одежду. Что-то прошелестело у нее под ногами, но она даже не стала останавливаться.

Неожиданно воздух разрезал жуткий вопль.

Кендал в страхе застыла как вкопанная. Господи, что это, подумала она. Зверь? Может, дикая кошка или кто-то наподобие? Может, так кричат пантеры?

Нет, крик явно человеческий – пугающий и леденящий душу, но человеческий. Господи, молилась она, на что же я

наткнулась?

За криком последовало какое-то всхлипывание, словно кто-то агонизировал.

Воодушевленная мыслью о том, что кто-то, по-видимому, нуждается в помощи и забыв об осторожности, она решительно нырнула в темноту. Какое-то время она почти бежала по проторенной тропинке, но потом, чтобы сократить путь ринулась напролом сквозь густые заросли кустарника.

Вот наконец и знакомая поляна. Подойдя поближе, она заметила слабые отблески костра на деревьях, мельтешащие человеческие фигуры.

Кендал облегченно вздохнула и остановилась перевести дух. Пробраться через этот страшный лес не так-то просто на третьем месяце беременности, подумала она. Опершись руками о ствол дерева, Кендал, наклонившись вперед, решила отдышаться.

Затем снова посмотрела на поляну. Примерно две дюжины человек возбужденно кричали, размахивая руками. Но эти возгласы отнюдь не походили на крики боли и отчаяния.

Взрыв хохота заставил ее содрогнуться. Любопытство подталкивало Кендал вперед, однако, какое-то шестое чувство умоляло ее не спешить и делать все очень осторожно. Береженого Бог бережет, подумала она.

Глаза Кендал потихоньку привыкли к темноте и она без труда определила, что все собрание составляют исключитель-

но мужчины. Может, она является свидетелем обряда инициации какого-то тайного братства? Она уже почти остановилась на этом предположении, как вдруг заметила до боли знакомое лицо, от изумления и неожиданности она чуть не задохнулась.

Дэбни Горн. Интересно, подумала она, что здесь делает в полночь окружной прокурор? Да еще в таком отдаленном месте? Потом она увидела судью Фаргоу. Может, это что-то вроде собрания членов клуба?

Вскоре она узнала президента школьного совета и начальника почты Проспера Германа Джонсона, а также местного пастора Боба Вайтекера.

Собравшиеся что-то пристально разглядывали у себя под ногами. Они стояли так плотно, что как ни старалась Кендал разглядеть, что там такое, так и не смогла.

Очередной жуткий вопль заставил ее вздрогнуть и отшатнуться. Высоко задрав голову, кричал Герман Джонсон. Ни секунды не мешкая, его сообщники разом наклонились и подняли то, что прежде лежало на земле.

Это был огромного размера христианский крест. А к нему был прибит не кто иной, как Майкл Ли.

Глава двадцать третья

Молодой человек был наг.

Там, где раньше находились его гениталии, теперь вздулся темно-красный кровавый пузырь.

Голова его безжизненно упала на худенькую грудь. Он, вероятно, умер, или находился без сознания.

Кендал перепугалась до смерти и, не смея шевельнуться, с ужасом наблюдала, как кто-то из мужчин почтительно помог мистеру Джонсону встать, подставив под каблук ладонь. Поднявшись, тот ухватил Майкла Лиза волосы и вздернул голову вверх – так, чтобы пристально взглянуть юноше прямо в глаза. Затем с силой раскрыл парнишке рот и что-то туда сунул. Кендал не составило большого труда догадаться, что именно.

Закончив это омерзительное действие, Джонсон снова опустился на землю, а собравшиеся разразились приветственными возгласами. Наконец все стихло, а спустя секунду раздался торжественный гимн.

Кендал почувствовала сильнейший приступ дурноты. С трудом проглотила подкативший к горлу ком и, крадучись, медленно попятилась назад ни жива ни мертва от страха, что ее обнаружат. Она только что стала свидетелем кошмарной расправы над невинным молодым человеком. Нечто в духе ку-клукс-клана. Если эти фанатики узнают, что она их виде-

ла, милосердия от них не дождешься, как не дождался его и Майкл Ли.

Как только Кендал поняла, что теперь уже неразличима в крошечной тьме, она развернул ась и бросилась в лесную чащу, не разбирая дороги, продираясь сквозь деревья и заросли, совершенно не думая о сопровождавшем ее бегство хрусте и треске. Впрочем, они бы все равно не услышали, занятые пением своих гимнов. Святые слова в их устах звучали просто кощунственно.

Что-то попало Кендал под ноги, и она чуть не упала. Инстинктивно прикрыв руками живот, чтобы защитить находившееся в утробе дитя, Кендал подумала, что ей бы следовало быть осмотрительнее и двигаться медленнее и осторожнее. С другой стороны, мешкать тоже нельзя. Если незамедлительно доложить о случившемся властям, полиция, возможно, еще застанет всю шайку на месте преступления.

– О Боже! – Она на мгновение представила себе, какой шок вызовет новость среди членов городской общины. Признанные столпы общества, поддавшись на призывы Германа Джонсона, которого большинство граждан считало неприятным и неотесанным типом, предавались подобной оргии!!

Быстрым шагом, не рискуя переходить на бег, Кендал плутала по лесу, пытаясь отыскать тропинку, но в темноте затея почти сразу была обречена на неудачу.

Неожиданно споткнувшись, Кендал ничком плюхнулась на землю и больно ударилась. Да так, что в течение несколь-

ких мгновений с трудом приходила в себя, преодолевая боль и глубоко дыша.

Именно в этот момент она ощутила отвратительный запах, и ее вновь едва не стошнило. Тут до нее наконец дошло, что вовсе не грязь и земля служат ей мягкой подстилкой, а полоска какой-то ткани. Опершись ладонями на эту странную вещицу, она с трудом приподнялась на руках и тут – прямо перед собой – увидела Баму.

Половина лица у него отсутствовала вовсе, а та часть, которая предстала перед глазами Кендал, была сильно изуродована. Одна глазница оказалась пустой, в ней кишмя кишели насекомые, отыскав здесь стол и дом.

– Господи боже мой, господи боже мой, – скороговоркой на одной ноте пробормотала Кендал, охваченная новым приступом ужаса. Она отползла назад и тут, на почтительном расстоянии от трупа, ее вырвало.

Потом, все еще стоя на четвереньках, она снова взглянула на разлагающееся тело. Должно быть, закопали не очень глубоко, и животные, питающиеся падалью, с легкостью до него добрались. Остатки плоти клочьями свисали со скелета, но, без сомнения, убили его не животные. Он умер от огнестрельной раны. В самом центре лба чернело круглое и глубокое отверстие.

Самоубийство? Маловероятно. Вряд ли случайным совпадением оказалось то, что тело Бамы оставили совсем рядом с местом только что свершившейся казни. Теперь Кен-

дал уже не сомневалась, что его убили.

У нее дрожали колени, тем не менее она заставила себя подняться. Переступив через поруганные останки Бамы, девушка двинулась дальше, стараясь сориентироваться в этой крошечной тьме. Наконец она добралась до шоссе и увидела свою машину, несмотря на то, что вышла из леса чуть дальше. Она бросилась к автомобилю, обрадованно вспомнив, что не заглушила двигатель. Как-никак, тоже экономия времени. Кроме того, вряд ли она смогла бы сейчас трясущейся рукой вставить ключ зажигания.

Отъехав, она тут же задумалась, что делать и как вести себя дальше. Дорога в центр города проходила мимо ее собственного дома. В таком случае почему бы не заехать и не позвонить оттуда шерифу? Вдруг – Господи, сделай так, – Мэт окажется дома. Ведь он так ей нужен. Да, он изменил ей с Лотти Линэм, но сейчас, в свете того, что она только что пережила и чему была свидетелем, предательство мужа казалось не столь существенным.

Кендал старалась внимательно следить за дорогой и крепче вцепилась в руль. Еще она попыталась переключиться на мысли о предстоящем деле, но сознание услужливо подсовывало образ Майкла Ли, распятого на ужасном кресте. Снова и снова в ушах звучал одобрительный смех и ликующие возгласы фанатиков, под кровожадные крики которых половые органы юноши были засунуты несчастному в рот.

И еще Бама. Добрый, безобидный Бама, находивший нуж-

ное слово для каждого и с удивительной точностью предсказывавший погоду. Нет сомнения, что и его казнили, поскольку он всегда воспринимался бельмом на глазу слишком многими, считался, что называется, паразитом и тунеядцем и уж никак не мог служить примером для детей Проспера.

Господи, кто знает, сколько других людей – неудобных или нежелательных – уничтожили таким вот варварским, нечеловеческим способом?

Билли Джо Крук? Несомненно, разделались и с ним. Он был жуликом, вором – вот ему и отрубили руку. Кто станет ворошить прошлое о самом банальном, хотя и трагическом инциденте? Уж, конечно, не сам Билли Джо, чья жизнь немедленно окажется в опасности, попробуй он доказать, что его увечье не следствие несчастного случая, а результат приговора самозванных судей.

Око за око – таково их кредо. Майкл Ли позволил себе переступить черту, ухаживая за белой девушкой. Кастрация и смерть – вот приговор, который ему вынесли.

Кендал даже вскрикнула от радости, увидев автомобиль Мэта на стоянке перед домом. Взбегая по ступеням, она позвала его и уже в холле застала выходящим из спальни. Видимо, он только что принял душ – волосы свисали мокрыми прядями, а вокруг бедер болталось полотенце.

– Кендал, куда ты запропастилась? Я вернулся и не нашел тебя дома. После нашей ссоры...

– О Боже, Мэт, я так рада, что ты здесь. – Она бросилась

к нему и разрыдалась.

Он бережно и крепко обнял ее:

– Дорогая! Ты можешь простить меня! Нам просто необходимо попытаться начать все сначала.

– Конечно же, мы попытаемся, но сперва послушай меня! – проявлением чувств с ее стороны двигателя отнюдь не страсть.

– Что, черт возьми, с тобой приключилось? Бледная, как полотно, и в волосах какая-то чертовщина. – Он осторожно высвободил веточку, запутавшуюся в шевелюре Кендал, и с удивлением уставился на нее.

– Мэт, случилось ужасное. – Кендал всхлипнула. – Я бы и сама не поверила, если бы не видела все собственными глазами. Они разобрались с Майклом Ли. Возможно, ты даже не знаешь, кто он такой. Он... Впрочем, не столь уж и важно, кто он. О нем я расскажу тебе потом, попозже. Наверное, лучше бы тебе одеться, и побыстрее. Я собираюсь позвонить в полицию сию же минуту. Полицейские могут подхватить нас прямо здесь, поскольку это по дороге. Я покажу им, где все произошло...

– Кендал, передохни хоть минутку. О чем в конце концов ты все время твердишь? – Теперь, успев окинуть жену взглядом, он казался не менее взволнованным. Он коснулся ее испачканной щеки и заметил у себя на пальцах кровь. – Слушай, ты в кровь расцарапана. Как это тебе удалось?

– Со мной все нормально. Правда. Просто я боюсь.

– Кто посмел тебя обидеть? – Мэт тут же нахмурился. – Может, близнецы Крук? Если эти негодяи...

– Нет, нет, не они, – закричала она, перекрывая его голос. – Слушай, Мэт, они убили Майкла Ли. По крайней мере, мне так показалось. Они кастрировали его и все вокруг было залито кровью. Кровь была и на нем, и на земле. – Кендал переступила через ворох грязной одежды, которую Мэт оставил на полу в гостиной, и схватила телефонную трубку. Она поспешно набрала номер 911.

– Я ничего не в состоянии понять, Кендал. О ком, наконец, ты все время твердишь?

– Я говорю о Майкле Ли, – нетерпеливо бросила она. – О парнишке, которого обвинили в изнасиловании Ким Джонсон. Причем неоправданно. К тому же они убили Баму. Я обнаружила его тело, когда бежала оттуда... – Алло? Да? Нет, я не могу ждать, – закричала она в трубку срывающимся голосом.

Мэт быстро приблизился к ней.

– Послушай, Кендал, у тебя истерика.

– Ничего подобного. Я тебе клянусь. – Она сглотнула подкативший к горлу комок, и в самом деле пытаюсь успокоиться и подавить нарастающую истерику, которую она отрицала. Кендал непроизвольно застучала зубами. – К тому времени, когда приедут полицейские, буду в норме. Я в состоянии отвезти их напрямиком на место преступления.

– Какого преступления?

– Туда, где убивают. На бойню, где заодно убивают и свиней. Очень удобно, знаешь ли. Вполне возможно, они и местечко такое выбрали, чтобы следы кровавой расправы трудно было обнаружить. – Эта мысль только что пришла Кендал в голову. – Они ведь большие умники. Их много. Людей, которых мы знаем и никогда бы не заподозрили.

– Интересно знать, что ты делала в лесу ночью в полном одиночестве?

– Я искала тебя, – горячие слезы потоком хлынули из глаз Кендал и солеными ручейками потекли по щекам. – Мне хотелось тебя увидеть. Не верилось, что из-за твоего приключения с Лотти вся наша жизнь полетит к чертовой матери. Оттого я и не стала ждать, когда ты вернешься и разрешишь мои сомнения. Я пыталась найти оленье стойбище, но потерялась.

– Полиция слушает. Чем можем вам служить?

– Алло, слушаю вас. – Кендал жестом указала на телефон, давая Мэту понять, что наконец-то дежурный офицер соблаговолил объявиться. – Мне необходимо поговорить с дежурным офицером или связаться с офисом шерифа. Немедленно. Меня зовут...

Мэт выхватил трубку из рук Кендал и опустил на рычаг. Она вытаращила глаза, онемев от изумления:

– Почему ты вырвал у меня трубку? Я должна рассказать о происшедшем. Я могу показать, отвезти их туда. Если они поторопятся, то...

– Никуда ты сейчас не поедешь. Отправляйся-ка прямо-ком в душ, а потом в постельку. – Он погладил ее по голове. – Ночью, в лесу могут померещиться разные разности, особенно человеку городскому. Ты просто потерялась и запаниковала, дорогая. Всего-навсего перевозбудилась. Горячий душ и бокал холодного вина приведут тебя в чувство. И все забудется.

– О каком таком перевозбуждении ты толкуешь? – Сознывая, что истерические нотки в голосе лишь укрепляют уверенность Мэта, она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. – Уверяю тебя, что вполне в состоянии себя контролировать. Да, я напугана, но вовсе не сошла с ума.

– Я и не считаю, что ты сумасшедшая. Просто в последнее время ты находилась под воздействием сильного стресса и...

Она оттолкнула его в сторону:

– Прекрати обращаться со мной, как с душевнобольной и выслушай. Понимаешь, Мэт, они...

– Прежде всего, кто такие они, о которых ты все время твердишь.

– Да почти все, кто: обладает здесь хоть каким-нибудь авторитетом и властью. Могу назвать по крайней мере с десяток так называемых достойных граждан.

Она стала выкрикивать фамилии одну за другой, но Мэт снова перебил ее:

– И ты утверждаешь, что все эти люди причастны к кастрации и распятию на кресте? Не говоря уже об убийстве

бродяги, – Мэт скептически приподнял брови. – Кендал, будь более благоразумной. Неужели ты думаешь, я поверю в подобные сказки?

– Ты все отлично знаешь.

Он недоуменно вскинул голову.

Кендал, содрогнувшись, продолжила:

– Я ни слова не сказала о распятии на кресте.

Взгляд ее неожиданно упал на кучу грязной одежды на полу. К перепачканным грязью сапогам прилипли веточки и сосновые иголки. Кендал также почувствовала легкий запах костра, исходивший от сваленной в груду одежды.

Она медленно подняла глаза и в упор посмотрела на Мэта. Он спокойно выдержал взгляд Кендал, а выражение его лица сделалось бесстрастным.

– Ты был там, ведь так? ~ хриплым от волнения голосом прошептала она. – Ты один из них. И Гиб тоже.

– Послушай, Кендал... – Мэт попытался ее удержать. Она повернулась и побежала, но уже через секунду Мэт схватил ее за воротник жакета и она оказалась в западне.

– Отпусти немедленно! – Кендал повернулась и, потянувшись руками к мужу, попыталась расцарапать ему лицо. Она почувствовала своего рода удовлетворение, осознав, что усилия достигли цели, когда Мэт взвыл от боли.

– Нет, просто так вы от меня не отделаетесь, надеюсь, вы понимаете это, мисс Баттински?

В ответ она ударила его локтем в солнечное сплетение.

Тот от неожиданности и боли выпустил ее, и Кендал вновь рванулась к двери. Впрочем, мгновение спустя она снова оказалась в плену.

Кендал попыталась бороться и сделала отчаянную попытку высвободиться, но ему удалось скрутить ее. На этот раз лицо Мэта исказилось от ярости. Брызгая слюной, он склонился над ней и закричал прямо в лицо:

– Желаешь побеседовать с шерифом? Или с начальником полиции? Сделай одолжение. Только ничего не выйдет. Они там, вместе со всеми.

– Да кто вы, черт побери, такие?

– Братство. Мы справляем правосудие по-своему, поскольку так называемая демократия и созданная ею законодательная система преследует людей, нам подобных. Она, видишь ли, целиком на стороне всяких ублюдков. Таким образом, чтобы как-нибудь выжить, нам приходится иногда делать грязную работу собственными руками.

– Так, значит, вы убиваете людей?

– Случается.

– Как часто случается? И сколько времени продолжается весь этот кошмар?

– Десятилетия.

Ноги Кендал подкосились, и она непременно упала бы на пол, если бы Мэт не подхватил ее.

– Мы надеялись, что ты присоединишься к нам, Кендал. В любом случае, неужели ты и вправду считаешь, что побе-

дишь, вступив в борьбу с нами?

– Может, поспорим?

Она изо всех сил заехала ему коленом в пах. Он со стоном согнулся пополам. Уже до конца не сознавая, что делает, Кендал вскочила, схватила с буфета вазу с розами и изо всех сил швырнула ее Мэту в голову. Тот рухнул, как подкошенный, и остался на полу без движения.

Некоторое время она созерцала дело рук своих, глядя на распластанное тело. Она еще не полностью отдавала себе отчет в том, что натворила. Воздух с шумом вырывался из ее груди. Она на мгновение задумалась. Переживет ли их ребенок эту ночь? И переживет ли она?

Только если удерет отсюда – и побыстрее.

Она сняла обручальное кольцо и швырнула его в Мэта. Потом бегом рванулась к двери.

Распахнув дверь, она увидела, что к дому с включенными фарами подъезжает машина. Пикап Гиба остановился прямо у входа. Из него выбрался Гиб собственной персоной и лихо взбежал по ступеням.

Повинуясь инстинкту самосохранения, Кендал отпрянула назад, захлопнула дверь и кинулась в спальню, чтобы взять пеньюар.

– Войдите, – крикнула она, на ходу надевая пеньюар и стараясь запахнуться, чтобы прикрыть перепачканную одежду и исцарапанные руки. В самый последний момент она догадалась сбросить туфли. Затем отворила дверь и выглянула

наружу, как ни в чем не бывало.

– О, Гиб, привет, – выдохнула она, в надежде, что тот не станет слишком вдаваться в состояние ее души. Гиб возвращался явно не со светского приема. Его сапоги, равно как и сапоги Мэта, были заляпаны грязью и от всей его одежды пахло костром. Да, он только что вернулся с места казни, но никто бы не догадался об этом, увидев его широкую улыбку.

– Вы, случаем, еще не спите?

Кендал глянула через плечо, словно ожидая, что сию минуту из спальни выползет Мэт, зажимая кровоточащую рану на затылке.

Разумеется, в том случае, если он остался жив после контакта с вазой.

Кендал изобразила на лице некое подобие гостеприимной улыбки, чтобы поприветствовать своего свекра. – В общем, не совсем. Я имею в виду, что мы... Ну, знаете мы, конечно, спали, но не в том смысле... – Она потупилась, пытаясь изобразить смущение, свойственное, на ее взгляд, женщине южных штатов в подобной ситуации. – Я, конечно, немедленно позову Мэта, если это действительно так важно...

Родственник понимающе хмыкнул:

– Думаю, что то, чем вы только что занимались, куда важнее всего остального.

– Да ладно, – застенчиво вымолвила Кендал, – мы только что слегка сверили понятия – выяснили отношения. Мы ведь

недавно повздорили из-за ерунды. Разве он ничего тебе не сказал?

– Да нет, говорил о какой-то ссоре, хотя я и не выяснил причины. В сущности, я затем и приехал, чтобы справиться – не нужна ли моя помощь.

Широко ослабившись, Гиб многозначительно подмигнул:

– Вижу, мои старания пропали даром и вы сами во всем отлично разобрались. Придется, видно, тихонечко сматываться к себе, а вас оставить наедине. – Когда он потянулся к ней, чтобы дружески потрепать по плечу, Кендал показалось, что ее сию минуту стошнит. – Возвращайся к мужу, детка. Спокойной ночи.

Гиб повернулся и скатился вниз по ступеням.

Дабы продемонстрировать ему свое полнейшее расположение, Кендал вслед прокричала:

– Приезжайте к завтраку, ладно? И не забудьте захватить вафли собственного изготовления. Я просто без ума от них!

– Буду завтра около восьми.

Кендал проследила за тем, как сигнальные фары его автомобиля растаяли в темноте, и тут же вернулась в спальню. Мэт по-прежнему лежал все в том же положении, скрюченный и бездыханный. Она не могла заставить себя прикоснуться к нему, не говоря уже о том, чтобы проверить сердцебиение. Да и зачем, по большому счету, стала бы она это делать?

Жив он или мертв, вся ее предыдущая жизнь закончилась.
Без всяких сомнений.

Глава двадцать четвертая

– Меня зовут Кендал Дитон Бернвуд. То, что я собираюсь вам сообщить, звучит невероятно. Вы даже можете подумать, что я не в своем уме. Но уверяю вас, я в порядке, – тут она на секунду прервалась глотнуть кока-колы, купленной в мотеле.

– Слушаю вас.

Агент Брэдок из ФБР отнесся к ее тираде весьма равнодушно, да и вообще, казалось, он вот-вот заснет. Плохо. Ведь то, что она собиралась ему сообщить, и мертвого разбудит. Чтобы ее невероятная история выглядела хоть сколь-нибудь достоверно, она назвалась адвокатом. В противном случае тот мог решить, что разговаривает с полнейшей идиоткой.

– В течение почти двух лет я жила и работала в Проспере. Сегодня вечером стало ясно, что в городе существует законспирированная организация, которая совершает немыслимые преступления, включая убийства. Членами организации являются наиболее известные граждане города, которые именуют себя «Братством». Мой... муж – один из членов этой организации. По их собственным словам, они выносят и приводят в исполнение приговоры в отношении тех граждан, которые, по их мнению, избежали суда законного. Точно не скажу, сколько людей они уничтожили за последние несколько лет, но сегодня ночью я оказалась свидетелем са-

мого настоящего убийства.

Затем рассказала агенту о казни Майкла Ли и о том, как ей удалось обнаружить останки Бамы.

– Он не был преступником, но подозреваю, что и с ним тоже разделались они.

Она поведала агенту о том, чему оказалась свидетельницей, случайно попав в лес, стараясь говорить убедительно, а информацию представлять наглядно. Слишком эмоциональный монолог мог поставить ее слова под сомнение.

– Место преступления находится в лесу, в удаленной от города его части. Там же располагается бойня, где забивают свиней, и, полагаю, – добавила она нетвердым голосом, – не одних только свиней.

Она запнулась, осознав, что представитель ФБР ни слова не вымолвил в течение всего ее рассказа.

– Вы меня слушаете?

– Слушаю, конечно же, слушаю... Дело в том, что ваше повествование... сильно смахивает на сказку. Вы сообщили об указанном вами двойном убийстве в местные органы правопорядка?

– Местная полиция также замешана в преступлении.

– Значит, и полиция тоже. Понятно...

Не оставалось никаких сомнений, что агенту ни черта не понятно. Фактически, он над ней просто потешался. Что, что она могла сообщить, чтобы убедить его в своей правоте? Или в том, что она сумасшедшая? Она откинула волосы со лба и

снова глотнула кока-колы. Сказывалась усталость, и у Кендал заняло под лопаткой.

Как-никак она отмахала 150 миль, прежде чем почувствовала себя в относительной безопасности. И на протяжении всего пути она внимательно следила за дорогой, изредка поглядывая в зеркало заднего обзора.

Интересно, когда Мэт придет в себя и сообщит остальным членам «Братства», что их деятельность раскрыта – и не кем-нибудь, а его женой? А если она убила-таки его вазой, когда обнаружат мертвое тело? Она надеялась, что не раньше восьми утра, когда Гиб заявится к ним в дом, дабы испечь свои знаменитые вафли. Кендал взглянула на часы. Переваляло за два ночи. Времени оставалось мало.

– Агент Брэддок, Я предупредила вас, что мой рассказ покажется вам невероятным.

– Но, согласитесь, ваше заявление и в самом деле звучит несколько странно. Я, например, всегда считал Проопер маленьким, но вполне процветающим городком.

– Да, он выглядит именно таким. Но внешнее спокойствие и процветание – это всего лишь своего рода камуфляж. Послушайте, я догадываюсь, что вам каждый день приходится выслушивать самый невероятный бред, но клянусь, что говорю истинную правду. Я собственными глазами видела, как парнишку гвоздями прибили к кресту.

– Успокойтесь, миссис Бернвуд. Мы с вами только зря потратим время, если вы станете сбиваться на истерику.

– Если вы и впредь будете игнорировать мое заявление, то мы тоже зря потеряем время.

– Нет, я не считаю, что вы говорите ерунду...

– В таком случае, что вы намереваетесь предпринять?

– Вы назвали имена весьма почтенных и уважаемых граждан, – ответил агент, пожав плечами. – Людей, облеченных властью.

– Я отлично понимаю, к чему вы клоните. Поначалу я и сама не поверила, когда увидела причастных к преступлению. Но чем больше я размышляю, тем логичнее кажутся происходящие события.

– Это почему же?

– В городе властвует какое-то извращенное мировоззрение. Не могу описать словами, но я ощутила нечто сразу же, как только туда переехала. Люди там вовсе не похожи на головорезов. Они также лишены агрессивности, подобно членам многих известных неонацистских организаций. Тем не менее бытующая там философия под стать философии национал-социалистов.

– Очень занятно.

– Боюсь, что вы употребили неверное слово. Эти «братья» работают под покровом ночи, и выследить их не так-то просто. Ни за что на свете вы не догадаетесь, что они занимаются такими мерзкими делишками. Эти люди вполне уважаемы и отнюдь не похожи на бритоголовых юнцов со свастикой. Не носят они и белых балахонов и остроконечных

колпаков. Да и демонстраций с лозунгами о примате белой расы не проводят. По их мнению, далеко не всякий белый столь уж хорош. Билли Джо Крук, к примеру, белый. И Бама тоже был белым.

– Билли Джо Крук?

Кендал рассказала агенту о малолетнем преступнике и о «несчастном случае», который с ним приключился.

– Полагаю, в глазах «Братства» мало родиться белым – необходимо быть еще и избранным, – добавила она с едва скрываемым отвращением.

Фэбээровец тяжело вздохнул:

– Вполне здравое рассуждение, миссис Бернвуд. Не похоже, что вы все это придумали. Пожалуй, я открою дело, а там посмотрим.

– Спасибо, конечно, но думаю, что стандартная бюрократическая рутина не в состоянии прекратить подобные безобразия. Я, по крайней мере, не могу чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока их всех не пересажают.

– Согласен, но, дабы окончательно уточнить круг подозреваемых, мне необходимо направить своего человека, чтобы он собственными глазами взглянул на местечко, о котором вы толкуете. Сами понимаете, если мы вызовем кого-нибудь и допросим – вашего же мужа, к примеру, – это наверняка вызовет тревогу у всех остальных. Тут уж они затаятся. Уйдут в подполье. Необходимы факты и показания очевидцев, чтобы приступить к арестам. И всю операцию надо провести

скрыто и весьма оперативно.

Фэбээровец, конечно же, прав. Стратегии лучше и не придумаешь, но ей, Кендал, стало бы много спокойнее, если бы и ее мужа, и Гиба, и иже с ними побыстрее упрятали в тюрьму.

– Итак, когда вы приступите?

– Укажите мне точное расположение вертепа, и я отправлю туда человека с восходом солнца.

Она объяснила, где следует искать тело Бамы. И несколько не сомневалась, что когда обнаружат Майкла Ли, тот уже будет мертв. Интересно, как «они» объяснят его исчезновение из тюрьмы Проспера.

Пересказывая Брэдоку подробности своей схватки с Мэтом, она тем не менее сообщила, что в результате удара ее бывший муж лишь потерял сознание. Она не сказала агенту, что, возможно, убила его. В этом она признается только в самом крайнем случае.

– А где мне вас найти? – задал вопрос Брэдок. – Если наберется достаточное количество фактов, подтверждающих вашу историю, вы станете главным свидетелем и вам понадобится защита властей.

Тут уж спорить не приходилось.

– Есть такой городок под названием Кингвуд. – Кендал назвала агенту номер государственной автострады, которая проходила через самый центр. – Я остановилась в мотеле «Плезант Вью». Его трудно не заметить. Он расположен как раз у автострады. Комната 103. Когда вы меня навестите?

– В девять часов.

Семь часов. Сможет ли она продержаться так долго совсем одна? Впрочем, выбора не было. Она ввела в действие тяжелую артиллерию, теперь надо ждать, когда подтянут пушки.

– Сидите на месте, – предостерег агент, – и ведите себя как можно осторожнее. Глупость в подобной ситуации смерти подобна. Если то, о чем вы мне поведали, правда – а я начинаю склоняться к этому, – люди, с которыми нам придется иметь дело, чрезвычайно опасны.

– Поверьте, я знаю. Если они меня обнаружат, то убьют без малейшего колебания.

– Рад, что вы разделяете мою озабоченность. Так что сидите и не высовывайтесь. Как думаете, за вами следили?

– Готова поклясться, что не преследовали.

– Кто-нибудь знает, где вы?

– Ни одна душа. Я часто сворачивала во время движения и остановилась, только почувствовав себя в относительной безопасности. И сразу же позвонила вам.

– Хорошо. Я приеду на государственной машине, но без знака своего департамента, это обычный серый седан.

– Я буду очень внимательна.

– Итак, я заеду за вами ровно в девять, чтобы отвезти вас в наш главный офис в Колумбии.

– Спасибо вам, мистер Брэдок.

Кендал повесила трубку, но так и не выпустила ее из рук.

Может, позвонить бабушке? Любой звонок в такое время, конечно же, переполошит старушку, а уж звонок от Кендал с описанием случившегося просто подкосит ее.

Она сняла трубку и набрала номер.

– Черт побери, надеюсь вы звоните по важному делу... –

Рики Сью, это я.

Секунду спустя голос подруги звучал уже встревожено и удивленно.

– Кендал, что случилось...

– Рядом с тобой есть кто-нибудь?

– А у Папы Римского есть бейсбольная кепка? Извини меня. Мне очень жаль, что я тебя разбудила.

Честно. Я не стала бы звонить, но это жизненно важно.

– Слушай, что вообще происходит? Что-нибудь случилось?

– Да, случилось, но, чтобы все объяснить, потребуется слишком много времени. Не могла бы ты прямо сейчас рвануть к бабушке и остаться у нее до утра?

– Как, прямо сейчас? – переспросила Рики Сью без всякого энтузиазма.

– Именно. Немедленно.

– Кендал, какого черта...

– Прошу тебя, Рики Сью. Ты знаешь, я редко о чем-нибудь прошу. Побудь с бабушкой до тех пор, пока я тебе не перезвоню. Запри двери и никому не открывай даже Мэту или Гибу.

– Что...

– Не поднимай трубку, пока не убедишься, что звонили дважды. Это значит, что звоню именно я. Передай бабушке привет и скажи, что в настоящий момент я в безопасности. Итак, позвоню, как только смогу. Заранее благодарна.

Она повесила трубку, прежде чем Сью успела что-либо возразить или задать какой-нибудь праздный вопрос. Если Мэт остался в живых и если они с Гибом открыли на нее охоту, то прежде всего эта семейка станет искать пропавшую в Теннесси. Жизнь бабушки сейчас куда в большей опасности, чем ее собственная. Хотя ее жизнь, а значит, и ребенка тоже на волоске.

Неожиданно Кендал задумалась о далеко идущих последствиях своего печального приключения. В лучшем случае все члены «Братства» предстанут перед судом за совершенные преступления. Она будет проходить как свидетель, по крайней мере одного убийства. Можно будет воспользоваться защитой, которая предоставляется государством для важных свидетелей – возможно, в течение многих месяцев, если не лет. Тем временем прокуратура начнет готовить обвинительный акт на основании ее показаний и прочих фактов. Не исключено, что расследование этого запутанного дела продлится годы. Затем последуют различные проволочки, переносы даты слушания, всевозможные заявления и прошения адвокатов противной стороны. Короче, начнется официальная волынка, которая может тянуться неопределенно долго

и во время всей этой тяжбы и она, и ее ребенок окажутся в центре узаконенной неразберихи.

До тех пор пока дело не закроют, ее жизнь будет находиться под контролем правительства. Все действия начнут фиксировать. О каждом своем шаге ей придется предупреждать власти. Свободы распоряжаться собственной жизнью у нее станет не больше, чем у марионетки.

Кендал закрыла лицо руками и застонала. Неужели ей предстоит нести этот крест? Или таково искупление за попытку заполучить работу в Проспере?

Вполне возможно, чиновники от правосудия обратят внимание на кое-какие моменты в жизни своего главного свидетеля – и, не исключено, что здорово изумятся. Ведь им придется разузнать о Кендал Дитон буквально все до мелочей. И о каком доверии к ней пойдет тогда речь, когда выплывет наружу ее тайна?

Словом, она попала в силки, которые сама же и расставила, поэтому никого, кроме себя, винить не приходилось. Ей захотелось всплакнуть от жалости к себе, но Кендал удержалась, опасаясь, что, начав, уже не остановится. Стоит агенту Брэддоку по приезду застать женщину за подобным занятием, он просто посчитает ее обыкновенной истеричкой, которая поссорилась с мужем и не нашла лучшего способа поquitаться с ним. И решит, что потому-то она и сплела всю эту невероятную историю с убийствами.

Чтобы успокоиться и хоть на какое-то время избавиться

от ломоты во всем теле, она приняла горячий душ, не задерживая, однако, занавески в душевой не помешает постоянно держать входную дверь под наблюдением. Еще одна неприятность – она убежала, не прихватив с собой никакой одежды. Костюм ее был испачкан и порван, но она тем не менее надела его и легла на кровать поверх покрывала.

До последней степени измотанная, Кендал, однако, заснуть не могла. Время от времени, проваливаясь в дремоту, тут же пробуждалась при малейшем шорохе. Кроме того, постоянно смотрела на часы. Что и говорить – то была длинная ночь.

– Не желаете ли сладкую булочку и кофе? Сегодня утром как раз испекли медовые лепешки.

– Спасибо, ничего кроме кофе.

Часы показывали только восемь двадцать, но уже с шести Кендал была на ногах и беспрестанно моталась взад и вперед по комнате, трамбуя оранжевый синтетический ковер на полу. Считала буквально каждую минуту, подгоняя медленно ползущее время. Остаться в комнате она уже была не в силах, и, залпом выпив кофе и нарушив свое обещание Брэдоку не высовываться, вышла прогуляться. Постоянно оглядываясь по сторонам, в страхе, что за ней следят, женщина перешла на противоположную сторону улицы и заглянула в забегаловку.

Осушив еще одну чашку кофе, Кендал расплатилась с

дружелюбным кассиром и покинула заведение. Она заметила на углу телефонную будку и взяла на себя смелость позвонить оттуда. Только один звонок в Шеридан, чтобы убедиться, что у них все в порядке. Разумеется, она могла воспользоваться телефоном в комнате мотеля, но чем меньше счетов за телефонные переговоры ей предъявят при выписке, тем лучше.

Кендал плотно захлопнула массивную дверь старомодной будки и опустила в автомат несколько монеток. Позвонила один раз, потом повесила трубку и снова набрала номер.

Рики Сью откликнулась сразу же:

– Слушай, что происходит? Они что, все узнали? У тебя неприятности?

– Да, неприятности, – не стала увиливать Кендал, – И еще какие, но не из-за того, о чем ты думаешь. Как там бабушка?

– Бабушка в норме, хотя она, конечно же, обеспокоена. Мы обе хотели бы знать, что с тобой приключилось. Кто-нибудь звонил, расспрашивал обо мне?

– Никто. Да где ты, в самом деле, Кендал?

– Я не могу долго разговаривать. Я...

Она увидела серый седан, который, свернув с автострады, остановился на стоянке рядом с мотелем как раз через улицу. Агент Брэддок приехал на тридцать минут раньше.

– Кендал, ты меня слышишь? – настойчиво вопрошала трубка.

– Да, слышу, слышу. Подожди минуточку. – Она впер-

ла взгляд в серый седан, который неожиданно тронулся. На этот раз он ехал медленно вдоль анфилады дверей мотеля. Кендал обратила внимание, что на переднем сиденье находились двое. Брэддок ни словом не обмолвился, что приедет не один, но, кажется, федеральные агенты обычно ездят парами?

– Кендал, бабушка хочет поговорить с тобой.

– Подожди, только не вешай трубку, Рики Сью. И найди листок бумаги и ручку. Поторопись, прошу тебя.

Седан остановился как раз рядом с комнатой за номером 103. Высокий стройный мужчина с седой шевелюрой открыл дверь и выбрался из автомобиля. Одетый в темный костюм и белую рубашку с галстуком, в темных солнцезащитных очках – своего рода униформе работников ФБР, – он поглядел вокруг и подошел к двери номера, который занимала Кендал. Постучал, немного подождал, затем постучал снова. Повернувшись лицом к машине, он пожал плечами.

– Кендал! Говори, не молчи. Что все-таки случилось? В этот момент из машины вылез второй. Им оказался Гиб Бернвуд собственной персоной.

– Слушай меня внимательно, Рики Сью. И ничего не спрашивай, пожалуйста. На вопросы времени нет. – Кендал говорила очень быстро, стараясь короткими и ясными фразами дать Рики Сью все необходимые инструкции, но при этом продолжала внимательно наблюдать за двумя мужчинами, стоявшими у ее номера через дорогу напротив.

– Ты все поняла?

– Я все записала. Но разве ты не можешь мне сказать...

– Не сейчас.

Кендал повесила трубку. Сердце прямо-таки выпрыгивало у нее из груди. Агент Брэдок и Гиб о чем-то совещались у дверей ее комнаты и не видели Кендал, поскольку им не пришло в голову проверить, кто это разговаривает в телефонной будке напротив. Но стоило им только взглянуть на забегаловку через дорогу и заодно бросить взгляд на телефонную будку, как они бы с легкостью обнаружили Кендал.

Агент что-то извлек из кармана и склонился над замочной скважиной. Дверь почти сразу же распахнулась, и мужчины вошли в номер.

Почти одновременно с ними Кендал открыла дверь будки, выскользнула оттуда и свернула на аллею, которая начиналась сразу же за кафе и продовольственным магазином. Пробегая между домами, она едва не наступила на кошку, промышлявшую мышку на завтрак, но, кроме кошки, ни одна живая душа ее не видела.

Аллея заканчивалась небольшой стоянкой и выходила на улочку, где красовались одноэтажные домики, вмещавшие в себя всевозможные учреждения местного очень мелкого масштаба. Именно на этой стоянке она и оставила машину прошлой ночью. Тогда подобная предосторожность показала ей уж слишком отдающей детективом, но сейчас она возблагодарила Бога, что поступила столь осмотрительно.

Она выбрала наугад направление и двинулась – не слишком быстро, но и не слишком медленно. Доехав до конца улицы, миновав район частной застройки, затем оставив за собой местный футбольный стадион «Разъяренные троянцы», Кендал выехала за пределы городка. Перед ней расстилось не слишком ухоженное шоссе, которое должно было куда-нибудь да вывести. Может быть, никуда.

Глава двадцать пятая

Они встретились в Чаттануге в мотеле, о котором упомянула Кендал во время своего короткого телефонного разговора с Рики Сью утром того же дня. Бабушка прижала к себе ее худенькое тело и погладила по голове.

– Ах ты моя маленькая, – ласково приговаривала она, – чуть не до смерти меня напугала. В какую же неприятность ты попала на сей раз?

– Ты, конечно же, пришла к выводу, что во всем виновата я.

– Опыт, деточка, прекрасный учитель.

Кендал рассмеялась и крепко обняла старушку. Она несказанно обрадовалась бабушке, втайне поразившись, насколько та сдала с момента их последней встречи. Тем не менее глаза старой женщины по-прежнему сверкали живым блеском.

Рики Сью едва не задушила Кендал – с такой страстью ее обняла.

– Послушай, – начала она, стараясь выглядеть суровой, – ни за что тебе не прощу, что по твоей милости мне не удалось прошлой ночью как следует порезвиться. А утром ты так тараторила и надавала столько приказов, словно стреляла из пулемета. А уж ехали мы столько, что у меня просто задница онемела. Поэтому имею полное право узнать, в ка-

кое дерьмо ты вляпалась по собственной глупости.

– Ладно, за подобные речи я на тебя не в обиде. При ношу свои глубочайшие извинения за те неудобства, которые тебе доставила, и сердечно благодарю за все, что ты для меня сделала. Надеюсь, выслушав меня, ты поймешь, отчего я так спешила. История эта долгая, и, прежде чем начать, я хочу уточнить: ты уверена, что за вами никто не следил?

– Мы столько раз сворачивали в разные улочки и переулки, что у меня голова пошла кругом. Думаю, «хвоста» мы не привезли.

Все трое уселись на кровать, и Кендал поведала леденящую душу историю. Бабушка и Сью в течение всего рассказа не проронили ни звука. Один только раз последняя позволила себе выругаться и буркнуть, что уж больно все это кажется невероятным.

– Потому-то, увидев сегодня утром агента Брэдока в компании с Гибом, я сделала вывод, что он либо не поверил моим словам и вызвал ближайшего родственника, чтобы тот спас женщину, находящуюся на грани помешательства, либо – а это очень пугающее обстоятельство – что у «Братства» есть свои люди и в региональном отделении ФБР.

– Господи, – воскликнула Рики Сью, – так или эдак, тебе все равно крышка!

– Именно. Поэтому я не могла пойти на риск и снова связаться с федеральными властями. Попытку можно повторить, лишь находясь на приличном расстоянии. В то же вре-

мя я единственный человек – не член «Братства», который в курсе всех их грязных делишек. Ясно, что я постараюсь на них донести и по этой причине – они сделают все, чтобы мне воспрепятствовать. Думаю, мне нужно перейти на нелегальное положение до тех пор, пока всех этих ублюдков не арестуют и не предъявят им официальное обвинение, которое исключает возможность оказаться на свободе, даже под залог.

Бабушка крепко сжала руку Кендал. От волнения на ее лице резко обозначились морщины.

– Да, ты права. Пока они на свободе, твоя жизнь в опасности.

– И куда же ты поедешь? – секунду помолчав, спросила старая дама.

– Представления не имею. Но хочу взять тебя с собой. Ну пожалуйста, бабушка, – под конец взмолилась Кендал, увидев протестующий жест. – Возможно, я не выйду «из подполья» В течение нескольких месяцев и мне просто необходимо, чтобы ты была рядом – и не только ради моей пользы, но и для твоей собственной. Они постараются добраться до меня через тебя. Ты тоже должна ехать.

В течение часа она пыталась убедить бабушку отправиться в путешествие, но без всякого результата. Бабушка стояла насмерть.

– Без меня тебе будет проще скрываться.

Кендал даже просила Рики Сью повлиять на старушку, но

та неожиданно приняла противную сторону:

– У тебя котелок не всегда варит, как надо, детка. Твоя бабушка права. Ты, к примеру, можешь изменить цвет волос, натянуть солнечные очки, одеться по-другому, то есть изменить внешность до неузнаваемости. А вот женщине преклонных лет, как твоя бабушка, трудно сменить обличье.

– Кроме того, – вставила та, – ты знаешь, что я всегда желала умереть у себя дома, чтобы меня похоронили рядом с бабушкой и твоими родителями. Когда настанет мой час, не хочу оказаться на чужбине и быть погребенной рядом с незнакомцами.

У Кендал не нашлось достаточно веских аргументов, хотя она обычно поругивала бабушку за разговоры о смерти в столь торжественных выражениях, что казалось, та уже на смертном одре.

В ту ночь Кендал и бабушка спали на одной кровати, в то время как Рики посапывала на соседней. Всю ночь Кендал обнимала бабушку, и они тихонько перешептывались, вспоминая старые добрые времена и изредка приглушенно хихикая. Они переговорили обо всем – о родителях Кендал, о бабушке. Впрочем, никого из них Кендал не помнила. Она знала всех только по рассказам, но описания и характеристики бабушки были столь точны, что те представляли перед Кендал, словно живые.

– Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, похоже, мы действовали правильно, ведь так? – спросила

старушка, похлопывая Кендал по руке.

– Абсолютно правильно – и даже лучше, бабушка. Мне необыкновенно повезло, что у меня есть ты. Ты же всегда любила меня больше, чем родители любят своих детей.

– Да уж, считаю, душевного тепла ты получила предостаточно.

– Правда, это правда, – прошептала Кендал в сильнейшем волнении.

– Правда, да не совсем: Как и любому ребенку, тебе бы не помешали любовь и понимание отца и матери, но ты оказалась лишена родительской ласки. – Она повернулась к внучке и потрепала Кендал по щеке прохладной и влажной ладонью, испещренной морщинами и старческими пятнами.

– Тебе не за что винить себя. Перед Богом и людьми ты чиста, поэтому не сетуй на жизнь, а наслаждайся.

– Вряд ли мне это удастся после того, что случилось.

Лицо бабушки озарилось улыбкой старой и умной прорицательницы, увидевшей что-то недоступное никому другому в хрустальном шарике гадалки.

– Ты пройдешь через все и выживешь. Ты, Кендал, всегда была любознательной и отважной девочкой, а те испытания, которые выпали на твою долю, только закалили твой характер. Еще в родильном доме, ты – в отличие от своих спящих в люльках подруг и товарищей – с интересом осматривалась по сторонам, не желая спать. Там я и сказала твоей матери, что из тебя получится особенная женщина, не такая; как все

– и, знаешь, с тех пор мое мнение не изменилось.

Глаза бабушки в темноте загадочно блеснули.

– Ты создание уникальное и судьбой тебе уготованы удивительные подарки. Потерпи немного и увидишь, как я права.

На утро маленькая компания в номере мотеля, казалось, покорила судьбе и приготовилась с мрачноватым фатализмом сносить ее удары.

Бабушка сунула Кендал конверт с банкнотами. Внучке пришлось несколько смирить гордыню, соглашаясь принять подобный дар, но выбирать не приходилось.

– Я верну деньги, как только где-нибудь осяду и найду работу.

– Ты ведь знаешь, что все мое – твое. И на предмет того, что я сняла крупную сумму со своего счета в банке не беспокойся. Эти денежки я хранила дома и прятала их по разным укромным уголкам в течение десятилетий.

– Ого! Вы дальновидная старушка, – Рики Сью одобрительно похлопала бабушку по спине. – Мне по душе ваш стиль, бабуля.

У Кендал потеплело на душе, когда она увидела такое понимание и дружескую поддержку Рики Сью по отношению к бабушке. Теперь она не сомневалась, что бабушка в надежных руках, коль скоро останется на попечении ее лучшей подруги.

– Я позвоню, как только появится возможность, – пообещала Кендал. – Не исключено, что не смогу долго разговаривать даже при удачном стечении обстоятельств. Вполне возможно, ваши телефоны будут прослушиваться. – Заметив испуг на любимых лицах, она добавила: – Конечно, надо надеяться на лучшее, но не стоит их недооценивать. Будьте чрезвычайно осторожны.

Ей до смерти хотелось рассказать бабушке и Сью о ребенке, которого она носила под сердцем, но решила пока промолчать. В противном случае, они лишь сильнее разволнуются и не ровен час, узнав о ее беременности, навалятся и постараются отговорить от побега в неизвестность, а она, поддавшись на уговоры, и в с самом деле возьмет, да и останется.

И вот настала печальная минута расставания. Кендал до боли в груди прижалась к бабушке, стараясь навсегда сохранить в душе ее образ и запомнить запах и легкость хрупкого тела.

– Бабуля, я люблю тебя. И постараюсь вскоре вновь объявиться.

Старушка подтолкнула ее к двери, но перед этим посмотрела долгим взглядом:

– Я тоже тебя люблю, детка. Очень люблю. Будь счастлива. – Похоже, бабушка решила распрощаться надолго. Кендал вдруг представила себе, что больше никогда ее не увидит и неудержимо захотела броситься ей на грудь, зарыдаться в ее объятиях и больше уже никуда не уезжать. Но, подняв

глаза на старушку, Кендал устыдилась своего малодушия и постаралась изобразить некое подобие бодрой улыбки.

Рики Сью плакала навзрыд. Наконец, собравшись с силами, она уже более привычным тоном заявила, что не желает подставлять свою спину краснорожим убийцам и предателям-фзбээровцам и поэтому им с бабушкой самое время сваливать. Подхватив бабулю, она удалилась.

Кендал, проводив их взглядом, вдруг разрыдалась до того, что у нее перехватило дыхание. Какого черта ей бояться этих ублюдков из «Братства», когда она прямо сейчас сама готова умереть здесь от тоски и печали, раздиравших сердце?

Она бросила свою машину на стоянке у мотеля в Чаттануга и купила себе старую развалюху У одного жучилы, воспользовавшись бабушкиными деньгами.

На этом рыдване она доехала лишь до Денвера, потому что там мотор зачихал и смолк навеки. Бросив автомобиль прямо посреди дороги, Кендал пешком направилась в ближайшую закусочную Макдональдс. Плюхнулась а стул и тут же расправилась с биг-маком, одновременно просматривая газеты с объявлениями о квартирах, сдаваемых внаем.

Она нашла именно то, что хотела – квартиру с гаражом в районе старой застройки. В нескольких минутах ходьбы оказалась публичная библиотека, куда Кендал и устроилась на работу.

Она ни с кем не знакоилась, не установила у себя теле-

фон. Когда же ее беременность уже невозможно стало скрывать, она вежливо, но твердо пресекла праздные вопросы сослуживцев. Второй раз заводить разговоры на эту тему почему-то никто не отважился.

До сих пор – насколько она знала – ни один из ее звонков в ФБР не вызвал ни малейшего интереса, не говоря уже о расследовании. Примерно раз в месяц она звонила в разные подразделения службы и рассказывала о том, чему оказалась в Проспере свидетелем.

Без сомнения, ее показания принимали за бред сумасшедшей. Она смотрела по телевизору хронику текущих событий и регулярно просматривала периодику, надеясь увидеть или прочитать о том, что в штате Южная Каролина раскрыта конспиративная организация, но ничего подобного так и не обнаружила.

Члены «Братства» довольно успешно скрывали свои деяния от общественности, а она ничего не могла изменить – каждая попытка достучаться до федеральных властей была связана с риском для собственной жизни:

Но просто сидеть и ждать, когда все утрясется само собой, она тоже оказалась не в состоянии.

В свободное от работы время, Кендал начала собирать необходимые данные. В библиотеке оказался компьютер с разветвленной сетью источников информации по всей стране, и ей удалось составить неплохую картотеку, призванную заинтересовать профессионалов. Туда она заносила все

официальные отчеты должностных лиц Проспера, данные о нераскрытых убийствах, о пропавших людях. – короче говоря, все, что в один прекрасный день помогло бы ей посадить членов «Братства» на скамью подсудимых.

Ради их же собственной безопасности Кендал не сообщила о своем местонахождении ни бабушке, ни Рики Сью. По этой причине Рики не смогла сообщить ей о смерти старушки, и внучка узнала об этом, только позвонив в Шеридан сама.

– Я так скорблю, Кендал. – Рики Сью рыдала в трубку, рассказывая печальную новость. – У меня просто сердце на части разрывается, как вспомню об этой утрате.

– Она умерла в одиночестве?

– Да. Я зашла поутру, как обычно, чтобы справиться о здоровье, но на стук никто не отозвался. Я нашла ее в кровати уже мертвой.

– Значит, она скончалась во сне. Слава Богу, легкая смерть.

– Что ты намерена сделать с домом и барахлом?

– Раздай одежду всем, кто в ней нуждается. Ценные, личные бумаги и письма положи в банковский сейф. В доме оставь все, как было, и запири его на замок.

Да, не забудь оплатить счета. – Еще с тех пор; как Кендал обосновалась в Проспере, счета бабушки с ее разрешения подписывались Рики Сью.

Там, где жила Кендал, ей не с кем было разделить свою

печаль, она страдала и грустила в одиночестве.

Кендал с головой уходила в работу, но к назначенному сроку ей удалось обставить крошечную комнатку для будущего ребенка. И вот в один прекрасный день у нее начались схватки. Хозяйка разрешила воспользоваться своим телефоном, в считанные минуты Кендал на «скорой помощи» доставили в больницу.

Ребенок родился вечером того же дня. Жизнерадостный здоровый мальчик весил целых восемь фунтов и три унции.

Она назвала его Кевин Грант – в честь отца и дедушки. Переполненная счастьем, Кендал жаждала кому-нибудь излить свою душу.

– Ребенок!?! – завизжала в трубку Рики Сью. Она ужасно обрадовалась такому повороту дела, правда, долго поминала Кендал, что та не изволила сообщить о своей беременности.

– Слушай, а может, все-таки вернешься? В конце концов, что ж теперь всю жизнь находиться в бегах? Ты же не совершила ничего противозаконного.

Похоже, ни одна личность из Проспера не пыталась выйти на след, эксплуатируя ее дружеские связи с Рики Сью и любовь к бабушке. Очевидно, Гиб каким-то образом объяснил окружению причину странного исчезновения Кендал, непонятно только почему он словно забыл о ее существовании и не пытается отомстить. Слишком подозрительным казалось Кендал это видимое спокойствие. Было бы куда легче, если бы Рики Сью или бабушка как-нибудь намекнули, что Кен-

дал разыскивают или терроризируют самых близких, стараясь выудить у них информацию относительно ее убежища.

С другой стороны, может стать и так, что «они уже достаточно осведомлены о том, где и как она проживает, и теперь ждут только удобного случая, чтобы нанести удар.

Ведь в принципе им ничего не мешает в любой момент выйти ей навстречу из первого попавшегося переулка, а она так ничего и не сделала, чтобы привлечь внимание общественности к своей персоне. Проживая под чужим именем, позабыв о карьере юриста и занимаясь неквалифицированным трудом, женщина обрела себя на жизнь серенькую, незаметную. И все ради того, чтобы они с Кевином могли как-то существовать.

Никогда уже ей не добиться видимого успеха в жизни. Никогда больше не выйти замуж. Рики Сью услужливо предложила навести справки, жив ли Мэт после того удара в голову, но Кендал ничего не желала знать. Если он погиб, ее вполне могут обвинить в мужеубийстве. Если он все-таки выжил, то по закону она считается замужней женщиной. Другими словами, и в том, и в другом случае весьма незавидное положение.

Как-то раз уже с трехмесячным Кевином на руках, Кендал прогуливалась по лужайке перед домом хозяйки. Граждане Денвера наслаждались погожим весенним днем, безоблачным небом. Но Кендал смутно чувствовала какую-то непонятную тревогу, вроде той, что испытывают метеопаты, ко-

гда солнце неожиданно затягивают тучи. Внезапно, обливаясь холодным потом, она поняла, что ее тихая неприметная жизнь кончилась.

Неподалеку остановился темно-синий седан. Из него выбрались двое и по дорожке двинулись прямо к ней.

Тот, что полнее и ниже ростом, обворожительно улыбался, другой, высокий – нет.

Улыбчивый тотчас обратился:

– Миссис Бернвуд?

Кендал ответила утвердительно, чем сильно поразила случайно выглянувшую хозяйку дома, которая до сих пор не знала ее имени.

Маленький извлек из кармана кожаный бумажник и, раскрыв, продемонстрировал Кендал свое удостоверение.

– Агент Джим Пепердайн, ФБР. – Он кивнул на строгого человека с поджатыми губами и в темных очках. – А это – представитель судебной власти Соединенных Штатов – Джон Макграт.

Глава двадцать шестая

Джон Макграт проснулся и почувствовал, что его память полностью восстановилась.

Он проснулся неожиданно, но при этом без всякой апатии и дурацкой растерянности – чувств, ставших уже привычными. С удивительной ясностью он вдруг представил свое отдаленное прошлое, впрочем, и недавние события тоже.

Он вспомнил, как его зовут, а заодно и собственное детство в городке Райли, Северная Каролина. Вспомнил даже номер на футболке, которую носил в старших классах школы, увлекаясь игрой в футбол.

Вспомнил и о своей работе в ФБР, и о том событии, которое полностью перевернуло всю его жизнь и из-за которого пришлось оставить это учреждение два года назад. Он вспомнил и свою нынешнюю работу. Вспомнил, как его послали в Денвер и зачем.

Сама по себе автомобильная катастрофа, по-видимому, навсегда останется тайной, хотя он припомнил, как вел машину по скользкой от проливного дождя дороге и то, как в конце концов врезался в дерево. Он даже ухитрился возродить в себе ощущение беспомощности и предчувствие смерти, почему-то оставившие его равнодушным, когда автомобиль перевалил через гребень скалы. Джон вспомнил, как пришел в себя в госпитале, и страшную ломоту во всем теле

со всех сторон окруженный незнакомыми людьми, он и сам себе казался чужаком.

Куда как ясно, вспомнил Кендал, глядевшую ему прямо в глаза и утверждавшую: „Это – мой муж“. Джон провел ладонью по лицу и сдавленно выругался, поскольку вспомнил также все происходящее с этого момента. Особенно прошедшую ночь. Когда он оказался в дерьме по самые уши.

Ту самую ночь, когда он познал Кендал Бернвуд.

Подушка рядом еще хранила тяжесть головы Кендал.

Перебирая в памяти каждый жест, вздох, каждое ощущение прошлой ночи, он постанывал, зарывшись лицом в ладони.

Господи, да разве удивительно, что к нему вернулась память, особенно после того, что случилось ночью?

Он снова прикрыл глаза и потер веки. Ну и какой отчет он представит Пепердайну? Да что, Пепердайн! Как оправдаться перед самим собой? Что ж, по крайней мере, он никому не изменил. Ведь они с Лайзой...

Лайза. Лайза Фрэнк. Как и все прошлое, воспоминания о ней тоже словно сидели взаперти, в темном закоулке его сознания вплоть до нынешнего момента. Теперь они хлынули бурным потоком. И как вовремя он вспомнил об их ссоре!

Джон возвратился из Франции: эскортировал в Штаты одного беглого уголовника. Безгранично утомленный и мрачный, он едва мог различать окружающее сквозь щелочки покрасневших от бессонницы глаз. Им владело единственное

желание – завалиться и проспать часов эдак тридцать и так, чтобы никто не беспокоил. Вставляя ключ в замочную скважину, —он очень надеялся, что Лайзы нет дома.

Но она оказалась у себя, да еще и очень возбужденная. Прямо-таки заведенная, потому что во время полета какой-то пассажир первого класса начал к ней приставать, как последний придурок.

– Очень тебе сочувствую, – произнес он, стараясь говорить учтиво. – Правда, у меня тоже выдался полет не из легких. Я сейчас в душ, а потом давай завалимся и выспимся как следует, ладно?

Но Лайза сроду не отличалась покладистостью. Как только он вышел из ванной, она оказалась рядом с полотенцем в руках, а когда он наконец добрался до спальни, Лайза уже лежала на кровати, едва прикрывшись простыней и сладострастно улыбаясь.

С того самого дня, когда он с удивлением обнаружил, в чем заключается разница между мальчиком и девочкой, зрелище обнаженной женщины никогда уже не оставляло его равнодушным. Тем не менее в ту ночь он повел себя несколько необычно, и Лайза так и не дождалась привычного сладкого на ночь.

Она щелкнула выключателем ночника и зажгла свет:

– Джон, нам надо поговорить.

– Только не сейчас, Лайза, я очень устал.

– Уже по одному ее тону догадался, что сейчас последует

нечто вроде „наши отношения зашли в тупик“ и так далее, а он слишком утомлен, чтобы выдержать еще и это. В общем-то, даже в самом начале их знакомства Джон всячески старался избегать выяснения отношений.

Так и не приняв во внимание его возражения и усталость, она начала привычный зудеж о тех аспектах их совместной жизни, которые Джон как раз считал лучшими и ценил больше всего.

Они видят друг друга не столь часто, как ей бы хотелось. Как стюардесса одной из крупнейших международных линий она имела нерегулярный рабочий график и подолгу не бывала дома. По роду своей деятельности Джону также приходилось много путешествовать. Тем не менее они довольно часто предавались любовным утехам без всякой взаимной зависимости. Джону так нравилось больше, но у Лайзы на этот счет существовало собственное мнение.

– Тебя все это вполне устраивает, – жаловалась она. Он, по обыкновению, заявил, мол, ничего подобного, в душе признавая, что она права. Ему нравилось такое положение дел – он даже как-то не задумывался об их отношениях, как об отношениях особого рода – именно на этом определении настаивала Лайза. От Джона сложившаяся ситуация не требовала ни особых усилий, ни, повышенного внимания к Лайзе, а главное времени. В таком духе он и собирался продолжать.

Но в ту ночь Лайза слишком сильно упирала на недостаток их совместного проживания, и он по-настоящему разо-

злился.

– Я не желаю обсуждать данные проблемы сию минуту. – Он выключил ночник и зарылся головой в подушку.

– Скотина ты, – буркнула Лайза, но он постарался пропустить это мимо ушей.

Проснувшись поутру и глядя на спящую Лайзу, он вдруг понял, что Лайза Фрэнк для него по-прежнему чужая, такая же далекая, как в тот самый день, когда они обменялись телефонами. Во время того полета Лайза оказалась стюардессой в их салоне.

Сколько раз он спал с ней, но так и не понял, что она за женщина. Точно так же и она – не знала и не понимала его. В сущности, не было на свете человека, который бы понимал, что же все-таки творится в голове Джона Макграта. Он и сам до конца не мог разобраться в этом, о чем сразу же честно Лайзу предупредил. Потому все пустил на самотек. События и в самом деле развивались сами собой, пока не случилась эта злосчастная ссора, за которой последовал разрыв.

Джон оторвался от воспоминаний, услышав, как в соседней комнате Кендал укачивает Кевина. Похоже, что за весь день она впервые уделила ребенку внимание. Джону ясно представилось, как она берет мальчика на руки, ласкает его, нежно трогает личико – короче, предается нехитрым радостям материнства.

Именно такой, обремененной материнскими обязанностями, он впервые увидел ее на жалкой лужайке в Денвере.

Когда Джим Пепердайн назвал себя и свою должность, она вздохнула едва ли не с облегчением, словно от сбывшихся грез, и обрадовалась, что ее наконец нашли.

Ей дали время собраться самой и уложить вещи ребенка, прежде чем отвезти к автомобилю. В самый последний момент – прежде чем сесть в машину, она неожиданно заколебалась, переводя взгляд с одного агента на другого, и растерянно спросила:

– Вы что же, отвезете меня назад, в Южную Каролину?

– Да, мэ, – ответил Джим. – Придется отвезти.

В течение своей сравнительно продолжительной карьеры Джон не раз наблюдал различные человеческие эмоции, изучал человеческие рефлексy, правда, неосознанно и не занимаясь этим специально. Он также оказался неплохим экспертом в области различных оттенков человеческой речи – повышении и понижении голоса в зависимости от ситуации, и знал, как может изменяться выражение лица. С удивительной точностью он мог отличить ложь от правды. В каком-то смысле это стало хобби, и товарищи по работе полагались на его знание человеческой породы.

И поэтому, когда Джим сообщил Кендал об их намерении, а на глаза женщины навернулись слезы и она страстно прижал а ребенка к своей груди, Джон совершенно отчетливо понял, что Кендал Дитон Бернвуд на самом деле всем сердцем верила в то, что говорила:

– Если вы отвезете нас назад, меня убьют.

Джон некоторое время работал вместе с Пепердайном и тот зарекомендовал себя отличным парнем. Пожалуй, он считал его своим настоящим другом. Один из немногих, Пепердайн знал, что Джон уже не работает на ФБР, но тем не менее пригласил его поприсутствовать на допросе миссис Бернвуд.

– Посидишь как наблюдатель, – бросил Пепердайн небрежно, когда они направились к офису, где их уже ожидала Кендал. – Не исключено, что тебе это покажется интересным. Кроме того, хорошо бы установить, говорит ли она правду или выдает фантастическое нагромождение лжи. Уверен, ты уже догадываешься, что она не лжет.

– Пожалуй, но пусть попробует заполучить на свою сторону присяжных, поскольку ее показания кажутся более чем невероятными.

– Уж больно ты хладнокровен, дружески сказал Пепердайн, – но в сущности, куда строже и циничнее любого из совета присяжных. Если ей удастся убедить в своей правоте тебя, считай, руки у нас развязаны.

– Я же не работаю в федеральном агентстве, – напомнил ему Джон у самой двери.

Пепердайн взялся за ручку, иронично взглянув на Джона, бросил:

Ерунда это все, – и толчком распахнул дверь.

Глава двадцать седьмая

Она сидела в полном одиночестве, спокойная и невозмутимая, отклонив услуги адвоката и заявив, что готова вести разговор самостоятельно.

Сын ее находился на попечении другого агента. Кендал не дрогнула даже тогда, когда Пепердайн предъявил ордер на задержание.

– Однако в соответствии с ордером мне предлагается выступить в качестве свидетеля.

– А Вы чего, собственно, ожидали? – спросил Пепердайн. – Может быть, ордера на арест по обвинению в убийстве?

– Он умер?

– Мэт Бернвуд? Нет.

Она сжала губы, но Джон так и не понял – то ли испытыв безмерное облегчение, то ли, наоборот, намереваясь обратиться с силами.

– Я думала, что убила его.

– Если мистеру Бернвуду предъявят обвинение не в соответствии с вашими показаниями, я на его месте предпочел бы умереть.

Она необдуманно наморщила лоб, словно не до конца осознавая происшедшее:

– Стойте! Что-то я не пойму. Вы что, хотите сказать, что

Мэта арестовали, предъявив обвинение?

– Его, его отца и многих других, кого вы указали как членов заговорщицкой группы. – Пепердайн положил перед ней список фамилий. – Обвинения же самые разные – от создания тайной организации до прямого участия в убийстве первой степени. С тех пор как к процессу подключились окружной судья и прокурор, дело обстоит примерно таким образом. Как видите, миссис Бернвуд, многие из названных вами находятся в заключении. И всем им отказано в освобождении под залог.

– Просто не верится, – тихим голосом произнесла Кендал. – Неужели в конце концов кто-то внял моим призывам?

– Вашим призывам вняли бы с самого начала, если бы вы обратились, куда и к кому следует. – Пепердайн присел на краешек стола. – Кое-кто из крупных юристов давно уже почувал, что в Проспере творится что-то неладное. Слишком уж многие заключенные умирали в тюрьме при не выясненных якобы обстоятельствах. И слишком много травмированных в результате несчастных случаев. Приговоры же большей частью оказывались неоправданно суровыми.

– Так, значит, расследование уже велось?

– И гораздо раньше, чем вы стали выступать там в качестве общественного защитника, – отозвался Джим. – В Проспере работал наш человек под вымышленным именем и легендой. Но прежде чем ему удалось собрать неопровержимые улики на активных заговорщиков, он вдруг неожиданно

и бесследно исчез.

Пепердайн открыл одну из папок и протянул Кендал фотोगрафию:

– Полагаю, вы его узнаете.

– Господи, это же Бама!

Пепердайн взглянул на Джона. Джон кивнул. Женщина воскликнула с неподдельным удивлением.

– В ту ночь, когда я стала свидетелем чудовищного убийства Майкла Ли, я обнаружила его останки. Он к тому времени отсутствовал уже с неделю.

– и до сих пор не найден, насколько я знаю. Мы обыскали метр за метром всю территорию, о которой вы упоминали в своих телефонных рапортах. Как вы думаете, вам удастся обнаружить место его погребения?

– Очень сомневаюсь. Прошло уже больше года. И темень тогда стояла непроглядная. Я заблудилась и перепугалась до смерти. В буквальном смысле наткнувшись на его тело, я потом вынуждена была бежать, чтобы спастись. Даже если мне удастся вывести вас на то самое место, останки, ДОЛЖНО быть, давно расхищены животными.

– Тем не менее мы, возможно, отыскали бы хоть какие-то улики.

Она зажала рот ладонью, чтобы унять дрожащие губы:

– Не могу поверить, что Бама и в самом деле работал на ФБР.

– Его звали агент Роберт Маккой. Должно быть, он попла-

тился жизнью за свою ошибку.

– Совсем не обязательно. Просто „Братство“, вполне вероятно, проводило так называемую весеннюю чистку с целью очистить город от нежелательных элементов. Это послужило достаточно веской причиной избавиться от него.

Кендал поднялась и подошла к окну. Скрестив руки на груди, она немного приподняла плечи и застыла в таком положении чуть покачиваясь, словно защищаясь от кого-то. Джон заметил в глазах ее страх и незащищенность.

Вместо слов у нее вырвался какой-то шелест:

– Вы даже представить себе не можете, на что „они“ способны.

– Да нет, в принципе мы себе представляем, – вмешался Пепердайн. – Помните издателя, работавшего в газете вашего мужа?

– Я только однажды встречалась с этим господином. Он неожиданно умер, еще во время нашей с Мэтом помолвки.

– Вряд ли он умер естественной смертью, как об этом гласило официальное заключение. Похоже, он не разделял идеи вашего мужа. Мы произвели эксгумацию трупа, чтобы узнать истинную причину его смерти. Теперь видите, мадам, мы хорошо понимаем, с кем имеем дело, – мрачно усмехнулся Пепердайн.

– У меня есть основания полагать, что и у вас в ФБР работают их люди. Агент Брэдок...

– Находится в тюрьме вместе с прочими. Мы позаботи-

лись и об этом.

– Правда? Вы что, считаете, что он у вас такой один-единственный? Сколько членов „Братства“ просочилось в вашу контору – вам известно? – Она невольно, повысила голос, выдавая снедавшую ее тревогу. – Начни я давать против них показания, они постараются меня убрать. Какой-нибудь способ да изыщут!

– Мы предоставим вам бессменную защиту, – Пепердайн указал на Джона, но Кендал бросила на него такой взгляд, что тот понял: она не видит в нем надежного охранника.

– Вы не в состоянии. Независимо от того, какие меры вы примете, их все равно окажется недостаточно.

– Ваши показания имеют для нас чрезвычайную ценность, миссис Бернвуд.

– Кто еще выступит со свидетельскими показаниями против „Братства“? – Пепердайн несколько замешкался с ответом, и она презрительно фыркнула: – Значит, я у вас одна? И вы надеетесь выиграть дело на основании только моих свидетельств? Да их адвокат просто камня на камне от этих сведений не оставит. К примеру, заявит, что я придумала всю эту несусветную чушь только для того, чтобы поквитаться со своими врагами.

– А как насчет Мэта Бернвуда? Он тоже ваш враг? – Пепердайн задал непростой вопрос. В соответствии с полученной информацией, женщина намеревалась вышибить парню мозги хрустальной вазой. Джон уже давно сгорал от любо-

пытства, отчего?

– Так вы намерены давать показания против него, миссис Бернвуд?

– Да, намерена – в самом деле. Правда, я не видела его среди прочих во время казни Майкла Ли. И своего свекра тоже. Но все-таки они там были. Я в этом уверена.

– Мы, со своей стороны, тоже в этом не сомневаемся. – Пепердайн заглянул еще в одну папку. – „Братство“ не осмелилось бы на ритуальное убийство в отсутствие Гиббонса Бернвуда, его основателя и главного мага.

Кендал глубоко вздохнула и хрипло заметила, как бы про себя:

– Мне следовало бы и самой догадаться.

– Знаете ли вы что-нибудь о прошлом вашего свекра?

Кендал привела несколько фактов, затем спросила:

– Немного, кажется, правда?

Пепердайн начал читать вслух кое-какие документы из толстого досье, которое агент завел на Гиба Бернвуда.

– Отец его был морским пехотинцем во время второй мировой войны и служил на юге Тихого океана. Он и еще несколько человек вызвались добровольцами на одно рискованное предприятие. В течение первой недели в деле погибли все, кроме отца Гиба, но он выжил и ухитрился еще восемь месяцев просуществовать на крошечном островке, захваченном японцами, питаясь сырой рыбой, которую ловил собственными руками. Отец Гиба умудрился прикон-

читать пятьдесят вражеских солдат и уйти невредимым. Когда же американцы снова захватили островок, его на корабле отправили домой и с большой шумихой провозгласили героем. Он сильно затосковал, что война кончилась, прежде чем ему удалось снова вернуться на фронт. Серым октябрьским днем 1947 года он методично почистил винтовку, затем вставил дуло в рот и большим пальцем ноги нажал на спуск.

Несмотря на самоубийство отца, юный Гиб Бернвуд сотворил из своего родителя самого настоящего кумира и во всем желал ему подражать. Он также поступил в морскую пехоту и даже успел повоевать в Корее, но война окончилась слишком быстро, что оставило в душе молодого человека острое чувство неудовлетворенности. Когда же подоспела вьетнамская война, оказалось, что по возрасту Гиб для непосредственного участия в боевых действиях не годится. Таким образом, он пропустил самую главную драчку второй половины века, а раз так – решил начать свою личную войну и следил за тем, чтобы и Мэт шел по его стопам.

Как и отец, Гиб записался в члены ку-клукс-клана, но в начале шестидесятых с кланом расстался. Очевидно, методы клана показались Гибу слишком мягкими. Он решил создать собственную организацию – небольшую группу последователей, преданных лично ему, Бернвуду – это давало возможность Гибу ни перед кем не отчитываться. Мы считаем, что „Братство“ возникло в середине шестидесятых. Естественно, Мэт воспитывался в соответствующих традициях, дабы со

временем возглавить организацию, созданную отцом.

Мы следили за ним в течение тридцати месяцев, но не имели ни одного свидетельского показания против Гиба лично. Так кое-какие косвенные улики – и все. Вы наш единственный шанс добраться до этого парня. Если мы его доставим как следует, то остальные повалятся как костяшки домино.

В течение всего монолога Пепердайна Кендал ни разу не раскрыла рта. Но когда он отложил досье Гиба, изрекла:

– Вы тем не менее не в силах доказать, что они с Мэтом принимали участие в казни Майкла Ли. В запасе у них оказался целый год, чтобы уничтожить всякого свидетеля и любую улику. Хороший адвокат – а уж Мэт и Гиб наймут самого лучшего – в два счета докажет, что все мои показания не более чем месть Мэту за то, что тот изменил мне с одной из моих же клиенток.

– у него был роман с одной из подзащитных?

– Да.

Пепердайн в растерянности моргнул, почесал в затылке и с надеждой глянул на Джона.

– Джим, полагаю, что она права, – откликнулся последний. – Стоит только этой истории выплыть в суде, как свидетельница покажется присяжным просто зловредной бабой, а это здорово отразится на впечатлении от ее показаний.

– Господи...

– Да это не столь уж важно, мистер Пепердайн, – буркну-

ла Кендал сердито. – Вся наша беседа вообще лишена смысла. Прежде чем дело дойдет до суда, я буду лежать в гробу. „Братство“ и существует целых тридцать лет только потому, что его члены и члены их семей хранят организации абсолютную верность. Вы что, в самом деле думаете, что они позволят мне жить?

Я видела, как они кастрировали и распяли на кресте чудесного молодого человека только потому, что он, будучи выходцем из Азии, осмелился поухаживать за дочерью одного из них. Мое преступление в тысячу раз хуже. Даже если я откажусь выступать в суде, они все равно постараются прикончить меня за предательство. Они без жалости расправятся со мной, не сомневаясь в собственной правоте, поскольку – и это самое страшное – они полагают, что Бог на их стороне. Они, видите ли, существа избранные, и все якобы делают во имя Божье. Они пели гимны, пока Майкл Ли истекал кровью. В соответствии с их кодексом, я – отступница и убить меня – во истину святое дело. Хорошо, предположим, что те улики, которые предоставите суду вы, и мои показания – показания, так сказать, обманутой жены – даже в совокупности окажутся недостаточно убедительными для вынесения обвинительного приговора, и они выйдут на волю. Если Мэт и не убьет меня, то вполне сможет притянуть к суду о неоправданном побеге матери семейства и тогда, может статься, ему передадут права опеки над Кевином.

Пепердайн хмыкнул:

– Возможно, вы не в курсе, миссис Бернвуд, но ваш муж уже добился развода и в качестве причины выдвинул нападение на его персону.

– Потому что я защищалась, когда ударила его? Тот пожал плечами:

– Он заявил свои претензии. Поскольку вы не явились в суд в течение определенного времени, то суд вынес решение в одностороннем порядке.

– Судья Фаргоу?

– Он самый.

Джон наблюдал за ее реакцией на сообщение о том, что официально она уже не является женой Мэта Бернвуда: Он с полной уверенностью заключил, что это известие не слишком ее опечалило, хотя Кендал и насупилась.

Следующий вопрос объяснил причину ее поведения.

– Мой бывший муж знает о Кевине?

– Только не от нас, – сказал Пепердайн. – До сего момента мы не знали, что у вас есть ребенок. Разумеется, не исключено, что он узнал об этом из другого источника.

Кендал уселась поудобнее и поглубже, оперлась о подлокотники и принялась раскачиваться взад и вперед:

– Он ни перед чем не остановится, чтобы убрать меня, а Кевина превратить в послушного адепта „Братства“. Нет, – заявила она взволнованно, – я не вернусь назад. Ни за что.

– Вам так же, как и мне, очень хорошо известно, что у вас нет другого выхода, миссис Бернвуд. Вы покинули место, где

было совершено несколько тяжких преступлений. Незаконная попытка избежать дачи свидетельских показаний также относится к разряду федеральных преступлений. В соответствии с утвержденным графиком вам придется предстать перед судом магистрата в течение получаса. Судья, в свою очередь, вынесет решение о необходимости задержать вас как главного свидетеля и вернуть – с соответствующей охраной – в то самое место, где были совершены преступления. Вы, разумеется, сохраняете право взять себе адвоката, если хотите.

– Я неплохо владею законодательством, мистер Пепердайн, – холодно произнесла Кендал. – И собираюсь впредь обходиться без адвоката.

– Мы согласны полностью отказаться от обвинений в ваш адрес, если вы поможете нам прищучить этих парней. – Он сделал небольшую паузу, дабы выслушать возражения, но она промолчала. – Ведь когда вас везли сюда, вы думали, что вам предъявят обвинение в убийстве. Мне кажется, вы должны испытывать в некотором роде облегчение.

Она печально покачала головой:

– Вы не понимаете. Они сделают все, чтобы меня убить.

– Мы отправляемся сегодня же вечером, – коротко бросил Пепердайн.

Джон знал, что его друг в значительной степени разделяет тревогу женщины, но как человек подневольный вынужден подчиняться законам своего учреждения. Пепердайн ведет дело, которое следует довести до конца, и волей-неволей

придется смириться.

– Выезд назначен на три часа, – добавил он. – Вас перевезут в округ Колумбия на конспиративную квартиру, где вы и подождете суда. Я сопровождаю до Далласа, а там женщина-охранник и мистер Макграт возьмут на себя труд сопроводить вас до места назначения.

Джону показалось, будто земля уходит у него из-под ног. Он вывел Пепердайна в коридор и сердито поинтересовался:

– Что ты имеешь в виду?

– Что я имею в виду?

– Как при кажешь понимать твои слова, что мне придется сопровождать эту женщину до места назначения? Мне?

На лице Пепердайна отразилась сама невинность. – Таково задание, Джон.

– Не мое это задание. С тобой приказано ехать Стюарту, а не мне. Он, видишь ли, в последнюю минуту заболел и послали меня.

– Что ж. Такова, видно, твоя судьба.

– Джим, – произнес он, хватая приятеля за рукав, дабы как-то привлечь его внимание. – Я не знал, что у нее ребенок.

– Мы все удивлены не меньше тебя.

– Я не могу принять на себя такое дело. Это... это сведет меня с ума. Ведь ты-то знаешь.

– Ты что, испугался?

– Ты просто читаешь мои мысли.

– Ребенка что ли испугался?

Фраза резанула его слух. Тем не менее это была чистая правда.

– То, же знаешь, что мне пришлось пережить после неудачи в Нью-Мексико. Меня до сих пор мучают кошмары по ночам.

Меньше всего на свете Джон хотел, чтобы Пепердайн поднял его на смех за дикий, ничем не оправданный страх. И тот, уловив состояние приятеля, сжалился над; ним, но все-таки попытался урезонить.

– Послушай, Джон, я смотрел, как ты вел переговоры с такими подонками, которых свет не видывал. И тебе удалось уговорить террористов сложить оружие, хотя те искренне верили, что, сдавшись, никогда не попадут в рай. Вот как ты умеешь убеждать!

– Ну, было однажды. И больше не повторил ось. – Подумаешь, выдался один неважнецкий денек, так ты и нос повесил.

– Один неважнецкий денек? Оказывается, все, что тогда произошло, можно так вот просто назвать – один неважнецкий денек?.

– Я не собираюсь нисколько приуменьшать случившееся. Но никто тогда не подумал, что ты виноват. Никто, Джон. Разве ты мог предположить, что этот псих и в самом деле исполнит свою угрозу.

– Не мог, а должен был, Джим. Скажешь, нет? Ведь именно ради этого меня учили и тренировали. Ради этого обяза-

велся при ставкой „доктор философии“ перед своей фамилией. Подразумевается, что я всегда должен знать, когда давить, а когда и шаг назад сделать.

– Ты – один из лучших в нашей конторе, Джон. И нам по-прежнему тебя не хватает. Когда-нибудь, я уверен, настанет день и ты простишь себе то, что случилось в Нью-Мексико, и вернешься. – Пепердайн положил ему руку на плечо. – Слушай, у тебя стальные нервы. Скажи мне теперь, только взгляни реально, чем может навредить кро-о-ошечный – уги-пути – ребеночек?

Глава двадцать восьмая

Когда они поднимались по трапу самолета в Денвере, у Джона появилось ощущение неминуемой беды. Как ни старался, он не мог отделаться от мысли, что это путешествие закончится плохо.

Теперь, уже много времени спустя, лежа в постели, которую он делил со своей подопечной, и принимая во внимание, что у него сломана нога, на голове красуется шрам, и он только что излечился от амнезии, Джон задался вопросом, что же можно было сделать, дабы предотвратить лавину обрушившихся событий.

Вряд ли удалось избежать всего этого – пусть и не состоялся бы тот злополучный перелет. Пепердайн определенно решил бы, что у друга поехала крыша, если бы он, как поначалу и хотелось, отозвал агента в сторону и сообщил прямо там, на летном поде, что он нюхом чует полный правал. Мол, необходима иная стратегия.

Пепердайн должен был выйти в Далласе, в то время как Джону и его партнерше – Руги Фордхэм – приятной даме-охраннику испанского происхождения, предстояло сопровождать миссис Бернвуд и ее ребенка в Райли-Дархэм, а оттуда на другом самолете до округа Колумбия. Такой вот, значит, маршрут.

Однако вмешалась судьба.

Сразу же после вылета из денверовского аэропорта у Кендал начались мучения с ушами. Охранница Фордхэм обратилась за объяснениями к стюардессе, которая постаралась убедить женщину, что на заданной высоте неприятные ощущения исчезнут. Но боль не проходила.

В течение всего полета Кендал невероятно страдала. Почувствовав, что матери плохо, забеспокоился и захныкал ребенок, а потом и вовсе заплакал. Сидя через проход, Джон крепче ухватился за подлокотники и взмолился, чтобы дитя наконец успокоилось. Но чем дольше возносил Джон молитву Создателю, тем громче ревел мальчик.

– Может, заказать что-нибудь выпить? – участливо спросил Пепердайн, заметив бисеринки пота, выступившие на лбу Джона.

– Я на работе.

– Плюнь ты на правила. Ты аж позеленел весь.

– Я в порядке. – На самом деле Джон лгал. Он старался сосредоточиться на чем-то другом – стал, например, считать заклепки на потолке салона, чтобы не реагировать на детский крик.

Пробежка по летному полю длилась ужасно долго, как показалось Джону, почти столько же, сколько и сам перелет. Поэтому, когда самолет наконец остановился, Джон растолкал локтями пассажиров и устремился к выходу, до такой степени ему хотелось выбраться. В здании аэропорта охранница Фордхэм сразу же отвела Кендал в женскую комнату.

Пепердайну пришлось взять ребенка на руки, хотя в роли няньки он выглядел не самым лучшим образом. В любой другой момент Джон злорадно бы ухмыльнулся, глядя на неуклюжие движения приятеля-холостяка, но сейчас оказался не в состоянии изобразить даже некое подобие улыбки.

– Этот парень, ее муж – как он выглядит? – поинтересовался Джон. В сущности, ему было наплевать, он спрашивал просто так, чтобы отвлечь себя от мыслей о ребенке, который буйствовал в руках Пепердайна.

– До сих пор не имел удовольствия с ним познакомиться. – Неожиданно ребенок замолчал. Пепердайн продолжал его неуклюже укачивать – вверх-вниз, вверхвниз. – Насколько я понимаю, Мэт Бернвуд своего рода белый супермен в прекрасно сшитом костюме-тройке. Красив, получил хорошее воспитание и образование. К тому же прекрасно владеет огнестрельным оружием и знает приемы восточных единоборств. И еще – самый настоящий фанатик, который верит, что его папаша запросто беседует с Господом. Гиб команду: прыгай! – и Мэт прыгает. – Пепердайн чуть помедлил, а затем добавил: – Короче, это чрезвычайно опасные подонки, которые не, остановятся ни перед чем, когда запахнет жареным.

Джон бросил в сторону Пепердайна тревожный взгляд. – А ведь она права, – словно угадав, о чем подумал друг, произнес агент. – Она и в самом деле практически обречена,

особенно если этим парням удастся на нее выйти.

– Значит, сидением с ребенком работа не ограничится?

– До этого далеко. Что с того, что Бернвуды за решеткой? У них достаточно длинные и цепкие руки. Некоторых членов секты, скорее всего большинство, мы просто не знаем.

– Господи.

– Не отпускай ее ни на шаг. Подозревай всякого.

Спустя несколько минут появились женщины, и Кендал взяла ребенка из рук Пепердайна. Охранница Фордхэм выложила новость, в соответствии с которой приходилось полностью менять планы.

– Миссис Бернвуд не в состоянии продолжать полет и нуждается в медицинском осмотре.

– Не так давно я болела, – объяснила Кендал, возможно, инфекция затронула уши. Давление на борту самолета вызывает непереносимую боль.

Пепердайн повернулся к Джону:

– Это, друг мой, по твоей части.

Макграт повернулся к Кендал – пожалуй, они впервые посмотрели друг другу в глаза. Джон так и не смог бы с определенностью выразить, отчего он старательно избегал ее взгляда. Вероятно, боялся наткнуться на что-то такое, что неожиданно осложнило бы всю его дальнейшую жизнь.

Лайза исчезла навсегда. Пока он управлялся со своими делами и отсутствовал, она выехала из дома, прихватив все свое барахлишко да кое-какие его, Джона, вещи. Не оставила

ни записки, ни номера телефона, никакой информации, где ее можно разыскать. Ну и ладно. Наплевать. Лишь одна только мысль мелькнула в голове Джона: он с удовольствием дал бы ей знать, как мало ее уход отразился на его жизни. Наоборот, с самого отъезда Лайзы он наслаждался одиночеством. На какое-то время он вообще решил избегать женщин.

Только вот эта женщина, Кендал, странным образом взволновала Джона...

Она смотрела ему прямо в глаза, не мигая. Именно тогда он впервые заподозрил, что женщина гораздо на ложь, причем делает это мастерски. Слишком пристальный, неотрывный взгляд, как ни странно, выдает вранье. Такая демонстративная искренность вырабатывается многими часами тренировки.

Он догадался, что неожиданная боль в ушах послужила Кендал предлогом оттянуть путешествие. Она даже могла бы попытаться удрать, затесавшись в густую толпу пассажиров в далласском аэропорту.

Тем не менее, на случай если боль в ушах не являлась плодом воображения Кендал, Джону следовало отвести ее к врачу и взять билеты на более поздний рейс.

За пределами здания аэропорта Пепердайн распрощался с ними. Он дружески хлопнул Джона по спине:

– Не горюй, пареньь.

– Чтоб тебя, – пробормотал Джон. Его приятель расхохотался и взмахом руки подозвал свободное такси.

Джон тоже забрался в машину, водитель которой еле-еле говорил по-английски, и тут же жестом пригласил обеих женщин с орущим малышом. Используя только ключевые слова, красноречивую мимику и выразительную же стидуляцию, ему удалось-таки убедить сконфуженного шофера доставить их в ближайший госпиталь.

Автомобиль остановился у ворот здания, и охранница Фордхэм осталась в приемном покое с ребенком на руках, Джон же сопроводил Кендал в смотровой кабинет. Сестра измерила ей давление и температуру, задала несколько дежурных вопросов и вышла, оставив их наедине.

Кендал присела на краешек стола, а Джон, засунув руки в карманы и повернувшись к женщине спиной, принялся изучать цветной плакат на стене, изображавший систему кровообращения человека.

– Вы боитесь, что я убегу?

Джон тут же обернулся:

– Извините?

– Вы что, пришли сюда со мной, потому что считаете, что я способна удрать через черный ход? – Джон ничего не ответил, да ему и сказать-то было нечего. Женщина тихонько рассмеялась. – Вы что же думаете, что я брошу своего ребенка?

– Откуда мне знать? А вы в самом деле его не оставите?

Лицо женщины мгновенно напряглось.

– Нет, – бросила она коротко.

– Я призван вас охранять, миссис Бернвуд.

– А потом доставить местным властям Южной Каролины.

– Именно.

– Возможно, именно там меня и убьют. Вам не кажется, что в этом есть какая-то ирония. Вы станете охранять мою жизнь, но доставите на то самое место, где ей будет угрожать величайшая опасность?

Разумеется, Джон и сам все отлично понимал. Но, черт возьми, он всего-навсего выполняет свою работу. И платят отнюдь не за то, что он анализирует все „за“ и „против“ этого дела.

– Пока вы под моей опекой, я должен постоянно находиться рядом, – бесстрастно отозвался он.

Вошедший врач первым делом с любопытством воззрился на Джона.

– Вы мистер Бернвуд? – спросил он, исходя из документа, который только что заполнила Кендал.

Тот протянул врачу удостоверение.

– Офицер полиции? Охранник? В самом деле? Это ваша пленница? Интересно, что она натворила?

– В самолете у нее заболело ухо, – с металлом в голосе произнес Джон. – Вы собираетесь наконец ее осматривать?

Доктор выслушал сердце и легкие, осмотрел гланды, упомянув, что они слегка воспалены, а затем проверил ушные раковины. Закончив осмотр, доктор с уверенностью подтвердил, что у женщины... в самом деле воспалены пазухи

за обеими барабанными перепонками.

– Она может продолжать полет? – уточнил Джон.

– Ни под каким видом. По крайней мере, если не хотите, чтобы у пациентки лопнули барабанные перепонки.

Он подждал в коридоре, пока сестра делала Кендал инъекцию антибиотика. Наконец она появилась. По дороге назад она здорово озадачила Джона:

– А вам, наверное, показалось, что я лгу, не так ли?

– Действительно, мне приходило это в голову.

– Вот уж не стала бы никогда обманывать, если ложь легко обнаружить.

– Вы намекаете, что при бережете вранье для случая, когда обнаружить его будет не так-то просто?

Женщина остановилась и повернулась к нему:

– Совершенно верно, мистер Макграт.

– Ничего особо страшного не случилось.

– Легко сказать, – заметил Джон, которому уже порядком надоели банальности Пепердайна. – Не тебе ведь пилить тысячу миль на автомобиле.

Зарезервировав в мотеле комнату для двух женщин и ребенка, Джон прибыл с докладом к Пепердайну, который координировал операцию по перемещению миссис Бернвуд в окружной офис шерифа Колумбии.

– Ничего не поделаешь, Джон, – примирительно заметил Пепердайн. – Врач говорит, что ей нельзя летать еще с месяц. Не можем же мы столько ждать. В конце концов на это уйдет

не больше трех дней.

– Я мог бы домчать и за два.

– Один, без пассажиров. А тут еще ребенок. Твоя норма – около трехсот миль в день. Не развлекательная поездка, конечно, но и все когда-нибудь кончается.

Не обращая внимания на недовольство Джона, Пепердайн вручил ему маршрутный лист, а также карту автомобильных дорог:

– Отправляетесь утром и делаете остановку на ночь в Мунро, штат Луизиана. На следующую ночь останавливаетесь в Бирмингеме, ну а на следующий день двигай прямо до Колумбии.

– Да произойдет ли это когда-нибудь? – поинтересовался Джон. – По крайней мере, Рути Фордхэм, кажется, неплохо себя чувствует, – добавил он, стараясь взглянуть на поездку с другой стороны, если таковая, конечно, имеется. – Она отлично поладила и с матерью, и ее ребенком.

– Пусть она постоянно находится с миссис Бернвуд и ее ребенком. Ты же должен все время подстраховывать женщин и занимать комнату рядом.

Джон взглянул на путевой лист:

– Не нравится мне эта затея, вот что. Как думаешь, не выкинет ли она что-нибудь эдакое, из ряда вон?

– Бежать что ли, попытается?

– Уж очень она напугана, Джим.

Пепердайн осклабился:

– Что, понаблюдал за ней, что ли? Не смог отказать себе в таком удовольствии?

– Да здесь никакого анализа и не требуется. Любом идиот сразу увидит, что она не в себе от ужаса.

– Никуда ей не деться. Как, скажи на милость, она справится с вами двумя и удерет с ребенком на руках? Как?

– Может, ты и прав, но у этой дамочки мозги что надо. Должен сказать тебе и еще кое-что. Она лгунья.

– Лгунья? – с ухмылкой переспросил Пепердайн.

– О чем это ты?

– Я к тому, – шутливо заметил Джон, – что она мастерица рассказывать сказки.

– Уж не хочешь ли ты меня уверить, что все, что она рассказала о „Братстве“ ...

– Нет. Как раз о „Братстве“ она сказала сущую правду. И косвенные свидетельства, которыми ты располагаешь, только подтверждают ее слова. Но миссис Бернвуд, похоже, не любит раскрывать карт. Есть что-то такое, что она придерживает для себя. Нет, женщина она не простая.

– Так она же юрист.

Дальнейшую беседу приятелей прервал приход агента с пачкой документов, только что полученных по факсу. Пепердайн повернулся к нему:

– Что-нибудь новенькое?

– Ничего.

Пепердайн обернулся к Джону:

– Мы, знаешь ли, ведем рутинную проверку этой особы, хотя у нее вроде бы все в порядке. В соответствии с ее досье она весьма успешно потрудилась как общественный защитник и причинила мно-о-го волнений руководству Проспера. Исходя из интересов тех, кого она там задела, ей пришлось сильно постараться, чтобы остаться в живых.

– Так в чем же проблема? – спросил Джон, кивнув на компьютер, который, насколько он знал, был связан с национальными и международными информационными сетями по всему миру.

– Очевидно, в наш компьютер кому-то удалось проникнуть. Вирус, по всей видимости. Та информация, которую мы получаем по сетям, не имеет смысла. Вот мы и пытаемся его наладить.

– Дай мне знать, когда появится что-нибудь, имеющее отношение к делу.

Джим хохотнул:

– Доктору Макграту не терпится узнать всю подноготную пленницы, так, что ли?

– Не особенно ломай голову относительно меня, Джим. – Джон повернулся, собираясь выйти. – Старые привычки, знаешь ли, забываются с трудом. Вот и все.

– Возвращайся на прежнее место работы, когда захочешь. Я бы с радостью заполучил тебя в свой отдел.

Пепердзйн произнес последние слова абсолютно серьезно и Джон почувствовал прилив благодарности, но по-прежнему

му ответил „нет“.

– Слишком много стрессов. Мое нынешнее занятие куда спокойнее.

Туг он взглянул на карту автомобильных дорог с хорошо прорисованным маршрутом от Техаса до Южной Каролины и мрачно бросил:

– Впрочем, к данному делу это не относится.

Раскручивая цепочку воспоминаний, Джон добрался до того самого утра, когда произошел несчастный случай. Они покинули Бирмингем; Джон сильнее, чем когда-либо сердился и на миссис Бернвуд, и на ее голосистого малыша. По подсчетам Джона, они должны были въехать на территорию столицы Южной Каролины сразу же после захода солнца. Как только пассажиры разделались с легким завтраком, он под морозящим дождем торопливо повел путешественниц к ожидавшей их машине.

Чем дальше на восток они продвигались, тем сильнее становился дождь. К полудню нервы Джона расшатались дальше некуда, от постоянного напряжения за рулем заболели плечи. Джон потихоньку поругивал водителей громадных трейлеров, которые, на его взгляд, слишком быстро гнали по такой мокрой дороге. Поэтому ничего удивительного, что кто-то из водителей совершил ошибку.

Джон почти сразу заметил, что движение замедлилось и

одновременно по всем полосам. Вскоре транспорт уже тащился черепашьям шагом. Он включил автомобильную полицейскую рацию и стал внимательно вслушиваться, с растущим нетерпением вбирая переговоры полисменов о происшествии, вызвавшем транспортную пробку.

В аварию угодило несколько автомашин по причине все ухудшающейся погоды – дождь заливал весь юго-восточный регион штата и, помимо аварии, уже вызвал наводнение и прочие бедствия.

По предварительным подсчетам Джона, авария произошла на несколько миль впереди. Прочий транспорт остановили, чтобы пропустить к месту катастрофы машины техпомощи и санитарные кареты. Конечно, Джон сочувствовал жертвам разгулявшейся стихии, но еще сильнее его раздражала непредусмотренная задержка.

На переднем сиденье рядом с ним находилась Рути Фордхэм. Он сунул ей в руки карту и предложил выяснить, нет ли какого-нибудь другого, обходного пути. Одна такая дорога и впрямь существовала, но она несколько уводила путешественников от пункта назначения. Джон, правда, подсчитал, что лучше проехать несколько лишних миль нежели загорать на шоссе неизвестно сколько времени. Таким вот образом они оказались на грунтовой дороге, где хромая судьба прямо на пути положила увесистое дерево. Решение Джона свернуть с магистрали стоило Рути Фордхэм жизни. Поскольку они свернули на дорогу грунтовую, и местность вокруг вы-

глядела необжитой, позвонить из машины в офис в округе Колумбия не представлялось возможным. Что касается коротковолновой станции, то эфир заполнили команды и призывы, касающиеся происшествия на главном шоссе. Так что Джон и не пытался даже на коротких волнах связаться с нужным учреждением.

Впрочем, они останавливались на крохотном перекрестке в надежде обнаружить телефон-автомат, но на сельских дорогах обычно таксофонов не ставят. Время шло, а они даже представления не имели, куда заехали.

Сколько же времени должно было пройти, прежде чем в округе догадались об их исчезновении? Естественно, люди Джима начали разыскивать их по ближайшим госпиталям. Вероятно, уже обнаружили и тело мисс Фордхэм. Интересно, была ли у нее семья, запоздало подумал Джон. Ведь именно из-за него погибла сотрудница... Еще один труп по вине Джона Макграта.

О чем, черт возьми, он в конце концов размышляет? Конечно, врачи заштопали его как надо и это все, что он знает в данный момент.

Проклятие. Кендал Бернвуд и в самом деле оказалась умницей. Вспомнив происшедшее, Джон сообразил, что она не оставила ни единого ключа к разгадке. Ни малейшего следа. Всякому, кто возьмет на себя труд заняться расследованием, покажется, что они с ребенком просто взяли да испарились.

Тут до него наконец дошло, что голоса Кендал больше не

слышно. В ванной зашумела вода, и Джон осознал, что в его распоряжении осталось всего несколько минут. Потом женщина войдет в комнату и обнаружит, что он проснулся.

Она поступила просто гениально, выдав его, Джона, за своего мужа. По этой причине она могла вести разговор от его имени, учитывая состояние амнезии, пленившее Джона после удара о дерево. Но солгав так однажды, ей пришлось придерживаться этой линии до конца. Но и в подобной ситуации она повела себя очень мудро.

Все ответы на его вопросы выглядели безусловно правдоподобными – касались ли они свадьбы, брачной ночи и даже неверности с его стороны. Одни только сплошные факты. За исключением того, что эти факты относились к семейной жизни Кендал и Мэта Бернвуда. Придерживаясь реальных фактов, а отнюдь не изобретая новые, Кендал сплела очень приличную легенду. Умно – ничего не скажешь. Она воспользовалась его настоящим именем, чтобы не оговориться случаем. Очень, очень умная женщина.

Настолько умная, что Джону показалось – не была ли только что прошедшая ночь очередным наваждением.

Глава двадцать девятая

И еще один кошмар разбудил его среди ночи, правда, не столь пугающий, как предыдущие. Тем не менее сердце бешено колотилось, он выбрался из-под жаркой и сырой простыни и свесил ноги с кровати.

Место Кендал на кровати пустовало, но не это взволновало его. Она часто поднималась среди ночи, чтобы проведать ребенка. Обладая настоящим материнским инстинктом, Кендал мгновенно настраивалась на импульсы ребенка и просыпалась, если младенцу чего-либо недоставало. Иногда она даже предупреждала желания малыша, что всякий раз вызывало немое восхищение Джона.

Сунув костыли под мышки, он поплелся через холл в соседнюю спальню. В колыбельке никого не было, впрочем, равно как и в комнате. Неожиданно Джон почувствовал совсем не мужской приступ тоски и одиночества.

Неужели она все-таки ускользнула? Весь день казалась тихой и какой-то подавленной. Неужели в это время она планировала очередной прыжок в неизвестность?

Он развернулся кругом, огляделся, а затем побежал, если подобным словом можно назвать передвижение на костылях. Оказавшись в дверях гостиной, он неожиданно остановился как вкопанный, так что едва не упал.

В комнате царил полумрак, лишь лунный свет слегка про-

бивался через не задернутую балконную штору. Само окно оказалось распахнуто и белые крылья занавесок колыхались подобно парусу от легчайшего дуновения бриза.

Вполне возможно, что именно прохлады и искала Кендал. Она расположилась в кресле-качалке с малышом на руках, чуть приспустив с плеча ночную рубашку, чтобы было удобнее кормить. Крошечный ротик мальчика словно приклеился к ее соску. Каждые несколько секунд он совершал сосательное движение, его пухлыщечки раздувались и опадали, как кузнечные мехи.

И мать, и ребенок мирно спали.

Сейчас, вспоминая эту сцену, Джон расценивал свое импровизированное подглядывание как что-то весьма неприличное, как вторжение в чужую личную жизнь, но черт его возьми, если он был в состоянии тихонько отступить в спальню. Им двигала неутолимая жажда, всепоглощающий огонь страсти.

Даже не слишком удачная стрижка не портила головы женщины, покоившейся в кресле. Лунным светом причудливо отливала изящный изгиб ее шеи, плавно трансформируясь в таинственную тень в глубоком вырезе ночной сорочки. Джону неудержимо захотелось исследовать заманчивую долину, целуя и неумолимо углубляясь в эту загадочную впадину. Его сексуальные фантазии так разыгрались, что, сдерживая бешеный взрыв желания, он непроизвольно застонал.

В ту же секунду он подавил стон, опасаясь, что разбудит

женщину. В конце концов он уже не мальчик, чтобы стонать при виде обнаженной женской груди. Пробираясь в комнату, где отдыхает женщина, не подозревающая, что за ней следят, и пялиться на нее во все глаза здорово смахивало на юношеский онанизм.

Просто отвратительно! Он решил предпринять еще одну попытку вернуться в спальню, но снова замер на месте. На этот раз его внимание было приковано к ее губам, полным и чувственным – и таким лживым. У Джона появилось нестерпимое желание вцепиться в них своими зубами, почувствовать вкус, ощутить упругость ее груди, коснуться коленей... Наконец, ему захотелось...

Неожиданно тишину пронзил легкий свист.

Кендал, широко раскрыв глаза, посмотрела на него. Джон едва не подскочил на месте от изумления, стукнув по полу одним костылем.

В течение нескольких секунд они внимательно рассматривали друг друга, не делая ни малейшей попытки сдвинуться с места. Джон, возбужденный и взволнованный до глубины души, чувствовал себя крайне неудобно и страшно злился, что она застала его, как говорится, на месте преступления.

– Что это, черт возьми?

– Чайник, – ответила она, едва переведя дух. Она торопливо поправила лялочку и, отняв ребенка от груди, приподняла его. – Прежде чем покормить Кевина, я поставила чайник. А ты почему не спишь?

– Никак не могу заснуть – ужасно душно.

– Я заметила, что сегодня ночью ты вел себя беспокойно.

Может, хочешь чаю? – Чайник по-прежнему свистел на высокой ноте. – Чай на травках, никакого кофеина.

– Спасибо, не надо.

Она подошла поближе:

– Тогда поддержи Кевина, а я пойду заварю себе чашечку.

Сунув ребенка Джону, она продефилировала по гостиной и скрылась на кухне. Несколько мгновений он сидел не шевелясь, глядя прямо перед собой и стараясь успокоиться. Наконец он постепенно пришел в себя и в груди его проснулось какое-то странное чувство, пробивая барьер антипатии и страха.

Кевин оказался пухлым мальчонкой. Соответственно Джон не ожидал, что ребенок такой легкий, почти невесомый. Он удивился необычайно нежной коже; хотя, возможно, это всего лишь контраст с его собственной волосатой грудью.

Наконец мужчина набрался смелости и пристально посмотрел на младенца. На удивление, младенец тоже таращил на Джона свои глазенки. Тот сдержал дыхание – ведь ребенок, несомненно, сейчас закричит, ощутив незнакомые, не материнские объятия.

Вместо этого Кевин растянул ротик в широчайшем зевке, выставив на обозрение голые десенки и маленький язычок. Затем трижды пукнул, и трио крохотных взрывов легко про-

было тонкую пеленку.

Неожиданно для себя Джон засмеялся.

– Готова спорить, вы бы отлично поладили друг с другом, если бы ты не был постоянно настороже.

Джон и не заметил бы, что Кендал вернулась, если бы не услышал ее голос. Он поднял голову и обнаружил, что она внимательно изучает его, отхлебывая помаленьку из чашки, источающей тонкий аромат апельсинового чая.

– Чудесный парнишка.

– Просто прелесть и тебе известно это не хуже меня. И ты ему нравишься.

– А ты-то откуда знаешь?

– Да ведь он надувает пузыри. В хорошем расположении духа Кевин всегда так поступает.

Мальчонка и в самом деле весь исключивился и к тому же радостно махал ручонками, словно подтверждая слова матери. Джон, однако, застеснялся своей внезапной откровенности:

– На-ка, поддержи лучше сама.

Казалось, слова Джона задели ее за живое, однако она ничего не ответила, а просто поставила чашку с травяным отваром на стол и отнесла мальчика в спальню.

– Ну вот, сразу же засопел, – заметила Кендал, вернувшись в комнату. – Почему у взрослых все по-другому?

– Ну, у нас слишком всего намешано в головах.

– И что же у тебя в голове?

Джон внимал Кендал в надежде обнаружить в ее словах иронию или намек на вызов, но так ничего и не услышал. Она вопрошала вполне искренне, поэтому он решил ответить ей аналогичным образом:

– Да, кое о чем я думаю. Вернее, просто заикнулся на этом.

Ему не пришлось повторяться. Глаза ее неожиданно подернулись туманом, а голос чуточку охрип:

– Думаю, подобные мысли посещают и меня.

Джону казалось, что еще одного „нет“ он не выдержит, но от этих слов, руки сами потянулись к ее стану. Она мягко прильнула к его груди, окатив травяным настоем голые ноги. Женщина кончиками пальцев пробежалась по его груди, заплутав в колечках густых волос.

Джон отбросил костыли и зарылся лицом и руками в ее роскошную шевелюру.

Губы Кендал трепетали от жажды поцелуев. На него пахнуло травяным настоем. Проникая языком все глубже и глубже, он не переставая ласкал ее. Они целовались столь самозабвенно, что когда на секунду прервались перевести дух, она в изнеможении склонила голову ему на грудь.

– Не так долго, Джон. Я чуть на задохнулась.

– Прекрасно, – выдохнул он хрипло. – Давай на выбор – дышать или целоваться.

Тихонько посмеиваясь, она погладила плечи Джона: – Не могу поверить, что дотрагиваюсь до тебя. Я так давно хотела

этого – и так сильно...

– Дотрагивайся сколько угодно.

На самом деле он рассчитывал всего-навсего на один, только, правда, продолжительный поцелуй, надеясь таким способом утолить жажду этой женщины. Вкус поцелуя останется на губах до самого утра, поможет пережить ночь. Но подобная прелюдия – и словесная и физическая – превзошла самые смелые ожидания. Реальность оказалась куда сильнее и ярче любых фантазий. Ощущать ее, горячую как огонь, в то же время касаясь нежной, прохладной кожи – невыразимое, неземное блаженство.

Они снова слились в страстном поцелуе, она тем временем полностью подчинилась воле Джона. Тот, медленно подбравшись к подмышкам, с силой сдавил ее грудь и, воспламеняясь все сильнее и сильнее, прижался к ней всем телом.

И вдруг на секунду отпрянув, поник головой и потерял небритой щекой о ее волнующие холмики, слегка прикрытые тонкой тканью ночной сорочки. Он поцеловал их, каждый по отдельности, прямо через ткань, а затем потянулся губами в заманчивую выемку между.

Молоко и мускус – от этого можно просто с ума сойти! В душе Джона зашевелилось что-то дикое, звериное, он, не удержавшись, захватил зубами ее сосок.

– О Боже, – вырвалось у нее, и эти звуки показались ему самыми сексуальными в мире. Он осыпал поцелуями лицо и

шею и наконец застыл, прикусив в том месте, где кончались неровно остриженные волосы.

Женщина томно отвернулась лицом к стене и, забывшись, уткнулась лбом прямо в розы на обоях. Он чуть навалился на нее и, нежно поглаживая, распластал по стене. Затем, уже ничего не соображая, порывисто намотал на руку подол ночной сорочки и добрался до ее плоти. Скользнув одной рукой по животу, дотронулся до груди и принялся ее ласкать, другой же устремился в низ к промежности, стараясь проникнуть между бедер.

Там оказалось влажно. Влажно и горячо. Едва не задохнувшись от острого желания и дивясь ее податливости, он, повинуясь инстинкту, осторожно раздвинул нежные складки и медленно вошел в нее.

Теперь он знал, и знал наверняка, что сколько бы ни прожил на свете, ему не удастся найти более идеальных и чувственных ножен. Продолжая ласкать ее грудь, он все глубже и глубже проникал во влагалище пальцами. Движимая зовом неутолимой страсти, она ритмично задвигала бедрами, и вдруг, словно внутри сорвалась какая-то невидимая пружина, сжав кулаки, с силой замолотила по обоям.

Кендал кончила с тихими, пронзившими его до глубины души, стонами. Когда судороги любовного экстаза стихли, он бережно отпустил ее дрожащую плоть и заключил женщину в объятия. Она, вспотевшая и изнемогшая, доверчиво приникла к нему, продолжая постанывать от наслаждения.

Через секунду он тихонько притянул ее за подбородок и едва слышно прошептал:

– Если бы я смог, я отнес бы тебя в постель.

Кендал все поняла. Подхватив костыли, она отдала их Джону и заспешила через холл назад, в спальню. Он в нетерпении освободился от белья и скользнул под простыни.

И тут женщина неожиданно замешкалась. Даже после того, что они только что вместе испытали, сейчас она по-прежнему выглядела девственницей и неуверенно переминалась с ноги на ногу, словно и вовсе не собиралась с ним спать.

Только сегодня утром Джон понял, отчего она колебалась. За последние две недели они чуть ли не каждую минуту проводили вместе, но, в сущности, по-настоящему так и не были знакомы. Не был он ее мужем – вот в чем дело. А был всего лишь мужчиной, с которым женщина ложится в постель впервые. Где-то в глубине души он знал об этом с самого начала. Но не придавал значения этому слабому, едва слышному внутреннему голосу. Он как будто не желал слышать никаких намеков на ее счет от своего затуманенного сознания. Поэтому, не обращая внимания на угрызения совести по поводу того, что он совершает ошибку, Джон увлек ее за руку на постель рядом с собой.

– Ложись.

– А как ты... ведь у тебя гипс?

– Все будет хорошо.

Джон помог ей улечься на спину, снял с нее рубашку, не в

силах больше ждать, швырнул на пол. Потом, покрывая поцелуями грудь, живот, дошел до лона, все еще горевшего от предыдущего оргазма.

Глядя ей прямо в глаза и не в состоянии оторваться, Джон взял ее за руку и медленно потянул к себе. На какое-то крошечное мгновение она снова заколебалась, но затем; ощутив восставшую плоть, провела по ней. Еще и еще раз.

Тяжело дыша от возбуждения, он раздвинул ее бедра и опустил между ними. Он заметил светло-розовый шрам от кесарева сечения, тянувшийся к животу и уходивший прямо в светлые завитки волос на лобке. Нахмурившись, кончиками пальцев провел по шраму – точно так же, как когда-то, оказавшись впервые в этом доме:

– Ты уверена, что это... Тебе не повредит?

Она улыбнулась и ласково погладила по груди:

– Не беспокойся.

Из-за гипса на ноге ему пришлось держаться исключительно на руках. Джон с нарочитой медлительностью начал входить в нее, не сводя глаз с ее просветленного лица.

Погрузившись до самого конца, взял ладонями ее лицо и вновь страстно поцеловал в губы. Оторвавшись, наконец, от Кендал и снова заглядывая ей в глаза, он едва слышно прошептал:

– А ведь ты лгала мне.

Она быстро и озадаченно посмотрела на него.

Он начал двигаться слаженными с движениями ее бедер

толчками.

– Мы никогда прежде не знали друг друга вот так близко, – быстро, стараясь не потерять ускользающий контроль над своими чувствами, заговорил Джон. – Этого я не забыл бы никогда.

Она обняла его еще крепче и принялась извиваться.

– Ты только не останавливайся.

– Я бы тебя запомнил. И все это запомнил бы тоже. Кто ты такая, в конце концов? – прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Она выгнула спину:

– Пожалуйста, не останавливайся.

Он бы не смог, даже если бы захотел. Они уже вместе шли, неминуемо приближались к восхитительному оргазму, удивительно чувствуя плоть друг друга и подчиняясь этому чувству, что Джон уразумел раз и навсегда. Такого в жизни ему еще испытывать не доводилось.

Когда он наконец откинулся на спину, она мгновенно перекатилась к нему на грудь.

– Обними меня, – шепнула она, – обними крепко-крепко.

Джон с большим удовольствием исполнил ее просьбу. В течение нескольких недель он мечтал прикоснуться к тому, что видел ежедневно.

Трепеща от только что пережитого наслаждения, она промурлыкала ему в ухо:

– Скажи, Джон, почему с тобой я теряю всякую стыдли-

ВОСТЬ.

– А тебе и не положено меня стыдиться. Как-никак, я – твой муж.

Она ничего не ответила, потому что сразу же заснула. Интересно, а сама она поняла, что только что высказала вслух свои тайные мысли? Дала волю своей чувственности с человеком, с которым раньше у нее ничего не было, и вот теперь ей хотелось знать – почему?

Джон и сам бы хотел получить ответ на этот вопрос.

Но он не мог позволить себе копаться в собственных догадках. Ему необходимо постичь самое главное – ошеломляющий факт – как он, Джон Макграт, позволил себе вступить в близкие отношения с главным свидетелем, порученным его заботам.

Амнезия на почве травмы – очень слабое оправдание. Черт возьми, ведь он же знал, знал с самого начала что она все время лжет ему.

Однако в любом случае он с ней переспал. И это ощущение было настолько сильным, свежим, острым, будто их соитие подпитывалось электрической энергией. Ничего удивительного, что случившееся сработало в памяти, как стартер в моторе автомобиля, и Джон вспомнил, что он офицер федеральной службы безопасности.

А офицерам этой службы не полагается трахаться с женщинами, подлежащими охране. И на сей факт косо смотрят все – и сам Дядя Сэм, и агентшкки любого уровня.

Так что же теперь ему делать?

Вся его подготовка – и как психолога, и как агента ФБР, и как офицера безопасности – бесполезна в решении подобных вопросов. У него нет даже удостоверения личности, чтобы доказать свою причастность к федеральным органам. Да и кому здесь нужны его доказательства. В сущности, он даже не знал, где они.

Ко всему прочему у него перелом берцовой кости, Ну и куда, спрашивается, он дойдет на такой ноге с костылями под мышкой? Вряд ли она позволит наложить лапу на ключи от машины. Даже если предположить, что ему удастся увести ключи и завладеть автомобилем, нет никакой уверенности, что застанешь ее на месте, когда вернешься, исполнив долг федерального офицера. Наверняка у нее достаточно оснований; чтобы снова бесследно пропасть для всего света, а изобретательности и упорства ей не занимать. Так что она-то уж найдет способ улепетнуть вместе с Кевином.

И куда наконец запропастился его револьвер? Кендал как-то упомянула, что черта с два он его найдет, и до сих пор ничего не изменилось. Следовало поискать пушку, пока ее нет рядом.

Должно быть, она чрезвычайно гордится, что ничего не предоставляет воле случая, а всегда продумывает все поступки заранее. До сих пор ей не составляло труда это делать, учитывая его состояние. Что ж, сказал он себе, возможно офицер безопасности Джон Макграт был несколько не в

себе последние две недели, но что касается настоящего момента; то он снова приступил к исполнению служебных обязанностей.

Джон вылез из постели и доковылял до гардероба, чтобы взять новую пару белья. Кендал сложила его шорты очень аккуратно – отдельно от носков. Прямо, как у жены, подумал он с ухмылкой и со злостью захлопнул дверцу.

Звук неожиданно прозвучал, как пушечный выстрел в тихой обители, и Джон в недоумении нахмурился. Секунду он постоял, прислушиваясь, и с облегчением разобрал шум вновь льющейся воды в душе. На поиски оружия все еще оставалось несколько минут.

Она слишком умна, чтобы выбросить револьвер. Даже если она не собиралась пристрелить лично его, Джона – чего он, собственно говоря, не исключает, – то уж наверняка сохранила его для самозащиты. Вполне возможно, что сектанты уже давно обыскивают каждый куст в округе в надежде выйти на нее. Нет, оружие она обязательно сохранила.

Джон обыскал ящики гардероба с вещами Кендал. При этом он старался не нарушить порядок, в котором были аккуратно разложены трусики и бюстгалтеры. Не обнаружив ничего и в бюро, он повернулся к кровати и пошарил между матрасом и пружинами, хотя и не надеялся найти там что-либо, поскольку в таких местах обычно многие хранят оружие, а он в этом смысле оригинальностью не отличался.

Далее он обыскал верхнюю полку буфета, затем переме-

стился на пол. Ползая по полу, он высматривал хотя бы точку отставшие паркетные планки, где мог находиться пистолет, но тщетно. Прикроватные тумбочки также оказались пустыми.

Шум воды в душевой прекратился.

Джон почесал затылок в ощущении собственного бессилия. Что же ему предпринять? Решение непременно следует найти – и найти быстро. Немедленно.

Его первое впечатление о Кендал Дитон Бернвуд оправдалось. Женщина оказалась талантливейшей лгуньей. У нее хватило интеллекта и мужества, чтобы воплотить в жизнь самую сложную интригу, даже если для этого понадобилось убедить человека, а в сущности, ее тюремщика, в том, что он ее самый настоящий муж.

Кроме того, будучи матерью и опасаясь за жизнь ребенка более, чем за свою собственную, она готова пуститься во все тяжкие.

Но даже материнство не является оправданием в случае похищения офицера федеральной безопасности. Она нарушила столько законов, что трудно себе и представить. Его обязанность – доставить женщину, куда и кому следует. Именно это ему и необходимо осуществить. Любой ценой.

Он вошел в холл. Дверь бесшумно растворил ась. Кендал стояла в ванной спиной к нему. Ее волосы, только что вытертые насухо, смешно топорщились во все стороны. Она как раз занималась тем, что припудривала подмышки.

И напевала что-то любовное – нежное и тягучее. Он не позволил себе улыбнуться. Джон не мог позволить себе даже доброй мысли по ее адресу.

Господи, как же жить с этим дальше?

Конечно, идея неплохая. Просто необходимо так поступить. Но придется постараться, очень постараться как никогда за всю его карьеру. Или за обе карьеры.

Хотя инстинктивно, прислушиваясь к внутреннему голосу, он искренне желал остановиться, следовало заставить себя приступить к делу. Поначалу Джон боялся, что она заметит его отражение в зеркале, но этого не произошло, даже когда он приблизился на расстояние вытянутой руки. Потихоньку высвободив из-под мышки рукоятку костыля, мужчина как следует ухватился за него. Потом другой, свободной рукой, схватил женщину за плечо и рывком повернул к себе.

Глава тридцатая

– Что вы имеете в виду под словами „она пропала“? – Гиб Бернвуд, очевидно, не слишком разобрался в том, что ему сообщили. Голос его звучал угрожающе, а глаза горели зловещим огнем.

На лице адвоката Бернвудов по-прежнему не дрогнул ни один мускул. Скрестив длинные ноги и сложив длинные же, ухоженные руки на коленях, Квинси Ламар, так звали адвоката, являл собой образчик элегантности и респектабельности прирожденного жителя Юга.

Он выглядел так, словно не потел ни разу в жизни.

Великолепно сшитый костюм сидел безупречно. Манжеты французского кроя были сколоты запонками с бриллиантами, волосы напомажены, а ногти наманикюрены.

От жеманства этого человека Гиба просто выворачивало наизнанку. Он ни секунды бы не потерпел его присутствия, если бы сомневался, что перед ним наиболее изворотливый, ловкий и продажный адвокат, которого только можно сыскать. Некоторые из наиболее прожженных негодяев из Южных Штатов своей свободой были обязаны именно ему, Квинси Ламару.

– Каким образом она пропала? Когда? – спросил Гиб. – Насколько я знаю, она исчезла вот уже более двух недель назад.

– Двух недель! – взревел Гиб. – А вы сообщаете об этом только сейчас. Почему вы не сказали раньше?

– Не вижу причин кричать на меня, мистер Бернвуд. Я сообщил вам об этом сразу же, как только узнал.

Голос Ламара казался таким же нежным, как глоток выдержанного виски. И подобно этому пьянящему напитку, с ходу производил впечатление столь же безвредного. Но он мог превратиться в настоящий рокот и обрушить на совет присяжных или свидетеля противной стороны поистине смертоносный шквал.

– Миссис Бернвуд взяли под стражу в Денвере. И направили под охраной назад в Южную Каролину, чтобы она выступила на процессе против вас в качестве главного свидетеля.

– Зря я с ней развелся. Иначе юридически они оказались бы бессильны заставить ее давать показания против меня, – впервые вмешался Мэт.

– Боюсь, ее никто и ничто уже не заставит сделать это, – ответил Ламар в прежней манере, тут он щелчком стряхнул с рукава несуществующую пылинку. – Дело в том, что по дороге миссис Бернвуд от них ускользнула и...

– От них? Вы что, намекаете, что она одолела двух офицеров федеральной безопасности и удрала?

Ламар взглянул на Мэта:

– Я могу продолжать? Или вы все время станете меня перебивать?

– Прошу извинить, – коротко бросил Мэт.

Адвокат не слишком торопился ответить на вопрос.

Он выразительно посмотрел на Гиба, словно упрекая, что тот не слишком-то хорошо воспитал сына. Гибу не составило бы труда срезать адвокатишку, но он, как и Мэт, горел желанием узнать, как же все-таки Кендал улизнула от охранников.

– Одним из двух офицеров была женщина, – пояснил Ламар.

А затем рассказал им об инфекции, из-за чего власти не решились отправить Кендал по воздуху, и троице пришлось добираться до Южной Каролины на автомобиле, а значит, провести в дороге несколько ночей.

Потом он добавил, как будто раздумывая:

– Полагаю, персонал женского пола задействовали, чтобы обеспечить миссис Бернвуд соответствующие условия для ухода за ребенком.

Гиб и Мэт переглянулись, а потом как по команде вскочили со стульев. Гиб ощутил истинное удовольствие, заметив тревогу в глазах адвоката, когда ухватив того за пахнущий лавандой галстук, поволок его из-за стола.

– Что вы сказали?

Тюремщик уже вбегал в комнату, на ходу расстегивая кобуру.

– Немедленно отпустить! – заорал он на Гиба. Гиб отпустил Ламара, который тут же безвольно опустился на дере-

вянный стул, слегка отбив при этом свою костлявую задницу. Он, растерявшись, даже покрутил шеей, словно пытаясь определить на месте еще голова или нет.

– Все в порядке, – заявил он наконец охраннику, пригладив рукой растрепавшиеся волосы. – Мой клиент просто немного погорячился. Этого больше не повторится.

Охранник постоял, осмотрелся и, убедившись, что все пришло в норму и адвокату больше никто не угрожает, вышел из комнаты, хлопнув дверью.

– У Кендал ребенок?

– Девочка или мальчик? И сколько ему?

Не отвечая на вопросы, Ламар смерил Гиба немигающим взглядом рептилии, затаив тем не менее злобу.

– Если вы еще хоть раз позволите себе дотронуться до меня, я просто уйду и больше не вернусь. А вас пусть поджаривают вместе с вашими краснорожими фашистскими недобитками. Надеюсь, вы понимаете, мистер Бернвуд.

От голоса зловещей прорицательницы, которым вдруг заговорил Ламар, у кого угодно мурашки бы побежали по коже, но только не у Гиба. Ведь Гиб – это вам „не кто угодно“ – он на голову выше всех прочих. Перегнувшись через стол настолько, чтобы оказаться нос к носу с долговязым адвокатишкой, он презрительно процедил:

– Только не пытайся угрожать, ты, расфуфыренный педик. Неужто ты полагаешь, что убил меня своими модными костюмчиками, прилизанными волосами и шелковыми гал-

стучками. Да я на все это дерьмо плевать хотел. – С этими словами он вырвал из петлицы Ламара свежесрезанную гвоздику и с хрустом раздавил ее в кулаке.

– Так случится и с тобой, стоит мне только захотеть. А теперь расскажи-ка лучше подобру-поздорову все, что знаешь о моей невестке и ее ребенке, а не то я разорву тебе глотку вот этими самыми руками и использую ее куски как наживку для рыбы. Надеюсь, теперь ты понимаешь?

Квинси Ламар, известный своими способностями превратить свидетеля противной стороны в отбивную в фигуральном, конечно, смысле, – выпучил глаза от изумления. Он переводил свой обезумевший взор с Гиба на Мэта, а ледяное молчание последнего лишь усиливало впечатление от слов Гиба. Выдающееся адамово яблоко совершило судорожное путешествие вверх-вниз, дабы помочь Ламару снова обрести способность объясняться.

После некоторой заминки он продолжил:

– У миссис Бернвуд мальчик. – Он достал из атташе-кейса копию свидетельства о рождении ребенка и протянул ее Бернвудам. – Я полагаю, что ребенок...

– Ребенок мой, – уверенно заявил Мэт, увидев дату рождения. – Он мой!

Гиб обнял Мэта и похлопал его по спине.

– Я горжусь тобой, сынок. Есть в мире Божья справедливость, наконец-то у меня внук!

Однако их радость по поводу рождения наследника про-

должалась недолго. Гиб с силой ударил кулаком по столу:

– Только как быть с этой шлюхой...

Мэт повернулся к Ламару:

– Слушай, ты. Мне нужен мой сын. Делай, что хочешь, только разыщи его, слышишь? Я получил развод, понятия не имея, что она беременна. Помимо того, что она хотела меня убить, помимо того, что сбежала, она еще и скрыла беременность. Думаю, тебе нетрудно будет добиться для меня кое-каких послаблений при усыновлении.

Ламар нервно глянул в сторону Гибба:

– Будьте же разумны, мистер Бернвуд. Вы обвиняетесь в стольких серьезнейших преступлениях. Разве не следует, прежде всего, приложить все усилия к тому, чтобы оправдаться, а уж потом заняться новой проблемой? Вопрос может оказаться спорным.

– Они не смогут доказать, что мы с отцом причастны к распятию китайца, как его там... Ли. Ничего они также не докажут в деле об исчезновении некого Бамы.

– Это обвинение инспирировано недавно, но оно ложно, как и предыдущее.

– „Некий“ Бама оказался агентом ФБР, – мрачно напомнил адвокат.

– Да кто бы он ни был. У нас нет ничего общего с убийством этого парня в затылок и последующим погребением в лесу. Кстати, никто до сих пор не обнаружил его тело, так что нет уверенности в том, мертв ли он на самом деле. Мерзкий

бродяга как-то притащился к нам в город – возможно, он так же незаметно и убрался.

– А как насчет исчезновения Майкла Ли из тюрьмы?

– Совершенно очевидно, что он сбежал. Его тело тоже не материализовалось, и уверяю, не материализуется и впредь. Ведь в противном случае ему придется сесть на скамью подсудимых по обвинению в изнасиловании. Так что он преспокойненько разгуливает по белу свету, видимо, под чужим именем, в то время как папа и я сидим за решеткой по обвинению в двух убийствах, которых и в помине-то не было.

– Тогда как объяснить тот факт, что миссис Бернвуд рассказала властям совсем другую историю? – задал вопрос Ламар.

– Она заблудилась в лесу, впала в истерику и у нее начались галлюцинации. В то же время Кендал ухватилась за возможность отомстить мне за шашни с Лотти Линэм.

Гиб сжал челюсти. Обычная реакция на имя Лотти Линэм. Их связь не являлась для него секретом чуть ли не с первого дня и он считал не слишком приличным для Мэта, парня в общем-то послушного и покладистого, проявлять подобную слабость к како-то рыжей потаскухе.

Короче, Гиб все это не одобрял, но, чтобы сохранить в семье мир, на увлечение сына смотрел сквозь пальцы. В конце концов Лотти была замужем, и никаких особых бедствий связь Мэта не сулила. Такого рода бедствием Гиб, к примеру, считал незаконнорожденного ребенка и вытекающие от-

сюда последствия. И вот об этом-то он позаботился много лет назад.

Когда Гиб пронюхал о романе своего шестнадцатилетнего отпрыска с Лотти – тайном, разумеется, – он нанес визит ее отцу. Тот согласился с Гибом, что это их, отцов, дело следить за тем, чтобы детишки, у – которых еще ветер в голове, не совершили по-настоящему серьезной ошибки. За семьдесят пять долларов старик согласился подложить дочери в молоко одну-единственную таблеточку. Совершенно безвредную, уверил его Гиб, полученную лично им от доктора.

Таблетка вызвала у девочки спазмы, которые тот же самый доктор назвал приступом острого аппендицита. Взятка доктору стоила Гибу еще двести долларов плюс расходы на операцию по удалению совершенно здорового аппендикса и, кстати, на перевязку фаллопиевых труб. Гарантия того, что Лотти не произведет на свет незаконнорожденного Бернвуда, обошлась Гибу примерно в тысячу долларов. И по сей день он считал, что операция стоила этих денег.

До тех пор пока связь Мэта с Лотти не представляла угрозы законному браку и появлению на свет сына и наследника, Гиб не видел особого греха в том, что Мэт время от времени навещал свою потаскушку, когда ее пьяница-муж отсутствовал в городе.

Но он ни в коем случае не хотел, чтобы их интрижка стала достоянием общественности. Мэт Бернвуд, человек, который должен унаследовать руководящий пост в „Братстве“,

просто обязан иметь незапятнанную репутацию. В противном случае их имидж сильно пострадает. Ведь стоит только Мэту позволить нарушать строгие заповеди „Братства“, как и рядовые члены организации запросят послаблений. Интимная связь с „низкими“ людьми, равно как и с представителями других рас, считалась самым главным запретом, табу номер один.

Вот почему Гибу до смерти не хотелось, чтобы на суде всплыли шашни его сына. Вопрос о том, чтобы сохранить интрижку Мэта в тайне, приобретал, таким образом, первостепенное значение. Хотя, с другой стороны, Квинси Ламар предложил Мэту использовать Лотти в качестве алиби на ту ночь, когда Майкл Ли загадочным образом испарился из тюремной камеры, и настолько основательно, что с той поры его и след простыл.

Если миссис Линэм подтвердит под присягой, что в ту злополучную ночь была с Мэтом, это, пожалуй, поможет склонить чашу весов в пользу обвиняемого. Ламар советовал Мэту признаться в меньшем из преступлений. Конечно, супружеская неверность считалась грехом, но уж никак не наказывалась смертью. По крайней мере, в Соединенных Штатах.

Отец с сыном уже обсуждали такой вариант развития событий, но ни к какому выводу так и не пришли. Гиб решил держаться до конца и тянуть, что есть сил, но признать связь Мэта и Лотти лишь в самом крайнем случае. Сия интриж-

ка не относилась к числу лучших достижений сына, и, стань она достоянием общественности, пожалуй, после окончания процесса люди говорили и помнили бы больше всего именно об этом.

С другой стороны, Гиб был не настолько глуп, чтобы не понимать, как важно развязать защите руки. Адвокат вправду хвататься за любую возможность, дабы оправдать своего клиента, даже и выставляя его в дурном свете.

Впрочем, теперь, когда они узнали о рождении сына и внука, приоритеты стоило сменить. Да и сама суть дела словно бы менялась. Возможно даже, что твердую линию, которой придерживался Гиб против использования свидетельских показаний Лотти Линэм, следовало пересмотреть заново.

В поисках правильного решения, Гиб тем не менее краем уха вслушивался в оживленные дебаты. Словесные упражнения сына с адвокатом продолжались уже довольно долго, но так ни к чему и не привели. Гиб не преминул вмешаться и своим громовым басом перекрыл голоса обоих.

– Мой сын, мистер Ламар, настаивает на возвращении ребенка в нашу семью. Он по праву принадлежит нам и мы от своего не отступимся.

– Вот именно, – подтвердил Мэт.

Ламар утомленно поднял обе руки, словно обороняясь: – Я высказал вам много неллицеприятного, джентльмены, но для вашей же пользы. Не тешьте себя несбыточными мечта-

ми.

Слова адвоката несколько не ослабили решимость Мэта.

– Я готов на все, лишь бы вырвать ребенка из рук преступной матери. Кендал никогда не стала бы настоящей миссис Бернвуд. Из нее никогда не выйдет хорошая мать, ибо она была дурной женой.

Я предоставил ей возможность сделать карьеру и полную в этом смысле свободу действий, а она все испортила своим неуживчивым характером и постоянными склоками с коллегами. Я щедро тратился на нее и прекрасно к ней относился. Также никогда не пренебрегал своими супружескими обязанностями, – спросите кого угодно. Каждый подтвердит, что у нас был прекрасный брак.

И вот чем она отплатила. Безумными рассказами обо мне и о моем отце. Напала на мужа в его же собственном доме, ударила вазой и оставила умирать! Потом просто сбежала, а теперь, спустя год с лишним, я узнал, что у меня есть сын. Ему три месяца от роду, а я даже не подозревал о его существовании! Какое же это чудовище – ведь она даже не показала мне сына!

Квинси Ламар терпеливо дослушал взволнованные сентенции клиента, спокойно застегнул замки атташе-кейса и поднялся:

– Прекрасная речь, мистер Бернвуд. Неплохо обосновано, с чувством произнесено, я бы даже сказал – со страстью. Вам удалось убедить меня не только в том, что вы не совершали

преступлений, в которых вас обвиняют, но и в том, что вы стали жертвой неслыханного предательства со стороны миссис Бернвуд. Посмотрим, насколько успешной окажется эта стратегия при перекрестном допросе.

Он подошел к двери, давая тем самым понять, что встреча окончена. В ожидании, пока охранник отопрет, он добавил:

– До тех пор пока миссис Бернвуд скрывается и ее нельзя допросить, ни один человек не в состоянии оспорить ни слова из вашей душераздирающей истории. Когда же ее найдут, а вы, конечно же, можете себе представить, что федеральные власти в данный момент землю роют, потребуются некоторые существенные уточнения.

Он удалился; в распоряжении Гиб и Мэта осталось всего несколько секунд – потом их разведут по камерам. – Отец, у меня ребенок! Мальчик!

Гиб похлопал Мэта по плечу:

– Это действительно чудесная новость, сынок. Я просто в восторге. Но сейчас не время ликовать. К сожалению, у нас совсем нет времени. Что-то я не больно доверяю нашему адвокатишке-гомику. Он мне сразу же не понравился.

– И мне тоже. Может, дать ему отвод и нанять нового?

Гиб отрицательно покачал головой:

– Все адвокаты так или иначе некомпетентны. Ни за кого из них нельзя поручиться, даже за члена твоей семьи, – добавил он сухо. – Нам, очевидно, не следует всецело на них полагаться, ни на этого, ни на любого другого в своих делах.

Мэт озадаченно замолчал.

– К чему ты клонишь, отец?

– Настало время взять дело в собственные руки.

Лотти прочитала послание сначала раз, затем другой. Короткая деловая записка.

Затем скомкала листок бумаги и швырнула его на пол. Ругнувшись, подошла к окну и посмотрела на свой залитый солнцем дворик. Над ним, казалось, нависло – „Здесь живут бедняки“. Чарли был не только ничтожным человеком, но и плохим добытчиком. За всю свою жизнь она так и не накопила достаточно средств, чтобы привести домик и двор в порядок.

С другой стороны, чего она ожидала? Что брак самым загадочным образом вдруг превратится в сказку?

Лотти вышла из бедной семьи и останется бедной до конца своих дней. Она знала об этом. Знал об этом и Чарли. Да и Мэт не надеялся, что она станет достойной уважения женщиной. В сущности, именно по этой причине он с ней и сошелся.

Они учились в четвертом классе, когда Мэт подстерег ее на обратном пути из школы. Спрыгнул с дерева прямо перед ней, напугал до смерти и загородил дорогу.

– Думаешь, ты очень классная, да, рыжуха? – с вызовом бросил он. – Так вот, это не так. Мой папа говорит, что твои родители – бедные ничтожные людишки, хоть и белые, и я

не должен иметь ничего общего с такими, как ты.

– А я тебе скажу, что ты и твой папаша – дерьмо собачье. И я буду невероятно счастлива не иметь ничего общего с такими, как ты, Мэт Бернвуд. А теперь убирайся с дороги.

Лотти попыталась обойти его, но он сделал шаг в сторону и сграбастал ее за плечи.

– Куда это мы торопимся? – Мэт попытался ее поцеловать. Она саданула его в пах и убежала.

Несколько лет он набирался мужества, чтобы попытаться снова. На этот раз она уступила. С того дня они постоянно думали друг о друге и не спускали друг с друга глаз. При этом оба хорошо понимали, что на что-то большое и серьезное им рассчитывать нечего. Еще детьми они хорошо усвоили, что такое социальные различия и сословная принадлежность. Они стремились навстречу друг другу словно бы параллельным курсом и их пути никак не могли пересечься.

Тем не менее Лотти и Мэт предавались флирту, растравляя, сами того не замечая, зарождающуюся чувственность, которая для обоих оставалась тайной вплоть до одного прекрасного жаркого дня, когда они встретились у небольшой горной речушки. И до посинения бултыхались там в одном исподнем. Мэт предложил пари: кто из них дольше пробудет под водой.

Конечно же, выиграл он и в качестве приза потребовал, чтобы девушка сняла бюстгальтер, позволив ему полюбо-

ваться своей грудью. За его внешней грубостью и бравадой скрывалась ранимость и нежность, что пришлось ей весьма по вкусу.

Бюстгальтер был сброшен.

Мэт взглянул.

Затем взгляды постепенно переросли в касания.

Осторожное прикосновение юноши оказалось чувственным и ласковым. По этой причине она наградила его рядом привилегий, которых не достаивался больше ни один мальчишка. Довольно скоро она дотронулась и до него.

Тогда в первый раз оба чувствовали себя неуклюжими и неумелыми. Мэт очень старался, но выглядел смешно. Смешной казалась и Лотти в своих отчаянных попытках доставить ему удовольствие. Но ей навсегда запомнилась лихорадочная дрожь их юных тел, торопливое прерывистое дыхание, отчаянное биение сердец и вздохи, сопровождавшие каждое новое открытие. Их честная и безудержная взаимная тяга во многом оказалась совершенно невинной.

Теперь Лотти мрачно поглядывала на свой скудный двор и горько плакала. Тогда она любила Мэта Бернвуда до самоубвения. Как и сейчас. Как будет любить всегда. Вот почему она позволяла Мэту себя использовать. За его мужским началом скрывалась известная доля отчаяния, девушка распознала и откликнулась на его призыв, отводя сексу не самую главную роль в их отношениях.

Их взаимоотношения стали для Мэтью Бернвуда своего

рода попыткой самоутверждения. До сих пор он полностью подчинялся отцу. Жил, чтобы воплотить все надежды, возложенные на него другими. Всегда поступал именно так, как ожидалось. И только любовь к Лотти была единственным отступлением от правил.

Необходимость сокрытия их любовной связи тоже тешило самолюбие Мэта, поднималась в собственных глазах. Ведь Лотти являлась антиподом некоего идеала женщины, к которому ему, согласно кастовым предрассудкам, положено было стремиться. Будь она хоть чуточку ближе к тому слою общества, где заправляли Бернвуды, Мэт, вероятно, давно утратил бы всякий интерес. Только оттого, что она была откровенно чужда клану Бернвудов и им подобных, Мэт продолжал встречаться с ней все эти годы.

Тем не менее Лотти ни минуты не сомневалась, что Мэт, на свой лад, тоже любит ее. Хотя он, разумеется, никого не способен полюбить так, как любил отца.

Никто на свете не мог рассчитывать на такую безоговорочную преданность, с какой сын относился к Гибу.

По этой самой причине Лотти сочувствовала Кендал Дитон, столь опрометчиво связавшей свою жизнь с Бернвудом-младшим. Кендал, конечно же, начала возмущаться, выяснив, что находится на вторых ролях и в сердце мужа царит свекор. При этом она не уставала указывать Мэту на подобную несправедливость. Еще до развода Мэт частенько жаловался Лотти на невоздержанность своей жены в выражении

подобного рода чувств.

Итак, кем же все-таки Лотти была для Мэта Бернвуда? Подстилкой? Или послушной и всецело преданной любовницей?

Ответ на вопрос таился в письме, полученном ею сегодня от Мэта. Она нагнулась, подняла листок с пола и положила на стол, предварительно расправив ладонью.

Сейчас Мэт в ней по-настоящему нуждался. Куда больше, чем в прежние времена. И вероятно, такой отчаянной нужды в Лотти У него никогда уже не будет.

Она окинула тоскливым взором комнату и старую, покосившуюся мебель, испещренный пятнами потолок и пол из грубых досок, скрипевший при каждом шаге.

Какова жизнь, такова и рама, подумала она печально.

Когда Кендал исчезла из города, дело об убийстве, в котором обвинили Лотти, отложили до выборов нового состава присяжных. Ей назначили адвоката. Первым делом он потребовал отложить рассмотрение на более длительный срок под предлогом, что ему необходимо восстановить кое-какие подробности и выработать стратегию защиты. Суд удовлетворил его требование. Теперь же, перед лицом куда более важных процессов, намечавшихся в ближайшем будущем, возможно, пройдут месяцы и месяцы, прежде чем она узнает о новой дате рассмотрения своего дела.

Но Лотти хотелось разделаться со всем этим как можно скорее. Независимо от решения суда, который признает или

не признает ее виновной в убийстве Чарли, жизнь женщины все равно так или иначе превратилась в пытку. И в тюрьме она не сидела, но и свободной тоже считаться не могла.

У нее не было детей, не было мужа, наконец, не было семьи – никого, кто выразил бы ей свое негодование или поддержку. Был, правда, дом, но она считала его скорее убежищем, чем жилищем. В общем, у нее не было никакого общественного статуса.

Единственное в жизни счастье она обрела в объятиях Мэта Бернвуда. Со всеми недостатками и слабостями она все равно любила его.

Лотти еще раз перечитала письмо из тюремной камеры. Он просил ее об услуге. Но какой! Начни она помогать ему, под угрозой окажется ее собственная жизнь.

С другой стороны, принимая во внимание все обстоятельства своего печального существования, Лотти понимала, что терять ей абсолютно нечего.

Глава тридцать первая

– Они сбежали!

Эту сногсшибательную новость принес помощник шерифа, единственной обязанностью которого являлось указывать пришедшим в суд округа Проспер куда и как пройти, да и вообще служить на посылках.

В генетическом коде этого помощника бракованных генов, большинство из которых отвечало за умственную деятельность, содержалось более чем достаточно. С огромным трудом он сдавал необходимые экзамены, дабы получить свою должность, но наконец сдал и вот теперь с гордостью носил форму цвета хаки и значок высокого учреждения, которое он представлял. Тугой воротник, форменной рубашки был слишком велик для его тощей морщинистой шеи, служившей чем-то вроде постамента для крохотной головки с заостренной макушкой.

Его звали Ли Саймон Крук и он являлся двоюродным братом Билли Джо и знаменитых „двойняшек“.

Лютер Крук готовился нанести сокрушительный удар по бильярдному шару, когда Ли Саймон ворвался в заведение и выпалил сие известие. Он весь запыхался, поскольку пробежал целых два квартала, чтобы обнародовать данную знаменательную весть.

Разразившись градом ругательств, что пронзительный

возглас Ли Саймона сорвал верный удар, чтобы отыграть только что проигранную десятку, Лютер повернулся на голос и сжал кулаки:

– Ли Саймон, маленький засранец! Да я тебя сейчас в отбивную превращу. Я только что упустил отличный шанс...

– Заткнись, Лютер, – скомандовал Генри, восседавший за стойкой. – Ты что-то напел, что, кажется, кто-то сбежал, Ли Саймон?

– Они сбежали. Прямо из тюрьмы.

Лютер сграбастал кузена за рукав форменной рубашки и развернул к себе лицом.

– И кто же слинял, дурья голова?

– Б-б-б-ернвуды...

– Что за туфту ты тут гонишь?

– Богом клянусь, – тут Ли Саймон начертил на своей форменной груди нечто, напоминающее букву „X“. – Минут с десять назад все и узнал. Что там сейчас творится! Ну, пока суд да дело, я и рванул сюда.

Несмотря на то, что день был в разгаре, в бильярдном зале, как всегда, торчала небольшая группка завсегдатаев. Обычные бездельники, которые коротали время, потягивая пиво и поругивая почтовую службу, неизменно задерживавшую их пособия.

Генри, оглянувшись на присутствующих, поволок кузена в самый дальний угол, кивнув Лютеру присоединяться.

– Будешь продолжать? – спросил партнер Лютера по игре.

Лютер швырнул на сукно бильярдного стола проигранную десятку и присоединился к Генри. Теперь они вдвоем устали на родственника, которого тюкали всю жизнь. Почтенные братцы превращали всякое семейное собрание в возможность вволю поиздеваться над хлипким отпрыском третьей жены брата их отца.

Их вечные шуточки и издевательства тем не менее не изменили всегдашней преданности Ли Саймона физически более сильным побегам семейного древа. Тот факт, что близняшки почти всегда находились не в ладах с законом, казалось, только добавлял уважения к ним со стороны помощника шерифа.

– Вы же сами говорили, чтобы я держал ухо востро, – начал он, ткнув большим пальцем в ту сторону, где находился городской суд. – Ну, этим я и занимался.

– Не знал, конечно, что такое может приключиться...

– Так что же все-таки случилось?

– Они слиняли. Мэт и его старик. Рванули прямо среди бела дня.

– Как? Охранника уложили, что ли?

– Я бы сказал, возбудили, – хохотнул Ли Саймон. Что?

– Не что, а кто. Мисс Логги Линэм.

– Так... – произнесли двойняшки хором.

Эта самая Логги вдруг ни с того, ни с сего зачастила в гости к Мэту. Стала носить ему чизбургеры и сливочные пирожные из кафе. Журналы там всякие, книжки и все такое

прочее.

Он перегнулся через стол и продолжил интимным шепотом:

– Знаете, как она ходит? Да она всплывает в тюрягу, что твоя королева Шеба. Там все, как ее увидят, сразу за штаны хватаются. И охранники не исключение. Даже я. Черт возьми, мы, конечно, в форме, но под формой-то мы мужики, а?

– Да, у этой бабы сиськи, как фары у большого грузовика, – нетерпеливо произнес Лютер, – но давай ближе к делу, лады?

Ли Саймон отер рукавом слюнявый рот:

– Так вот, эта самая Лотти всплывает туда сегодня, словно принцесса какая, а на ней платье – как перчатка из лайки – ужас, до чего обтягивающее. И уж так старается, чтобы все на нее налюбовались вдосталь, включая старину Уайли Джонса.

Все больше увлекаясь, он подался всем корпусом к слушателям. В уголках рта снова закипела слюна.

– Ну, Уайли, значит, провожает ее на территорию, где происходят свидания. Тут у нее из рук вдруг падает сумочка и все, что в ней было, рассыпается. Она, значит, мигом становится на четвереньки и начинает свое барахло собирать. От такого зрелища, мягко говоря, у старого болвана Уайли чуть глаза из орбит не повылазили. Еще говорят, что у нее под платьем и белья-то никакого не было, но врут, наверное. С другой стороны, ежели подумать, то...

– Слушай, если ты не будешь говорить дело...

– Ладно, ладно. Я просто ничего не хотел упускать. – Ли Саймон с шумом втянул в себя воздух. – Вы ведь знаете, как все относятся к Гибу Бернвуду? Ну, думают, что он великий человек и все такое. Так вот, большинство охранников тоже считает, что ему просто не повезло, по этой причине его охраняют спустя рукава. Такие дела.

Значит, мисс Лотти роняет сумочку, а Уайли оставляет свой пост и мчится ей на помощь. И пока он собирает губную помаду и пакетики с жевательной резинкой, эти ребята, которых уже провели в комнату для свиданий, преспокойненько оттуда выскальзывают и забегают в женский туалет.

Тем временем Лотти нежно благодарит Уайли за помощь и говорит, таким, знаете ли, грудным голосом: „Господи, не могу же я встречаться с друзьями в таком виде!“ Начинает прихорашиваться, поправлять волосы и все такое прочее и дает понять, что ей после ползания на четвереньках нужно привести себя в порядок.

Потом, значит, заходит в тот самый женский туалет, где ее уже ждут Мэт и Гиб. Лотти запирается на крючок, они же переодеваются в шмотки, которые она там припрятала заранее. После этого вся троица выходит через выход для посетителей, забирается в машину и преспокойненько уезжает.

Несколько человек видят, как они покидают здание суда. Мэт и Гиб улыбаются им, пожимают руки, говорят, что их наконец отпустили под залог и что справедливость востор-

жествовала. И все это с невозмутимыми рожами. Короче, ни у кого ни малейшего сомнения не зародилось. У этих Бернвудов просто стальные яйца, вот что.

Уайли, бедный старый дуралей, даже не понял, что произошло. Когда все наконец просекли, что случилось, он все еще сидел в своем кресле, в ожидании возвращения мисс Лотти и вспоминая прелести, которые ему удалось разглядеть у нее под платьем. Он настолько погрузился в свои грезы, что даже не заметил, как его пленники упорхнули.

– Где они сейчас?

– Когда все это произошло?

– Погодите, ребята. Сейчас и до этого дойду. Кстати, с удовольствием промочил бы чем-нибудь свою свистульку, – сказал Ли Саймон, покосившись на стойку бара.

Генри жестом подозвал бармена, который с готовностью поставил перед помощником шерифа кружку пива.

– Не имею такой привычки пить при исполнении, но вряд ли кто унюхает среди всей этой неразберихи, что я хлопнул пивка. – С этими словами он единым махом осушил кружку. – Сам я лично не видел, но прошел слушок, что этот агент Пепердайн – вот имечко-то, а? – Когда известие о побеге докатилось до него – даже ногами затопал от ярости. Затопал и заорал, что как, дескать, такого старого идиота, как Уайли, поставили охранять государственных преступников, даже выяснял, кто лично доверил ему охрану. Говорят, если бы словом можно было убить, то все вокруг, включая и лю-

дей самого Пепердайна, попадали бы замертво, словно чурки деревянные.

– Как Лотти умудрилась вывезти их из города? – поинтересовался Генри.

– Насколько я понимаю, все считают, что Лотти запаслась еще одной машиной. Я слышал, что ее собственную машину обнаружили под мостом, ведущим на загородное шоссе, но никто не видел, как они пересаживались. Все личные автомобили Бернвудов на месте. Она, должно быть, раздобыла другую машину, но никто не в состоянии определить, какую и где. Думаю, они уже порядочно отмотали от города.

– А куда?

Ли Саймон пожал тощими плечами:

– А кто его знает?

– Хоть какие-нибудь зацепки есть?

– Ну, в суде много чего говорят. Сплетничают, по преимуществу, – тут он снова глотнул пива. – Вроде, как все считают, что Бернвуды рванули на поиски экс-жены Мэта, чтобы успокоить ее навеки. Ведь еще по этой причине Пепердайн закатил такой концерт. Она донесла, что Бернвуды якобы уколошили того косоглазого, который пропал из тюрьмы. И, кстати, утверждала, что Бернвуды и их люди отрезали желтому затейник, а потом распяли, – закончил Ли Саймон шепотом.

Генри и Лютер обменялись такими взглядами, словно удивлялись глупости двоюродного брата.

– Говорят, она удрала от двух офицеров безопасности, которые конвоировали ее в суд Южной Каролины для дачи показаний, – сказал Генри.

– Так оно и было. Никто не знает, где она сейчас. – Ли Саймон понизил голос. – Бьюсь об заклад, вы были бы не против узнать, где скрывается эта баба.

– Правильно, Ли Саймон. Ты не такой идиот, каким кажешься.

От похвалы старших сильных и умных кузенов Ли Саймон просто засиял:

– Моя мама говорит, что вы в претензии на миссис Бернвуд, что она засадила Билли Джо за решетку. И еще говорит, что ваша мама этого просто так не оставит.

Билли Джо, оправившегося от нанесенного ему увечья, перевезли в реабилитационный госпиталь, где снабдили протезом. Не успев еще освоиться как следует, он напал на одного из своих врачей. Используя искусственную руку как оружие, он нанес врачу сильный удар по голове.

На этот раз его судили уже как взрослого, вынесли обвинительный приговор и в настоящее время он отбывал срок в Центральном исправительном заведении. Злоключения Билли Джо легко было снести на счет общественного защитника Проспера, которая ухитрилась облапошить всю его семью.

– Не следовало ей доверять, – произнес Генри зловещим голосом. – Что мелкота понимает в законах?

– Ни черта, – ответил Лютер, – иначе наш братишка не

оказался бы в тюрьме.

– И сохранил бы свою правую руку.

Ли Саймон допил очередную кружку и грубо рыгнул в надежде привлечь внимание кузенов:

– Ну, мне пора двигать. Знаю, знаю, вам не терпится узнать последние новости.

Братья рассеянно пробормотали что-то вроде „будь здоров“. Лютер поднялся и пересел так, чтобы оказаться лицом к лицу с братом. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем Лютер спросил:

– Ну, что ты думаешь по поводу происшедшего, Генри?

– А ты что думаешь?

– Я первый спросил.

Генри подпер щеку рукой, словно школьник, решающий трудную задачу:

– Будет чертовски стыдно, если Гиб и Мэт доберутся до миссис Бернвуд раньше нас.

– Да, ты прав. Чертовски стыдно.

– Да я на себя в зеркало после этого смотреть не смогу! Это дело семейной чести.

– Да, здесь замешана честь семьи.

– Мы поклялись матери, что поквитаемся с Кендал Бернвуд за Билли Джо. Как она смела посягать на Круков.

– Если мы собираемся сдержать слово, данное Ма...

– Надо найти женщину раньше, чем это сделают Бернвуды. – Генри вышел из закутка бара, где они сидели, и пома-

нил брата за собой. – Давай сходим к маме и узнаем, что она думает по этому поводу.

Маме идея понравилась. Она даже прибавила кое-что от себя – то, до чего двойняшки не додумались.

Блестя глазами, Ма задала братьям вопрос:

– Кто мне скажет: как отреагирует старик Бернвуд, узнав, что мы обтяпали его дельце за него? А? У него ведь денег целая куча: права я или нет?

Генри первым понял, куда клонит Ма. Он подмигнул братцу:

– Готов поклясться, что старикан будет не прочь ради этого раскошелиться. Особенно если ему не придется отвечать на лишние вопросы в суде.

Когда всплыла история с „Братством“ и Круки узнали, что у них в глубинке действует группа сектантов, они здорово рассердились, но лишь потому, что их не пригласили поучаствовать. Сама по себе идея – очистить Проспер от разного рода цветных и иностранцев – им весьма импонировала, и они не могли взять в толк, отчего этих людей собираются привлечь к ответственности.

Конечно, они даже не догадывались, что именно судья Фаргоу приказал отрезать Билли Джо руку, дабы преподать ему и Кендал Бернвуд жестокий урок уважения к кодексу „Братства“. Не знали они и того, что сами стояли в списке жертв, обреченных на наиболее тяжкую кару за угрозу представителям клана Бернвудов, в частности, за угрозы в адрес

Кендал. Однако, поскольку для „Братства“ наступили трудные времена, члены его вынуждены были на время прекратить свою деятельность.

На удивление, клан Круков считал Кендал ответственной за свои несчастья. С того самого дня, как забрали Билли Джо, они начали вынашивать планы мести. Разбитое ветровое стекло, письма с угрозами и мертвая крыса были всего лишь цветочками.

Для того чтобы разгромить ее офис, они воспользовались помощью Ли Саймона. Это он позволил проникнуть в здание мстительным двойняшкам. Взамен братья предоставили помощнику шерифа женщину, которая за двадцать долларов согласилась провести с ним целую ночь. Братья решили, что с него и этого достаточно: кузен же был вне себя от счастья.

Их „план“, преимущественно разработанный Ма, состоял в том, чтобы неустанно преследовать миссис Бернвуд и в подходящий момент имитировать „несчастный случай“. Лишь она одна, да и то за несколько мгновений до смерти, должна была узнать, что Круки ей отомстили.

К сожалению, прежде чем „план“ удалось привести в исполнение, миссис Бернвуд покинула город и скрылась в неизвестном направлении. От огорчения Генри и Лютер надрались до чертиков и, чтобы расслабиться, сожгли стог сена.

Впрочем, клятвы о мести они не забыли. Их ненависть к Кендал не остыла даже за год. Когда выяснилось, что Кендал в Колорадо схватили и везут назад в Южную Каролину, ра-

дости братьев не было предела. Они отметили событие, снова надравшись в стельку и дефлорировав свою двенадцатилетнюю племянницу.

Едва они оправились от похмелья, как выяснилось, что их доброжелательница сбежала от конвоировавших ее агентов безопасности и в настоящий момент снова бесследно исчезла. И вновь двойняшки погрузились в глубокое отчаяние.

И вот теперь новость, которую принес Ли Саймон, в очередной раз реанимировала их жажду мести. Мама тут же придумала, как братья заодно с этим и кошельки наполнят. Они собрались на кухне за бутылкой ржаного виски, дабы отметить будущее процветание клана Круков, а также обсудить все детали.

– Но я слышал, что у нее ребенок, – отметил Лютер, намурив брови. – После того как мы шлепнем мамашу, что нам делать с ребенком?

Мама закатила сынку звонкую оплеуху:

– Болваны! Разумеется, вернете ребенка старику Бернвуду. Вероятнее всего, он заплатит вдвое, лишь бы заполучить своего внука.

Братья радостно ослабились. Да, когда доходило до дела, их мамаша давала просто гениальные советы. Кто скажет, что это не так?

Глава тридцать вторая

– Это ребенок?

– Что? – вздрогнула Кендал.

– Мне кажется, Кевин плачет.

– Сегодня он спал дольше, чем я предполагала, поэтому жаловаться не приходится.

Она встала и натянула халат.

– Ты не возражаешь, если я принесу его сюда?

– Сюда... Нет.

Интересно, чем объясняется антипатия Джона к детям, думала она, направляясь в комнату Кевина. В одном из ночных кошмаров, он умолял Пепердайна заставить их замолчать. Сделать, так, чтобы дети не плакали. Он что, во сне слышал детский плач? И каким образом такое отношение к детям связано с его работой? Что за жуткий сон продолжал терзать его по ночам?

Впрочем, это лишь малая толика вопросов, которые она задала бы ему при других обстоятельствах. Так уж случилось, что его амнезия, служившая не слишком, правда, надежной защитой от разоблачения, создала при этом барьер, который сводил к нулю все ее попытки выяснить что-либо о самом Джоне.

Кендал ничего не знала о его предыдущей жизни. Не знала даже день его рождения, или имя его отца.

Джон оставался для нее совершенно чужим человеком, и в то же самое время – очень близким знакомым.

Она ощущала любые нюансы его голоса, замечала самые незначительные перемены тембра, но не имела ни малейшего понятия о том, что он любил, или во что верил. Она знала каждую морщинку и шрам на его теле, но не имела представления, где и как он эти шрамы получил. Кончиками пальцев Кендал исследовала каждую складку на его коже, но понятия не имела, сколько других женщин могли похвастаться тем же.

Вполне возможно, что он даже женат.

Кендал поспешно отогнала все эти не слишком приятные и досадные мысли. Она не позволит себе думать о той, кого он, возможно, любит. Любит и предает тем, что спит с ней. В любом случае он не ведает, что творит, находясь в болезненном состоянии, решила она.

Вина целиком лежит на ней, и она приняла этот факт. Она назвала его своим мужем, пользуясь моментом, думая лишь о том, как выиграть время, чтобы бежать. Кендал не хотела ни похищать его, ни жить рядом с ним в течение нескольких недель. И уж тем более не рассчитывала на перемену в характере, на то, что он станет относиться к ней по-иному, то есть дружелюбнее.

И, конечно же никак не рассчитывала, что влюбится. Наутро после той первой ночи близости, женщина почувствовала нарастающую панику. Он тихонько подкрался к ней, ко-

гда она стояла в ванной комнате. Он грубо схватил ее за руку и развернул к себе лицом. Глаза его горели злобой, и в тот момент она ничуть не сомневалась, что к нему вернулась память.

Но потом выяснилось, что зловещий блеск в глазах, который она поначалу приняла за проявление ярости оказался живым огнем страсти. Мужчина поцеловал с силой, но любовно, и тогда ее волнения улеглись. Джон не стал бы пренебрегать своей службой. Она точно знала, что когда к нему вернется память, он будет вне себя от ярости. Сделает все возможное и невозможное, лишь бы только вернуть ее в Южную Каролину. Все ясно, как дважды два, но ей не хотелось об этом думать.

Перепеленав Кевина, Кендал вернулась в спальню, прихватив ребенка с собой. Джон, приподнявшись на локте, внимательно наблюдал, как она подносит младенца к груди. Крошечным кулачком Кевин тыкал в нее, в то время как ртом слепо пытался нащупать сосок. Она направила его и младенец тут же жадно при сосался.

– Ненасытный маленький котенок, – тепло отозвался Джон.

– Просто здоровый аппетит.

– Отчего тебе делали кесарево?

Кендал погладила Кевина по головке.

– Он пытался доказать свою независимость еще до рождения, – ответила она с улыбкой. – Отказывался занять пра-

вильное положение в родовых путях. Акушер попытался перевернуть его, но с Кевином этот номер не прошел. Полагаю, он вырастет тщеславным, поскольку не захотел, чтобы ему испортили на удивление правильную форму черепа.

Немного поколебавшись, Джон протянул руку к младенцу и коснулся виска. Он ощутил сильное биение пульса под нежной, почти прозрачной кожей. Потом, словно шлемом, накрыл ладонью всю головку младенца, стараясь быть предельно осторожным.

– Очень симпатичный парнишка.

– Спасибо.

– Похож на тебя.

– Правда?

– Правда. А ты – красивая женщина.

Их глаза встретились.

– Ты на самом деле так считаешь?

– Да, конечно.

– Волосы особенно хороши, ага?

Он взглянул на коротко и неаккуратно остриженные пряди:

– С твоей легкой: руки пойдет новое: направление в моде.

– Причесочка в стиле Джона Дира.

– А это еще кто такой?

– Не имеет значения. – Ответила она и засмеялась.

– Вот именно. Не имеет значения. Тебя ничуть не портит.

Она знала, что, он не лукавит. Ее же пленяла его красота.

Не классическая, конечно, но правильные и мужественные черты лица – от выразительных бровей до четко очерченной линии подбородка не оставляли ее равнодушной.

В сущности, Кендал и сама не могла понять, что в нем такого особенного. Джон был, полной противоположностью Мэту, который, как она когда-то думала; являл собой чистейший образец мужской привлекательности.

Высокий, стройный и холеный Мэт... Джон примерно такого же роста, но во всем его облике чувствовалась большая тяжесть, большая основательность. В отличие от, Мэта, у Джона были темные волосы с проседью. В дпородистом лице Мэта, в абсолютно симметричных его чертах, не хватало изюминки, какой-то легкой дисгармонии. На изрезанном, морщинами лице Джона отпечатались жизненные невзгоды, но за всем этим угадывался настоящий, сильный характер.

И еще ей нравились его глаза – загадочная гамма зеленого и коричневого. В зависимости от состояния души, цвет их менялся, словно в калейдоскопе.

Он часами сохранял невозмутимое спокойствие; тем большую цену приобретали его редкая улыбка и короткие шутки. Его мрачноватый характер Кендал относила насчет трудного детства, догадываясь, что ему тогда, почти не перепало заботы и тепла. Джон стеснялся выражать свою симпатию и оттого казался несколько неуклюжим и неотесанным в общении. Однако способный на очень глубокие чувства, он ни секунды не колеблясь, защищал бы их с Кевином. Она не

сомневалась, что офицер готов на все, лишь бы спасти ее и Кевина от любой напасти.

Суровый, но тем не менее удивительно мягкий, Джон явил свою удивительную сущность прошлой ночью, когда глаза его лучились теплом и обволакивали, словно утренний туман.

Хриплым от волнения голосом он спросил:

– Ты проделывала это раньше?

– Проделывала что?

– Ну, минет?

Она мгновенно зарделась и уткнулась ему в плечо, потом утвердительно кивнула.

– А почему бы и нет?

Правда, набравшись смелости, она затем гордо подняла голову:

– Зато раньше без всякой охоты.

Долго, очень долго и пристально он смотрел на женщину, затем, пробормотав что-то, крепко обнял и положил ее голову себе на плечо.

Спустя какое-то время она чуть смущаясь, спросила: – Я делала что-то не так, да?

В ответ он только сладко вздохнул:

– Ну что ты, это было просто восхитительно.

Он все еще сжимал ее в объятиях, поглаживая спину и бедра и тем самым возбуждая. Наконец он приподнял Кендал и вошел в нее снизу.

– Я раньше никогда так не делала, – заметила она, чуть дыша.

– А тебе и не надо ничего делать. Подчиняйся только своим желаниям.

Он погладил ее по голове, задержался на шее, изучил ключицы, плечи, а потом спустился ниже и остановился на сосках. Он то ласкал, то сдавливал их, поглаживая при этом и роскошную грудь до тех самых пор, пока она сама не начала ритмично двигаться.

– Боже, – прошептал Джон, обхватив руками ее бедра, чтобы поддерживать и направлять.

Но вот он проник между их горящими от страсти телами и осторожно, кончиком пальца принялся за крохотный бугорок ее лона – Кендал показалось, что она сию минуту просто умрет от пронзившего ее наслаждения.

Откровенно говоря, теперь женщину обуяла безграничная радость – и не только физическая. И Кевин и Джон находились рядом, и она едва не поверила, что они втроем и в самом деле одна семья.

Именно этого она желала больше всего на свете, но никогда не имела – любящего мужчину и ребенка – иными словами – обычную семью. Казалось, судьба надумала лишить ее этих простых человеческих радостей, и вот, ей приходится играть в семью, как когда-то в детстве в „дочки-матери“. Пока. Временно.

Вряд ли это продлится долго. В любой момент приду-

манный мир может рассыпаться в прах. К Джону, например, неожиданно вернется память. Или полицейские, наконец, вычислят-таки место, где она скрывается, и вот-вот ворваться, высадив двери, чтобы арестовать ее за похищение агента безопасности. Или самое худшее – на ее след нападут Бернвуды.

Бернвуды – прирожденные охотники – и знают, как выслеживать дичь. Трофеи их охотничьих подвигов украшали многочисленные залы и комнаты дома Гиба.

Сейчас Кендал весьма смахивает на этих бедных тварей, что оказались на мушках их карабинов. Она страшилась стать очередной жертвой, но больше всего боялась, что в дьявольские лапы угодит Кевин.

В любом случае хорошего конца у походов не предвидится. Самое лучшее – ей удастся сбежать от Джона, никогда больше его не видеть и оставаться в бегах до конца своих дней.

А по этой причине следовало оставить Джона именно сейчас, пока к нему не вернулась память. Как только охранник узнает, что она – безвсякого желания с его стороны – превратила большого и сильного мужчину в марионетку, в участника этого представления, то он возненавидит ее. Действительно, беспрецедентный случай – она заставила Джона ухаживать за ней и за Кевином, заранее зная, что скроется, пропадет, оставив его лицом к лицу со всеми последствиями придуманной интриги. Он осудит её, как профессионал, от ко-

торого сбежала пленница, но, что еще хуже, возненавидит как человек, как личность, которую обманули из лучших побуждений.

Кендал надеялась, что в этот момент она будет уже далеко и ей больше ни разу в жизни не придется смотреть ему в глаза. Такого ей, пожалуй, не вынести. Но, возможно; Господь надоумит его, что их любовные отношения, не были всего лишь эпизодом задуманной интриги.

Но как, как оставить, когда он смотрит на нее такими любящими глазами? Как сделать это, когда Джон – вот прямо сейчас, при касается к ее щеке и они вместе погружаются в глубокий, нескончаемый поцелуй?

Чтобы он не ощутил ее рыданий, неожиданно подступивших к горлу, Кендал, изо всех сил вцепившись ему в волосы, постаралась вложить в поцелуй весь трепет своей любви пополам со страхом. Наконец они оторвались друг от друга, и Джон заключил в объятия не только ее, но и Кевина, лежавшего рядом. Как ей хотелось, чтобы это объятие, включавшее в себя всех троих, длилось вечно.

Но это невозможно. Ей просто необходимо от нею сбежать. Просто необходимо. Но не сейчас.

Глава тридцать третья

– Как ты думаешь, Мэт, что с нами произойдет? Чем все это кончится?

Он провел рукой по соблазнительному изгибу бедра Лотти:

– Не волнуйся ты так. Папа обо всем позаботится.

Она отпрянула от него и уселась рядом:

– Ну как мне не волноваться, Мэт? Я нарушила закон. Я в бегах.

– Отец так или иначе все устроит.

Она взъерошила его густые волосы и презрительно расмеялась без всякого снисхождения:

– Твой отец – маньяк, Мэт. Разве ты не видишь?

– Ш-ш-ш! Он услышит!..

Мэт нервно взглянул на стену, которая разделяла их номера. Местечко было еще то: сплошь, состоящее из похожих на клетки затрепанных комнатушек с тонюсенькими стенными проемами и вытертыми до дыр коврами. Короче, заведение вроде тех, где встречаются любовники, у которых туго со средствами.

Мэт, впрочем, не считал, что они с Лотти какие-то там любовники. Это всего-навсего продолжение давнишней связи, которая началась, когда у мальчика зачесалось в одном месте. Он и представить себе не мог, что девочка, к которой

поначалу его просто влекло, со временем превратится в любимую женщину.

Два дня назад к длинному списку преступлений, в которых его обвинили и которые он совершил, прибавился побег из тюрьмы, но Мэт в жизни не чувствовал большего счастья. Он был с Лотти. И совершенно открыто. Даже с разрешения и ведома отца.

Он неожиданно понял, что со своей верой в отца казался наивным, и ей и всем окружающим. Но он и в самом деле верил, что отец в состоянии разрешить все проблемы. Ведь отец сказал, что все берет на себя, а слово отца ценилось на вес золота. Тот никогда не ошибался. Насколько Мэт помнил, отец всегда и во всем оказывался прав: Он был истинным воплощением американского супермена.

Как и дедушка Бернвуд. Мэт его не знал, зато весьма и весьма был наслышан о нем как, о несравненном солдате. Гиб знал все до последней детали о подвигах своего отца на Южном Тихоокеанском фронте, особенно о том, как он выжил в условиях подавляющего превосходства противника.

Итак же, как его отец, верил, что дед – рыцарь без страха и упрека, равно и Мэт безоговорочно доверял Гибу. Тот ни разу не направил его к дурной цели.

Но, с другой стороны, он, возможно, неверно оценил Кендал.

Гиб буквально заставил его жениться. Он заявил, что Кендал будет превосходной ширмой для деятельности „Брат-

ства“. С ее помощью они выйдут на тех, кто разлагает основные американские ценности, и со временем их уничтожат.

На самом же деле его женитьба на общественном защитнике, которую они – ошибочно – считали продажной, оказалась настоящим бедствием. К сожалению, не учли вольнолюбивый характер Кендал. Из нее не получилось марионетки, как рассчитывали Бернвуды, но даже Гиб был не в состоянии этого предусмотреть.

Мэт, тем не менее уразумел, что, по всей видимости, остальные не понимают Гибя. Тот вечно всегда и везде хотел быть первым. Когда же дело касалось личных обид, он обладал поистине бездонной памятью – никогда ничего не забывал и никогда не прощал. Единожды поссорившись с кем-либо, Гиб становился заклятым врагом на всю жизнь.

Стоило же ему что-нибудь задумать, как он неукоснительно начинал претворять это в жизнь, причем с упорством, скорее напоминавшим упрямство.

В глазах Мэта все эти качества перерастали в достоинства. Все дело во взгляде. Если некоторые Господа считали Гибя радикалом; Мэт, наоборот, Воспринимал отца как человека преданного идее, отважного и с богатым внутренним миром. Гиб никогда не менял привязанностей и не отступал от собственных убеждений. Мэту хотелось бы хоть на йоту походить на своих отца и деда.

Хотя, если бы Мэт оказался столь же сильным, как его отец он вряд ли полюбил бы Лотти. Этой слабости он не мог

и не хотел противостоять.

– Пожалуйста, не грусти, – прошептал он и потянулся к ней снова. Поначалу она сопротивлялась, но потом уступила требовательным поцелуям.

Он поцеловал ее в затылок и подумал, насколько хорошо он знает и любит этот запах. В Лотти ему нравилось все. Сколько раз он любящими глазами изучал ее тело, но так и не нашел ни единого изъяна. Она была безупречна.

Вот только бесплодие... Будь у Лотти все нормально по этой части, он, возможно, топнул бы ногой, заявил бы отцу, что она – та самая женщина, которая ему нужна, и женился бы на ней еще пять лет назад.

Она печально улыбнулась:

– Ты просто этого не замечаешь, Мэт, верно?

– Не замечаю чего? Твоей красоты? Очень даже замечаю.

Всякий скажет, что ты красавица.

– Да не об этом речь. Я хочу сказать, Мэт, что тебе постоянно пудрят мозги, а ты этого даже не замечаешь. – Она поколебалась, а затем добавила: – Слушай, Мэт, это правда, что о вас говорят? Вы вроде бы убиваете людей в сопровождении всяких там ритуалов? Вы что, на самом деле распяли этого Ли?

Он успокоил ее поцелуе:

– С этими делами мы никоим образом не связаны.

– Я говорю о тебе лично.

– Что бы мы ни совершали, все делается с Божьего благо-
словения.

– Значит, это правда, – сказала она, застонав. – Господи,
Мэт, разве ты не понимаешь, что мы в двух шагах от бездны?

Он нежно поцеловал ее в кончик носа:

– Ты пессимистка.

– А ты – дурак.

– Если ты и в самом деле в этом уверена, то почему по-
могла нам бежать? Отчего присоединилась?

Она вновь взъерошила ему волосы и вдруг до боли вцепи-
лась в его шевелюру.

– Ты идиот. Обыкновенный несчастный тупой и красивый
идиот. Мэт удивился, увидев в глазах Лотти слезы. – Един-
ственной радостью, которую я знала в этой поганой жизни,
стала любовь к тебе. Поэтому, сколько бы ни продлилось
наше существование, я буду продолжать любить тебя. Она
улеглась на матрас; и потянула его за собой.

Лотти выключила воду в душе и потянулась за тоненьким
вытертым гостиничным полотенцем. Неожиданно она по-
чувствовала, что сзади кто-то есть. Она повернулась и сдав-
ленно вскрикнула.

– Доброе утро, Лотти – произнес Гиб, – как спалось?

– Что, вы здесь делаете?

– Ну конечно же, спала прекрасно. Утомилась, так ска-
зать, после приятно проведенной ночи с моим сыном.

Лотти, как могла прикрылась полотенцем, от страха у нее

зуб на зуб не попадал.

– Убирайтесь отсюда. Если Мэт вас здесь обнаружит.

– Не обнаружит. Насколько тебе известно, он отправился за кофе и бутербродами. Прежде чем уйти, он зашел ко мне, чтобы справиться, что я хочу. Он был всегда таким покладистым, любящим сыном. Во всем меня слушался, только вот с тобой пошел наперекор.

Гиб поблагодарил Лотти за ее отчаянные усилия в их с сыном освобождении и похвалил за проявленные хладнокровие и мужество.

Впрочем, в его похвалах не чувствовалось тепла, не было тепла и в глазах, когда он говорил. Лотти была мелкая дрожь, и не только оттого что она, не успев вытереться продрогла. На самом деле она испугалась.

В присутствии Гиба Бернвуда по коже Лотти всегда пробегали мурашки. Еще маленькой девочкой, однажды отправившись с отцом в супермаркет, она ощутила что-то сродни неприязни при встрече с Гибом. Неприятие носило характер инстинктивный, скорее даже животный. Подобно щенкам, которые вдруг с непонятной антипатией воспринимают одного из своих братьев, так и она с необъяснимым отворачиванием, относилась к Бернвуду-старшему, правда, знала, что все остальные думают иначе.

Теперь, после разговора с Мэтом нынешней ночью, она поняла, отчего невзлюбила Гиба. Этот злой супермен подчинил себе собственного сына и неустанно навязывал ему свое

человеконенавистническое кредо в основе которого лежало насилие в чистом виде.

– Я бы хотела одеться, с вашего разрешения, – попросила – стараясь говорить спокойно и ровно. Гиб, обладавший инстинктом охотника, с легкостью распознал бы ее страх.

– С чего бы это? Кажется, ты всегда гордилась своим телом. По крайней мере, выставляла его напоказ моему сыну в течение многих лет, заставляя сгорать от желания; – и тебе это нравилось. С какой стати ты вдруг решила сейчас изображать скромницу?

– Послушайте, я не понимаю, к чему Вы клоните, но мне это не по душе. Думаю, не понравится и Мэту.

– Я сам знаю, что для Мэта лучше.

– Особенно то, что Вы превращаете его в сектанта-убийцу? И это называется „делать для сына все, что только в ваших силах“? И это называется любовью?

Он с силой хлестнул ее тыльной стороной ладони по лицу. Женщина отшатнулась и оперлась на холодный кафель, чтобы не упасть. Мир перед ее глазами взлетел золотистыми искрами, отдаваясь в мозгу острой болью.

– Ты, шлюха. Кто ты такая, чтобы разыгрывать святошу в моем присутствии? – Он схватил ее за плечи и силой толкнул, заставляя встать на колени.

– Пожалуйста, – прошептала Лотти, – не надо. Умоляю...

Она знала, что просить Гибя о снисхождении бесполезно, Поэтому, закрыв глаза, стала молиться. Впервые в жизни

ни. Она уповала на Господа, чтобы тот лишил ее сознания и способности чувствовать.

Но Гиб схватил Лотти за волосы и рывком задрал ей голову вверх. Боль и унижение оказались столь сильными, что стало ясно – обморока не будет:

Следуя советам Гиба, Мэт вошел в переполненный продовольственный магазин, где и продавцы и покупатели были слишком заняты своими делами, чтобы обращать внимание на окружающих.

Он наполнил горячим кофе три термоса в баре самообслуживания и купил полдюжины бутербродов. Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

Отец, как всегда, прав.

Дверь в комнату мотеля он открыл своим ключом.

– Привет, отец, – сказал он, увидев, что Гиб сидит посреди комнаты на единственном в номере стуле. – Я не ожидал застать тебя здесь. Как ты и сказал...

Он дико закричал и выпустил из рук пакет с продуктами. Крышки с термосов соскочили, и горячим кофе Мэту обожгло ноги, но он даже не почувствовал боли.

– Закрой дверь, Мэт.

Тот в страхе смотрел на кровать, где, нагая, раскинув руки, лежала Лотти. Она была мертва. В широко раскрытых остекленевших глазах застыл ужас, а горло зияло широкой резаной раной. Рана оказалась свежая – оттуда по-прежнему

текла кровь, и простыни уже насквозь пропитались. По-видимому, сначала кровь была фонтаном, поскольку даже стена за кроватью, была испачкана, а картина с яблоней в цвету над изголовьем выглядела безнадежно испорченной.

Гиб встал, обошел сын, застывшего на месте, словно в столбняке, и спокойно прикрыл дверь. В одном из термосов кофе еще оставался. Он поднял его с пола, налил себе чашечку и невозмутимо отхлебнул.

Мэт рванулся вперед и рухнул бы прямо на мертвое тело Лотти, если бы Гиб не схватил и не оттащил его назад.

– Другого выхода не было, сын, – произнес он бесстрастно и рассудительно, – и ты преотлично это знаешь. Она хладнокровно убила собственного мужа. Обвинила его в попытке изнасиловать и пристрелила во сне. Что же влечет за собой подобное деяние? Какой пример для молодых? Если каждая женщина, над которой муж возжелает осуществить свое законное и Богом данное супружеское право, начнет стрелять почему зря?

„Братство“ уже вынесло ей смертный приговор, и только твое ходатайство – которое, кстати, не делает тебе чести, – помогло отсрочить казнь. Но все равно смерть ее была predetermined. В сущности, я оказал ей услугу, она не мучалась и умерла, занимаясь тем, что, любила больше всего на свете.

Мэт посмотрел на отца такими же ничего не видящими, как у Лотти, глазами.

– Именно так, сын. Она умерла, когда я лежал на ней. Я

испытал ее, как когда-то сатана испытал нашего Господа в пустыне. Но, в отличие от Христа, она не выдержала искушения. – Он перевел взгляд на мертвое тело.

Мэт промолчал. С тех пор как он увидел Лотти бездыханной, он не издал ни звука.

– Причитая и взвизгивая, как потаскуха, – продолжал Гиб, – она отворила для меня свои ноги. Она ослабила меня и заставила согрешить, как расслабляла тебя все эти годы. Ты даже можешь увидеть, как в ее вместилище мое семя перемешалось с твоим. Только самое низкое существо способно на подобную мерзость.

Мэт не мигая смотрел на непристойно раскинувшееся на кровати тело. Гиб положил руку на плечо сына:

– Она была порождением дьявола, Мэтью. Исчадием ада. Если бы я не остановил ее, она продолжала бы вводить в грех мужчин и развращать тебя. Нельзя было больше это терпеть.

Мэт сглотнул:

– Но отец...

– Подумай о сыне. Скоро он окажется с нами. Мы не могли позволить, чтобы она испортила и его тоже.

– Она... она бы не стала. Лотти была хорошая.

– Ах, Мэт, как ты ошибаешься. Знаю, тебе трудно сейчас согласиться, но со временем ты поймешь, что я прав. Вспомни, как нелегко нам было привести в исполнение приговор в отношении твоей матери!

МЭТ молча кивнул.

– А ведь я любил эту женщину, сынок. Я страстно любил Лорелейн, но она перешла границы дозволенного. Узнав правду о „Братстве“, она хотела разоблачить нас перед теми, кто не понимал выпавшей на нашу долю миссии. Пришлось заставить ее замолчать, Мэт. Я плакал. И ты плакал тоже, помнишь?

– Да, сэр.

– Болезненная, но необходимая операция. Уже тогда, будучи еще мальчиком, ты осознал необходимость содеянного. Разве не так, сын?

– Да, сэр.

– Со временем боль ослабла, а ведь я предупреждал тебя, что так оно и будет. Твой дух восстановился. Ты научился не слишком скучать по матери. Поверь, сынок, тебе станет намного лучше без разлагающего влияния этой женщины. Вполне вероятно, если бы не вмешательство этой шлюхи Линэм, твой брак с Кендал сохранился бы, и мы не оказались бы в столь затруднительном положении.

– Я верил, что в свое время, усвоив и осознав цели и задачи нашего движения, Кендал примет „Братство“ всей душой. Но гордость не позволила бы ей принять Лотти. Никогда. И вполне справедливо. Ведь ты изменял ей, сынок, но не по своей воле, уж я-то знаю. – Он ткнул пальцем в сторону лежащего на кровати трупа. – Ее тело было создано дьяволом, дабы разжигать твою похоть, и вся вина за адюльтер лежит на ней. Она искушала тебя и лишала возможности к сопро-

тивлению. Так что не стоит по ней убиваться.

Он похлопал Мэта по спине:

– А теперь давай-ка перенесем вещи в машину. Нельзя допустить, чтобы эта тварь помешала тому, что должно быть сделано – возвращению твоего сына.

Глава тридцать четвертая

Дом находился на почтительном расстоянии от дороги, и добраться до него можно было только по узкой аллейке, крытой гравием и обсаженной по сторонам деревьями. Их кроны широко раскинулись над дорожкой, образуя почти непроницаемый для света шатер.

Как убежище, дом, располагаясь в удачном месте, подходил почти идеально.

Стояла глубокая ночь. В течение часа или дольше на дороге не появился ни один автомобиль, выключив фары, они несколько раз проехали мимо входа в аллею, потом вернулись и за глушили двигатель. Некоторое время посидели молча, пытаясь определить, знают ли в доме, что кто-то подъехал. Прошел час. В доме не наблюдалось ни малейшего признака жизни.

– Думаешь, она здесь?

– Пока не войдем – не узнаем. Вряд ли она станет выставлять свое присутствие на показ.

Под покровом ночи они выбрались из автомобиля и начали осторожно пробираться вдоль аллеи, отводя ветки руками. Две высокие тени среди мириад дрожащих ночных теней. Ярдов за тридцать до двери присели и еще раз визуальное обследовали дом, ранее принадлежавший Элви Хэнкок, бабушке Кендал.

Вынув карманные фонарики, чтобы в случае чего послышались, молча двинулись вперед. Один метнулся, широко забирая влево, другой побежал направо. Оба старались держаться в тени деревьев и не показываться на открытом месте. Обогнув дом с разных сторон, они сошлись на заднем дворе у небольшого сарайчика.

– Слышал или видел что-нибудь?

– Тихо, как на погосте.

– Это вовсе не значит, что их с ребенком там нет.

– А Макграт?

– Кто его. Знает?

Они в нерешительности посмотрели друг на друга.

Наконец один спросил:

– Ты готов?

– Пошли.

Они собрались было вскрыть замок черного входа, как вдруг обнаружилось, что дверь отперта. Она только слегка скрипнула и без малейшего усилия распахнулась.

Гости беззвучно вошли в коридор и оттуда проникли на кухню.

Насколько они могли разобрать в темноте, кухонька была, как конфетка – все тарелки тщательно перемыты, ни малейшего беспорядка на стойке. Один из мужчин открыл холодильник, посмотреть, что внутри, но там в тот же миг зажглась лампочка и загудел мотор. Пришлось быстро закрыть дверцу.

Кендал тотчас встрепелулась и села на постели.

– Что это было?

– Что?

Что-то встревожило женщину, и она проснулась от страха, но без видимых причин.

– Слышал? – прошептала она.

Джон приподнял голову и прислушался, но в доме стояла мертвая тишина.

– Ничего не слышал. На что это смахивало?

– Не могу сообразить. Извини, что разбудила. Скорее всего мне приснилось.

– И напугало.

– Наверное.

Он приподнялся на локте и погладил ее обнаженное плечо:

– Малыш в порядке?

– Все хорошо.

Они оставили Кевина с собой, после последнего кормления Кендал. Он так и заснул, свернувшись калачиком на подушке у ее груди. Кендал же лежала, ощущая пресс и чресла Джона. Он обнял ее и покрепче прижал к себе. И тогда Кендал постаралась расслабиться – рядом с Джоном она чувствовала себя в безопасности.

Тем не менее она ничуть не жалела, что как следует спрята-
ла револьвер Джона. Она ненавидела оружие. Посмертная

маска Бамы, иногда всплывая в памяти, мрачно напоминала ей, что несет с собой один лишь выстрел. Хотя Мэт неоднократно пытался научить ее обращаться с пистолетом, Кендал так ни разу и не нажала на спусковой крючок.

Но приведишь ей спастись Жизнь Кевина или Джона, она, без сомнения, выстрелила бы и даже убила.

Они уже бродили по дому минут пять, из осторожности встав на цыпочки, но до сих пор так и не выяснили – прячется здесь их жертва или нет.

Они, крадучись, переходили из, комнаты в комнату, но для них все еще оставалось тайной, жил ли кто-нибудь здесь в последнее время. Конечно, можно было определить в два счета, воспользовавшись фонарем, но они не собирались раскрывать свое присутствие.

Так прошло еще минуты три. Затем они посмотрели друг на друга, и один из них недоуменно пожал мечами. Другой знакам дал ему понять, что настала пара обследовать спальные помещения, поскольку, если кто и, был дома, то, вероятнее всего, в это время именно в спальне.

По одному неизвестные просочились в холл, куда открывались три разные двери. Они уже было: собрались войти в первую комнату, как вдруг „основной“ едва не споткнулся обо что-то, правда, в самый последний момент удачно избежал прикосновения. Он нагнулся и поднял с пола... плюшевого мишку.

Он показал его напарнику, и оба молча улыбнулись.

Тот, во главе, жестом указал на третью спальню, а второй, согласившись, кивнул. Дверь в спальню была приоткрыта. Они тихонько толкнули. Медленно, беззвучно она распахнулась настежь. Они, про себя сосчитали до трех и с противоположных сторон черного дверного проема молниеносно ворвались в комнату.

Кендал опустила несколько монеток в щель автомата. Сработал междугородный коммутатор, и телефон абонента издал длинный требовательный звонок. Вспотевшей от волнения рукой Кендал еще сильнее сжала трубку. На второй звонок отозвалась Рики Сью.

– „Бристол и Мазерс“.

– Это я. Ничего не говори, слушай. Ты можешь разговаривать?

– Боже мой! Ты жива! Я просто с ума чуть не сошла от волнения. Даже похудела. Лучше диеты, чем ты, не придумаешь.

– Я, конечно, знала, что ты волнуешься, но рисковать не могла. В сущности, мне и сейчас-то звонить не следовало.

– Ты что, в самом деле похитила офицера службы безопасности? – спросила Рики Сью низким, тревожным голосом.

– Некоторым образом.

– То есть как – „некоторым образом“? Да или нет? Где ты, черт возьми?

– Для твоего же собственного блага тебе лучше об этом не знать. Да я, и не могу долго говорить: не исключено, что телефон прослушивается.

– Ясное дело. Федеральные агенты вокруг так и рыщут. Тебя ищут – просто с ног сбились, детка.

Кендал ничуть не удивилась. Но одно дело – думать, другое – узнать наверняка. Настроение тут же упало, и новость тяжким грузом легла на сердце.

– Агенты несколько раз здесь побывали, – добавила, Рики Сю. – Они разыскивают любой материал, так или иначе относящийся к Кендал Дитон.

– О, Господи...

В доме твоей бабушки даже установили, пост.

– Как, в самом доме? – Кендал почувствовала приступ дурноты. Подобное вторжение в личную жизнь бабушке бы вовсе не понравилось. – Но это же глупо и бессмысленно. Предполагая, что первым делом они заподозрят это убежище, я бы и на пушечный выстрел к нему не приблизилась.

– Кстати, не только агенты думают, что ты скрываешься там. Прошлой ночью туда вломились двое в полной уверенности, что птичка попалась.

– Двое? Кто такие?

– Фэбээровцы установили пост, но гостей прохлопали. Тем удалось убраться, прежде чем их опознали. Агенты, конечно, подняли стрельбу и палили так что вся округа переполошилась, хотя потом власти признались, что вряд ли кого

из налетчиков даже ранили.

– Но кто...

– Не паникуй, детка, но вполне вероятно, что твой муж и его папаша.

– Они же в тюрьме, – слабым голосом запротестовала, Кендал.

– А вот, и нет. Три дня назад они сбежали.

Кендал немедленно повесила трубку, но какое-то время все еще не выпускала ее из рук, словно невидимую связующую нить, с подругой. Она боялась даже шевельнуться от страха, что тотчас увидит Мэта и Гиба, наблюдающих за ней и злорадно улыбающихся.

– Вы уже закончили разговаривать, леди?

Кендая от неожиданности чуть не подпрыгнула и поспешно Оглянулась через плечо. Какой-то бейсболист в перчатках с нетерпением ждал, когда она покинет будку, чтобы воспользоваться аппаратом.

– Извините, пожалуйста.

Она пошла прочь, стараясь не поднимать головы. Впрочем, на станции обслуживания ничего страшного вроде бы не произошло. Один клиент заправлял микроавтобус, другой кидал монеты в автомат с сигаретами. Двое механиков, показывая на автомобиль, приподнятый гидравлическим подъемником, что-то оживленно обсуждали с его хозяином. Никто не обращал ни малейшего внимания на девочку – в футболке и джинсах, которая едва ли хоть чуточ-

ку походила на Кендал Бернвуд, общественного защитника, фотографии которой неоднократно публиковались в связи с исчезновением.

Вся полиция южных штатов примется за розыски автомобиля, который она купила в Стивенсвилле. Этот автомобиль – настоящая бомба, и всякий раз, садясь в него, она подвергала себя смертельному риску. Но ей просто необходимо было выяснить, как развиваются события и какова вероятность, что ее снова схватят.

Кендал поспешила назад к машине. Как только представится возможность, она поменяет номерные знаки, хотя и этого недостаточно. В салоне пекло как в аду, но Кендал знобило, когда она вырулила на автобан и двинулась домой.

Домой?

Да. Дом этот ничуть не меньше значит для нее, чем бабушкин дом в Шеридане. Фермерское строение дедушке подарил дядя, но, не успев как следует насладиться своим новым владением, тот умер. Зато Кендал с бабушкой научились извлекать из этой собственности многочисленные радости, причем каждое лето.

Как только детей отпускали на каникулы, они отправлялись в загородное „поместье“ и беззаботно, в праздном безделье чудесно проводили время. Правда, временами ловили рыбу, временами, купив неподалеку фрукты, занимались заготовками на зиму. Иногда, впрочем, и вовсе ничего не делали, лишь весело болтали друг с другом. По вечерам вслух чи-

тали книги, плели венки из полевых цветов, сидя на крыльце, а изредка устраивали пикники на своем любимом месте, в укромном уголке у водопада.

В домике деда они никогда не принимали гостей. И никогда и никого сюда не приглашали на лето. Друзья, правда, знали, что в начале июня они куда-то уезжали из Шеридана и возвращались только ко Дню труда, но и только. Никто слыхом не слыхивал об их убежище. Потому-то Кендал и решила перебраться в домик бабушки как в наиболее безопасное место для них с Кевином.

Но какая уж тут безопасность, когда Мэт с Гибом на свободе?

Должно быть, Пепердайн вне себя от ярости. Он потерял главного свидетеля, своего друга Джона Макграта, и вот теперь – главных подозреваемых по делу. Он показался Кендал человеком добродушным и сердобольным, который предпочитает не выказывать глубокие чувства и искренние переживания. Она не испытывала к нему ненависти, ведь он выполнял свою работу – жить как-то надо! Но тем не менее она согласна на все, лишь бы избежать нового ареста.

С другой стороны, лучше уж быть арестованной, чем дожидаться, пока ее найдут Бернвуды. А они найдут. Будьте уверены. Единственной возможностью выжить оставалось одно – тянуть и скрываться до тех пор, пока их снова не схватят и не упрячут за решетку. Ясно, что ей следует взять Кевина и скрыться нынче же ночью.

Но как быть с Джоном?

Хотя он и пользовался еще костылями, но по большому счету вполне оправился. Теперь она могла оставить его с чистой совестью. Дело заключалось лишь в том, что уж очень ей этого не хотелось.

Но коль скоро она и в самом деле влюбилась, разве это не причина расстаться именно сейчас? Находясь рядом, Джон все время рисковал своей жизнью. Ведь он не позволил бы Бернвудам наложить лапу на нее или ее сына, к которому он в последнее время все больше и больше привязывался. Он пожертвовал бы собой, защищая их, причем не имея даже понятия, как обстоят дела в самом деле.

Нет, этого она позволить не могла. У них нет будущего, но если бы ей и пришлось прожить остаток жизни в одиночестве, она все-таки хотела бы знать, что он жив и здоров.

Но что же ей делать? Может, просто-напросто сдать властям?

Она тут же отмахнулась от этой мысли, как от назойливой мухи. Рики Сю упомянула, что агенты ФБР уже побывали в юридической фирме и задавали кучу вопросов. Стоит, им только разузнать о ее прошлом, как доверие к ней будет здорово подорвано.

Ее станут рассматривать как свидетеля крайне, ненадежного, ну и какую же пользу в таком случае она сможет принести делу справедливости? К тому же ей предъявят обвинение в похищении Джона и отправят в тюрьму. Даже осво-

бодив ее, они снимут охрану со стороны государства, и тогда ей придется лично противостоять Мэту, его папаше-маньяку и их присным.

Единственным выходом оставалось очередное бегство. Кендал ругала себя на чем свет стоит за то, что оставила Кевина наедине с Джоном. Был бы ребенок сейчас вместе с ней, можно было бы рулить дальше. Конечно, покинуть Джона, так и не сказав ему последнее „прощай“, подло, но еще тяжелее – увидеть его снова, а потом исчезнуть.

Однако выбирать не приходилось. Она должна.

– Так кто из вас обделался?

Под грозным взглядом Пепердайна наступила мертвая тишина. Да что там говорить – агенты идохнуть-то боялись.

– Ну? – Бас Пепердайна в данный момент сотрясал стекла полицейского участка в Шеридане, штат Теннесси, куда это официальное лицо перенесло свой командный пункт из Проспера.

Один из агентов, повинных в провале засады; наконец собрал все свое мужество, чтобы вымолвить:

– Мы наблюдали за домом практически с первых минут ее исчезновения, сэр, но никто в нем так и не появился.

– И что?

– Ну вот так и случилось, что мы... гм, обделались, – закончил он неуверенно.

– Сэр? – другой агент поспешил на помощь собрату – Мы

не стреляли, опасаясь, что это возможно, миссис Бернвуд. Или офицер Макграт.

– Именно так, сэр, – вмешался напарник, благодарный до чрезвычайности, что нашлась спасительная зацепка. – Что, если это и на самом деле оказались бы они да еще с ребенком на руках?

– Насколько мы знаем, эта были они – и никто другой. Или, может быть, Красная Шапочка и Серый Волк? Черт возьми, на самом деле мы так и не знаем, кто побывал в доме. Ведь так? И все потому что вы даже не смогли идентифицировать ночных гостей или установить хотя бы марку их автомобиля.

– Мне кажется, миссис Бернвуд там не появлялась, – храбро вставил один из агентов. – В дом совершенно определенно ворвались мужчины. Двое.

– Ага, значит, „совершенно определенно“ мужчины. Что ж, количество подозреваемых резко сокращается. Вполне вероятно, что ночными пришельцами оказались Батмэн и Робин Гуд, – выдохнул Пепердайн и громко выругался. – Вам ребята, придется провести сегодня часок на стрельбище, которое я приказал устроить в самом жарком, самом солнечном местечке округа. И стрелять вы будете до тех пор, пока у вас руки не задымлятся. Потому что прошлой ночью вы выпустили пули в белый свет, как в копеечку. И, нечего тут смеяться, – снова, зарокотал Пепердайн, поскольку один из агентов по глупости позволил себе улыбнуться. – Время

пробывания на стрельбище увеличивается до двух часов. А теперь сматывайтесь и чтобы я вас больше не видел. Иначе придумаю для вас что-нибудь посерьезнее.

Они пулей вылетели из дверей. Оставшись в одиночестве, Пепердайн плюхнулся в кресло и устало закрыл лицо руками. Оптимизм слегка поиссяк. Получить описание автомобиля, на котором Кендал удрала из Стивенсвилла, не больно-то удалось.

Вообще, в этом деле не намечалось просвета с самого начала, когда они по ошибке решили, что барахлит компьютер. Не ошибись оператор ЭВМ в определении истинности информации, полученной по сети, Рути Фордхэм осталась бы в живых и федералам не пришлось бы снова разыскивать миссис Бернвуд вместе с офицером Макгротом. К тому времени, когда недоразумение уладилось, Джон уже гнал машину навстречу хромой судьбе. Все усилия связаться с ним по радиотелефону успехом не увенчались. А потом, налетев на упавшее дерево, он и вовсе утратил память.

Господи, какое роковое стечение обстоятельств!

Бегство Бернвудов из городской тюрьмы Проспера стало еще одним чрезвычайно важным упущением. Теперь ему предстояло не просто разыскать миссис Бернвуд и Джона, а сделать это прежде, чем до них доберутся эти маньяки Бернвуды. Так что задача перед ним стояла нелегкая. Миссис Бернвуд, например, удавалось скрываться в Денвере в течение года, прежде чем федералам удалось на нее выйти.

Конечно же, она не такая дура, чтобы возвратиться в свой город, но, очевидно, кое-кто так не думал. Оттого то они и отправились на ее поиски в бабушкин дом прошлой ночью.

Пепердайн отреагировал на ночное вторжение со смешанным чувством страха, злости личного недовольства. Причину страха он как раз знал. Пепердайн опасался, что, ночными пришельцами были Гиб и Мэт Бернвуды.

Он уставился на фотографию миссис Бернвуд, которую уже размножили и разослали по всем полицейским участкам и аналогичным подразделениям страны, затем перевел взгляд на другие фотографии. Запечатлев обстоятельства другого преступления, их принесли не больше часа назад. Вид обнаженного и обезображенного трупа Лотти Линэм едва не вызвал у него приступ тошноты.

Обращаясь к фотографии миссис Бернвуд, Пепердайн досадливо пробурчал:

– Надейтесь, леди, что мы найдем вас раньше, чем ваш муж и его папаша. – И еще – очень хотелось бы знать, чем все это время занимается Джон?

Глава тридцать пятая

Джон проследил, как автомобиль с Кендал за рулем скрылся из виду, и проковылял назад в спальню, где, раскинувшись в детском манеже, блаженствовал Кевин.

– Слушай, у меня очень мало времени, поэтому потребуется твое полное доверие и сотрудничество. Думаю, ты не прочь немного побалдеть в одиночестве. – Я ненадолго отлучусь. Я просто не могу надолго отлучаться. Так что, давай поживи себе на свободе, пока я не вернусь.

Некоторое время он постоял у манежа, словно надеясь услышать ответную реакцию малыша. Кевин надувал пузыри и помахивал в воздухе кулачками, никоим образом не выказывая протеста против сего предложения.

– Ну, тогда порядок, – произнес Джон и двинулся к выходу. Он уже вышел было из дома, но неожиданно остановился. Ему послышался какой-то шум – то ли рыдания, то ли кашель. Он перебрал в уме все возможные напасти, могущие обрушиться на младенца в его отсутствие – огонь, дикие животные, насекомые, наконец, удушье по той или иной причине.

– Черт.

Снова пришлось подниматься по ступенькам, помогая себе костылями.

– Ладно, приятель, – сказал он, с шумом выпуская воз-

дух, – придется забрать тебя с собой. Надеюсь, ты не подведешь? – В эту минуту он подумал, что неплохо было бы задать аналогичный вопрос самому себе. Он едва не упал, зацепившись костылем за сумку с ремнями, в которой Кендал иногда носила Кевина на груди. Прислонив костыли к манежу и балансируя на одной ноге, он нагнулся; чтобы вынуть ребенка из манежа.

– Да, да, предстоит вволю повеселиться – пробормотал он, увидев, как Кевин расплылся в счастливой улыбке. Удобно, пристроив мальчика в сумке на груди, он снова взялся за костыли и второй раз за сегодняшний день направился к дверям.

– Матери ни слова, понял? Она умная женщина – твоя мать забрала мою пушку и спрятала, поэтому я бессилён взять ее на мушку и потребовать, чтобы она вывезла нас отсюда. Я, конечно, и сам мог бы сорваться, только вот боюсь, что когда вернусь, вас здесь уже не будет.

Он опустил глаза и посмотрел на ребенка:

– Сомневаюсь, что ты знаешь, где она спрятала мой пистолет а? Она слишком умна, чтобы просто так взять и выкинуть его, но черт меня возьми... то есть, пардон, я очень постараюсь найти пушку. Я переверну весь этот домишко вверх ногами.

Он быстро доковылял до шоссе, где остановился перевести дыхание. Пот градом котился со лба и пощипывал глаза. Вытереться рукавом оказалось не так-то просто, поскольку,

чтобы манипулировать костылями требовались обе руки. Он предвидел, что это предприятие станет испытанием его физической выносливости, но в данном случае тяготы увеличивались, поскольку приходилось брать в расчет дополнительные пятнадцать фунтов веса Кевина.

Джон направился к дому, который облюбовал в тот самый день, когда ездил с Кендал в город.

– Честно говоря, твоя мама уж слишком хитроумна, – произнес он, отдуваясь. – Ей следовало бы вернуть мне пистолет. Я лучше знаю, как обращаться с этой штуковиной, если нужда заставит.

Он говорил и говорил, чтобы отогнать дурные мысли. В глубине души он понимал, что успех его предприятия весьма сомнителен. По большому счету ему не следовало соваться в подобную авантюру, принимая во внимание свое не слишком хорошее самочувствие и сильнейшую одышку.

Тем не менее он двинулся по дороге, стараясь использовать малейшее укрытие типа тени, чтобы спастись от палящего зноя, но это мало помогло.

Времени оставалось в обрез. Джону необходимо вернуться домой прежде, чем приедет Кендал. В тот день, когда она возила его в город, Джон засек время, пытаясь определить путь, и выяснил, что расстояние в одну сторону приблизительно двенадцать миль. Таким образом, принимая во внимание извилистую дорогу и всевозможные задержки, Кен-

дал, вероятнее всего, не могла появиться раньше чем через полчаса и именно полчаса Джон отвел себе, чтобы попытаться вызвать подмогу.

Однако продвигался Джон медленно – сказывалось болезненное состояние. Если ему повезет, мимо проедет машина и подбросит его до ближайшего телефона.

Всего на всего и нужно-то шестьдесят секунд телефонного времени.

Он глянул на часы. Прошло семь минут с того момента, как Кендал уехала. Спина и руки уже ныли, все тело ломило с непривычки, но Джон продолжал себя погонять.

Наконец, он преодолел подъем, и усилия его были награждены – на расстоянии около четверти мили Джон увидел дом, который искал, – определить дистанцию с большей точностью мешала волна горячего воздуха от раскаленного асфальта, исказившая окружающий ландшафт.

– Если очень постараться, то, пожалуй, можно доковылять до дома за четыре минуты, – бросил он Кевину – Ну, хорошо, положим, за пять. В любом случае я, наверное, смахи-ваю на сумасшедшего, беседа с несмышленищем. Может, я все еще нахожусь в состоянии комы и мне просто-напросто, снится какой-то дурацкий сон. Ага, вот оно! Все вокруг и ты тоже всего лишь сон. Ты...

Неожиданно Джон расхохотался.

– Никак ты на меня писаешь, а малыш? – Горячий ручеек заструился у него по груди. – Да, это, и в самом деле един-

ственный способ убедить меня, что ты реален и вовсе мне не снишься.

Монолог Джона отвлекал его от целой кучи неприятностей: оттого, что у него ломит спину и руки, оттого, что казалось, все вокруг плавится и до желанной цели еще идти и идти. Он возблагодарил небо, ступив на дорожку, ведущую к крыльцу. Этот страдальный путь в буквальном смысле едва не доконал его, и, очутившись на пороге дома, Джон чуть не свалился без чувств.

Ухватившись рукой за перильце и крикнув: „Есть здесь кто-нибудь?“ – он и сам удивился хриплому клекоту, вырвавшемуся из пересохшего горла. Пришлось несколько раз глубоко вздохнуть и накопить во рту слюны. Затем снова попытаться докричаться до обитателей.

– Есть здесь кто-нибудь?

Кевин неожиданно заплакал.

– Ш-ш-ш. Я вовсе не на тебя, – зашикал Джон и похлопал мальчика по попке. Кевин замолчал, видимо, настроение малыша изменилось – уголки рта скорбно заглянули вниз, а в глазах все еще стояли слезы.

– Знаю, знаю, как ты себя чувствуешь. Я и сам о таком состоянии, что тоже расплакаться впору.

Теперь, когда ему представилась возможность взглянуть на дом поближе, стало ясно, что он пуст вот уже долгое время. Цветы; высаженные когда-то у крыльца, завяли и высохли, обратившись в ломкие коричневые стебли. Шторы на ок-

нах задернуты, а пауки давно уже раскинули свои сети по углам дверного проема.

И что теперь? Он просто обливался потом. Неизвестно еще, как он теперь доберется назад, при этом надо ухитриться не упасть в обморок от теплового удара. А что станется с бедным ребенком? Господи, если уж так плохо ему, взрослому мужчине, то что говорить о малыше в аналогичной ситуации? Он вспомнил, что у детей температура тела выше, чем у взрослых. Он потрогал ладонью лоб Кевина – кожа оказалась сухой и горячей, создается впечатление, что у малыша сильнейший жар.

Удрученный печальными открытиями, Джон сунул когтыль под мышку и, тяжело опираясь, поднялся. Взяв один из терракотовых цветочных горшков, он с его помощью разбил стекло над входной дверью, сунул руку внутрь и открыл замок.

Ему было наплевать, если даже сработало охранное устройство и где-нибудь в недрах местного отделения полиции заголосила сирена. Раз уж он не является преступником, скрывающимся от правосудия, пусть лучше его поскорее задержат. Ну а пока стоит раздобыть хоть немного воды, чтобы напоить ребенка и напиться самому.

Дом оказался не слишком большим. Видимо, здесь давно никто не жил: в комнатах, в коридоре – кругом царило запустение. Но Джон едва ли разобрал, что к чему со всей быстротой, на которую он был сейчас способен, офицер двинулся

на кухню. Подойдя к раковине, он открыл кран с холодной водой. Ничего.

– Черт побери!

Но затем глухо забурчало, хлопнуло и наконец вода потоком хлынула из крана. Сначала текла ржавчина, почти коричневого, цвета, но через несколько секунд струя стала прозрачной. Джон подставил ладони под прохладную струю и с жадностью сделал несколько глотков. Затем с удовольствием намочил свой затылок.

Потом провел влажными ладонями по головке Кевина. – Ну как лучше? Прохладнее? То-то, – сказал он, помочив заодно красные щечки ребенка.

Но Кевин тоже хотел пить, и Джону неожиданно пришло на ум, что никаких средств, чтобы, так сказать, осуществить доступ жидкости внутрь организма малыша, у него нет. Кендал иногда поила мальчика смесью, кипяченой воды с фруктовым соком из бутылочки с соской, но Джон, разумеется, и не подумал захватить с собой хотя бы одну. Конечно, на кухне и в комнатах имелись стаканы, но он опасался, что при попытке напоить младенца таким способом, тот просто захлебнется.

Ведь пока что ребенок умеет только сосать, и значит...

Он даже не сообразил поначалу, что делает – опустив палец под струю воды, Джон поднес его к роту Кевина – и несколько капель упало мальчику на губы. Тот незамедлительно принялся сосать.

Ощущение оказалось странным и непривычным, но на удивление приятным.

– Не совсем то, что молочко у мамы, да малыш? – промурлыкал он нежно, снова смачивая палец водой и отдавая его на съедение малышу.

Интересно, что бы подумали его, друзья и коллеги если бы им довелось увидеть подобную душераздирающую сцену, задался вопросом Джон. Они бы, верно, и глазам своим не поверили.

И Лайза в том числе. Впрочем, о ней стоило забыть навечно. А ведь она не раз называла его махровым эгоистом за то, что он не хотел иметь детей. Более того, он даже оказывался это обсуждать. В сущности, они расстались именно по этой причине.

– У моих биологических часов кончается завод, – подытожила она как-то вечером.

– Ну так выбрось их – ответил он, не отрываясь от газеты. Она запустила в него подушкой. Он опустил газету, предчувствуя генеральное сражение. Ватерлоо их взаимоотношений. Лайза уже не раз поднимала вышеупомянутый вопрос, но он, по обыкновению, всякий раз увиливал от ответа. В тот вечер она решила поставить вопрос ребром...

– Я хочу ребенка, Джон. И хотелось бы, чтобы ты стал его отцом.

– Я польщен, но аплодисментов не последует. Я ребенка не хочу. У меня никогда не было детей, и желания их иметь

тоже.

– Но почему?.

– Слишком много причин, чтобы их перечислять.

Она поудобнее устроилась в кресле – своего рода имитация действий окапывающегося солдата, который, улучив момент, выпрыгнет из окопа и ввяжется в рукопашную.

– Я не тороплюсь. Мне все-таки хотелось бы выслушать аргументы.

– Для начала, – заявил он, – идея сама по себе неосуществима. Мы оба путешествуем и редко бываем дома.

– Я получу отпуск по уходу за ребенком от авиакомпании. – Следующая причина? – раздражение Лайзы с каждой минутой нарастало.

– Я не...

У него едва не вырвалось, что он не любит ее. В крайнем случае, ребенок заслуживал того, чтобы появиться на свет у любящих друг друга.

Взрослея и воспитываясь в неполной семье, Джон не знал, что значит иметь одновременно отца и мать. До тех самых пор, пока он не стал самостоятельно зарабатывать, его постоянно отфутболивали то к одному родителю, то к другому. И мать, и отец Джона, вполне законченные эгоисты; воспринимали сына истинной обузой, неудобством в жизни и, более того, постоянным напоминанием о неудачном браке.

Его родители упорно занимались устройством собственных дел и, весьма в этом преуспели. Отец заправлял департа-

ментом гуманитарных дисциплин в университете Айви Лига, мать добилась поста вице-президента одной из ведущих архитектурных фирм.

Но как родители и отец, и мать оказались абсолютно несостоятельными. Помимо приличествующих случаю визитов в праздники, он практически с ними не общался. Но и они, в свою очередь, не оказывали никакого существенного влияния на его жизнь, да и не особенно к этому стремились. Их нечастые беседы велись вежливо, но на весьма отвлеченные темы. Короче говоря; родители с самого первого дня появления Джона на свет рассматривали его как досадное препятствие, мешающее карьере. К сожалению, взаимное восприятие родителей и сына за сорок три года ничуть не изменилось.

Соответственно у Джона в определенной мере развилось отрицательное отношение к семье и дому, как к месту совместного проживания всех домочадцев. Его так называемое семейство ни в малейшей степени не подготовило к возможности длительных взаимоотношений между мужчиной и женщиной и пригасило в нем естественный инстинкт отцовства.

Он ничего не имел против детей как таковых. Более того, он им сочувствовал – ведь чаще всего невинные, незащищенные крошки полностью оказывались во власти недостойных людей, имевших смелость называться родителями. В этой связи возникал вопрос: какой смысл заводить ребенка, если

ты, скорее всего, тоже окажешься плохим отцом?

Изучая психологию, Джон узнал, насколько сильно влияние родителей на эмоциональное развитие ребенка. С отцом и матерью ребенок в лучшем случае превращался в плохо управляемую и регулируемую систему, именуемую „взрослый индивидуум“, а в худшем просто становился маньяком-убийцей. Под угрозой подобных трансформаций сознания находились не только дети Отъявленных негодяев, но и обыкновенных, на первый-взгляд, добропорядочных родителей – эгоистов.

По этой причине он отказывал Лайзе. Настолько эгоистичным Джон никогда не был. Он сознавал, и не без оснований, что они с Лайзой вряд ли долго протянут. Джон считал, что заводить детей, сильно сомневаясь в том, что они получат свою толику счастья, есть акт полнейшей безответственности.

Ко всем его рассуждениям подобного рода добавились еще тяжелые думы после неудачи в Нью-Мексико, когда он был вынужден распрощаться с ФБР. Словно читая мысли Джона, Лайза заделает за живое:

– Скажи, нет ли здесь связи событиями в Нью-Мексико?

– Нет.

– А я думаю, есть.

– Нет никакой связи.

– Если бы ты только рискнул поговорить со мной об этом, Джон, тебе сразу стало бы легче.

– Я не желаю говорить на эту тему и ребенка тоже не хочу. Давай поставим точку. Конец дискуссии.

– Ты самый эгоистичный сукин сын, которого я только знала.

Несколько дней она дулась, прежде чем снова заговорила. Он не слишком доверял, подозревая, что это очередная уловка с ее стороны – возможно, она решила забеременеть без его согласия и только ждала удобного момента, когда Джон позволит себе хоть чуточку расслабиться. С этого дня он стал пользоваться презервативами и даже подумывать об операции, которая бы наверняка лишила его возможности иметь детей.

Однако, прежде чем оперативное вмешательство состоялось, Лайза устроила ему сцену по поводу презервативов и убралась из его жизни навсегда. Спустя некоторое время Джона как раз вызвали в Денвер для сопровождения главного свидетеля обвинения назад в Южную Каролину.

И вот теперь здесь, в заброшенном доме, он пытается напоить младенца, протягивая ему палец, смоченный водой, под видом соски. Всего три недели назад, даже под угрозой смертной казни, Джон отказался бы не только поить ребенка и разговаривать с ним, но и рядом находиться бы не решился. То, что он проделывал сейчас, лежало за пределами возможного.

– Жизнь – сволочная штука, а, Кевин?

На этот раз ребенок выглядел спокойным и даже довольным. Джон взглянул на часы. Черт. Прошло уже двадцать три минуты с тех пор, как уехала Кендал. Нельзя позволить ей вернуться домой раньше себя. До тех пор пока она верила, что у него амнезия, Джон имел перед женщиной некоторые преимущества. Если же она узнает, что он покинул дом в поисках...

Телефон!

Пытаясь напоить и убажить младенца; он совсем забыл, для чего здесь оказался. Он выключил воду и бросился назад в гостиную. Так и есть. Вот он, голубчик. Черный, старомодный, с вращающимся диском вместо кнопок.

Джон даже засмеялся от радости, поднимая трубку. – Но тут же сообразил, что телефон отключен. Он еще раз нажал на рычаг в надежде что, как и в случае с краном, аппарат вдруг оживет. Нет, ничего подобного. Его радость обернулась лишь пустой тратой времени. Снова усадив Кевина в сумку на груди, он поплелся к выходу. Захлопнув дверь, и бросив в пространство свои извинения за разбитое стекло, он, помогая себе костылем, спустился. По ступенькам и подхватил второй, брошенный у порога.

К счастью возвращаться назад было легче – дорога шла под уклон, правда, жара все еще оглушала, и мышцы, приученные за последнее время к весьма, ограниченным нагрузкам болели так, славно в плоть забивали раскаленные гвозди...

Он добрался до почтового ящика в конце дорожки, ведущей от дома к шоссе, и опершись на него, постоял некоторое время, втягивая воздух в болезненные от несусветной жары и напряжения легкие. Металлический ящик нагрелся так, что через несколько секунд он чувствовал себя, как бес на сковородке...

Оставь в ящике записку, ты, тупая скотина!

Что ж, проделанное путешествие, как оказалось, стоило того. Сегодня же вечером он напишет небольшое послание, затем выскользнет из дома и бросит записку в ящик. Он адресует послание местному почтальону и попросит его предупредить власти. Помимо этого сообщит телефонный номер своего офиса; а также телефон Пепердайна, в случае, если почтальон решит, что это чья-то шутка и захочет удостовериться в справедливости его, Джона, слов. Затем поднимет над ящиком красный флаг.

Если повезет почтальон завтра же утром заметит его и подойдет. Еще лучше лично встретить почтальона и передать все на словах.

Теперь, разработав новый план действий, Джон почувствовал прилив энергии. Расстояние до дома он преодолел очень быстро. Едва он открыл дверь и вошел, внутрь как, почти сразу же услышал звук подъезжающего автомобиля.

Джон бросил один из костылей по среди комнаты и захромал по коридору к ванной. Войдя, он запер за собой дверь и прислонился лбом к ее прохладной деревянной притолоке.

Все тело буквально стонало от боли, а легкие шумели, словно кузнечные мехи. Одежда насквозь пропотела и пропахла.

Увидев его в подобном состоянии, Кендал сразу же догадается, что он успел где-то побывать в ее отсутствие.

От слабости Джон задрожал мелкой дрожью, у него закружилась голова, но усилием воли он вынул Кевина из нагрудной сумки и поместил на коврик у ванны:

– Ну что, мы с тобой оба в деле, так, малыш? – Он заткнул заглушку в, слив и открыл воду. Затем почти: у самой ванной услышал шаги.

– Джон?

С невероятной скоростью он разделся и засунул грязную одежду в корзину для белья, а потам принялся за Кевина.

– Джон?

– Слушаю, – Он уже раздел Кевина до пеленки.

– Ты где? – пеленки Кевина упали на коврик.

– Кендал? – Он мастерски изобразил удивление, занимаясь ребенком – Ты уже вернулась?

Джон опустил в ванну, стараясь положить ногу так, чтобы вода не смочила гипс. Потребовалась некоторая сноровка, но он ухитрился оставить ногу за пределами ванны, а голову приткнул недалеко от крана и тут же тщательно смочил ее, после чего потянулся к голенькому Кевину, который вошел на коврике рядом с ванной.

– Ты у нас настоящий герой, – пробормотал Джон, пристраивая ребенка у себя на груди и плашмя ложась в воду –

Я этого не забуду, парень.

– Джон, что ты там делаешь? И где Кевин?

– Что? Не слышу тебя, Кендал. Вода так шумит...

– Где Кевин?..

– Он здесь, вместе со мной – Джон брызнул водой на ребенка, который загугукал от удовольствия и радостно заколотил кулачками по груди.

– Он с тобой?

– Ясное дело. Где же еще ему, по-твоему, находиться?

Кендал подергала за ручку двери:

– Ты заперся?

– Извини, чисто машинально, – соврал он.

– Открой мне.

– Я уже залез в ванну. Ты ведь знаешь, какое для меня тяжелое испытание сначала вылезать, а потом залезать снова с гипсом на ноге.

– Я все равно войду.

Да уж, она войдет – будьте уверены. Услышав панические нотки в ее голосе, он еще раз убедился, что, хотя они с Кендал и любовники, она все равно не доверяет ему до конца.

Для этого она слишком умна.

И посему, будь у него сегодня возможность, он бы с чистым сердцем навел на нее федералов.

Если бы в доме оказались жители, если бы работал телефон, если бы ему удалось проголосовать и остановить машину – агенты ФБР уже мчались бы сюда, чтобы снова аресто-

вать Кендал. Сегодня ему не удалось осуществить свой план, но завтра он попробует еще раз. И на следующий день, если не выгорит завтра, и вообще столько времени, сколько потребуется. Без оружия и со сломанной ногой он просто не в состоянии защитить женщину и ее ребенка, если „Братство“ нападет на их след.

Правительство нуждается в ее показаниях, чтобы послать Бернвудов на электрический стул. Более того, в одиночку, без надежной охраны, она не в силах бороться с сектантами. Джон рассчитывал добиться этой охраны любой ценой, пусть даже она возненавидит его.

Замок в ванной не составляло труда открыть даже с помощью обычной шпильки. Кендал, ворвалась как фурия, но тут же, успокоившись, перевела дух, онемев от воистину забавного зрелища: Джон, свесивший ногу через край, и крохотный розовенький Кевин, копошащийся на его груди.

– Ты успела как раз вовремя, чтобы принять участие в нашей совместной оргии, – заметил он, невинно улыбаясь. Хотя втроем нам будет несколько тесновато. Не могла бы ты вернуть кран, по-моему, воды уже достаточно.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она голосом следователя, будто слыхом не слыхивала его шуточного приветствия.

Изобразив на лице удивление, он ответил:

– Как что, принимаю ванну.

– С Кевином?

– Почему бы и нет? Мне показалось, что и ему не вредно освежиться.

– Дом показался мне совершенно пустым. Я не знала, где вы. Кевина не было в колыбельке и я подумала... честно говоря, уже и не помню даже, что подумала.

Она присела на крышку корзины для белья и чуть не заплакала: щеки и губы обескровели. Поникнув головой, Кендал яростно принялась массировать виски ладонями. Казалось, она опечалена до крайности, и не только от того, что испугалась их с Кевином отсутствия.

Что-то случилось в городе – без всякого сомнения.

Но что? Сейчас она выглядела куда более потерянной, чем несколько дней назад, когда остригла волосы в попытке изменить внешность. Он должен быть в курсе последних событий. Как, каким образом удавалось ей заполучить информацию? Что повергло ее в столь глубокое отчаяние?

Кендал уронила руки на колени и подняла голову.

– Пожалуйста, не пугай меня больше так сильно, Джон.

Она посмотрела на него так, что Джон почувствовал себя последним негодяем на свете.

– Я вовсе не собирался тебя пугать. Прежде чем окончательно расклеиться, он напомнил себе, что, несмотря на мелькнувший ныне взгляд несчастного затравленного зверька, эта женщина совершила два государственных преступления – похищение и попытку уклониться от дачи свидетель-

ских показаний.

В непосредственные обязанности Джона входило, используя все находящиеся в его распоряжении средства, доставить Кендал к месту суда, причем живой и невредимой.

Разумеется, методы, которые ему приходилось использовать, не слишком соответствовали привычной практике, но, с другой стороны, обстоятельства, в которые он угодил, требовали иного подхода, гибких решений, – ведь, согласитесь, обучали его далеко не всему. Он просто делал то, что мог в сложившихся обстоятельствах.

Он на это задание не напрашивался. Сначала его навязал Джим, а затем – возможно, без всякого умысла Кендал. В сущности, планы, приходившие ему в голову, да еще и претворяемые в жизнь, с точки зрения морали никуда не годились. Продолжая сохранять в тайне тот факт, что к нему вернулась память, он заигрывал с младенцем, спал с Кендал и рассматривал все это как составные части операции.

Прекрасно сказано, Макграт повторяй себе это почаще и, пожалуй настанет момент, когда ты и сам в это поверишь.

Глава тридцать шестая

Рики Сю нетерпеливо дергала заусенец на большом пальце. Когда старик Бристол собственной персоной приблизился к ее столу и вполголоса попросил следовать за ним, она сделала вид, что вызов патрона был для нее делом обычным, так, ничего особенного.

Игнорируя любопытные взгляды клерков и коллег, она расправила плечи, высоко подняла голову и последовала за стариной Бристолом, повинаясь его требовательному жесту. Они миновали покрытый ковром холл и тут, придержав массивную створку дверей конференц-зала, он пропустил ее вперед.

– Подождите, пожалуйста, здесь, мисс Роб. Они сейчас явятся по вашу душу.

Вот именно, подумала она.

Она сидела уже не менее получаса, а „они“ все еще не появлялись. Конференц-зал редко использовали по назначению, и здесь царила тишина усыпальницы. К том уже холод стоял такой, что можно было хранить мясные туши. Из позолоченных рам на нее строго смотрели лица давно ушедших в небытие старших и младших служащих конторы.

Неужели Бристол и Мазерс имели привычку подглядывать за своими сотрудниками с помощью скрытой камеры? Нет, вряд ли. Тогда в чем причина вызова? Они что, пойма-

ли Кендал?

Рики Сью не призналась бы даже под пыткой, что она нервничает. Фэбээровцы уже не раз задавали ей вопросы, больше, чем кому-либо другому на фирме, а все потому, что она считалась близкой подругой миссис Бернвуд.

Конечно же, она им ничего не сказала. И впредь собирается молчать, как рыба, даже если они станут загонять ей бамбуковые щепки под ногти.

Неожиданно дверь широко распахнулась и в зал в сопровождении двух молчаливых спутников вошел человек. Все в добротных темных костюмах и белых рубашках с галстуками, но начальника можно было узнать сразу. Его манеры и походка отличались целеустремленностью и решительностью, в нем явно проглядывала привычка руководить.

– Мисс Роб? Я – специальный агент Пепердайн.

Он представил сопровождающих, но Рики Сью сосредоточила все свое внимание на руководителе и лишь краем глаза скользнула по лицам и фигурам подчиненных. К тому же она уже встречалась с ними – как раз они и задавали ей вопросы.

Без сомнения, на сей раз Рики Сью удостоилась внимания настоящей шишки. Пепердайн. Он выглядел человеком умным и, видимо, умел найти подход к любому.

Она пожалела, что старик Бристол не дал ей времени поправить прическу и подкрасить губы.

Без лишних слов Пепердайн заявил:

– Времени очень мало, мисс Роб, поэтому давайте сразу

приступим к делу.

Он присел на краешек стола и швырнул на блестящую поверхность толстую папку. Из нее вывалились какие-то бумаги, но Рики Сью даже незачем было их читать – она и так все знала.

– Впервые сделав запрос на Кендал Дитон через компьютерную систему, мы наткнулись на весьма обескураживающую информацию. Понадобилось некоторое время, чтобы проверить и систематизировать ее. Теперь нам все известно.

– Неужели?

– Да, абсолютно все. – Пепердайн просмотрел несколько документов, хотя Рики Сью ни секунды не сомневалась, что тот знал их содержание не хуже, чем она. – Попытка манипулировать свидетельскими показаниями является весьма серьезным обвинением для юриста.

– Голословное утверждение подобного рода так и не было аргументировано, – парировала Рики Сью. – Разве в Америке не действует презумпция невиновности?

Мужчина хлопнул ладонью по столу, и Рики Сью вздрогнула, но от волнения совсем по другому поводу. Она бы с удовольствием заполучила этого парня в постель, чтобы узнать, каков он в такого рода делах.

– В этой папке содержится подробный отчет о злоупотреблениях конфиденциальной информацией и всевозможных обманах. Думаю, нет необходимости перечислять все заявления в хронологическом порядке, поскольку вы полно-

стью в курсе, так?

– Тогда зачем же вам понадобилось встречаться со мной лично? – понизив голос, поинтересовалась Рики Сью, с интонацией опытной соблазнительницы. – Или эта встреча носит скорее интимный, чем деловой характер?

Агенты, явившиеся с Пепердайном, сдержанно хмыкнули, но он и бровью не повел, лишь бросил в сторону подчиненных многозначительный взгляд, а затем в упор посмотрел на Рики Сью.

– Шутить, значит, изволите, мисс Роб. Пока вы тут отпускаете сомнительные остроуты и пытаетесь играть роль роковой женщины, миссис Бернвуд находится в смертельной опасности. Кроме того, пропал офицер службы безопасности, и, похоже, она единственный человек на свете, который знает, где его искать. Я горю желанием найти обоих и рассчитываю на вашу помощь.

– С какой это стати? – она кивнула на папку. – Вы только что утверждали, что знаете все – так зачем вам я?

– Потому что вы считаетесь подругой миссис Бернвуд, а у меня есть серьезные основания полагать, что она долго не протянет.

Рики Сью обратилась к подчиненным Пепердайна:

– Вы, ребята, готовьтесь играть роль „хороших полицейских“. Скоро ваш выход. – Затем, обернувшись к Пепердайну, бросила: – А вы, наверное, станете изображать „плохого“, правда? Вы уже сейчас пытаетесь меня запугать, и все для

того, чтобы я заговорила. Так вот, на такую дешевую уловку не поддамся. Вы думаете, что я только вчера родилась? На самом же деле это имело место 14 апреля 1962 года. Вернее, 1960-го но вам-то какая разница?

Глаза Пепердайна сузились в щелочки:

– Вы все еще думаете, что я шучу. Уверяю вас, ничего подобного. Ваша подруга похитила офицера безопасности Соединенных Штатов. Насколько нам известно, она убила его, а тело спрятала.

– В жизни бы она такого не сотворила! – с жаром воскликнула Рики Сью.

– Тем не менее в пострадавшей от аварии машине найдено тело другого офицера, госпожи Фордхэм, – перешел на крик Пепердайн.

– Так эта женщина погибла в результате несчастного случая, – закричала в ответ Рики Сью. – Газеты подробно сообщали о результатах медицинской экспертизы. Поэтому не пытайтесь меня надуть. Моя подруга и мухи не обидит. Тем более парня со сломанной ногой и амнезией. Я, например; уверена, что она возит его с собой в надежде на его защиту.

– В таком случае она в еще большей опасности, чем, вы себе в состоянии представить. – Пепердайн неожиданно понизил голос, но в нем зазвучали такие зловещие нотки, что у Рики Сью мурашки побежали по, веснушчатым рукам. – И все потому, что этого офицера зовут Джон Макграт, и миссис Бернвуд не могла бы сыскать для себя худшего компаньона.

Рики Сью взволнованно взглянула на агентов, но те по-прежнему хранили стоическое молчание.

– Два года назад, – между тем продолжал Пепердайн, – в какой-то дыре, названия которой я не припомню, в штате Нью-Мексико, некий мужчина вломился утром в отделение федерального банка. С собой у него было два автомата и около сотни патронов. Он потребовал, чтобы пригласили его бывшую жену, с которой он, собирався якобы побеседовать в надежде уговорить снова вернуться к нему.

Жена его работала в банке кассиром, но случилось так, что в тот день она сказалась больной и на работу не вышла, о чем муж не имел ни малейшего понятия. Когда этот псих узнал о ее отсутствии, то у него совсем крыша поехала, он, видать, решил – какого черта? Уж коль скоро я здесь, да еще и вооружен до зубов, то не начать ли мне стрелять, и стрелять до тех пор, пока мою любимую женушку не представят перед мои очи и она не пойдет на мировую?!

Рики Сью почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Она покрутилась на стуле, перевела дух и выдала:

– Весьма занимательная история, мистер Пепердайн, но...

– Помолчите и слушайте дальше.

– Окей, я послушаю. – Рики Сью скрестила руки, на роскошной груди. – Только не подходите ко мне близко, а то я от страха описаюсь.

Не обратив внимания на выпад, Пепердайн продолжил:

– По мере того как проходили часы, ситуация, в поме-

щении банка накалялась. Местные полицейские попытались было договориться с этим стрелком – любителем, но он их проигнорировал и, зверея с каждой минутой, все чаще пробовал пальцем курок.

Дабы продемонстрировать, что у него намерения самые, серьезные, он застрелил охранника и сбросил труп на мостовую со второго этажа. Тогда только дозвонились до меня. Я тут же вылетел на место, прихватив с собой самого лучшего заговаривателя зубов, который имелся в моем распоряжении, то есть доктора Джона Макграта.

Рики Сью смотрела на Пепердайна, широко раскрыв глаза.

– Да, именно так. Доктора философии Джона Макграта. Он и диссертацию защитил по психологии и криминалистике. Короче, к тому времени, как мы туда добрались, местные ребята наладили связь с террористом. Джон вежливо попросил этого психа поговорить с ним по телефону. Он наобещал ему с три короба – что в таких случаях дело обычное – и проделал это столь мастерски, что и я чуть, было не поверил в нашу готовность все это выполнить.

Ну, естественно, Джон говорил с этим сумасшедшим и о его жене. Неужели, мол, он считает, что она к нему вернется, если он, псих то есть, и дальше будет вести себя подобным образом? И захочет ли она принять его назад, если тот не прекратит убивать людей – в общем, нес всякую ахинею. Решимость террориста поколебалась, и Джон постепенно на-

чал брать верх. Мы уже надеялись, что инцидент ограничится лишь одним трупом.

Одна из заложниц почему-то оказалась с детьми – один ребенок постарше, а другой – сосунок двух лет отроду. Короче, тот, что постарше, вдруг заревел, а, потом и сосунок к нему присоединился. Подобный дуэт несколько разволновал нашего психа, и он предложил мамаше как-нибудь их утихомирить.

Та, конечно, приложила все усилия, но детишки устали и проголодались. Слишком маленькие, чтобы осознать опасность, они продолжали капризничать и плакать. Псих пригрозил застрелить их, если они не перестанут. Невозможно объяснить, насколько тягостное чувство охватило нас, когда мы слышали вопли ничего не подозревавших младенцев и стенания их матери, просившей сохранить им жизнь.

Честно говоря, до сих пор не пойму, как Джону удавалось сохранить самообладание. Все остальные из нашей группы либо бесцельно бродили по комнате, либо тихонько переругивались, прислушиваясь к разговору. Между тем Джон пустился во все тяжкие. Он готов был пообещать маньяку даже луну с неба, если бы тот отпустил детей и их мать подобру-поздорову. Его голос звучал убедительнее, чем у любого гипнотизера, но мы-то знали, что он волнуется ничуть не меньше. Ни раньше, ни потом я не видел, чтобы человек так обильно потел. Пока шли переговоры он – незаметно для себя – вырвал из своей шевелюры целый клочок волос. Уж боль-

но он хотел освободить детишек из лап сумасшедшего.

Он на секунду замолчал, и Рики Сью поняла, что он подсознательно воскрешает в памяти ужасные минуты. Она с шумом сглотнула:

– Что же дальше?

Глаза Пепердайна словно пришилили женщину к грубой кожаной поверхности кресла.

– Парень пристрелил их в упор. Совершенно хладнокровно. Мать, малютку и мальчика побольше. Он снял их тремя выстрелами. К счастью, группа захвата ворвалась в здание и буквально разорвала мерзавца на части. Но он успел убить очаровательную молодую женщину и двоих ее детей.

Мы все опечалились по этому поводу, но больше других переживал Джон. Я сам наблюдал, как личность моего коллеги и друга в прямом смысле стала разлагаться на составляющие. Несколько месяцев спустя он ушел из Бюро в отдел безопасности.

До сего дня Джон не перестает себя корить, считает, что из-за того, что он в чем-то сплеховал, молодой человек лишился всей своей семьи. На самом деле Джон не в силах был что-то изменить. Абсолютно все, что надо было сказать в подобной ситуации – он сказал. Его дар убеждать, которым он владеет в совершенстве, никогда еще не проявлялся с такой силой и до такой степени. Он не сумел уберечь три эти жизни, но и никто бы не сумел, однако Джон до сих пор во всем винит себя.

Наступило тягостное молчание. Рики Сью отвела глаза под пристальным взглядом Пепердайна. Наконец она спросила:

– К чему вы все это рассказываете?

Джим так перегнулся через стол, что едва не задел ее своим носом.

– Вы не понимаете, к чему я клоню, Рики Сью? – ехидно уточнил он, отбросив всякую официальность. – Миссис Бернвуд и ее ребенок в опасности.

Рики Сью, наповал сраженная сексуальностью его взгляда, поначалу опешила и не нашлась, что ответить. Но вот она откинулась на спинку стула, дабы освободиться от чар полицейского:

– Вы опять пытаетесь меня надуть, а этот номер не пройдет.

Пепердайн обменялся взглядом с коллегами:

– Я что, в самом деле пытаюсь обмануть мисс Роб? Те мрачно покачали головами. Пепердайн снова повернулся к Рики Сью:

– Даже если Джон и в самом деле лишился памяти в автомобильной катастрофе, его детофобия все равно сидит глубоко в подсознании. Он чуть с ума не сходит, находясь рядом с каким-нибудь дитятей. Неплохо было бы вам на него посмотреть во время перелета Денвер – Даллас. Стоило ребенку заплакать, как он тут же покрывался пятнами.

– Если у него столь нестабильная психика, то с какой ста-

ти Вы доверили ему эту миссию – вот в чем вопрос? – поинтересовалась женщина.

– Да потому что я и понятия не имел, что они попадут в катастрофу и офицер безопасности, Фордхэм погибнет. Вся ответственность падет на меня, если Джон сломается и натворит невесть что. В сущности, я сделал это из добрых побуждений, считая, что контакт с миссис Бернвуд и ее ребенком излечит Джона. Но я, конечно же, не имел представления, что она натворит целую кучу глупостей. Причем глупостей наказуемых. Таким образом, – заключил Пепердайн, самым невинным образом простирая к ней руки, – теперь я не поручусь, что у Джона окончательно не поехала крыша и он их не прихлопнул.

– Ничего подобного. У них все в порядке, – в запале выкрикнула Рики Сью, тут же поймав себя на мысли, что позорно прокололась. Скрипнув зубами, она выругалась себе под нос.

Пепердайн, естественно, ухватился.

– Так значит, вы в курсе?

– Ничего подобного.

– Итак, где она находится?

– Понятия не имею.

– Запомните, Рики Сью. Вы оказываете медвежью услугу своей подруге, скрывая ее местонахождение.

– Клянусь, что не знаю, где она. – Не успев закончить фразу, Рики Сью спохватилась, что слишком часто моргает –

верный признак вранья для стороннего наблюдателя. – Ладно, ладно, знаю. Я разговаривала с ней. Сегодня утром. Она позвонила в офис, зная, что трубку обязательно возьму я. И сообщила, что они с Кевином в порядке, а потом повесила трубку. Она говорила всего несколько секунд, поскольку считает, что вы прослушиваете телефоны в конторе.

Она подождала с минуту, ожидая опровержений: со стороны Пепердайна. Тот же с отсутствующим видом отвел глаза:

– Так, значит, вы прослушиваете телефоны фирмы, да? Возможно и мой домашний тоже? – Рики Сью резко вскочила. – Ты, чертов сын! Ведь ты уже знал, что я разговаривала с Кендал! Так какого же черта ты устроил весь этот спектакль!

– Сядьте!

– Убирайся к дьяволу.

– Сядьте. – Пепердайн чуть ли не силой усадил ее на место. Рики Сью чуть с ума не сошла от ярости, но к этому чувству примешивалась и солидная доля возбуждения совсем другого рода. Он просто очаровал ее своей мужественностью, когда сердился.

– Вы самая близкая подруга Кендал, Рики Сью. Вполне вероятно, у вас есть некоторые соображения по поводу ее местонахождения.

– Должно быть, у вас что-то со слухом, Иначе бы вы слышали, как я допытывалась, но Кендал отказалась мне отвечать.

– Но должны же быть у вас хоть какие-то догадки на этот счет.

– Нет у меня никаких догадок.

– Если откроется, что вы лжете, я привлеку вас за сокрытие сведений, чрезвычайно важных для расследования.

– Ох, напугал, так напугал. – Она уперла руки в боки и отвернулась.

– Вы очень решительная дама.

– Вы так думаете? – Ухмыльнувшись, Рики Сью подмигнула его подчиненным. Пепердайн выглядел так, словно готов был сию же минуту ее задушить. Она отметила про себя, что в этом есть своя прелесть.

– Послушайте, я даже не знала, что она провела целый год в Денвере, добавила Рики Сью. – Клянусь, это правда. Ни мне, ни бабушке она не сказала ни слова о том, где скрывается. „Это для вашего же блага, – твердила она“. Она не хотела, чтобы мы лгали, если бы кто-нибудь начал расспрашивать нас. – Тут Рики Сью позволила себе улыбнуться. – Она всегда поступала чрезвычайно разумно.

– Да уж, куда разумнее чем вы. – Пепердайн, опершись на ручку кресла подался к ней. – Поймите, Кендал находится в компании человека, который всякий раз расклеивается, стоит ему услышать плач ребенка. А у миссис Бернвуд – сын.

Рики Сью издевательски присвистнула:

– Давайте все сначала. Уверена, что Макграт не столь уж нестабилен, как вы его живописуете, иначе ему бы не дове-

рили работу такого рода. Сильно сомневаюсь, что ваш свихнувшийся офицер способен причинить зло Кендал или ее ребенку.

Пепердайн сверлил ее своим колючим взглядом. Казалось, это будет продолжаться целую вечность. Потом он произнес:

– Скорее всего правы вы, а не я. Но ментальная стабильность Джона, несомненно, представляет дополнительную сложность для вашей подружки.

Он вытянул руку, и один из агентов вложил в его ладонь небольшой коричневый конверт, да так ловко, словно хирургическая сестра во время операции, подавая хирургу скальпель. Пепердайн, не спуская глаз с Рики Сью, открыл конверт и извлек оттуда фотографию. Без лишних слов он протянул ее женщине.

Рики Сью, едва взглянув на фото, издала жуткий вопль. К горлу волной подкатила тошнота, и она невольно зажала рот. На побледневшей коже особенно отчетливо проступили веснушки.

– Гиб и Мэт Бернвуды постарались. Это любовница Мэта – Логги Линэм, та самая, которая помогла им совершить побег. Ей перерезали горло, да так, что чуть было не отделили голову от туловища.

– Пожалуйста, – взмолилась Рики Сью, протестующие взмахнув рукой.

– Что „пожалуйста“? – Пепердайн повысил голос. – Да я

готов продолжать сколько угодно, если это поможет мне заполучить хоть какую-то информацию.

– Я уже сказала, – произнесла Рики Сью, сотрясаясь от рыданий. – Я не знаю, где скрывается Кендал.

– Вы не совсем представляете себе характер, который приобрели события. Побег из тюрьмы – само по себе серьезное преступление. Не говоря уже об изнасиловании и убийстве. Да, мы подозреваем, что прежде чем Лотти Линэм перерезали горло, ее предварительно изнасиловали. Мы имеем дело с самыми настоящими маньяками. Совершенно очевидно, что Бернвуды ни перед чем не остановятся, – при теперешнем развитии ситуации отступить, им некуда. Их прежняя жизнь закончилась, и закончилась навсегда. И они не питают никаких иллюзий. Так что терять им нечего. Но даже маньяк не станет совершать подобные злодеяния просто из любви к искусству. Эти ребята поставили перед собой определенную задачу. – Тут он понизил голос до шепота. – А теперь подумайте и скажите, какова задача Бернвудов?

– Найти... Найти Кендал.

– Именно. – Пепердайн мрачно кивнул.

– Это они вломились в бабушкин дом?

– Да, мы так считаем. Страшно, да?

– Они что, совсем близко?

– Похоже, они настроены более чем решительно. По крайней мере Гиб, а Мэт, по всей видимости, исполняет любой приказ, что заблагорассудится отдать его папочке.

Рики Сью кивнула. Именно такое у нее сложилось впечатление, когда Кендал делилась секретами своей замужней жизни.

– Теперь перед ними дилемма – все или ничего, – продолжал Пепердайн. – Видимо, Бернвудам даже наплевать, схватят их или нет, коль скоро убрали преданнейшую свою помощницу. Бернвуды решили, что она их предала. Они всегда считали ее чем-то вроде еретички. Возможно, Лотти усомнилась в правильности методов, которые практиковали Бернвуды, и выразила свое неудовольствие.

– И еще. Имейте в виду, Мэт Бернвуд узнал о том, что у него есть сын всего несколько дней назад. Не думаю, будто он сильно обрадовался, что бывшая жена утаила такое важное событие.

Пепердайн горько усмехнулся уголками губ:

– А вы-то сами еще не видели ребенка, Рики Сью?

– А я видел. И даже держал на руках. Весьма смышленный малыш, надо заметить. И очень похож на свою мать – вашу ближайшую подругу.

– Остановитесь.

Пепердайн закончил свой монолог довольно равнодушным голосом.

– За время своей карьеры мне пришлось расследовать массу преступлений, о которых и вспоминать-то нельзя без дрожи. Но я хочу добавить лишь одно – за последние несколько дней о Бернвудах и „Братстве“ открылось такое,

что даже у меня кровь стынет в жилах, а ведь мы только-только начали.

Он снова приблизился к Рики Сью И посмотрел на нее в упор:

– Я вполне допускаю, что эти фанатики в состоянии принести в жертву даже невинное дитя, лишь бы доказать, что они избраны Богом, и потому вправе попираť законы как человеческие, так и божеские. Может, вы хотите, чтобы маленький Кевин стал похож на Лотти Линэм? – тут он поднес фотографию жертвы к лицу Рики Сью.

– Прекратите! – Рики Сью отбросила руку Пепердайна, сжимавшую фотографию, и попыталась встать.

Пепердайн с силой надавил ей на плечи, не позволяя подняться:

– Если вы знаете, где прячется миссис Бернвуд – скажите. Тем самым вы спасете ей жизнь.

– Клянусь вам, что не знаю, – ответила Рики Сью, заливаясь слезами.

– Думайте! Где она могла спрятаться?

– Я не знаю.

Пепердайн выпрямился и глубоко вздохнул:

– Что ж, прекрасно, Рики Сью. Не доверяете мне и не доверяйте. Вы вольны ничего не говорить. Но своим молчанием вы ставите под смертельную угрозу две жизни, не считая жизни офицера Макграта.

Он выложил перед ней свою визитку:

– На обороте номер, можете звонить мне в любое время. Мы устроили штаб-квартиру в отделе полиции Шеридана. Там сообщат, где меня найти. Если позвонит миссис Бернвуд, передайте, чтобы она сдалась властям. Умоляйте сдать-ся. Клянусь, мы сумеем ее защитить.

Рики Сью, шмыгнув носом, вытерла его тыльной стороной ладони:

– Так значит, вы ее защитите. Так же, как раньше?

Кое-какое удовлетворение от беседы она все-таки получила – Пепердайн пулей вылетел из конференц-зала с перекошенным от досады лицом.

Глава тридцать седьмая

Мамочка раскудаhtалась от злости, как взбесившаяся курица, – мрачно заключил Генри, повесив трубку и обернувшись к брату.

Лютер в эту минуту занимался поглощением острейшего блюда из бобов, обильно заливая его пивом. С отсутствующим видом он предложил то же самое Генри. Он полностью отдался созерцанию трех юных особ женского пола, заливающих бак открытого „мустанга“ у заправочной станции-магазина.

– Напрасно они бегают голяком в таком местечке, – заметил Лютер, хлебнув содовой. – Больно уж короткие шорты. Стоит девчонке нагнуться, как видна уже вся подноготная. И эти штучки, которые называются „топ“. Больше показывают, чем скрывают, но стоит тебе взять такую вот шлюшку за задницу, она поднимет вой и тебя привлекут. Неплохая при манка для парней вроде нас, только больно уж опасная, – ворча закончил он.

Генри тоже взглянул на девчушек, но был слишком озабочен, чтобы уделить им достойное внимание. Он только что получил очередное вливание от мамы – не менее болезненное, чем порка веревкой, которую время от времени ему устраивал отец. Уж очень сильно она вопила, и каждое ее словечко звучало очень хлестко.

– Ты что не слышал, как она разговаривала со мной? Мама крайне недовольна.

Лютер в один присест прикончил свое переперченное блюдо, вытер рот клочком салфетки. И швырнул ее на пол:

– А в чем, собственно, дело?

– Ну, она нас обложила за вчерашнюю ночь.

– Интересно, откуда же нам знать, что федералы пасут квартирку старушки? Я, например, считаю, что мы просто молодцы, раз вышли на этот дом. Надеюсь, ты ей об этом сообщил?

– Да пытался, но не очень уверен, что мама поняла все, как надо. Очень уж она вопила. Ты же знаешь, что когда мама орет, то слушать она не в состоянии.

Лютер кивнул. Девчонки тем временем прошли внутрь заведения, чтобы заплатить за бензин. Они настолько увлеклись беседой и так хохотали, что лишь мельком взглянули на Лютера. Богатые такие шлюшки – из тех, что разъезжают на роскошных машинах, купленных заботливыми папашами к шестнадцатилетию своих чад. Такое ощущение, что весь мир у них в кармане. Девицы посмотрели сквозь Лютера, словно он стеклянный, словно передними сидел и не мужчина вовсе, а так, куча тряпья. Лютеру все это очень и очень не нравилось.

– Необходимо издать закон, чтобы подобные девицы не появлялись в общественных местах, размахивая сиськами, – буркнул он. – Я хочу сказать, что они вполне в курсе, какое

волнение в крови происходит при этому мужчины.

– Хватит тебе онанировать и обращать внимание на всякое дерьмо, – заорал вдруг Генри.

Генри, будучи всего на несколько минут старше брата, воспринимал свое старшинство с полной ответственностью. Он был воителем и, пожалуй, даже главнокомандующим, поскольку планирование операций входило в его компетенцию. Впрочем, по этому поводу они не ссорились. Лютер полностью признавал руководящую роль брата. Он предпочитал ни за что не отвечать. Просто выполнять команды – и все. И в этом на него вполне можно было положиться в любом предприятии, неважно, законном или нет. Он всегда находился на вторых ролях – делать делал, но думать отказывался напрочь.

Генри все еще не отошел от мамшиной взбучки:

– Она сказала, что даже если наши мозги вложить в одну голову, то все равно получится типичный кретин. Еще сказала, что только абсолютному идиоту может прийти в голову мысль заявиться в дом бабушки миссис Бернвуд, поскольку в этом самом месте исчезнувшую станут искать в первую очередь.

– Слушай, Генри, – тихо произнес Лютер. – Поклянись, что никогда не передашь мои слова Ма?

– Короче...

– Я наделал в штаны в буквальном смысле, когда за нами кинулись федералы, стреляя почему зря. В жизни – так не

боялся.

– Думаешь, я не испугался? Нам просто повезло, иначе две наших задницы давно бы стали украшением местной тюрьги.

Упоминание о тюрьме мгновенно напомнило им о Билли Джо и его горькой доле – и все из-за той проклятой бабы, которую они ищут. Неожиданно оба почувствовали, что чертовски устали, а кроме того, им порядком наскучило заниматься дурацкими розысками.

Но каждый из них помнил о маленьком братишке, запертом за решеткой в компании со всякого рода и цвета извращенцами и педиками. К тому же братья знали, что до конца жизни – по милости миссис Бернвуд – малыш останется калекой, и поэтому невольно накручивали себя, возбуждая собственную злобу и неутолимую жажду мести.

– Слушай, мы зря теряем время, околачиваясь в подобном местечке, – произнес Генри. – С каждой минутой она становится все более недостижимой.

– Вернусь через секунду, – заявил Лютер, двинувшись к выходу, – закажу еще порцию бобов.

– Как же, бобов, – с иронией заметил брат, схватив того за ворот рубашки. – Небось просто хочется еще разок полюбоваться на этих потаскушек.

– Ну и что с того, что я взгляну еще разок?

В течение часа они кружили по Шеридану в надежде, что созерцание родного города Кендал Бернвуд натолкнет их на

какую-либо мысль, на ключ, который прямехонько приведет их в гнездышко адвоката. Одно из возможных местечек, где Кендал могла бы скрываться, они уже проверили – и не без риска для собственной жизни, хотя дом ее бабушки и находился в малозаселенном пригороде.

Они и представить себе не могли, насколько нелегко отыскать эту даму. Оттого-то и приуныли, захотелось домой. С другой стороны, там, в Проспекте, ждала суровая Ма, которая просто вышла из берегов, узнав об их неудаче. Если они чего-нибудь не придумают в самом ближайшем будущем, то мамаша – уж будьте уверены – покажет им, где раки зимуют.

Бесцельно с час проколесив по городу; Генри припарковался на стоянке неподалеку от суда.

– Что это ты надумал, братец, – спросил Генри, – нервно оглядываясь. – Да здесь фараонов больше, чем мух на дохлом опоссуме.

– Им не удалось как следует рассмотреть нашу машину. В газетах нас называют неопознанными гостями. Судя по всему, они решили, что мы просто ребята, которые надумали спереть стереосистему и прогулять ворованное.

Объяснение старшего отнюдь не успокоило разгулявшиеся нервишки Лютера.

– Я все одно не врубаюсь, что мы здесь делаем?

– Ведем наблюдение, дурачина.

– И за чем мы наблюдаем?

– Просто смотрим. Глядишь, что-нибудь интересенькое

и высмотрим. Не уверен, что мы в состоянии выследить эту шлюху самостоятельно. Зато всегда может найтись человек, который приведет нас прямо к ней в норку.

Лютер расслабился и, устроившись поудобнее, откинул голову назад и закрыл глаза. Он лишь мечтательно пошвыстывал, представляя себе всяческие увлекательные вещи – в частности, как девчонки в шортах, ну те с автозаправочной станции, прямо-таки лезут из кожи вон, дабы исполнить его малейшее желание. Должно быть он задремал, поскольку очумело вскочил, выпучив глаза, от тумака Генри прямо ему в ребра.

– Давай, просыпайся и пошли.

Лютер потянулся на сиденье и зевнул:

– Ну и куда?

– Видишь парней, которые сейчас переходят через улицу?

Лютер проследил глазами за указующим перстом Генри:

– Этих в черных костюмах?

– Они только что выкатились из здания суда. Кто они, по-твоему?

– Федералы, кто ж еще?

– Ага.

– Не туда ли они направляются, где в свое время работала Бернвуд? Что-то они уж больно торопятся.

– Вот потому-то мне и кажется, что здесь есть какая-то зацепка, – бросил Генри. Они выбрались из машины и поспешили за фэбээровцами в адвокатскую контору „Бристол

и Мазерс“. До сих пор их действия не увенчались успехом, но кто знает?

– Они поднялись наверх в контору, – сообщил Генри, когда братья вошли в приемную. – Взгляни, лифт остановился на пятом.

Круки начали слоняться из угла в угол, стараясь не привлекать к себе внимание, хотя их невероятное сходство столь поражало, что едва ли не всякий посетитель, оказавшийся в приемной, чуть не скручивал голову, стараясь их получше рассмотреть.

Лютеру быстро надоело вынужденное безделье и он ворчливо занял, но Генри уходить не собирался. Прошло полтора часа и, наконец, они дождались. Из лифта шли те же самые люди в темных костюмах, за которыми они следили. Любому бы стало ясно, что те не на шутку взвинчены. Один из них – очевидно главный – и говорил, и двигался очень нервно.

– Уверен, она что-то скрывает. Ее гораздо больше страшит факт предательства подруги, нежели наши угрозы.

Вот и все, что услышали братья Крук, прежде чем официальные лица покинули приемную, на мгновение остановившись перед раздвижными стеклянными дверьми. Двойняшки посмотрели друг на друга.

– Как ты думаешь, кого это они имели в виду? – поинтересовался Лютер.

Словно отвечая на вопрос, двери лифта снова распахнулись и на сей раз выпустили крупную грудастую женщину с

неким подобием вороньего гнезда из рыжих волос на голове. Она хмурилась своим мыслям, а покрасневшие и припухшие глаза не вызывали сомнений, что женщина совсем недавно плакала.

Не обращая внимания на любопытных, она достала бумажный носовой платок и громко высморкалась. Женщина не обратила внимания на двойняшек, но только потому, что полностью была поглощена созерцанием мужчин в темных костюмах, которые, перейдя улицу, теперь направлялись в суд. Стоило ей их заметить, как она тут же погрозила им вслед весьма неприличным жестом – хотя бы и через стекло. Агенты, конечно, этого не разглядели, но подобное проявление эмоций, несомненно, доставило женщине некоторое удовольствие.

– Кто эта жирная деваха?

– Пока не знаю, – задумчиво почесал в затылке Генри. – Но, насколько я понимаю, между нею и федералами романа нет, так ведь? И еще – что общего между этими людьми, кроме Кендал Бернвуд?

– Мерзкая бабенка.

Гиб смахнул кипу журналов под названием „Плейгерл“ с кофейного столика Рики Сью:

– Дрянь. Пакость. И неудивительно – подобные вещи типичное хобби для шлюхи.

Мэт тупо смотрел на журналы, в беспорядке разбросан-

ные на полу, но даже не считая их столь вызывающими, он все равно бы этого не выказал. Он вообще сильно переменялся с тех пор, как Гиб зарезал Лотти, и они уехали, оставив труп в номере.

– Шумная, беззастенчивая женщина. Так и сыплет непристойностями. Помнишь, как она бесила нас вовремя твоей свадьбы? А сын?

– Да, сэр.

– Совершенно неподходящая подруга для женщины из дома Бернвудов.

– Совершенно верно, сэр.

– С другой стороны, дело приняло такой оборот, что ты оказался женат на предательнице.

– Да, сэр.

Вот уже несколько часов они находились в доме Рики Сю, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след, который привел бы их к нынешнему убежищу Кендал. Они перерыли все ящики письменного стола, перечитали каждый найденный там документ, включая квитанции об уплате налогов и личный дневник хозяйки.

До сих пор Бернвуды не обнаружили ничего стоящего, зато целиком и полностью выяснили, чем и как живет Рики Сю. Помимо огромного запаса всяческих духов, притираний и кремов, который, вероятно, не уступал запасам небольшого косметического салона, они обнаружили солидную коллекцию эротических книг и фильмов.

Они также нашли невообразимое количество презервативов, часть которых находилась в прикроватной тумбочке и которых хватило бы местной аптеке на значительный период времени. Презервативы имелись всех размеров, цветов и конструкций.

Женщина была также без ума от духов с цветочным запахом и всяческих гелей для душа. Помимо всего прочего, Гиб и Мэт наткнулись на совершенно прозрачную ночную рубашку длиной до пола и на пару трусиков, у которых в самом интересном месте зияла солидная прореха.

Кухонные шкафы и ящички оказались битком набиты коробками с печеньем, картофельными чипсами и бутылочками с диетической содовой. В холодильнике же оказалась лишь картонная упаковка с молоком, четыре ящичка с пивом по шесть банок каждый и большая банка с оливками.

Рики Сью отнюдь не являлась примерной хозяйкой, но, когда Мэт и Гиб завершили поиски, это уже не имело значения. Теперь они наскоро просматривали все снова, чтобы убедиться, не упустили ли чего важного.

– А под кровать ты заглядывал?

– Нет, сэр.

Они сорвали с кровати постельное белье и тщательно все обыскали, заглядывая даже под матрас, пока Мэт наконец не догадался посмотреть между ножками.

– Там какая-то коробка, отец.

Гиб мгновенно насторожился:

– Что за коробка?

Мэт извлек обычную обувную коробку и снял запыленную крышку. Внутри хранились личные письма хозяйки, и открытки, полученные на имя Рики Сью. Он передал ее Гибу:

– Здесь наверняка есть что-нибудь, написанное рукой Кендал, – возбужденно сказал тот, – Что ж, давай начинать.

Они направились в жилую комнату, где было куда больше места, чтобы разложить конверты с письмами. Прежде чем приступить к сортировке, Гиб на мгновение прислушался. Затем высунулся из окна, слегка отодвинув штору, и произнес:

– Она здесь. Машина только что подкатила к подъезду.

Он еще раз с нескрываемым отвращением глянул на кучу порнографических изданий, а затем медленно перевел глаза на Мэта:

– Надо использовать такую возможность, Мэтью. Мы посланы сюда исполнить свою миссию, сын. Так было задумано свыше. Иначе по какой причине она вернулась столь неожиданно, за несколько часов до конца рабочего дня? Ты понимаешь, о чем я?

Даже не думая перечить, Мэт послушно кивнул:

– Да, сэр.

Гиб знаком показал сыну, чтобы тот встал за дверью. Сам же скрылся в алькове, что без риска оказаться обнаруженным позволило ему наблюдать за входом. Оба, затаив дыха-

ние, замерли, уставившись в одну и ту же точку, – на ручку двери. Наконец в замочной скважине шелкнуло.

– Эй, рыжая!

Кто-то позвал ее с улицы.

Дело принимало неожиданный оборот, и Мэт вопросительно посмотрел на отца, ожидая дальнейших инструкций. Гиб снова кинулся к окну, стараясь разглядеть происходящее сквозь щель между шторами.

– Что там такое? – Она оставила ключ в двери и повернулась узнать, кто кричит:

– Мы ищем Сансет-стрит. Вы знаете, где она. Находится?

– Может, знаю, а может, нет, – кокетливо отозвалась Рики Сью.

– Может, спустишься и мы побеседуем, как следует?

– Лицо Гибба перекопилось от ярости. Он ткнул пальцем в пространство, приказав Мэту выйти и выяснить, что и как, прямо на улице. В старом „камаро“, припарковавшемся на углу, сидели Генри и Лютер Круки.

– А этим что здесь надо? – негодуяше прошептал Гиб.

Рики Сью уже вертела задницей около автомобиля и старательно втолковывала водителю, как проехать на Сансет-стрит. Она недвусмысленно флиртовала с ними, и двойняшки во все глаза пялились на нее, совершенно обалдев от подобного поведения столь дородной дамы.

– Слушай, они, пожалуй, занимаются тем же, что и мы, – начал Гиб после минутного раздумья. – Пытаются при-

щучить Кендал из-за Билли Джо. Приписывают ей еще и несчастный случай, который с ним произошел, – произнес он со смешком.

– Жажда мести, вот в чем секрет! Значит, они постараются найти ее раньше, чем федералы. – Он многозначительно взглянул на Мэта. – То есть они делают то же, что и мы. За маленьким лишь исключением: нас оберегает высшая сила. Возможно, именно братья Крук попали в ловушку ФБР в бабушкином доме. В газетах, правда, глубокомысленно, упоминалось, что это наша работа, как будто мы полные идиоты.

Мэт по-прежнему слушал молча, время от времени лишь кивая головой.

А Рики Сью все еще вдохновенно жестикулировала, продолжая давать объяснения братьям Крук.

Гиб приблизился к Мэту и тронул его за плечо.

– Пойдем отсюда. Совершенно очевидно, что Господь изменил свои планы. Не слишком удобный момент. Творец подаст нам сигнал при случае. Захвати с собой коробку.

Гиб направился к окну в спальне, выходявшему на задний двор. Через это окно они проникли в квартиру Рики Сью. Все так же, не проронив ни звука, Мэт проследовал за, ним.

Глава тридцать восьмая

Во временный офис Пепердайна шагнул полисмен Шеридана.

– С вами кто-то хочет поговорить, сэр. Какая-то женщина, сэр. Она отказывается объясняться с кем-либо другим. Третий телефон, пожалуйста.

– Женщина? Миссис Бернвуд? – с чувством смутной надежды Пепердайн схватил трубку и нажал кнопку связи с абонентом. – Пепердайн на проводе:

– Ты подонок.

– Извините?

– Ты все прекрасно слышал. Повторяю – ты самый настоящий вонючий подонок. И это только для начала. Как только у меня закончатся все самые грязные ругательства на английском языке, я перейду на иностранные. И только лишь для того, чтобы ты наконец врубился, какая ты сволочь.

Пепердайн тяжело вздохнул:

– Основное я принял к сведению, мисс Роб. Может, все же теперь расскажете, что послужило причиной вашего непристойного звонка?

– Ты отлично знаешь, почему я звоню, скотина!

Она вопила настолько громко, что находившиеся в комнате сослуживцы слышали каждое слово через микрофон телефонной трубки. Бросив все дела, они недоуменно воззри-

лись на шефа. Вероятно, многие в тот момент позавидовали смелости Рики Сью.

– Эти негодяи переверорошили весь мой дом вверх тормашками, – продолжала орать Рики.

– Какие такие негодяи?

– Твои, какие же еще? Они перерыли ящик за ящиком в моем комодe, правда, правда. Разбросали по полу все белье...

– Подождите минуту. – Пепердайн рывком подвинул кресло и прочно утвердился в нем. – Значит, ваш дом обыскивали?

– А ты думаешь, я шучу, Шерлок?

– И вы полагаете, что это работа моих сотрудников?

– Нечего разыгрывать из себя идиота. Они.

– Я еду к вам. – Пепердайн повесил трубку и пролаял команды двум своим людям, приказав его сопровождать. Затем сорвал с вешалки пиджак и поспешил к ближайшему выходу.

Уже через пять минут он стоял лицом к лицу с Рики Сью У дверей ее квартиры. Она буквально заходилась от ярости и негодования, и ее экстрамодная прическа приобрела довольно жалкий вид.

– Не мешало бы вашему начальству, мистер Пепердайн, поучить вас хорошим манерам. Сначала вы посылаете по мою душу парочку извращенцев, чтобы разведать, что и как, а потом устраиваете обыск. Я не затем плачу налоги государ-

ству, чтобы какой-то там „специальный агент“ творил, что...

– Парочка „извращенцев“, О которых вы упомянули, мадам, не имеют, ни малейшего отношения к тому, что произошло у вас дома. – Он отстранил женщину, вошел внутрь и принялся быстро задавать вопросы. – Все осталось в том же самом виде, в каком вы застали квартиру? Как, по-вашему, когда совершено нападение? У вас ничего не пропало? Надеюсь, вы ничего здесь не трогали до нашего приезда?

Пока остальные агенты бродили по комнатам, пытаюсь определить ущерб, нанесенный хозяйке, но при этом стараюсь ничего не трогать, дабы сохранить улики, Рики Сью стояла, как монумент, посреди гостиной, сжав кулаки и уперев руки в боки.

– Вы что, занялись моей подноготной, Пепердайн?

– И в мыслях не имел, – ответил тот. – Перед обыском мы бы обязательно разжились необходимым ордером. И поступаем так всегда, ибо потом иной судья не преминет поставить нам это в виду. В любом случае, заверяю официально, кто бы это ни натворил, мои люди и люди Службы безопасности тут ни при чем, равно как славные представители полиции Шеридина.

– Тогда кто же это мог быть, разрази меня гром?

– Представления не имею. Но собираюсь выяснить, – добавил он в сдержанной манере. – Что-нибудь пропало?

– Пока не заметила, но, признаться не слишком присматривалась. Я открыла дверь, увидела весь этот кавардак и на-

столько разъярилась, что не стала и думать о потерях, а сразу позвонила вам.

– В таком случае посмотрите.

Она выполнила его требование, в то время как люди Пепердайна по телефону потребовали незамедлительной присылки экспертов. Те прикатили почти сразу, и Рики Сью оставалось только смотреть на то, как ее жилище подвергается новому насилию – на этот раз со стороны профессионалов, пытавшихся выяснить, кто сделал это первоначально.

– Послушайте, у вас особый случай, – заметил Пепердайн в ответ на протесты женщины. – Мы расследуем государственное преступление, а поскольку вы, мисс Роб, являетесь близкой подругой пропавшей свидетельницы, то соответственно, того не желая, превращаетесь в важный элемент опасной игры.

– Но это возможно, совершенно случайный налет и не имеет ничего общего со всем этим делом.

– Вы верите в свои собственные слова не больше, чем, я, – доверительно склонился к ней Пепердайн. А про себя отметил, что протесты жертвы налета уже потеряли былую экспрессию. Его это вполне устраивало. Коль скоро поначалу не удалось уломать ее уговорами, то, теперь им на руку элементарный страх.

– Налетчики пришли сюда не грабить или воровать, – объяснил ОН. – Они оставили все, что Забирают в подобных случаях – телевизоры, видеокамеру, стереосистему. Они ис-

кали совершенно другое.

– Что же именно?

– Похоже, их интересовала даже самая мизерная информация, наталкивающая на след миссис Бернвуд.

– В таком случае они остались с носом – им просто не повезло.

Пепердайн в течение всего времени, пока работали его агенты, сознательно игнорировал грубость Рики Сью, поскольку его внимание привлекло кое-что поинтереснее.

– Готов поклясться, что одиночка оказался бы не в состоянии устроить подобный бедлам. Подсознательно, вы тоже пришли к аналогичному выводу. Заметьте, что вы упоминаете о погромщиках во множественном числе.

– Не стоит обращать особого внимания на то, что я болтаю. Преимущественно несу то, что приходит мне в голову.

– Но, признайтесь, ваша болтовня имела под собой основу. Вы кого-то имели в виду, правда? Также, как и я.

Рики Сью нервно облизнулась:

– Вы думаете, это Мэт Бернвуд и его отец?

– Не исключено.

– Черт возьми, – простонала Рики. – Я не хочу связываться с этими вандалами.

– Когда вы приехали, то охарактеризовали возможных преступников как „извращенцев“. Хотелось бы знать, почему? – спросил Пепердайн. – Разумеется, они выкинули из ящиков все ваше белье, но это обычное дело для жуликов,

которые ищут деньги или драгоценности.

– Не то. – Взяв за руку, она подвела его к кофейному столу. – Только взгляните на эти журналы.

Обнаженный, мускулистый парень с ухмылкой взирал на них с обложки журнала „Плейгерл“.

– Мужик, что называется, исправный. Ну и что?

– Действительно исправный. Ну и с какой же стати я стала бы топтать его каблуками и уничтожать такую прелесть?

И, правда, в самом центре обложки зияла дыра, а по краям бумага оказалась запачканной. Похоже, кто-то и впрямь потоптал здоровяка ногами.

– Может, это сделано без всякого умысла, случайно.

Рики Сью покачала своей рыжей копной:

– Сомневаюсь, ибо вот вам еще пример. Меня это просто взвинтило донельзя – ведь я уплатила за книжку около пятидесяти долларов. Единственный сувенир из Сан-Франциско, я проводила отпуск два года назад.

Книги и видеокассеты, заполнявшие полки над диваном, валялись теперь без всякого почтения под ногами. Пепердайн нагнулся, чтобы как следует рассмотреть издание, к которому относилось замечание Рики Сью. На цветном развороте альбома эротики обнаженная парочка предавалась радостям секса. Фотографию перечеркивали следы грязных подошв, словно кто-то вытер о нее свою обувь.

– Не слишком скромная поза, – отметил Пепердайн.

– Да, пожалуй, самая откровенная сцена во всем альбоме,

оттого-то налетчики ее и выбрали. А между нами, картинка эта одна из лучших и сама по себе оценивается в пятьдесят зеленых, не говоря уже о том, что здесь же запечатлен некий Джек – парень, который приходит ко мне в сновидениях.

– Я куплю вам другой экземпляр, – успокоил ее Пепердайн, поднимаясь на ноги. – Более того, куплю вам целую чертову библиотечку самых мерзких книжонок, если вы скажете мне, где миссис Бернвуд.

– У вас что, со слухом не все в порядке? Тогда читайте по губам. Я не знаю. – Она широко раскинула руки, словно пытаясь охватить все свое поруганное жилье. – Всякий, кто ворвался сюда с целью обнаружить так называемый ключ к тайне убежища Кендал, попусту тратит время – ну вот как вы, например.

Сэр, это были они, нет никакого сомнения. Отпечатки пальцев совпадают.

Пепердайн поблагодарил офицера за оперативность и обратился к капитану полиции:

– Вы слышали, что он сказал? Гиб и Мэт Бернвуды устроили погром в квартире мисс Роб – и не далее, как Сегодня днем. Они в городе. Объявите общую тревогу. Все эти люди в вашем распоряжении, и подъедут еще. Надо найти этих ублюдков. Сегодня вечером. Да что вечером – сейчас, сию минуту!

Полицейские сразу же двинулись к выходу, выполняя ко-

манду Пепердайна, но один из агентов ФБР отозвал капитана на пару слов:

– Ублюдки-то мерзкие, но предупредите своих людей, чтобы они не заблуждались относительно видимой респектабельности Гиба и Мэта, их приятных манер. Это фанатики, считающие себя орудием Провидения, готовые убить каждого, кто встанет у них на пути. Предупредите офицеров, чтобы они вели себя с особой осторожностью, если засекут Бернвудов.

– Слушаюсь, сэр.

Пепердайн плюхнулся в кресло и прикрыл ладонями усталые глаза. Расслабиться и, наконец, как следует отдохнуть – все еще непозволительная роскошь. С тех пор как пропал Джон, он спал от случая к случаю, урывая буквально минуты. Он и впредь не собирался спать до тех пор, пока Бернвуды не окажутся за решеткой и не объявится Джон.

В сущности, беседуя с рыжеволосой валькирией, он говорил правду. Исчезновение Джона он рассматривал, как свою персональную вину.

А ведь все так хорошо начиналось, с безобидной шутки, которая неожиданно превратилась в весьма жестокое испытание. Он-то полагал, что, такого задание окажет на Джона исцеляющий эффект. По его мнению, стоило Джону пообщаться с ребенком миссис Бернвуд, как забудется ужасное происшествие в Нью-Мексико.

Да, именно так думал Пепердайн, поручая миссис Берн-

вуд и ее ребенка заботам Джона. Он и представить себе не мог, что его друг станет главным действующим лицом разыгравшейся драмы.

Чем больше информации собирало ФБР на „Братство“, тем сильнее тревожился Пепердайн за, судьбу Джона и миссис Бернвуд. В архиве пресловутых „братьев“, числились ритуальные убийства, отрубания рук и ног, всевозможные тайные сборища с паролями, напоминавшие шабаш, даже пытки с использованием всякого рода инструментария – короче, все, что заставило бы известного маркиза де Сада побледнеть от зависти.

Пепердайн поднялся и, потирая уставшую спину, направился к окну. Перед ним лежал Шеридан, укутанный вечерним сумраком. Темнота, всегдашний союзник преступников, уже сгустилась, значит, у Бернвудов теперь куда больше укромных мест, чтобы пересидеть и избежать ареста. Они наверняка где-то там, в городе. Но где?

Опять же неизвестно где находятся Миссис Бернвуд и его друг Джон Макграт. Но никто на свете не в силах испариться или исчезнуть бесследно. Кто-нибудь где-нибудь ее обязательно видел.

– Но где, черт побери? – неожиданно вслух спросил Пепердайн.

Неясно даже, откуда начинать поиски.

Лишь одно специальный агент Пепердайн мог утверждать наверняка: если Мэт Бернвуд обнаружит свою бывшую жену

раньше, чем представители власти, той не придется волноваться из-за преступлений, которые она успела совершить.

Ее просто убьют – всего-навсего.

Глава тридцать девятая

Женщина скончалась, даже не успев предстать перед судом. Она умерла от СПИДа – униженная и корчась от боли. Единственное, что она хотела перед смертью – это попроситься с детьми. В просьбе было отказано».

Кендал пересказала Джону историю, которую в свое время, чуть ли не миллион лет назад, поведала Мэту и Гибу. Это и в самом деле происходило миллион лет назад – далеко-далеко от маленькой спальни в деревенском доме дедушки в юго-восточной части Теннесси.

– Всякий раз, проигрывая дело, я принимала неудачу очень близко к сердцу. А в данном случае, похоже, проиграла его дважды.

– Так вот почему ты избрала для себя самую трудную профессию в области юриспруденции.

– В какой-то степени.

– Конечно, случай этот – вещь беспрецедентная, но, мне кажется, ты сделала выбор куда раньше – еще до того, как стала адвокатом и занялась этой больной СПИДом женщиной.

Кендал подняла голову, которая покоилась у Джона на плече, и внимательно посмотрела на него:

– Отчего ты вдруг решил заняться моей биографией? Это так важно?

– Я не знаю ничего вплоть до того момента, когда ко мне вернулось сознание. Да. Для меня это важно.

Вздыхнув, она снова склонила голову ему на грудь. На самом деле она не больно-то жаждала распространяться о себе, что и не скрывала. Просто его спокойствие и уверенность в себе невольно вызвали у нее своего рода приступ откровенности. Хотелось же ей – и в этом нет никаких сомнений – остаться в его мыслях и памяти после всего.

– Отчего ты такая загадочная, Кендал?

– Кто сказал?

– Послушай, – произнес Джон, – давай поговорим. Что случилось с твоими родителями?

– Они погибли во время перелета в Колорадо, где хотели отдохнуть и покататься на лыжах. Самолет потерпел аварию.

– А что это были за люди?

– Жизнелюбивые, энергичные, веселые. Отзывчивые, открытые для всех, и, конечно же, они любили меня. Я всегда считала, что лучше моих родителей нет никого на свете, и любила их всем сердцем.

– Родители умерли рано, задолго до того, когда приходит естественная смерть. Поэтому ты решила прожить и за них тоже и получить от жизни то, что не смогли они. Вот что движет тобой в твоих устремлениях.

Кендал снова приподнялась:

– Да кто ты такой наконец, психоаналитик, что ли? – Она явно его подкалывала, но он даже не улыбнулся.

– Так что же сделало тебя столь целеустремленной, Кендал? Откуда такая железная воля, а?

– Я уже говорила...

– А если поглубже.

– Ладно, раз уж ты строишь из себя доктора. Я тебя рассмешу.

Она перевела дыхание и глубоко вдохнула:

– В то самое утро, когда они собирались в Колорадо, отец сказал мне на прощание: «Прежде чем мы вернемся, ты уж постарайся и убери свою комнату так, чтобы мы могли тобою гордиться». – Так вот, они не вернулись и я, по-моему, продолжаю жить так, чтобы родителям было не стыдно за меня.

– Что ж, очень образно, но детали опущены.

– Благодарю. Тем не менее, может, сменим тему? Выберем что-нибудь попроще? Чтобы играть в «доктор – пациент» существует масса способов куда забавнее.

– Трудно разжиться одобрением со стороны мертвых, Кендал. Сомневаюсь, что человек может быть идеальным.

– А мне говорили, что может.

– И кто же?

– Мой муж.

Он взглянул на нее, и сердце Кендал чуть не оборвалось. Объятая паническим ужасом от содеянного, она лихорадочно соображала, как бы понатуральнее продолжить разговор, поскорее придумать удобоваримое объяснение.

– Я хотела сказать, что ты совершенно другой человек, со-

вершенно непохожий на того, которого я называла «мужем»
И который предал меня.

– И этот «мужчина» – я. Так или нет?

– Да, ты, – ответила она хрипло; – Ты сумел изменить-
ся даже за тот ничтожный промежуток времени, что мы на-
ходимся здесь. Более того, ты и отдаленно не напоминаешь
парня, за которого я вышла замуж. Тот, другой – часть ноч-
ного кошмара, который творился давно и в другом месте.

Некоторое время он смотрел на нее в упор, прежде чем
возобновить дискуссию:

– Ты начала лгать с того самого момента, как рассказала
о гибели родителей, правда?

– Я не лгу.

– Мне кажется, означенный пункт даже не нуждается в об-
суждении, Кендал. В этой области у тебя просто нет равных.

– Ну уж если бы я оказалась такой лгуньей, какой ты си-
лишься меня изобразить, тебе бы в жизни не догадаться, что
я лгу.

– Да нет, ты же не только лжешь, иногда и реальные факты
сообщаешь. Вероятно, такой профессионализм достигается
годами упорной практики.

– Мне просто всегда хотелось приукрасить события. Еще
совсем маленькой девочкой... мне хотелось усовершенство-
вать, что ли, окружающий мир, привести в соответствие с
душевными запросами. Вместо своих погибших родителей
я придумала других, загадочных, и снабдила их фантастиче-

скими биографиями. Согласно моей версии, важные события не позволяли им жить вместе со мной.

В один прекрасный момент я решила, что мои родители – кинозвезды, которые хотят спасти меня от Молоха под названием Голливуд. На следующий год посчитала, что они – исследователи Северного полюса. Затем я начала утверждать, что папа с мамой – миссионеры и работают за «железным занавесом», а заодно выполняют опасную работу по заданию ЦРУ.

– Вот это воображение!

Она улыбнулась лукавой доброй улыбкой и добавила: – Мое воображение не слишком пришлось по нраву школьным учителям. Обычно меня наказывали, поскольку принимали мои фантазии за ложь, а я всего лишь хотела изменить обстоятельства, которые мне казались несправедливыми.

– А как там дальше, в отрочестве? Если ситуация, на твой взгляд, становилась невыносимой, то как ты поступала?

– Например? – осторожно поинтересовалась она.

– Очень просто. Если бы твоего мужа поразила амнезия и он забыл, как складывались ваши взаимоотношения на самом деле, ты сказала бы ему правду или соврала?

На глаза Кендал навернулись слезы. Она печально покачала головой:

– Ты прав. Слишком уж много пришлось обманывать. Но только для того, чтобы приукрасить действительность. Впрочем, признаю, иногда я, таким образом, добивалась ка-

кой-нибудь своей цели.

Она задумчиво взъерошила его волосы, коснулась ресниц, губ.

– Хотя вряд ли все можно выдумать. В любви, например, не обманешь. Я бы не смогла притворяться. Даже страдая от амнезии, ты бы узнал правду, ведь так? Ты бы ее почувствовал. Послушай, как бьется сердце. – Она приложила его ладонь к своей груди. – Когда амнезия отступит, ты, возможно, начнешь страдать другой ее разновидностью, то есть забудешь все то, что произошло после аварии. И время, которое мы провели вместе в этом доме.

Кендал приблизила к себе его лицо и, наклонившись, прошептала:

– Но если память о прошлом так и не вернется, помни – пока мы жили здесь, я тебя любила. – словно в подтверждение своих слов она нежно поцеловала его в губы.

Джон не замедлил ответить, и вот уже они слились в долгом сладострастном, зовущем поцелуе. Он принялся ласкать ее – податливую, томную, влекущую. Она словно бы невзначай, коснулась коленом его паха.

– Еще, – попросил он шепотом.

Женщина легонько заскользила в его объятиях, не оставляя стараний до тех пор, пока не ощутила всю мощь и силу его естества. Затем, сгорая от желания, принялась исследовать его плоть, надавливая ласково, но сильно.

Джон продолжал целовать ее, одновременно пытаясь пе-

ревернуть на спину. Кендал вся отдалась во власть чувству и с замиранием сердца, но без малейшего намека на стыд или скромность, позволила любить себя всю. Он целовал ее лоно, проникал языком в самые интимные места и укрытия. Нежными мягкими губами касался ее шрама на животе, волнующих холмиков груди, розовых трепетных сосочков. Джон дотрагивался до нее так бережно и деликатно, что она, вытянувшись в струнку, отзывалась всеми фибрами своей души, вторя его движениям.

Он приподнялся на руках и осторожно вошел. Горячая волна страсти захлестнула их с головой, подхватила и понесла, заставляя слиться в единое целое, чтобы не погибнуть в этом бушующем море любви.

Кендал, как в бреду, запустила пальцы в волосы Джона и приподняла его голову.

– Открой глаза, Джон. Взгляни на меня, – попросила она тихо, но настойчиво. – Взгляни повнимательнее. Взгляни и запомни.

Он сделал так, как она просила, ни на секунду не оставляя свои попытки познать всю ее до конца, до самого донца. Когда все кончилось, он позвал ее хриплым, сдавленным голосом и вновь забылся в любовном экстазе.

Они, наконец, очнулись. Кендал долго еще сжимала его в своих объятиях, а он уткнулся в нее лицом. Женщина гладила его по голове и непрерывно шептала:

– Помни обо мне, Джон. Прошу тебя, помни обо мне.

Глава сороковая

Мужчина втиснулся на диван, наискосок от Рики Сюю.

– Приветик.

– Отвали.

– Не очень то по-соседски, не находишь? Или ты уже за-была? Мы с братом сегодня интересовались дорогой.

В течение последнего получаса Рики Сюю сидела в одиночестве, выпивала и пыталась как можно скорее позабыть все те гнусности, которые наболтал Пепердайн.

Если что-нибудь случится с миссис Бернвуд и ее ребенком, то не кто иная, как Рики Сюю, окажется виноватой – вот что он говорил.

Если Рики Сюю хочется увидеть свою лучшую подругу в добром здравии, тогда нечего финтить – пусть она, Рики, выкладывает все, что знает.

В случае гибели матери и ребенка, их смерть ляжет тяжким грузом на роскошную грудь Рики Сюю. Короче, утверждал Пепердайн, их жизни – в ее руках.

Он все говорил и говорил, расписывая всяческие ужасы и предсказывая последствия безответственного поведения Рики Сюю. И ей наконец захотелось любой ценой избавиться от голоса, который, казалось, проникал повсюду. Пепердайн и его люди ушли, но тут в пустом доме она ощутила что-то вроде приступа клаустрофобии. В нем по-прежнему царил

невообразимый кавардак, Пепердайн, правда, обещал прислать команду уборщиков, дабы помочь избавиться от этого ужасного черного порошка, которым агенты посыпали вещи в поисках отпечатков пальцев злоумышленников, но это будет только завтра, а пока она больше ни секунды не желала оставаться в своем поруганном жилище.

Представив, что кто-то проник к ней в дом, касался ее вещей и интимных предметов, не предназначенных для всеобщего обозрения, Рики Сью обмирала от чувства незащищенности. Кроме того, вот уж никогда бы не призналась Пепердайну, она просто боялась оставаться дома одна.

Ей было жизненно необходимо выбраться на люди. Вот она и завалилась в этот бар. Она не слишком часто навещала сие заведение, но сегодня вечером компания просто ни к чему. Рики Сью нарочно избегала многолюдных клубов, где ее знали очень и очень хорошо и где она, вероятнее всего, встретила бы кого-нибудь, пожелавшего эту встречу отметить.

Хотелось побыть в одиночестве. Наедине с собой.

Уже несколько мужчин пытались к ней подъехать, дабы завязать знакомство, но она отшила их суровым взглядом. Оттого-то никто и не подсел.

Подняв глаза и повнимательнее присмотревшись к смельчаку, отважившемуся с ней заговорить, она мгновенно его узнала – даже сердце екнуло. Неприступное выражение лица почти автоматически сменилось улыбкой.

– Так вы нашли Сансет-стрит?

– Ага. По вашей милости. Но приятель, которого мы искали, уже успел переехать из вашего городишка. – Генри Крук равнодушно пожал плечами. – Ну и черт с ним. Мы особо-то не напрягались – нет – ну и не надо. Так, ошивались в округе, вот и подумали, что заодно прихватим парня.

– А где ваш брат?

– Его зовут Лютер. А меня – Генри.

– А меня – Рики Сью. Рики Сью Роб.

– Забавно, встречаемся второй раз на дню не сговариваясь. Судьба что ли.

– Может, – охотно согласилась Рики Сью.

Его глаза лучились удивительной синевой под стать прекрасным светлым волосам. Не гигант мысли, конечно, но что с того? Пепердайн, к примеру, умница, затонет проходу от вопросов.

Кроме того, очень умные мужчины только усиливают комплекс неполноценности. Она предпочитала мужчин равных себе по умственному развитию. Обычно просторечия в лексиконе избранника настораживали ее, но Генри и его брат-близнец казались такими нетронутыми, свежими, что это невольно возбуждало.

Рики Сью притворно опустила ресницы, якобы от смущения:

– Я уже почти прикончила свой напиток.

– Может, пропустите еще?

– О, как чудесно. Виски с содовой, пожалуйста.

Генри отправился к стойке и сделал заказ. Оглянувшись, он улыбнулся с такой откровенно мальчишеской застенчивостью, что у нее перехватило дыхание. Скромные парни всегда волновали Рики Сью. Ведь она могла научить их таким штучкам!

Парень вернулся назад с напитками в руках. Отхлебнув немного, она поинтересовалась:

– Вы откуда такие взялись?

– Хм. Из Западной Вирджинии.

– Да что ты? Судя по акценту, откуда-то южнее.

– Мы воспитывались в Южной Каролине, но семейство переехало, когда пришел наш с Лютером черед посещать школу высшей ступени.

– Чем занимаетесь?

– Все больше автомобилями и моторами.

– Как интересно! – воскликнула она с придыханием. – Всю жизнь сходила с ума по тачкам, моторам и разным подобным вещам.

Ничего подобного она вовсе не любила, просто напускной энтузиазм позволил ей нагнуться поближе к собеседнику и продемонстрировать свой чрезвычайно глубокий вырез. Она носила черный, сильно открытый топ поверх черного же бюстгальтера, который в большей степени подчеркивал формы ее груди, нежели скрывал.

Явно потрясенный увиденным, Генри расплескал пиво, не

успев поднести к губам:

– Вы знаете, а ведь мы с братом вернулись только для того, чтобы снова вас увидеть.

– Да что вы? И когда?

– Ну, как только выяснилось, что нашего дружка нет по адресу. Когда мы подъехали, очень смахивало на то, что в вашем доме и вокруг так и сновали полицейские.

Рики Сью нахмурилась:

– Да, полиция и вправду ко мне приезжала. Кто-то вломился в мой дом.

– Что, правда, без дураков? И что они украли?

Женщина теперь уже просто легла грудью на стол: – Генри, душка, ты не против сменить тему разговора? У меня чертовски мерзкое настроение после всего этого.

Она протянула руку и тот крепко ее пожал.

– Неудивительно. Мы с Лютером так и решили, мол, случилось что-нибудь неладное, особенно когда увидели этих парней в штатском, которые вели наблюдение за домом.

Рики Сью, конечно, несколько захмелела, но, тем не менее, насторожилась и вырвалась из рук Генри.

– Что это за парни в штатском? О чем это ты, дружок?

– Да нет, мы ничего такого не подумали. Решили, что бывший муженек приставил к вам шпики.

– Я не была замужем.

– Угу. – Он нахмурился с глубокомысленным видом. – Тем не менее, кто бы они там ни были, работенку свою эти

ребята выполняют исправно. По крайней мере, проследил и за тем, как вы сюда вошли.

Бернвуды! Они, возможно, уже здесь. Возможно, она у них на мушке. Возможно, в этот самый момент перекрестье прицелов их знаменитых винтовок направлено ей прямо в затылок! Кендал рассказывала об их любви к оружию!

– Где они? – хрипло произнесла она.

– Вон там укрываются, как раз за автоматом по продаже сигарет. – Он кивнул головой куда-то назад. – Можете даже повернуться – сейчас они на вас не смотрят.

Рики Сью скользнула глазами в указанном направлении. Один из парней в штатском явно относился к ведомству Пепердайна. Другого она не видела раньше, но манерами и одеждой он также напоминал служаку ФБР. Они смотрелись довольно забавно в новеньких чистых шляпах, словно нарочно надетых, чтобы выделяться среди местных.

– Вот жопа, – прошипела она. – Нет, ему верить не придется. Он приставил ко мне сыщиков, словно я преступница.

– Кто приставил? Да в чем дело-то? И как зовут этого, который «жопа»? Хотите, мы с Лютером ему за вас накостыляем?

– Нет, ничего, все это пустяки...

– Послушайте, если вы попали в беду...

– Я-то нет, зато одна моя подруга – да. Эти парни из ФБР. Они думают, что я кое-что знаю, но отказываюсь говорить.

– Это правда?

– Да если бы даже и знала, все равно не сказала бы им ни слова.

Конечно, с ее стороны было рискованным шагом рассказать вероятному ухажеру, что она втянута в серьезное дело, где правит бал ФБР, но вместо того, чтобы струхнуть, тот, похоже, даже воспрял духом.

– Ого-го! А вашу жизнь скучной не назовешь, леди.

Рики Сью с облегчением перевела дух, но так, чтобы не заметил ее визави, и наградила поклонника озорной улыбкой.

– Ты и представить себе не можешь, парень...

– Но я бы с удовольствием представил.

– Тогда давай отсюда сматываться, – предложила Рики Сью, повинувшись внезапному импульсу. Если ей и было когда необходимо расслабиться, то нынешняя ночь подходила как нельзя лучше. – Я знаю неплохие заведения, где вести беседу один на один куда приятнее.

Она единым духом опустошила стакан виски с содовой и собралась уже было уходить, как вдруг вспомнила про команду Пепердайна, приставленную следить за ней:

– Черт! Не хватало еще, чтобы они ошивались рядом. Генри разрешил проблему в два счета.

– У меня есть идея. Мой брат в соседней комнате играет в бильярд. Что, если нам вдвоем направиться туда? Я побуду там самую малость, а потом вернусь к стойке, но уже один,

вроде как мы с вами не поладили? Тем временем вы с Лютером выйдете на улицу через черный ход. Я же – некоторое время спустя – тоже выйду, но, естественно; через главный вход. Когда до них наконец допрет, что вы слишком долго обретаетесь в задней комнате, и они туда войдут, выяснится, что птичка давным-давно улетела.

– Великолепно. – Она качнулась, вставая на ноги. – Опа. Вот я и готова к подвигам. – Тут она почему-то хихикнула.

Генри, дабы поддержать, приобнял Рики Сью за талию: – Черт, видно, что вы не привыкли зря терять время, леди, и не упускаете случая развлечься – ну и все такое. Она оперлась на руку Генри:

– Что ж, у нас впереди ночь безумств – уж за это я отвечаю.

План Генри, как провести агентов, сработал. Меньше чем через полчаса он встретился с Лютером и Рики Сью на заранее условленном месте. Как только «камаро» братьев Крук притормозил на углу улицы, Генри запрыгнул на переднее сиденье, и Лютер почти синхронно с ним нажал, на акселератор. Машина рванула с места и скрылась под визг тормозов...

Тут Рики Сью пришла к выводу, что Лютер не менее очаровательный и рискованный мужчина, чем Генри. Все трое уместились на переднем сиденье: от езды по ухабам и резких поворотов их то бросало друг на друга, то подкидывало чуть не до потолка.

Когда они пересекли железнодорожный переезд, Рики Сью чуть не уткнулась носом в бутылку виски «Джек Дэниелс», которую ей услужливо предложил один из братьев. От неожиданности она пролила виски себе на грудь.

– Только поглядите, что я с вашей помощью натворила, – проговорила она со смехом и Долго еще хохотала до коликов в животе.

– Эй, Лютер, – бросил брату Генри, – по причине твоего безумного вожделения, наша дама совсем промокла.

– В крайнем случае, мы в состоянии все это слизать!

– В самом крайнем.

Рики Сью похлопала братьев по чреслам:

– Вы такие проказники! Уж я-то знаю, что у вас на уме.

Генри нагнулся к ней и стал покрывать ее шею влажными поцелуями.

– Ты об этом? Мы правильно мыслим, а?

Рики Сью запрокинула голову и начала постанывать от наслаждения.

– Так нечестно, это я вам обоим, – заметил Лютер, – мне же как-никак вести машину. – Тем не менее он ухитрился одной рукой держать руль, а другую тем временем норовил запустить под юбку Рики Сью.

Позднее Рики Сью уже оказалась не в Состоянии припомнить, кто первым предложил остановиться в мотеле. Вполне вероятно, что она сама. Разумеется, это было далеко не первый случай, когда она заглядывала в указанное местечко. Де-

ло в том, что портье в заведении был совершеннейший болван и ему было абсолютно наплевать, кто вписывался или выписывался из мотеля, особенно если новый постоялец сдабривал факт своего появления двадцатидолларовой купюрой.

Тем не менее она все-таки оказалась в пресловутом мотеле, но впервые в компании близнецов. Новизна ощущений возбуждала несказанно, когда она, пьяно пошатываясь, поднималась в только что снятую комнату.

Лютер – а может быть, Генри – чем больше она пьянела, тем меньше различала братцев – сморозил что-то невообразимо смешное. Задыхаясь от хохота, она повалилась на постель.

Лютер лег по одну руку от нее, Генри – по другую. Сначала ее поцеловал один, затем другой. Потом снова Лютер – и пошло-поехало. Скоро она была уже не способна отличить один рот от другого.

Наконец добродушно оттолкнула обоих братьев в сторону:

– Остановитесь, ребятки. Послушайте, что скажу. Да подождите вы хоть минуту. Черт, возьми, я же просила подождать!

Она выбралась из кучи малы и уселась на кровати. Комната плыла перед глазами так, что ей пришлось расставить руки в стороны, чтобы сохранить равновесие. Взвесив игривое состояние близнецов, она решительно произнесла:

– Внимание, мальчики! Начиная с данного момента все

действия без использования презервативов абсолютно исключаются.

Братьям ничего не оставалось, кроме как заняться открытием заветных пакетиков, которые Рики Сю щедрой рукой извлекла из своей сумки. После этого она растянулась на кровати во весь рост, заложив руки под голову, в предвкушении того внимания, с которым завтра ее станут обозревать постояльцы мотеля у кофейного автомата. Да, у нее найдется, что порассказать – уж будьте покойны.

Глава сорок первая

Мэт вел машину до тех пор, пока Гиб не скомандовал ему остановиться у придорожной автостоянки. Поддерживая высокую скорость, но при этом не нарушая правил, они покрыли вполне достаточное расстояние от Шеридана, чтобы считать его безопасным, по мнению Гибба.

Гиб сгорал от нетерпения узнать, что хранится в обувной коробке, которую они извлекли из-под кровати Рики Сью. Он высыпал ее содержимое на сиденье, после чего оба погрузились в чтение.

Скоро стало ясно, что женщина не выбросила ни единого письма когда-либо полученного от мужчины. Работа все больше и больше утомляла. Мэт явно устал.

– В этих бумажках ничего нет.

– Нельзя пропустить ни одного, – упрямо настаивал отец. – Есть, должно быть одно-единственное, которое наведет нас на след.

Среди писем бывших любовников хранилась плохо отпечатанная Записка от школьного товарища Рики Сью по имени Джеф, который просил одноклассницу продемонстрировать ему свои трусики. Еще одно душераздирающее письмо подпisał некий «кузен Джо», который, отбывая срок военной службы на борту авианосца Соединенных штатов «Джон Ф.Кеннеди», под присягой обещал передать ее адрес

своим одиноким товарищам по оружию.

Нашлась там и докладная от учителя воскресной школы мистера Говарда, в которой упоминалось, что означенная особа в очередной раз пропустила воскресные занятия.

Но вот в руках Мэта отказалась почтовая карточка, и он сразу же узнал почерк своей жены:

– Вот эта – от Кендал.

Никакого энтузиазма от находки он не испытал. Казалось, вместо живого человека работает автопилот, а вот перехватить управление этот живой человек уже не в состоянии. Ему было легче исполнять приказания отца.

Автоматизм стал своего рода щитом, за которым таилась душевная боль. Он стал таким с той самой минуты, когда Гиб убил Лотти.

Похоже, вместе с ней умер и он сам, Мэт. Трудно себе представить, что он берет вечное перо, правит гранки и готовит к изданию очередной экземпляр газеты. Вряд ли его еще могут заинтересовать охота, выпивка, застолье, «Братство» – да и жизнь, как таковая. Смерть Лотти оставила в душе такую щемящую пустоту, которую, он знал, нельзя будет заполнить ничем. Отец говорил, что многое в нем изменится, когда они найдут его сына, но Мэта одолевали сомнения.

Словно стараясь еще сильнее разбередить рану, он воскресил в памяти дни беззаботной юности, когда отец тоже запрещал ему видеться с ней, но тогда была хотя бы слабая надежда, что они когда-нибудь соединятся. Он слишком на это

надеялся. Именно надежда помогала ему скоротать те дни, когда общение с Лотти было невозможно.

Теперь, когда она потеряна навсегда, ждать и надеяться больше не на что. Пытаясь несколько примирить сына с потерей, отец напомнил ему, что настоящая награда ждет праведника на небесах, но у Мэта небеса отчего-то ассоциировались с Лотти. Он даже не слишком желал вечного блаженства, если под вечностью понималось бытие без Лотти.

Разумеется, за смерть Лотти должна была ответить Кендал. Отец постарался как следует растолковать ему этот факт. Если бы Кендал не совала нос куда не следовало, в то, что выше ее понимания, оставаясь послушной и скромной женой, как и полагалось с самого начала, то ничего бы не случилось. Лотти осталась бы в живых и продолжала бы радовать его поцелуями и объятиями, ради которых он, в сущности, и жил.

Всякий раз, вспоминая потерю, он чуть не задыхался от ярости. Да, Кендал придется заплатить и по самому большому счету. Уж он-то проследит за этим лично. Как и все прочие, наказанные судом «Братства», Кендал предстанет перед неумолимыми судьями.

Мэт с брезгливостью рассматривал открытку Кендал, поскольку она вышла из ее рук:

– Я узнал почерк.

– Когда была отослана открытка?

Мэт попытался рассмотреть послание при свете фонаря.

– Почтовая марка совсем затерлась, по-видимому, давно.

Открытка даже пожелтела по краям.

– В любом случае прочти.

– Прекрасно проводим время, хотя мешают комары и жара. Она чуть не доконала меня, когда мы с Б. отправились на пикник на наше заветное место.

– «Б» – значит бабушка, – заявил Гиб. – Есть еще что-нибудь?

– Похоже, не хватило места. Почерк становится все мельче. – Мэт сощурился, чтобы разглядеть крохотные буквы. – Я уже писала тебе о месте – каньон, водопад ну и прочие штуковины. Скоро увидимся. – Это все. Вместо подписи нарисовано крохотное сердечко.

– Каньон, говоришь? Да, скорее всего это каньон Конфедератов. Ее, видите ли, излюбленное местечко. Она когда-нибудь упоминала о нем?

Мэт покопался в памяти. Но ничего там не обнаружил, кроме безжизненных глаз Лотти.

– Может, и упоминала. Помнится, сказала как-то, что они с бабушкой любили проводить лето на старой заброшенной ферме.

– А еще конкретнее – на старой ферме неподалеку от каньона Конфедератов и водопада. – Со все нарастающим возбуждением Гиб открыл бардачок и извлек оттуда карту дорожного штата Теннесси. Затем торопливо расправил ее на коленях.

– Что ты знаешь о природе, Мэтью? – спросил он. – Как

поступает раненое животное, или куда оно стремится, если сильно напугано?

– К своему лежищу, по-видимому.

– Иными словами, к дому, – подтвердил Гиб. – Кендал домой не вернулась. Это было бы чистым безумием. Отсюда следует, что она двинулась в другое место, приятное ее сердцу. Нам необходимо найти памятник Конфедератам – жертвам гражданской войны неподалеку от водопада.

Глаза Гиба сверкнули:

– Подумай об этом, малыш. Скоро мы уже будем держать на руках твое дитя.

Мэт изо всех сил постарался изобразить энтузиазм. Попытался представить, как сажает на колено своего маленького сына. И пытался вообразить себя смеющимся, счастливым, свободным. Свободным? Да, теперь он понял: за всю свою жизнь он никогда не чувствовал себя свободным.

И никогда не чувствовал на себе оковы тяжелее, чем сейчас.

Кендал высвободилась из рук Джона.

– Я иду в ванную, – прошептала она. – Вернусь назад через минуту.

Тот снова погрузился в сон. Она нагнулась и поцеловала его в лоб, затем помедлила самую малость, вглядываясь в лицо лежащего перед ней мужчины, стараясь запомнить каждую черточку.

Если все пойдет по плану, то она лицезреет его в последний раз.

Кендал почувствовала, как рыдания сдавили грудь. Подавив слезы, она выскользнула из постели и, несмотря на темноту, быстро оделась.

С того самого момента, как Рики Сью сообщила Кендал, что Мэт и Гиб вырвались на свободу, ей стало ясно, что очередного бегства не миновать. И времени оставалось в обрез. Но, несмотря на спешку, она решила подарить еще одну ночь Джону.

Мэт и Гиб выследят и найдут ее. Она знала, что это обязательно случится. Она куда больше верила в охотничьи инстинкты Бернвудов, чем в способность ФБР перехватить преступников, хотя федералы имели доступ к всевозможным компьютерам и располагали агентурной сетью.

Если бы дело касалось только ее жизни, она бы рискнула и осталась с Джоном. Но она в ответе за Кевина. Если Бернвуды нападут на их след, они убьют ее и захватят мальчика. Ужасающая перспектива. Даже если федералы окажутся первыми и ее арестуют, все равно Кевин превратится в заложника властей, и судьба его окажется в руках совершенно незнакомых людей.

Она обязана защитить своего ребенка, даже если для этого ей придется покинуть любимого человека.

Кендал скроется без всяких объяснений, даже не попрощавшись. Утром, обнаружив, что она упорхнула, Джон, ве-

роятно, будет обескуражен, возможно, даже придет в ярость. Но это ненадолго.

Кендал писала ему записку, уверяя, что помощь близка. Днем, прежде чем уехать из города, она отослала открытку местным властям, открыв им местопребывание Джона Макграта, пропавшего офицера безопасности Соединенных Штатов.

Получив послание, они обязательно направят кого-нибудь на ферму. Друг Джона мистер Пепердайн приложит все усилия, чтобы показать Макграта лучшим специалистам – невропатологам. В свое время память к нему вернется. Конечно, если он забудет идиллию, которую они вместе пережили, это разобьет ее сердце.

Но чем больше Кендал думала об этом, тем сильнее в ней крепла уверенность, что подобная забывчивость послужит ему только во благо. Его нельзя будет привлечь ответственности за то, что произошло между ними.

Пока что она не хотела беспокоить Кевина, мирно посапывающего в колыбельке. Заглянув на всякий случай в свою спальню, она отметила, что Джон по-прежнему спокойно спит и даже похрапывает. Миновав все комнаты, она вышла во двор через черный ход.

До рассвета оставалось еще несколько часов, но теперь каждая минута была на вес золота. Кендал уложила сумку в автомобиль. Еще днем она нашла какую-то краску в сарайчике и переправила две тройки на номере машины, заменив

их восьмерками. Конечно, исправления смотрелись довольно грубо и не выдержали бы настоящего контроля, но некоторое время они бы прослужили, пока ей не удастся купить новый автомобиль и перенести все вещи в него.

Затем женщина снова вернулась в дом, чтобы забрать контейнеры с кипяченой водой. Она сможет одновременно вести машину и перекусывать по дороге, делая только короткие остановки, чтобы накормить Кевина и немного отдохнуть. Конечно же, придется сделать остановку на ночлег в каком-нибудь отдаленном от главной магистрали отеле, где можно расплатиться наличными, а не кредитной карточкой – и это не вызовет подозрений.

При необходимости она договорится с Рики Сью о переводе – так они уже делали не раз. Кендал безоговорочно доверяла Рики Сью, но, не желая подставлять подругу, все откладывала контакты с ней.

Установив контейнеры в автомобиль, она напоследок вернулась в гостиную. Встав на колени перед камином, сунула руку в дымовую трубу и извлекла оттуда пистолет.

Оружие еще сослужит ей службу, если Бернвуды все-таки доберутся до нее. Впрочем, Кендал с большим трудом преодолела отвращение, прежде чем дотронулась до него. С величайшей осторожностью она положила оружие к карман юбки.

Неожиданно ее посетила мысль, додуматься до которой раньше просто не хватало времени. А что, если Бернвуды

найдут ее убежище на ферме и ворвутся сюда, прежде чем Джону помогут свои? Папаша с сыном ведь уже в курсе, что он охранник, которого она якобы «похитила» из госпиталя в Стивенсвилле. Да они, не моргнув глазом, убьют его.

Она достала пистолет из кармана и отнесла на кухню. Конверт с запиской Джону она положила на стол, а сверху придавила его пистолетом. В общем, все по справедливости – она возвращает Джону вещь, которую забрала, когда тот, бесчувственный, лежал на мокрой от дождя земле.

Подумать только, сколько самых разнообразных событий прошло с той поры.

Почувствовав, что вот-вот разрыдается, Кендал на цыпочках поспешила в комнату Кевина и достала его из постельки. Ребенок что-то замурлыкал, словно отказываясь покидать теплую кровать, но она прижала его к груди, и он снова мгновенно уснул.

Заглянув еще раз в сумрачную спальню, она отметила про себя, что Джон так и не шелохнулся. Тогда она быстрым шагом двинулась по коридору. Кендал изо всех сил старалась сдерживаться, но из глаз уже ручьями катились слезы.

Еще несколько мгновений и она навсегда покинет дом, с которым связано столько милых сердцу воспоминаний. Больше ей не придется прибегнуть к старой ферме как спасительному кругу – как говорится, явка провалена. Здесь она впервые познала любовь и отдалась ей всей душой. Сначала бабуля, потом Джон.

Может, у нее на роду написано прощаться со всеми, кто ее любил?

Кевин шевельнулся на руках.

– Нет, не со всеми, – шепнула женщина. Поцеловав сына в голову, она решительно направилась к двери, и готова была уже взяться за ручку, как неожиданно повсюду зажегся свет.

Она в бешенстве развернулась, но наполовину ослепленная неожиданно ярким светом разглядела лишь силуэт мужчины, который приближался к ним с Кевином.

Глава сорок вторая

Братья Круки решали в ванной мотеля непростую проблему. Надо было так напоить жирную рыжую девицу, чтобы у нее как следует развязался язык, но при этом нельзя переборщить. Велика вероятность, что тогда она впадет в забытьи и тогда – все.

– Па-а-а-рни, – позвала она их высоким певучим голосом. – Чем это вы там вдвоем занимаетесь, хотела бы я знать?

– Что-то мне не верится, что эта штуковина сможет еще раз поднять голову, – мрачно констатировал Лютер, глядя на свой опавший пенис. – В жизни не встречал подобную хотелку. Слушай, может, она просто ошибка природы?

– Хватит причитать. Необходимо разговорить ее насчет Кендал.

Лютер нежно массажировал собственные гениталии.

– Интересно, как это у тебя получится, Генри? Она уже высосала целую бутылку «Джека Дэниелса» – и ни в одном глазу. Разве что сексуальные аппетиты здорово возросли.

Генри пропустил его слова мимо ушей. Тем временем Рики Сью снова крикнула:

– Лучше уж возвращаться назад, а то она что-нибудь заподозрит. Я как-нибудь выкручусь. Ты лишь подыгрывай мне – и баста.

Рики Сью по-прежнему занимала чуть ли не всю кровать

целиком. Она пребывала не в самом лучшем настроении.

– Я уже решила, что вы там кое-чем занимаетесь, но только почему-то без меня.

Речь женщины течет уже не столь плавно, заметил про себя Генри. Он одобрительно поднял вверх большой палец – так, чтобы его не видела Рики Сью – И вытянулся на кровати рядом с толстухой. – Да ты что. Чем, спрашивается, нам заниматься в ванной без любимой малютки, верно, Лютер?

– Да уж куда вернее, сэр. Без малышки – никаких забав. Полагаю, настало время хлебнуть еще самую малость.

Прежде чем передать бутылку Рики Сью, он притворился, что прилично глотнул. Рики Сью, правда, успела перехватить его взгляд, адресованный брату.

– Вы что, парни, решили меня напоить или у вас другая цель?

Прежде чем кто-либо из ошарашенных собутыльников сумел ответить, она издала смешок и приложилась к бутылке с виски.

Генри подмигнул брату, кивнув на эту жирную белокожую, пьяную тушу, которая именовалась женщиной.

– Богом клянусь, Рики Сью, ты перепьешь любого парня. Я прав или нет, Лютер?

– Абсолютно.

– В самом деле, ты поражаешь меня по всем пунктам. Ну хотя бы взять случай с федералами. Ты за милую душу обвела их вокруг пальца. Вот это зрелище! Но им только на

пользу пойдет – нечего соваться в дела свободных граждан.

Рики Сью обиженно засопела:

– Этот Пепердайн считает, что его собственное дерьмо не воняет. Вы, дескать, знаете, где скрывается миссис Бернвуд, – вот что он говорит. Вы знаете то, вы знаете это. – Рики Сью попыталась передразнить мимику фэбээровца. – Да откуда, черт возьми, он знает, что я знаю, когда это всего лишь его предположения.

– Да и правда, – перебил женщину Лютер. – Что такого особенного он знает о твоей подруге?

Генри бросил на Лютера зловещий взгляд. Ну почему этот придурок не может держать пасть на замке? Нет, Ма права – братец невежествен и глуп. Даже опасен. Одним-единственным словом он способен разрушить все сложные построения Генри и навести Рики Сью на мысль о том, что братья тратят на нее время и деньги отнюдь не ради развлечения.

Но Рики Сью уже слишком набралась, чтобы обращать внимание на подозрительные выпады Лютера и взгляд Генри.

– Она моя подруга, да. В жизни не скажу Пепердайну, где она. Даже если бы знала. А я не знаю.

Она еще глотнула из бутылки – и очень основательно, а потом заливисто рассмеялась. Воздев палец к небу, дабы привлечь внимание аудитории, Рики Сью добавила:

– Я, конечно, не знаю, где она, но до-о-о-гадываюсь. Да. – Сейчас Рики Сью сильно растягивала гласные и ее речь ока-

залась более доступной для понимания.

– А нам то что, Рики? Нас надувать не надо. Мы не какие-нибудь там федералы. Верно, что ли, Лютер?

– Не федералы, уж будьте покойны.

Генри погладил женщину по шее:

– Да забудь ты этого Пепердайна. Лучше снова малость поиграем.

Рики Сью оттолкнула его.

– Это вас-то я надуваю? Я почти с полной уверенностью могу вам доложить, где она скрывается. Я – единственная на земле, кто имеет об этом хоть какое-то представление.

– Известное дело, крошка. Мы лично тебе верим на все сто: Правда, Лютер? – Он снова подмигнул братцу, но тот не осознал смысл намека – всякая «психология» его до крайности утомляла.

– Это... ну да. В общем, что Генри говорит, все правда. – Это и в самом деле правда, – с усилием произнесла Рики Сью, пытаясь усесться на кровати. – Готова поклясться, что она прячется на ферме, где обычно отдыхала со своей бабулей в детстве.

– Ладно, детка, ладно, все это так, как ты рассказываешь. – Генри покровительственно похлопал женщину по бедру. – Как ты говоришь, так оно и есть.

Она с размаху ударила кулаком по матрацу. – Я знаю, где она. Ну, может, не с точностью до метра, но знаю. Это где-то в районе Мортонна. Там как раз имеется...

– Что имеется?

– Ну этот чертов водопад.

– Водопад?

Она повернула голову таким образом, чтобы посмотреть на Генри сверху вниз:

– Разве я сказала что-нибудь непонятное?

– Все понятно, дорогая, только не сердись.

– И еще там стоит большая-пребольшая пушка. Черт, как она называется? Такая большая пушка на колесах. По-моему, из них стреляли в старинные времена.

– Пушка?

Она ткнула указательным пальцем прямо в грудь Генри:

– Вот-вот. Умный мальчик. Заслужил первый приз! – Она выставила грудь вперед, словно предлагая ее в качестве награды. Потом глаза у нее неожиданно закатились и она рухнула на спину, пьяная и бесчувственная.

– Вот дьявол! – закричал Генри. – Сработало. Пора ехать в Мортон.

– А где это?

– Представления не имею. Надо взглянуть на карту. Давай поторапливайся, Лютер. Одевайся скорее.

– А как быть с этой?

– Ты же знаешь, что сказала мама.

Взглянув на Рики Сью, Лютер скривил губы с сожалением:

– Стыдно уничтожать подобное сокровище. Где мы еще

возьмем такую огневую рыжую телку?

– Извините, – стиснув зубы, Пепердайн ухватился за телефонную трубку с такой силой, что костяшки пальцев побелели. – Не могли бы вы еще раз повторить то, что сказали?

– Мы... так сказать, потеряли ее из виду, сэр. Она зашла в бар – в сущности, забегаловку, и некоторое время в одиночестве попивала там виски, словно прохладительный напиток.

– Переходите ближе к делу.

– Слушаю, сэр. Так вот, этот парень...

– Что еще за парень?

– Кто ж его знает. Высокий, красивый с соломенными волосами, глаза с поволокой. Он подсел к ней в закуток. Потом купил выпить. Они сидели и болтали.

– Вы спросили хоть у кого-нибудь, как этого парня зовут?

– Конечно, сэр. Никто в этом вертепнике его не знал.

– Автомобиль?

– Мы и об этом тоже спрашивали. Никто не может вспомнить, пришли они с братом на своих двоих или приехали. Поэтому марку автомобиля установить не удалось.

– Кажется, вы упомянули о каком-то брате. У него что, и в самом деле есть брат?

– Да, сэр. Похож на него, как две капли воды.

– Господи, этого еще не хватало.

Пепердайн кинул в рот две таблетки аспирина и запил их жестянкой «Малокса». Ну отчего все постоянно усложняет-

сы? Не просто брат, видите ли, а близнец.

– Так, значит, они абсолютно похожи?

– Так нам сообщили. Невозможно отличить одного от другого.

– Ну конечно.

– Мы так ни разу второго и не увидели. Он играл в бильярд в дальней комнате. – Агент объяснил, каким образом Рики Сью и ее кавалеры от них ускользнули.

– Чем они расплатились за выпитое?

– Наличными.

– Так я и предполагал, – пробормотал Пепердайн. – А что никто и в самом деле не знал, что это за братья такие?

– Нет, сэр. Ни имен, ни фамилий. Ничего. Ясно лишь одно – они не местные. – Подчиненный Пепердайна замялся – так обычно маются гости в ожидании хозяина. Поскольку шеф тоже хранил молчание, тот позволил себе высказать робкое предположение. – Я думаю, сэр, эта дама познакомилась с близнецами и ушла вместе с ними.

– Это точно, не так ли?

– Я хочу сказать, сэр, что близнецы не имеют никакого отношения к вторжению в квартиру Рики Сью. И уж точно это не Гиб и Мэт Бернвуды. На мой взгляд, сэр, это просто случайное знакомство. Свидетели утверждают, что мисс Роб буквально из трусиков выпрыгивала, глядя на этих парней. Надеюсь, вы меня понимаете?

– По сути, один из свидетелей прямо так и говорил, дру-

гие только подтвердили его слова, что мисс Роб довольно известная в районе шлюшка. Всегда к услугам.

Он сказал, что ей не впервой уходить из бара, кого-нибудь подцепив.

Настроение Пепердайна резко изменилось, и теперь стрелка барометра указывала строго на север.

– Послушайте, мне абсолютно наплевать на любовные игры мисс Роб, даже если она трахается одновременно с сотней мужчин в разгаре солнечного дня. Дело заключается в другом – она гражданка США и мы обязаны ее защитить, пусть она и утаивает от нашего ведомства важную информацию.

Вам было приказано не упускать ее из виду, а вы облапошились. Таким образом, где она в настоящий момент – неизвестно. Кроме того, мы не имеем представления, с кем она. На нашей совести также два маньяка, готовые убить всякого, кто станет на пути – я имею в виду «божьих людей» Бернвудов – и в их списке наверняка значится и мисс Роб, как лучшая подруга женщины, за которой они охотятся! – Джим перестал кричать, чтобы набрать побольше воздуха. Впрочем, несколько смягчив после паузы тон, он внушал еще больший ужас. – Я понятно выражаю свои мысли?

– Да, сэр. Абсолютно понятно, сэр.

– Не дай Бог, вы опять что-нибудь напугаете. Если с Рики Сью Роб случится что-то непредвиденное, я прибью ваши яйца к полу гвоздями, да еще и поджарю их как следует.

– Ясно, сэр.

– А теперь занимайтесь делом.

– Слушаюсь, сэр.

Пепердайн швырнул трубку на рычаг. Он направил в злополучный бар дополнительную группу агентов и снабдил их подробнейшим описанием близнецов – высокие, оба хорошо сложены, волосы соломенного цвета. В глазах какая-то поволока. Абсолютное сходство. С ними дама – рыжеволосая толстушка. Говорят, раз увидев, ее уже невозможно забыть – поэтому расспрашивайте всех.

Потягивая «Малокс», Пепердайн расхаживал по кабинету, стараясь привести мысли в порядок. Интересно, неужели то, что в день, когда на квартиру Рики Сью был совершен налет, ее подцепили в кабаре неизвестные проходимцы, похожие, как две капли воды, простое совпадение? Каким образом связаны оба этих события? Выполняют ли близнецы указания Бернвудов, являясь членами «Братства»? Или все произошло именно так, как говорит агент, и оба факта не имеют ничего общего?

Инстинкт подсказывал Пепердайну, что надеяться следует как раз на худшее. Если близнецы действительно подручные Бернвудов или как-либо по-другому связаны с этим делом, то на его шее уже четверо, о которых следует заботиться: Джон, миссис Бернвуд с ее ребенком и, наконец, Рики Сью Роб.

Если Бернвуды обнаружат хоть одного из них прежде, чем его люди, то... Нельзя позволить, чтобы случилось худшее.

И это было ясно, как день.

Транспортировка Рики Сью из постели в «камаро» уже сама по себе представляла нелегкую задачу, но братья ухитрились справиться с ней, даже не разбудив толстушку. Хуже получилось, когда они собрались извлечь ее из машины. Она неожиданно очухалась и стала сопротивляться, пытаясь освободиться.

– Эй, ребята, что происходит? – спрашивала она ворчливо, стараясь прийти в себя. Машина стояла на краю рощицы рядом с узкой дорожкой, уводившей в глубь зарослей. – Где мы, к черту, находимся? И что здесь делаем? Где моя одежда в конце концов?

Лютер не знал, что ответить и по обыкновению замолчал, лишь по всегдашней привычке приоткрыв рот.

– Мы тут решили... гм... что тебе не мешает искупаться.

Лютер в изумлении глянул на брата, но затем со всем тщанием подался вперед, дабы поддержать ближайшего родственника:

– Ну да, понырять, поплавать и все такое, понимаешь?

– Поплавать? – Рики Сью окинула ландшафт оценивающим взглядом. – Да мы, похоже, находимся в каких-то дебрях?

– Мы прекрасно знаем, где находимся, – похвастал Генри. – Мы с Лютером разведали это местечко еще сегодня

утром. Здесь есть отличная речушка: каких-нибудь пятьдесят ярдов отсюда.

Рики Сью взглянула по направлению его указующего перста, но ничто не радовало глаз. Она отнюдь не считала приятным времяпровождением прогулку по лесу обнаженной да еще в ночи. Вообще-то склонность к авантюрам имела место в характере Рики Сью, НО обычно свои эскапады она предпочитала устраивать в закрытых помещениях.

Она не слишком-то любила выезды на природу. Солнце просто-напросто обжигало ее чувствительную светлую кожу, а комариные укусы вызывали подолгу незаживающие болячки и нагноения, которые приходилось лечить, прибегая к антибиотикам.

С другой стороны, уж больно ей пришлось по сердцу близнецы. Оказаться начинкой сэндвича, по краям которого в качестве хрустящих булочек выступали Генри и Лютер, казалось чрезвычайно заманчиво. Нагие и скользкие, они словно дельфины станут кружить вокруг под водой и касаться самых заветных уголков ее тела.

Она даже вздрогнула, предвосхищая такую идиллию: – Показывайте дорогу.

– Давайте сыграем в индейцев и двинемся след в след, – предложил Генри. – Лютер возглавляет шествие. Я замыкаю, – произнес он, ухватившись за пышные ягодицы Рики Сью И до боли ущипнув.

Рики Сью взвизгнула от прикосновения Генри и послуш-

но шагнула за Лютером. Генри поспешил за ней. Во мраке зарослей женщина не удержалась и обняла Лютера за талию.

Когда они достигли берега речки и Рики Сью услышала нежный шепот текущей воды, она вздохнула:

– Это так романтично. Или я просто напилась?

Генри на всякий случай прихватил с собой бутылку виски.

– Да нет, какое там напилась! Наоборот, после пешего перехода неплохо хлебнуть глоток-другой.

Бутылка пошла по кругу и каждый из них приложился к горлышку. Но, по странному стечению обстоятельств, виски мало сказывалось на братьях. Да и вообще женщина заметила, что ее спутники проявляют странную нервозность, которая усилилась, когда Рики, взяв близнецов за руки, потащила их к воде.

– В чем дело, ребятки? Или что-нибудь не так? Может, вы даже вдвоем не в состоянии совладеть с такой дамой, как я?

– Мы, знаешь ли... гм, у нас утонул брат, – выпалил Генри первое, что пришло ему на ум. – Ну, да, мы тогда были детишками, но запомнили этот случай. Оттого-то мы не слишком уважаем воду. Так-то.

Была бы Рики Сью чуть трезвее, она наверняка бы задавалась вопросом, отчего братцы сначала предложили устроить оргию в водах реки, а затем пошли на попятную. Но вместо вполне законного недоумения она почувствовала жалость:

– Бедные, вы бедные. Идите скорее к Рики Сью, она вас

пожалует.

В каком-то смысле Генри отвечал самым тайным запросам Рики Сью, в чем она бы никогда не призналась никому на свете. Просто потому, что не видела ни малейшей возможности осуществить свое самое заветное желание. Она хотела любить и быть любимой всего-навсего одним мужчиной, отцом ее детей. Для такого человека Рики Сью могла бы пожертвовать всем, стать для него истинной опорой, источником доброты и непрестанно льющейся ласки. У нее был неистощимый запас любви, но как раз любви – в настоящем смысле этого слова – никому и не требовалось.

Вот почему ложь, которую сморозил Генри, нашла в ее душе глубокий эмоциональный отклик. На глазах ее даже выступили слезы. Она прижала братьев к своей пышной груди и принялась гладить их по головам, сочувственно приговаривая:

– Сейчас я вас утешу, мальчики. Не печальтесь о брате. Его невинная душа уже давно находится в раю.

С течением времени подобное сближение приобрело рассчитанный эротический эффект. Женщина прижимала близнецов все крепче и крепче. – Не горюйте, мои маленькие, – шептала она. Прежде чем завершится ночь, у вас сложится абсолютно другой взгляд на занятия водным спортом. Предоставьте все Рики Сью.

Она вошла в реку, но, взглянув на парней, запротестовала:
– С какой это стати из нас троих голая только я?

Лютер взглянул на Генри, который, пожав плечами, начал раздеваться, швыряя одежду на грязный берег потока. Лютер в точности повторил все движения брата.

Генри первым ступил в воду и встал рядом с Рики Сью – та уже находилась по колено в воде.

– Сладкий мой, – произнесла женщина и дотронулась до пениса, но тут же выяснилось, что Генри уже ни на что не способен.

– Извинения просим, – сказал тот. – Боюсь, все соки из меня вы извлекли еще в мотеле. Возможно, стимуляция другого рода поможет нашему мальчику вновь гордо поднять голову.

Рики Сью хрипло рассмеялась и встала перед ним на колени:

– Помолчи... если это поможет... – Дно потока оказалось холодным и скользким, но проточная вода приятно охлаждала разгоряченное тело. Подняв голову, она улыбнулась Генри и потерлась грудью о его чресла.

Неожиданно Рики Сью почувствовала, как в воздухе над головой что-то просвистело, затем услышала звук вроде удара по арбузу и лишь потом ощутила пронзившую ее насквозь боль. Голова словно раскололась пополам.

Рики Сью задохнулась, только что выпитое виски рвануло вверх из желудка по пищеводу и наполнило горечью рот. Она попыталась вскрикнуть, но вместо крика из ее глотки вырвался целый фонтан крепкого напитка. Она тяжело рух-

нула на бок, подняв мириады радужных брызг.

Находясь на грани обморока, она успела поднять голову и увидела Лютера: в кулаке тот сжимал короткую толстую дубинку. Рики Сю словно при замедленной съемке наблюдала, как Лютер поднял оружие над головой и изо всех сил опустил вниз, на ее череп.

Женщина даже не успела испугаться, она лишь коротко удивилась.

Глава сорок третья

Кендал едва удалось удержаться от крика.

– Джон!

– Да, да, он самый. Очень дальновидно с твоей стороны назвать меня моим настоящим именем. Это ведь куда проще, согласна?

Она мгновенно все поняла и побледнела, как полотно. – Ты вспомнил.

– Да, как говорится, память ко мне вернулась.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, и разделявшая их пропасть, казалось, увеличивалась с каждой секундой.

До этого момента все преимущества были на ее стороне, стоило лишь среагировать мгновенно, машинально. Но теперь баланс сил начал меняться.

– Я... Я думала, что ты спишь.

– Правильно, я так и хотел.

– Ты знал, что я собираюсь уезжать?

– Бегство – твоя вторая натура, разве нет?

При искусственном освещении лицо его выглядело бледным, как мел. Кендал инстинктивно, словно защищая, прижала к себе Кевина. А может, она, сама того не подозревая, пользовалась сыном как живым щитом в случае, если Джон вдруг набросится на нее? Уж больно разъяренным он казал-

ся.

Вместо этого он протянул руку и, взяв со стола пистолет, заткнул его за пояс шорт, которые успел натянуть, прежде чем покинуть спальню.

– Интересно, почему ты вдруг решила вернуть мне оружие?

– Я думала, оно может понадобиться тебе для самозащиты.

– Очень мило с твоей стороны. – Опершись на костыль, он свободной рукой выдвинул стул из-за кухонного стола и ткнул в него пальцем. – Сядь, посиди немного.

– Джон, если бы ты только согласился меня выслушать...

– Садись!

Не спуская с него Глаз, она устало опустилась на стул.

– Ты все вспомнил?

– Абсолютно, – сказал он. – Всю свою жизнь до амнезии, и все, что произошло после. Я – Джон Макграт, второе имя Лилэнд, по девичьей фамилии моей матери. Родился 23 мая 1952 года, в Райли, Северная Каролина. Там же пошел в школу, которую успешно окончил восемнадцати лет от роду. В 1979 году защитил диссертацию по психологии.

– Психологии? Ты психолог?

Он неожиданно принялся развивать эту тему.

– Диссертация была посвящена так называемому синдрому «затянувшегося стресса». Именно мои исследования в этой области, проведенные в клинике Бетезде, вызвали при-

стальное внимание со стороны ФБР. Особенно доставал специальный агент Пепердайн, ему-то и удалось уговорить меня вступить в специальную группу, занимавшуюся спасением заложников. Мы довольно часто работали бок о бок. Два года назад я уволился из ФБР и стал работать в службе сопровождения особо важных преступников и свидетелей. – Затем последовала значительная пауза, после чего Джон продолжил: – Меня похитили 12 июля 1994 года. Увезли против моей воли. Но Вы ведь знакомы с этой датой, не так ли?

– Джон, я все объясню.

– Не сомневаюсь, конечно, объясните. Но прежде следует заняться Кевином.

Мальчик весь извертелся на руках Кендал и казалось вот-вот заплачет. Джон вовсе не хотел прерывать разговор, но еще меньше он желал причинить хоть какие-нибудь неудобства ребенку.

– Он мокрый. Мне нужно сменить подгузники. Она встала и попыталась скользнуть мимо, но Джон поймал ее за руку.

– Попытка неплохая, но я начеку. Придется переодевать ребенка прямо здесь.

– Это что же, на кухонном столе?

– Вряд ли он откусит от него хоть кусочек, так что давайте, приступайте.

Она развернула на столе одеяльце Кевина и убрала мокрую пеленку.

– Сухие пеленки в автомобиле.

– Пойдите и принесите.

– Вы что, и в самом деле боитесь, что я убегу?

– Нет, без Кевина вы никуда не денетесь. Он останется здесь, со мной. Идите, да побыстрее. Или вы пойдете за пеленками, или Кевин останется без оных. Не думаю, что это так уж скажется на ребенке, а на мне и подавно.

На сей раз она с силой хлопнула дверью, выходя к машине во двор.

Джон насторожился с той самой минуты, когда Кендал вылезла из постели. Он не сомневался, что она попытается осуществить вторую часть своего плана, и кто его знает, что включает в себя эта самая вторая часть.

Поэтому он несколько не удивился, когда Кендал стала, так сказать, собирать вещички. Удивило его другое – невыразимая боль, ощущение невозполнимой утраты от осознания того, что она и в самом деле решила бежать. Он, конечно, пришел в бешенство, но, кроме того, чувствовал себя оскорбленным.

Естественно, ни к чему в работу привносить что-то сугубо личное, из области взаимоотношений. Ситуация требовала обдуманых, профессиональных действий, лишенных всяких дополнительных эмоций. А в этом смысле за Джоном числились кое-какие грешки, как, например, несанкционированное изменение маршрута и занятия любовью с подследственной. Причем в последний раз, не далее как два часа назад.

Вернулась Кендал с пакетом сухих пеленок и поспешно перепеленала Кевина. Снова взяв его на руки, села на свое место.

– Итак, скажите мне, офицер Макграт, когда меня посадят в тюрьму на хлеб и воду?

– Не стоит ерничать, Кендал. Все это не так уж смешно, как ты пытаешься сейчас представить. Если бы ты не укра- ла наручники, я бы приковал тебя к стулу. Должно быть, ты стащила их заодно с пистолетом.

– Нельзя же было везти тебя в госпиталь с пистолетом под мышкой?

– Пожалуй, что и нет. Это вызвало бы целый шквал во- просов, ответить на которые ты была бы не в состоянии. По- этому ты несколько упростила себе жизнь.

– Я старалась.

– Интересно, когда тебе пришло на ум сказать, что я твой муж? В карете скорой помощи?

– Ничего подобного. Поначалу я и представить себе не могла, что скажу в госпитале. Когда же врач задал мне во- прос, кто ты такой, будто сам собой пришел ответ. Это очень естественно. На руках у меня крошечный малыш, мы путе- шествовали вместе. Возраст – и твой и мой тоже позволял сделать подобное предположение. – Она посмотрела на него и пожала плечами, словно ложь, произнесенная в той ситуа- ции, имела столь очевидные преимущества, о которых и спо- рить-то не стоило.

– А я не мог возразить.

– Вот именно. Возразить ты не мог.

– Да, в качестве моей жены ты проявила исключительное самообладание.

– Самое главное – продумать основное, остальное приложится.

– А что ты сказала об офицере Фордхэм?

– Что это твоя сестра.

– Как тебе удалось убедить их в своей правоте?

– А я никого не убеждала. Они просто поверили на слово.

– Она была испанка.

– Но они-то ничего об этом не знали.

– Верно. Тогда они не могли достать машину из-за сильного паводка.

– Что также сыграло мне на руку.

– Да уж, все словно сговорились, чтобы помочь тебе. Хорошо, что мисс Фордхэм погибла, правда?

– Ты говоришь ужасные вещи! – воскликнула Кендал.

– Она в самом деле была мертва?

– Что?

– Она уже умерла, когда машину снесло в поток?

Она отвернулась, и некоторое время изучала стену напротив. Джон готов был поклясться, что она вне себя от ярости. На скулах заходили желваки, а на глаза навернулись слезы. Снова взглянув на него в упор, она бросила:

– Твою мать.

– Мать не мать, а меня ты имела, – произнес он с соответствующей интонацией. – И много раз. – Они снова пристально посмотрели друг на друга. – Итак, ты позволила утонуть Рути фордхэм? Да или нет?

Она промолчала.

– Нет, ответь, черт возьми! – перешел на крик Джон. – Умерла она к тому моменту или...

– Да. Да. Она умерла от удара и уверена, что медэкспертиза подтвердит мои слова. Захотелось ей поверить. И в самом деле очень похоже на то, что она говорит правду. По крайней мере он, Джон Макграт, очень на это рассчитывал. Но следователь, живший в нем, был настроен по отношению к миссис Бернвуд весьма критически. Слишком уж хорошо Кендал научилась врать.

– Почему ты не оставила меня в машине, чтобы за одно утонул и я? – поинтересовался он. – Тогда бы ты просто ушла с места происшествия и все прошло бы как минимум несколько дней, прежде чем наши тела обнаружили, да и то много ниже по течению. Более того, им пришлось бы здорово потрудиться, прежде чем удалось идентифицировать трупы. За это время ты бы успела уже сто раз исчезнуть и раствориться, и твои следы быльем бы поросли. Так отчего ты меня вытащила?

Кендал слизывала катившиеся по щекам слезы и тихонько всхлипывала. Но она уже не досадовала и не сердилась. Эти слезы скорее были слезами сочувствия и сожаления.

– Как, ты спал со мной, занимался со мной любовью и после этого еще осмеливаешься выспрашивать «почему Я спасла тебе жизнь»? Да и любого другого? Ты что, и в самом деле считаешь, что я в состоянии уйти и оставить раненого человека на верную смерть? Разве ты мало меня знаешь?

Джон приблизил к ней свое лицо:

– Я вообще тебя не знаю. Ты для меня осталась точно такой же загадочной, как тогда, когда я впервые увидел тебя в Денвере.

Она покачала головой, словно пытаясь опровергнуть только что сказанное.

– Ты слишком долго меня обманывала, Кендал, нарасказывала столько басен, что я прямо-таки не знаю, чему верить.

– Кевину хочется кушать.

Джон откинулся на стуле.

– Что ты сказала?

Малыш ухватился ручонками за грудь Кендал и пытался зарыться в ее блузку. Это его полностью обезоружило. – Да? Тогда приступай.

Всего пару часов назад он занимался с ней любовью.

Он касался ее руками, губами. Но теперь Джон неожиданно растерялся, не в силах смотреть, как она расстегнула платье и подставила грудь голодному малышу. Он так сильно смутился, будто подросток, внезапно ощутивший эрекцию в церкви. Но, черт возьми, поддерживать свой профес-

сиональный статус и смотреть, как Кендал кормит дитя грудью! Нет, это выше его сил! К счастью, тучи над его головой мгновенно рассеялись, поскольку Кендал неожиданно поддела его:

– Кто такая Лайза?

– А что ты о ней знаешь?

– Ты называл как-то во сне. И отнюдь не единожды. Кто она? Жена? Ты что, женат?

Неожиданная ревность Кендал позабавила его, улыбка мгновенно слетела с губ.

– Ты совершила похищение офицера Федеральной безопасности, и тебя волнует какой-то мимолетный адюльтер?

– А тебя – нет?

– Меня – нет.

– В таком случае все-таки кто такая Лайза?

– Она... она просто некая женщина. – Кендал продолжала сверлить его взглядом, требуя продолжения. Джон в нескольких словах поведал ей об их с Лайзой взаимоотношениях. – Она сразу же покинула меня, – заключил он, щелкнув пальцами, – но у меня ничего и не дрогнуло. Как не дрогнуло и когда мы впервые встретились.

– Она, значит, была для тебя чем-то вроде теплого сгустка плоти, с которым просто приятно спать.

Макграт немедленно перешел к обороне.

– Именно. Не более чем сексуальные отношения и никаких забот. Кроме того, тебя-то это не слишком задело – ведь

ты слышала, как я во сне произношу ее имя, но продолжала со мной трахаться, скажешь нет?

– Мне кажется, ты сам виноват в происшедшем... ничуть не меньше, чем я.

– Вряд ли. Я не напрашивался в твою личную жизнь. Я действительно жутко поругался с Джимом из-за этой авантюры с вами, миссис Бернвуд. Будь моя воля, я давно умыл бы руки, оставив вас с Кевином еще в Далласе. Зачем ты втянула меня в эту историю, Кендал?

– Мне приходилось выбирать, помни, – спокойно заметила Кендал. – Я попыталась улизнуть из госпиталя одна, но ты поймал меня и настоял на совместном путешествии.

– Да брось ты. Подходящих моментов оставить меня, прежде чем мы добрались до этой заброшенной фермы, у тебя хватало. Каждый раз, когда я заходил в туалет, например. Отчего ты не уехала?

– Потому что чем больше я думала о сложившейся ситуации, тем больше видела смысла в твоём присутствии. Даже на костылях, ты оказался способен обеспечить нам с Кевином какую-никакую охрану.

– Да я бы и близко не подошел к младенцу, не говоря уже о том, чтобы сюсюкаться с ним.

– Но я-то не знала этого, пока мы сюда не добрались! – Она пристально посмотрела на него, пытаясь что-то для себя выяснить. – Знаешь, твоё отношение к детям все время не давало мне покоя. Отчего у тебя такая антипатия к Кевину

– и без всякой причины?

– Не именно к Кевину. Ко всем детям, пожалуй.

– Но отчего?

Он резко тряхнул головой, давая понять, что сие обсуждению не подлежит:

– Где мы находимся, можешь хотя бы сказать? Как, черт побери, называется этот городишко?

– Мортон. Мы в восточном Теннесси, неподалеку от границы с Северной Каролиной. – Она рассказала ему историю дома. – Никто, кроме нас с бабушкой, не бывал здесь раньше. Я знала, что здесь мы сможем укрыться. – Она подняла голову и взглянула ему в лицо незамутненными ложью глазами. – Джон, я не могу вернуться в Южную Каролину и свидетельствовать против Гибба и Мэта.

– Правительству необходимы твои показания, чтобы осудить их.

Она возразила, упрямо набычившись:

– Уверена, что Пепердайн уже успел откопать кое-что в моем доме в Денвере. Я потратила год, чтобы собрать материал. Он очень впечатляет. Там содержится масса компрометирующей информации против ведущих членов «Братства». Если правительство и его чиновники не в состоянии обвинить их в убийстве, найдется много прочих уголовных дел, которые им можно инкриминировать. Ну, как в свое время Аль Капоне, к примеру, притянули к суду за сокрытие доходов. Я и в самом деле оказалась свидетельницей их преступ-

лений и у меня нет слов, чтобы описать весь ужас содеянного. За несколько часов до казни Майкла Ли мне удалось переговорить с ним. Это был умный, живой и очень воспитанный молодой человек. Когда я думаю о том, через какой кошмар ему пришлось пройти...

Она поникла головой и сидела так несколько мгновений. Потом вдруг снова посмотрела ему в глаза.

– Они лишили меня всего, Джон. По их милости я превратилась в беженку, даже преступницу, хотя таковой себя не считаю. Мне уже не быть больше адвокатом, а ведь я неплохо делала свое дело, – этот момент Кендал особенно подчеркнула. Слезы неудержимым потоком хлынули из ее глаз. – Я верила, что моя работа нужна, хотела помогать людям, хотела показать, что не все юристы на стороне богатых и сильных. Но они лишили меня этой возможности. Поверь, больше, чем кому-либо мне бы хотелось, чтобы этих монстров упрятали за решетку до окончания их дней. Я готова отвечать за все, что натворила, как и положено законопослушному гражданину, но умирать мне не хочется.

Она перевела дыхание и еще сильнее прижала ребенка к груди.

– Я не желаю, чтобы Кевин вырос сиротой, как я. Уверена, как только Мэт и Гиб узнают мое местонахождение, они изыщут способ меня убрать. И смерть моя будет ужасной.

Джон все понял. Доводы звучали абсолютно логично.

– Они не смогут причинить тебе вреда, Кендал, – тихо ска-

зал он. – Они в тюрьме.

– С некоторых пор их там уже нет. Они сбежали три дня назад.

Сначала Джон здорово удивился, затем у него зародились сомнения – не обманывает ли она снова?

– Откуда ты знаешь?

– Я звонила Рики Сью.

– Когда?

– Сегодня.

– Так вот почему ты такой печальной вернулась из города?

Она кивнула:

– Деталей не знаю, поскольку сразу же повесила трубку.

Джон несколько раз взъерошил волосы и, опершись на костыли, обошел кухню, все это время пытаясь осмыслить, как станут действовать Бернвуды, окажись они и впрямь на свободе. Когда он снова подошел к Кендал, та уже застегивала блузку, а Кевин мирно посапывал, уснув у нее на груди.

– Слушай, сколько миль отсюда до Шеридана так, кажется, называется твой родной город?

– Примерно миль девяносто...

– Так близко?

– И они там уже побывали. – Она поведала Джону о неудачной засаде федералов в доме бабушки. – Взломщиков не смогли идентифицировать, но вполне вероятно, что это были Мэт и Гиб.

– М-да, неудивительно, что ты хотела бежать сегодня же

ночью. Если бы я знал, что эти парни свинтили из тюрьмы, я сумел бы сделать так, что федералы нас обнаружили бы чуть ли не в день побега...

– Подожди! Что ты такое говоришь? – Кендал медленно поднялась. – Ты сказал, что сотрудники вашего ведомства примчались бы сюда три дня назад?

Он лишь развел руками, наблюдая, как меняется выражение ее лица, по мере того, как женщина постигала смысл его слов.

– В таком случае... твоя память вернулась к тебе не сию минуту? Значит, ты знал... – Она прикрыла рот ладонью, чтобы не застонать слишком громко. – Значит, ты все знал и тем не менее... Черт тебя возьми! – Она с силой ударила его по лицу. – И как долго ты находился в курсе всего происходящего?

Джон успел перехватить руку, прежде чем она снова замахнулась.

– Кендал, послушай меня! Времени выяснять, что и как было, сейчас нет, а тем более нам нельзя ссориться.

– Да нет, брось, нам придется заняться этим непосредственно сейчас, доктор Макграт, – заявила Кендал со зловещими нотками в голосе. – Отчего бы мне, к примеру, не прилечь на кушетку, чтобы вы задали мне еще пару вопросов из области столь любезной вашему сердцу психологии? Должно быть, я представляю весьма забавный случай для вашей практики. Вы просто сгораете от желания вскрыть мое нутро

и выяснить, отчего там все тикает особым образом. Значит, вы меня изучаете, особенно лежа рядом!

– Не будем упоминать, с каким удовольствием вы предоставляли мне материал для работы, – выкрикнул он, выходя из себя.

– Какая же ты скотина!

– Послушай, но ведь это тебе захотелось поиграть в семью с мужчиной, абсолютно тебе незнакомым, которого ты, кстати, увезла помимо его желания. Именно ты наплела, что мы – муж и жена. И должен сказать, в этом ты чрезвычайно преуспела. Поэтому не стоит возводить на меня напраслину, что я и в самом деле вел себя как муж.

Он прислонил костыль к кухонному столику и осторожно за плечи притянул к себе, так, что спящий Кевин оказался между ними.

– Единственное, за что ты можешь меня порицать, Кендал, так это за то, что я сыграл роль, написанную специально для меня.

– Ты продолжал игру, чтобы выведать все мои тайны и использовать их против меня же. Давай, выложи все своему приятелю Пепердайну, обсудите с ним вместе меня и мои поступки. Ты мною манипулировал – вот что!

– Не больше, чем ты мной, – парировал он.

– Когда к тебе вернулась память? Скажи, когда?

Он еще сильнее сжал ее запястья:

– Ты сейчас даже не в силах осознать, насколько дурной

получился из меня муж, роль которого тем не менее мне приходилось играть. Зато ты отлично справилась – эдакая страдающая дамочка, которая не бросила раненого муженька, хоть он и разрушил ее семейное счастье, переспав с другой. Ты добавила в этот компот ровно столько печали, сколько понадобилось, не отобрав, однако, у несчастного грешника надежду на искупление и примирение в будущем.

Ты отстранялась, но не противилась ласкам. Скромничала, но от супружеских обязанностей не отлынивала. Прямо-таки сексуальная мадонна, перед которой мужчина бессилен. Черт возьми, Кендал, да ведь это ты меня соблазнила – ты и никто другой. Прекрасно зная, что делаешь, ты заставила меня вожделеть тебя. Я и в самом деле хотел, чтобы ты мне принадлежала. Я хотел даже, чтобы Кевин стал мне родным! Впервые в жизни мне захотелось приласкать ребенка. Послушай, я всегда был профаном в разного рода семейных делах. Уверяю тебя – семьянин из меня никакой. В жизни не подпускал к себе ни одну женщину столь близко. Но теперь мне кажется, я переродился под влиянием амнезии. Отныне я знаю, что значит в ком-то нуждаться и о ком-то заботиться. Я не хочу быть прежним.

Его голос охрип и он уткнулся лбом в лоб Кендал, будто сказанные им страстные и яростные слова лишили его силы.

– Тем, что спал с тобой, я нарушил Бог знает сколько всяческих правил и служебных установок. Когда все это закончится, меня просто-напросто уволят. Я, конечно, могу сколь-

ко угодно оправдываться, дескать действовал под давлением обстоятельств, но, боюсь, они на мои уловки не купятся.

Он поднял голову и проникновенно посмотрел ей в глаза:

– Я, конечно, пытался тебя обмануть, но отнюдь не больше, чем себя самого. Долг, служба – ерунда все это. Я каждую ночь занимался с тобой любовью по одной-единственной причине – хотел этого сам. Нет, без этого я просто не мог жить.

Вряд ли Кендал поняла, насколько существенными были эти слова для него самого, офицера Макграта. Какой смысл он вкладывал в это свое заявление. В сущности, это оказалось ни чем иным, как объяснением в любви, только на его, Джона, языке – до сего дня подобных признаний ему делать не приходилось.

С другой стороны, кто его знает, может, она все поняла, как надо. Боевого пыла Кендал как не бывало. Не сводя с него глаз, она прикоснулась к нему губами:

– Да, я бесстыдно манипулировала тобой, но, клянусь жизнью Кевина, то, что произошло между нами, – самое настоящее.

Побуждаемые каким-то им самим неведомым импульсом, они слились в поцелуе, страстном, безоглядном. Даже пытаюсь оторваться друг от друга, они не смогли этого сделать, не желая вырваться из сладостного плена. Прямо в ухо ему она прошептала:

– Я люблю тебя, Джон, но должна защитить Кевина. И те-

бя. И даже если ты меня никогда не простишь, мне все-таки придется это сделать.

Прежде чем он успел что-либо сообразить, она вырвала пистолет у него из-за пояса и сильно толкнула его стволом. Джон, потеряв равновесие, врезался со всего маху в кухонную плиту, а потом сполз на пол, ругаясь на чем свет стоит от боли и ярости.

Кендал отбросила его костыль так, чтобы Джон не смог до него дотянуться.

– Извини, Джон – тут она всхлипнула. – Мне очень жаль, но я не позволю сдать меня властям.

Она выскочила и с силой хлопнула дверью.

Боль в голени Джона оказалась столь сильной, что, мгновенно пронизав бедро и пах, она вызвала спазмы брюшины и, казалось, крохотными вулканчиками теперь отдается прямо в мозгу. Он обхватил поврежденную ногу руками и стал тихонько покачиваться.

– Кендал! – крикнул он голосом, в котором не осталось ничего, кроме боли. И снова позвал, на этот раз громче:

– Кендал!

Он даже не надеялся, что она вернется на его крик, оттого изумлению его не было предела, когда он услышал звук отворяемой двери.

Джон на мгновение закрыл глаза и, открыв, вновь увидел ее силуэт.

Да, она вернулась. Но на этот раз не одна и не по собствен-

НОЙ ВОЛЕ.

Глава сорок четвертая

Всякий мог бы проверять часы по распорядку дня Элмо Карни.

Он вставал в 4.30 утра, выпивал чашку кофе, а затем, неважно шел ли снег или светило солнце, была ли: на улице жара или слякоть, отправлялся в коровник, чтобы подоить свое маленькое стадо. Ровно в 5.55 он забирался в выдавший виды пикап и отправлялся позавтракать за две мили, в городском кафе, которое открывалось ровно в шесть.

Так протекала жизнь Элмо Карни с того самого дня, как не стало его жены. Он не жаловал пятницы, ибо кафе открывалось не раньше семи, что же говорить о воскресных днях, когда, подоив коров, ему приходилось напяливать на себя пиджак и галстук, чтобы ехать в церковь. Желудок Элмо во время службы постоянно издавал голодное урчание.

Это утро ничуть не отличалось от прочих. Он подоил коров и, как обычно, устремился в город. Как обычно он предавался мечтам о сдобной булочке и жареных сосисках, когда – то самое, чего у него и в мыслях не было, неожиданно материализовалось перед бампером его грузовичка.

Данная материализовавшаяся неожиданность появилась из пыльных кустов, утвердила себя в самом центре тропинки, по которой ехал Карни, и замахала руками, стараясь привлечь его внимание.

Карни едва не прилип к тормозной педали и педали сцепления. Шины едва не полопались, а старые тормоза жалобно скрипнули, подобно конечностям, пораженным артритом. Грузовичок этаким забавным манером проскакал еще несколько ярдов и остановился буквально в пяти шагах от призрака.

Сердце бедняги Элмо едва не выскочило из груди в тот самый момент, когда существо кинулось к кабине его пикапчика, как раз туда, где обыкновенно размещался пассажир. Оно отворило дверь и произнесло что-то вроде:

– Слава Богу, что вы надумали проехать мимо.

Существо мигом вскарабкалось на переднее сиденье рядом с водителем и с силой захлопнуло дверь.

– Я просто вас заждалась, – пожаловалось оно. – Здесь вообще-то хоть кто-нибудь проживает? А где мы находимся? Я всю жизнь прожила в Шеридане, но не могу припомнить такой дивной заброшенной тропинки. Уж точно никогда в жизни мне не захочется оказаться здесь снова, доложу я вам!

Она помолчала и уставилась на бедолагу водителя, который в этот момент всюю возился с коробкой передач.

– Интересно, чего вы еще ожидаете? Жми давай на все педали. Необходимо добраться до города – и побыстрее.

Элмо, признаться, не внял советам своей попутчицы. Более того, безвольно опустил ладони на руль – и тупо замер. Существо-то оказывается еще и говорит – вот ведь что! Он даже чувствовал ее запах, но поверить в реальность проис-

ходящего так и не мог.

– Чудесно, – заметило существо громким голосом. – Как будто сегодня ночью мне еще мало досталось – так вот, понимаете ли, теперь подвернулся какой-то debil. Да уж, неделька удалась на славу.

Существо помахало рукой перед остекленевшими глазами Элмо:

– Ку-ку! Как дела? Дома есть кто-нибудь? Смотрите, моргает. Слушай, делай что-нибудь ради Христа! Да что с тобой, дружище? Ты что, никогда раньше голую бабу не видел? Или натуральные рыжие волосы?

Пепердайна разбудил шум в дежурке. Час назад он наконец поддавшись смертельной усталости, прилег на кушетке, которую отдел полиции Шеридана установил специально для него.

В сущности, спать он вовсе не собирался, а намеревался лишь прикрыть воспаленные глаза. Тем не менее отключился и уснул, как убитый. Правда, его вскоре разбудили, но он уже чувствовал себя отдохнувшим.

Не успел Джим потянуться и спустить ноги на пол, как в кабинет ворвался полицейский:

– Мистер Пепердайн, лучше бы уж вам выйти в дежурную часть.

– Да что случилось-то? Нашли кого-нибудь?

Под словами «кого-нибудь» подразумевалась целая куча

народа, но Пепердайн решил сейчас ничего не выяснять, а уточнить все на месте. Он тотчас проследовал в дежурку, где один из офицеров загородил дорогу довольно-таки помятого вида фермеру, зато все прочие буквально прилипли к окну.

– Что за чертовщину вы здесь устроили?

Грозный рык Пепердайна привлек всеобщее внимание, включая и перепуганного насмерть фермера, который встал и приблизился к нему, на всякий случай сдернул с головы шапку.

– Вы мистер Пепердайн?

– Да, я. А вы кто такой?

– Меня зовут Элмо Карни. Она потребовала, чтобы я зашел сюда и вызвал мистера Пепердайна. Никого другого – так она сказала. Но готов поклясться священной для меня памятью жены, я не позволил себе ничего противозаконного или дурного в отношении этой леди. Я как раз ехал завтракать, а тут появилась она, словно статуя какая, и в самом центре дороги. В чем мать родила, да еще руками размахивает. У меня чуть сердечный приступ не приключился залезла, знаете, прямо мне в кабину...

– Извините, кто залез?

– Такая, знаете ли, рыжеволосая дама. Сказала, что вы...

Пепердайн окончания ждать не стал. Он кинулся к двери.

– Она ранена?

– Да, сэр. Но я уже говорил, что ничего дурного ей не сделал...

– Эй, кто-нибудь! Дайте плащ, куртку – все равно!

Один из офицеров выскочил вперед с ярко-рыжим дождевиком в руках. Пепердайн на бегу схватил его и рванулся вон из дежурки. Он промчался по коридору, распахнул входную дверь и припустил по ступенькам. Он остановился только у выцветшего голубого пикапа, припаркованного неподалеку от здания.

– Почему так долго? – недовольно пробурчала Рики Сю, открывая дверцу, чтобы принять дождевик из рук Пепердайна. – Эти болваны себе все глаза, наверное, проглядели, – заметила она, бросив взгляд на окна полицейского участка, где по-прежнему торчали любопытные физиономии.

Пепердайн проследил за ее взглядом. Всех зевак словно ветром сдуло. Повернувшись к Рики Сю, он отметил про себя, что вряд ли стоит слишком осуждать любителей поглазеть. Совершенно нагая, как и утверждал фермер, она представляла собой весьма пикантное зрелище.

Но стоило ему сменить точку зрения обывателя на подход профессионала, как все стало на свои места. Он сразу же отметил следующее: ноги и руки женщины перепачканы грязью. Все тело в царапинах, синяках и кровоподтеках. Пышные волосы беспорядочно разметались по плечам, слегка прикрыв грандиозный бюст, достоинства которого было трудно не заметить, даже разглядывая Рики Сю с точки зрения блюстителя закона.

На затылке притулилась какая-то засохшая субстанция,

скорее всего запекшаяся кровь.

– Вам нужна медицинская помощь, – произнес он.

– Подождите. Надо срочно поговорить.

– Но вы ранены.

– Пепердайн, вы – гений из гениев, – заметила она саркастически, с наигранной экзальтацией. Она раскинула руки, тем самым давая Пепердайну возможность еще раз оценить ее телесные достоинства.

– Я, видите ли, не красавица. Да и по утрам выгляжу не слишком хорошо. Но так плохо я не выглядела никогда. Конечно, мне досталось, вы, мыслитель, – перешла она на крик. – Они хотели меня убить.

– Близнецы, что ли?

– Ага, значит, ваши ребята до этого докопались.

– Представьте себе.

– Скажите, Пепердайн, у вас что, встает, когда вы следите за людьми? Может, это особый вид извращения?

– Мне пришлось следить за вами, чтобы вас же и защитить.

– Ну и как, защитили?

– Все прошло бы как следует, если бы вы не подцепили в баре двух незнакомцев. Разве можно быть такой глупой в наше время и в вашем возрасте?

– Я не думала... – Неожиданно от ее враждебности не осталось и следа, лицо женщины болезненно сморщилось и она расплакалась. – Я не знала, что они станут меня бить.

Пепердайн залез в карман и неуклюже извлек оттуда носовой платок. Она приняла его, не преминув, правда, поинтересоваться:

– Чистый?

– Я тоже не знаю, почему они решили избить вас. Кажется, она не обратила на его слова никакого внимания. Она вытерла глаза, высморкалась и, закусив нижнюю губу, больше уже не плакала. Пепердайн удовлетворенно отметил, что ее рот куда привлекательнее без ярко-алой помады, которой она обыкновенно мазалась.

– А ведь я уже могла умереть, – сказала женщина, непроизвольно вздрогнув. – Они занялись мною самым серьезным образом.

– Кто это «они», Рики Сью?

– Генри и Лютер – вот все, что я знаю. – Она рассказала ему о событиях в мотеле, о том, как они пили. – Я пришла в себя, когда они вытаскивали меня из машины. Ну почему я не догадалась, что они замышляют недоброе... больно уж много я выпила. Как бы там ни было, мы оказались в протоке и последнее, что я помню, один из них, Лютер, кажется, ударил меня дубинкой по голове. Я отразила второй удар, зацепила стопой его щиколотку и ударила по голени, сбив его, таким образом, с ног. Вот уж чего они совсем не ожидали, так это того, тоя стану сопротивляться. А драться с ними было ох как трудно, потому что голова гудела как черт знает что. Несколько раз я была близка к обмороку. Ладно, в лю-

бом случае мне удалось сохранить свои мозги при себе.

– Куда же они направились?

– Направились? – Тут она от души расхохоталась. – Никуда они не направились. Они все еще там, в общем, были там, когда я сматывалась. Я их обоих измутила до потери сознания и привязала к деревьям их же собственными штанами.

Пепердайн тоже не удержался от смеха. Не к месту, правда, и он это знал, но что поделать!

– Мисс Роб, наше агентство с превеликим удовольствием приняло бы на службу пару тысяч таких, как вы.

Сью отнюдь не разделяла его веселости. Он заметил, что она снова, видимо в отчаянии, прикусила нижнюю губу.

– Только не меня, мистер Пепердайн. Боюсь, что я так же плохо сберегла свою тайну, как и собственную девственность.

Пепердайн мгновенно собрался:

– О какой тайне вы говорите?

– Мне пришло в голову, что эти парни, похожие друг на друга, как две капли воды, каким-то образом замешаны в деле Бернвудов.

– То есть?

– Они ошивались поблизости от моего дома и все спрашивали, как доехать туда или сюда, но буквально за минуту до того, как я вошла в квартиру и обнаружила погром.

– И вы не сказали мне об этом ни слова?

– Я тогда еще не понимала, что между этими фактами может существовать какая-то связь. Да и вообще – перестаньте вопить! У меня голова раскалывается.

– Тогда, ночью, они спрашивали, где может укрыться мисс Бернвуд?

– Дело в том, что я еще не совсем протрезвела и деталей не помню, но думаю, что они напоили меня до такой степени, чтобы выведать кое-что. Может, и вам стоит повторить их опыт, а не полагаться целиком и полностью на собственное обаяние? – добавила она с ехидцей.

– Они разговаривали с кем-нибудь еще? Или звонили кому-нибудь?

– Нет. Ничего такого я не заметила.

– Так что же вы сообщили им, Рики Сью? Скажите же мне, ради Бога!

– Не так быстро. Если вы ее найдете, то посадите?

– Если бы это касалось только меня, то я бы не стал. – Рики Сью скрестила на руки на груди, и лицо ее приняло упрямое выражение; Пепердайн пожевал губами, обдумывая сложившуюся ситуацию. – Я сделаю всевозможное.

– Этого мало, Пепердайн. Я не желаю, чтобы мою подругу лишили свободы только за то, что она спасала свою жизнь.

– Хорошо, я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого избежать. Вот и все, что я могу обещать, но лишь при условии, что Джон не станет возражать, когда мы его отыщем.

Некоторое время она изучающе разглядывала его. Затем сказала:

– Если с ней что-нибудь случится или ребенок хоть в малейшей степени пострадает...

– Это как раз то самое, что я и пытаюсь предотвратить. Их жизни – сейчас главная моя забота. Пожалуйста. Расскажите мне все, без утайки, Рики Сью.

– Это будет дорого стоить.

– Готов заплатить любую цену.

– Обед, а затем танцульки.

– Кто будет танцевать? Мы с вами?

– Нет, Джинджер и Фред, – сказала она, лукаво воззрившись на него.

Пепердайн покорно склонил голову:

– Согласен. Ну а теперь – говорите.

Глава сорок пятая

В кухню, откуда она вылетела всего пару секунд назад, Кендал ввели двое.

Мэт вырвал у нее из рук Кевина. Гиб сильно ударил по спине и сбил с ног. Она едва не упала прямо на Джона.

– Никуда она не денется, офицер Макграт. Неплохая компания. – Глядя на них сверху вниз не без приятности улыбнулся Гиб Бернвуд, будто он просто заглянул на огонек, чтобы приготовить завтрак.

– Кендал, отчего бы тебе не сварить кофе? Ночь выдалась длинная и трудная. Я, например, с удовольствием выпью чашечку, да и Мэт, уверен, не откажется.

От него исходил резкий, звериный запах. Всегда ли от Гибба так пахло, или она раньше просто не обращала внимания? А вдруг изменения в его душе вызвали изменения в организме даже на молекулярном уровне?

Зловещее пламя его глаз обжигало холодом. Вспомнив, как эти люди казнили Майкла Ли, Кендал захотелось броситься на них, вцепиться в ледяные глаза Гибба и выцарапать, но, пока Мэт держал Кевина, она не могла рисковать. В сущности, она вообще ничего не в состоянии была делать, кроме того, что велели. Страх полностью сковал ее, но все-таки хватило сил подняться на ноги и приготовить кофе, впрочем, чисто механически. Пока кофе медленно сочился из ав-

томата в прозрачный кратер кофейника, Гиб присел на один из кухонных стульев и положил на колени винтовку 30, 0 калибра, предназначенную для охоты на оленей. Затем повернулся к Джону, который все еще корчился от боли на полу.

– Меня зовут Гиб Бернвуд. Не имею чести знать вас лично, но в последнее время в прессе о вас столько писали, что у меня возникло чувство, будто мы с вами старые добрые знакомые. Как дела?

Джон лишь мельком взглянул на пожилого господина, не удостоив того ответом. Он понятия не имел, что молчание в ответ на вежливое обращение со стороны Гибба воспринимается последним как сильнейшее оскорбление.

– Полагаю, вы не слишком-то рады нас видеть, – жестко произнес свекор Кендал, обращаясь к офицеру. – Хотя и не очень понимаю, отчего. В прямом смысле слова мы спасли вас от душевнобольной. Моей снохи. С другой стороны, нам наплевать, благодарны вы или нет. Чем больше враждебности по отношению к нам вы проявляете, тем легче будет вас убить, когда настанет время.

Он хлопнул себя по бедру, подтверждая тем самым, что тема беседы исчерпана:

– Кендал, кофе готов?

Его дружелюбная манера вести разговор и спокойно произнесенные слова, так не вязавшиеся с ужасным содержанием, напугали Кендал больше, чем угрозы в адрес Джона или даже прямое насилие. Убийцы, которые в аналогичных слу-

чаях проявляют самообладание и выдержку, на поверку оказываются самыми безжалостными и неумолимыми.

Гиб выглядел совершенно нормальным человеком, но дело было в том, что он абсолютно утратил всякую связь с реальностью. Прочие члены «Братства» также прикрывались божественными ценностями, дабы оправдать свои преступления и утихомирить совесть.

Но Гиб верил в дело «Братства» всей душой. Он первый, что называется, заглотив наживку из идеологии, созданной собственным воображением, искренне считая, что чуть ли не на голову выше всех прочих представителей человеческой расы.

И по этой причине был смертельно опасен.

Кендал нетвердыми шагами приблизилась к нему с чашкой кофе в руках, задавшись вопросом, что случится, если она вдруг прольет горячий напиток на Гиба. Как и всякий человек, тот отреагирует однозначно – вскочит со стула и ухватится за обожженное место. В этот момент она сумеет вырвать Кевина у Мэта, а Джон займется Гибом. Она посмотрела на Джона. Тот не сводил с Кендал глаз, давая знать, что он в курсе ее размышлений.

К сожалению, то же самое подумал и Гиб. Даже не повернув головы и не взглянув на нее, он произнес:

– Кендал, надеюсь, ты не способна совершить глупость. – Затем развернулся всем телом и внимательно посмотрел ей в глаза. – Ты разочаровала меня по всем пунктам, за исклю-

чением одного – глупой тебя не назовешь. В сущности, ты оказалась даже слишком умной, умнее, чем следовало. Лучше бы ты никогда не задавалась некоторыми вопросами. Поэтому не расстраивай хоть сейчас – глупость тебе явно не к лицу. Да и решишь ты на что-нибудь отчаянное, я просто застрелю твоего приятеля.

– Стреляй себе на здоровье, – одобрила она, поставив чашку с дымящимся кофе перед Гибом. – Никакой он мне не друг. Был бы у меня пистолет, я бы сама его пристрелила.

Она взглянула на Джона с нескрываемой ненавистью:

– Он меня обманул. После аварии у него обнаружилась амнезия – так вот, он, видите ли, забыл сообщить мне, когда у него восстановилась память. Этот человек постоянно норовил заманить меня в ловушку.

Костыль Джона лежал все там же, то есть далековато от офицера, и ему пришлось прибегнуть к помощи стула, чтобы подняться.

– Отец? – Мэт подозрительно глядел на манипуляции агента.

Гиб остановил его движением руки:

– Все нормально, сын. Он не в состоянии причинить нам вред.

Тогда заговорил Джон, заговорил впервые:

– Все верно, Бернвуд. Я не в состоянии навредить вам. Я вообще не в состоянии предпринять что-либо, с тех самых пор, как она увезла меня помимо моей воли. – Он брезгли-

во сморщил рот. – Она привезла меня сюда и внушила... – тут он перевел взгляд на Мэта, и в его голосе послышались извиняющиеся нотки. – Она внушила, что я ее муж. Не знаю уж, зачем она все это придумала, когда могла просто-напросто оставить меня и ехать себе преспокойненько дальше.

– Да просто выжидала момент, когда властям надоест искать и они переключатся на что-нибудь другое, – подытожил сказанное Гиб.

– Вероятно, вы правы, – продолжал Джон. – В любом случае я вынужден был соглашаться со всем, что она говорила, поскольку памяти у меня не осталось ни на грош. Ну вот, так я и жил с ней рядом. Как муж, в прямом и переносном смысле этого слова.

Мэт сердито шагнул вперед, но Гиб снова протестующе поднял руку:

– Нам не за чем винить офицера Макграта, Мэтью. Во всем виновата она.

– Именно так, Мэт, – подтвердил Джон. – Я выступал просто в качестве рупора ее ЛЖИ. Как, скажите на милость, мне было догадаться, что мы вовсе не муж и жена?

– Вы знали, – в свою очередь закричала Кендал. Вы знали об этом долгое время. Ваша память вернулаСЬ к вам, но...

– Но к тому времени она уже успела меня обработать, – возразил Джон, перебивая Кендал.

Теперь он обращался уже непосредственно к Мэту.

– Не мне рассказывать, парень, какова она в постели. По

крайней мере, со мной она вытворяла такие штучки может, материнство повлияло, может, еще что, но она оказалась просто ненасытной. . .

– Поганая шлюха, – в ярости выкрикнул Мэт и повернулся к Кендал. – Ты что же, занималась этим прямо перед лицом моего сына?

– Большую часть времени он тоже лежал в кровати вместе с нами, – ответил Джон.

В горле Мэта что-то заклокотало. Кендал мысленно следила за маневрами Джона, но ни он, ни она никак не ожидали от Мэта такого безрассудства.

Тыльной стороной ладони он изо всех сил ударил женщину по лицу.

Кендал даже не заметила его движения и не успела увернуться. Удар обрушился столь неожиданно, что едва вскрикнув, она повалилась вперед, но зацепилась руками за стол. Мэт замахнулся, чтобы ударить снова, но тут Джон схватил его за горло.

– Послушай, маньяк, – проревел он тому в ухо. – Если ты дотронешься до нее еще раз, я убью тебя.

Хотя Джон вложил в захват все оставшиеся у него силы, атака захлебнулась. Гиб поднял с пола костыль и с силой ударил Джона по почкам. Кендал увидела, как у того подкосились колени, и он, громко застонав от боли, приземлился, что называется, на «четыре точки». Голова его безвольно свесилась вниз.

Испугавшись громких голосов и незнакомых звуков, проснулся и пустился в рев Кевин. Гиб принял его у Мэта и прижал к себе маленькое тельце. При этом он гугукал так, словно пришел навестить родственников и внука в воскресный день... Но Кевин, видимо, все чувствовал и никак не мог успокоиться.

Кендал, не в силах помочь своему сыну, приподнялась на колени и обняла Джона.

– Мне очень жаль, что все так получилось, – прошептала она ему прямо в ухо. – Мне правда жаль.

Если бы не она, Джона бы здесь не было. А теперь ему придется умереть. По крайней мере Гиб ему это пообещал. Их жизни оборвутся в этой комнате и этому уже ничто не помешает. Но одно она знала твердо – Бернвуды никогда не увидят ее унижения.

Кровь стекала по ее подбородку, когда Кендал подняла глаза и встретила взглядом с Мэтом. Когда-то она звала его мужем и звалась его именем, но теперь он казался ей совсем чужим – не то, что Джон. Прежде чем умереть, она решила довести до его сведения все – и каким дурным. Мужем он был, и каким плохим любовником.

– За прошедшие несколько недель я узнала куда больше счастья и любви с этим человеком, чем за всю жизнь с тобой, Мэт.

– По всем Божьим законам ты все еще моя жена.

– Какое лицемерие! – воскликнула она с негодованием. –

Ведь ты же сам развелся со мной.

– Потому что ты оставила меня.

– Я убежала, чтобы защитить себя и своего ребенка.

– Это мой ребенок.

– Отличный из тебя вышел бы отец! Ты бы и его в свое

«Братство» пристроил – вместе со своей любовницей!

Плечи Мэта вспухли горой, а затем безвольно опустились, и он на выдохе со стоном произнес:

– Лотти мертва.

К удивлению Кендал, он вдруг закрыл лицо руками и заплакал, содрогаясь от рыданий. Тем временем Джон, закусив от боли губу, ухитрился сесть, опершись спиной о буфет. Они с Кендал обменялись взглядами. Джон, казалось, был ничуть не меньше, чем женщина, поражен эмоциональным выплеском Мэта.

– Сын, а ну-ка прекрати сейчас же! – Поначалу Мэт даже не отреагировал на резкую команду Гиба, так что последнему пришлось даже ее повторить.

Когда Мэт опустил руки, то оказалось, что лицо его покраснело от слез, по щекам размазалась грязь.

– Почему ты ее убил?

Кендал едва не вскрикнула. Так значит, Гиб убил Лотти Линэм? Когда? При каких обстоятельствах?

– Ты разнюнился, как женщина, – в ответ бросил Гиб. – Это не по-мужски. Прекрати немедленно. Вспомни о чести!

– Ты не должен был ее убивать!

– Мы уже говорили на эту тему, помнишь? Она являлась орудием дьявола. Мы просто исполнили свой долг. Служение Господу иногда сопряжено с жертвами.

– Но я ее любил. – Голос Мэта охрип от рыданий. – Она была... она была...

– Она была первостатейной шлюхой.

– Не смей говорить о ней такое, – истерично выкрикнул Мэт.

За последние несколько минут он едва ли не на глазах стал разваливаться и эмоционально, и физически. Все его большое тело сотрясалось от рыданий, лицо посерело, он постоянно брызгал слюной. Из глаз его все еще катились слезы, но он, похоже, не замечал этого, как не замечал и сырости под носом. Полное разрушение статного и красивого мужчины вряд ли являло собой приятную картину, но и отвести глаза Кендал была не в состоянии.

– Я любил ее, – рыдал он в отчаянии. – Да, любил. И она любила меня – а теперь ее нет. Она была единственным человеком на свете, который меня понимал.

– Ну что ты, сын, – произнес Гиб с некоторой долей сочувствия. – Я тебя тоже понимаю.

Он неожиданно направил винтовку в грудь Мэту и нажал на спусковой крючок.

Пуля поразила Мэта прямо в сердце. Он умер прежде, чем понял, что с ним произошло. Гиб бесстрастно проследил, как тело сына рухнуло на пол, затем так же спокойно

положил винтовку на колено. На другом его колене заходил-ся плачем маленький Кевин. И так же спокойно он обратился к онемевшим от ужаса зрителям:

– Как видите, я понял Мэтью. Та женщина навлекла на сына хворь, превратила в слизняка. А слабость – штука несносная, даже у самых близких. – Лишенным всяких эмоций взглядом он скользнул по телу Мэта.

– Во всем он был почти идеальным сыном. Всегда слушался старших – просто образец для всех членов нашего «Братства». Всегда писал то, что я требовал, и писал старательно. Из него получился прекрасный охотник. Короче, он был хорошим солдатом, боровшимся за наше общее дело.

– Да уж, принц – так принц, – вдруг перебил его Джон. – Кавалер, способный ударить женщину.

Гиб ледяным взглядом просто впился в него.

– Не тратьте пороху, пытаясь меня спровоцировать, офицер Макграт. Ваши доводы сделали свое дело в случае с моим сыном, но на меня они не подействуют. Мэтью не всегда отличал, когда им манипулируют, а я вам не мальчишка. – Он улыбнулся. – Тем не менее вы старались изо всех сил. Готов оценить вашу старательность.

Закончив тираду, он перевел взгляд на Кендал и сказал: – А теперь, что касается тебя. Мне плевать, как и с кем ты ведешь домашнее хозяйство. Единственный человек, который меня в данный момент интересует, – это мой внук, вот этот самый малыш.

И Гиб поднял Кевина над головой. Мальчик все это время безостановочно плакал и кричал, поэтому весь разговор шел на повышенных тонах.

– Он мужественный маленький человечек. Вы ведь знаете – чем громче крик, тем сильнее малыш. Вы только посмотрите на его кулачки! – заявил Гиб, смеясь от гордости. – Я выращу из него настоящего мужчину.

– Никогда, – решительно произнесла Кендал. Неожиданно она поняла, что больше не боится его.

Ее мужеству суждена была короткая жизнь, поскольку основывалось оно только на жертвенности, на мгновение возникшем желании пойти до самого конца. Но это спонтанное желание в тот момент стало единственной возможностью противостоять Гибу, хотя она с иронией произнесла:

– К сожалению, вы сможете сделать из Кевина всего лишь несчастного сироту. Причем полного. Потому что, после того, как вы убьете нас, они вас достанут, Гиб. Специальный агент ФБР по имени Пепердайн будет гоняться за вами до тех пор, пока не схватит. Если при попытке захвата вас не пристрелят, то Кевина все равно отберут, и вы никогда его не увидите. Мне очень горько оттого, что мой сын меня не узнает, но, благодарение Создателю, он не узнает также и вашу душу. Вам не представится возможность принести в жертву моего сына маниакальной идее, испепеляющей вас. Вас не будет рядом с ним, а значит, никто не станет наставником ненависти, никто не будет калечить сознание, никто

не сможет превратить его в хладнокровного монстра. Даже с Мэтом у вас не вышло – и вы прекрасно это знаете. Потому что он так и не стал до конца бессердечным, бездумным и послушным роботом, как вы того желали. Он остался обыкновенным человеком, со свойственными каждому смертному недостатками и слабостями. Он любил Лотти. Может быть, даже больше, чем вас. Вот что задевало вас больше всего. У вас и с Кевином ничего не выйдет. Не будет даже возможности испортить его. Кевин не будет носить ваше имя. Благодаря Богу, он даже его не узнает.

– Ты говоришь прямо как моя покойная жена, – перебил ее Гиб. – Как и тебе, Лорелейн однажды стало любопытно, куда это мы время от времени отлучаемся – ну она и обнаружила собрание «Братства». К сожалению, Создатель не наградил ее даром понимания. Она предупредила меня, что обо всем расскажет властям. Кроме того, поклялась забрать с собой Мэтью и запретить мне с ним видеться. И что же? Да ничего. Угрозы ее оказались столь же пустыми, как и твои теперь. – Он кивком указал ей на один из стульев. – Садись. Мой внук нуждается в матери.

Кендал колебалась, разрываемая на части желанием отобрать у него Кевина, и опасаясь какой-нибудь каверзы. Ей не хотелось слишком удаляться от Джона, поскольку следующий шаг Гиба был непредсказуем.

Но материнский инстинкт победил. Она поднялась на ноги и приняла Кевина из рук Гиба. Женщина прижала его к

груди и, успокаивая, стала поглаживать, стараясь вдоволь на нянчиться и наглядеться за то короткое время, что ей осталось. Кевин мгновенно перестал плакать.

Изменения в поведении ребенка не укрылось от глаз Гиба.

– Давай на выбор, Кендал, – дружелюбно произнес он. – Даже в сложившихся обстоятельствах я буду щедрым, куда щедрее, чем ты заслуживаешь.

– Для того чтобы отучить ребенка от грудного молока, понадобится всего несколько дней. После этого ты сотрешься из памяти младенца навсегда. Он привыкнет ко мне и во всем станет полагаться только на меня. Я в состоянии сделать это. Ребенок будет принадлежать исключительно мне. К сожалению, на данной стадии развития младенцу требуется мать. Итак, подумай. Или ты сразу погибнешь вместе со своим искалеченным любовником, или отправишься со мной и будешь заботиться освоен сыне еще некоторое время. Разумеется, в любом случае ты заплатишь жизнью за грех предательства, но, согласившись, еще повозишься со своим малышом. Я предлагаю это лишь потому, что думаю о внуке, для парнишки так будет лучше.

– Таковы, значит, для меня возможности выбора?

– И выбирай побыстрее. Даже такие неуклюжие мужланы, что работают в ФБР, смогут додуматься, что ты скрываешься здесь.

– Гиб, я поеду с вами и буду с вами сотрудничать по мере возможностей. Я даже стану помогать вам – ведь вам из-

вестно, как хорошо мне удавалось избегать всех ловушек. Но прошу вас – оставьте Джона в живых, – взмолилась Кендал.

Гиб нахмурился:

– Боюсь, спорить здесь не о чем. Он совершил прелюбодеяние с женой моего сына. По этой причине он должен умереть.

– К тому времени я не была уже женой Мэта. Он развелся со мной.

– И тем не менее. Как сказал Мэт, перед ликом Господним.

Он направил винтовку вниз на Джона.

– Не стреляй, подожди! – крикнула Кендал.

– Не проси для меня пощады у этого сукиного сына, – сердито бросил Джон. – Пусть уж этот ублюдок лучше пристрелит меня, чем ты станешь перед ним унижаться.

– Джон не знал, что я была замужем. Вспомнил, Гиб? – продолжала упорствовать Кендал. – У него была амнезия. Я соврала ему, что он мой муж. Это все моя вина.

– Но память к нему вернулась, – возразил Гиб. – Ты сама об этом говорила.

– Я врала, чтобы хоть как-нибудь защититься от Мэта. Память вернулась к Джону только сегодня утром.

– Неправда, Бернвуд, – возразил Джон. – Уже больше недели я знаю, кто я такой и кто она. Но я продолжал спать с ней, потому что мне это нравилось.

– Он лжет, Гиб.

– С чего бы это он стал лгать? – недоверчиво покосился Гиб.

– Он хочет посеять в вашей душе сомнения, Гиб, чтобы воспользоваться ими и как-нибудь исполнить свой долг – прикрыть меня и Кевина и одновременно не дать никому из нас улизнуть. Таковы его обязанности. И он постарается исполнить их любой ценой, ну а слова немногого стоят.

– Ты же знаешь, как она умеет врать, Бернвуд, – произнес Джон. – Если ты поверишь ей, значит, ты – глупец.

– Да не лгу я, Гиб, не лгу! Он проснулся сегодня утром и только тогда осознал, что вспомнил все. Да он просто в бешенство пришел, поняв, что я управляла им как марионеткой! Он собирался передать меня властям и обвинить в похищении офицера федеральной службы. Я убежала от него в тот самый момент, когда вы приехали.

В голосе Кендал послышались молящие нотки:

– Если ты убьешь его, то станешь убийцей невинного, который всего-навсего выполнял свой долг. Ты ведь знаешь, что такое долг, правда? Джон руководствуется теми же принципами, что и ты. Он верит в то, что делает, и не позволит никому встать между долгом – в его понимании – и им самим. Гиб, пожалуйста. Клянусь, что не лгу на этот раз. Он не знал, что в глазах Господа я по-прежнему остаюсь женой Мэта.

Гиб некоторое время оценивающе раздумывал над аргументами Кендал, долго и пристально вглядываясь в Джона.

В конце концов он тяжело вздохнул:

– Нет, Кендал, видно, ты разучилась врать. Не верю ни единому твоему слову. Человек, который сделал моего сына рогоносцем, должен умереть.

Указательный палец Гиба напрягся на спусковом крючке, но неожиданный звук, который он услышал, заставил его помедлить. Если на свете существовал хоть один звук, который этот человек мог узнать в любое время суток и в любом состоянии, то это был звук взводимого курка. Он замер и взгляд его переместился на Кендал.

– Если ты его убьешь, то я тоже сумею выстрелить. – Теперь женщина говорила с ледяным спокойствием и в голосе ни на йоту не чувствовалось истерии. Наоборот, она произносила слова уверенно и даже неумолимо.

– Господи, – прошептал Гиб. Кровь отхлынула от его щек.

– Да, все обстоит именно так, Гиб, как вам представляется. Я сумею защитить Кевина от вас, пусть и этим единственным путем, который мне остается. Уж лучше он умрет, чем хоть на минуту останется с вами.

Кевин, устав от плача, заснул у нее на груди. Глазки были закрыты, хотя блистающие слезинки по-прежнему кое-где украшали ресницы мальчика, словно крохотные алмазики. Губки изогнулись в счастливой улыбке, а ротик слегка приоткрылся.

Ствол пистолета Джона упирался ему прямо в висок. Когда она, удирая от последнего, вылетела на улицу через ку-

хонную дверь и едва не столкнулась с Бернвудами, те, казалось, изумились не меньше, чем она.

Они тут же поволокли Кендал назад, на кухню, и тогда-то ей и удалось незаметно сунуть пистолет в карман юбки, хотя она не слишком хорошо понимала, зачем это делает.

Гиб уже успел прийти в себя и теперь только посмеивался, глядя на то, что он – в глубине души – считал склонностью бывшей снохи к театральным эффектам.

– Никогда ты этого не сделаешь.

– Нет. Сделаю, как говорила.

– Ты же так его любишь, Кендал. Все, что ты совершила до сих пор – побег в Денвер, похищение офицера охраны, попытка спрятаться здесь, – происходило по одной-единственной причине – ты хотела уберечь свое дитя.

– Да, все правильно. Я хотела уберечь его от вас. Если вы выстрелите в Джона...

Неожиданно прогремевший выстрел ошеломил ее. Она вскочила со стула с такой быстротой, что тот упал на пол.

– «Если вы выстрелите в Джона»... ну и что произойдет? – передразнил ее Гиб.

В ужасе Кендал стала отступать, пятясь назад, пока не уперлась спиной в шкафчик. Она, затаив дыхание, смотрела на Джона, распластавшегося на полу. Он неловко упал на бок и теперь лежал, прижимаясь щекой к полу. Под ним небольшой лужицей уже растекалась кровь.

– Ну что же? – Гиб тоже поднялся на ноги и шагнул к

ней. – Верни мне моего внука.

Вскакивая со стула, Кендал не выронила Кевина, но он снова проснулся. Его разбудили так грубо, что он снова заплакал. Пистолет мертвым грузом болтался у нее в руке, прижатой к тельцу орущего малыша.

Джон не двигался. Пол весь измазан его кровью.

Джон мертв. Гиб убил Джона.

Гиб, охотничий инстинкт которого никогда его не подводил, решил, что дичь уже затравлена. Он приближался.

Кендал с трудом высвободила руку. Та тряслась с такой силой, что, казалось, это пистолет вцепился в пальцы, а женщина, наоборот, пытается стряхнуть с себя эту металлическую тварь.

– Не вынуждайте меня делать это, Гиб, прошу вас.

– Ты никогда не выстрелишь в своего ребенка, Кендал.

– Правда. Я никогда не убью своего сына.

Она направила пистолет на Гиба и в маленьком домике в третий раз прогремел выстрел.

Глава сорок шестая

– Джон?!

Кендал перепрыгнула через тело Гиба и стала на колени рядом с офицером.

– Джон! Джон! – позвала она и перевернула его на спину.

– Этот сукин сын мертв?

– Слава Богу, ты жив! – Она нагнулась поближе и прижалась к нему, прямо так с Кевином в руке. – Слава Богу! Я подумала, что он тебя застрелил.

– Он мертв?

Она мельком глянула на тело. Гиббонс Бернвуд был мертв. Даже смотреть не стоило.

– Да.

– Наконец-то.

Она бы рассмеялась от радости, что Джон жив И даже говорить, если бы не слезы. Она не то что плакала – просто редела.

– Джон, посмотри на себя! Ты тяжело ранен.

– Я более или менее в порядке. – Но он обманывал.

Вряд ли его состояние можно было назвать нормальным – каждое его слово сопровождалось подозрительным свистом. – Как малыш? С ним все нормально? Он не ранен?

Кевин все еще громко и нутужно плакал.

– Непростое утро выдалось у него сегодня.

Джон улыбнулся, несмотря на терзавшую его боль:

– А у всех нас?

И не успел он закончить фразу, как дом уже наполнился агентами ФБР. Пепердайн в полном боевом снаряжении, как, впрочем, и все остальные, ворвался на кухню. Он бросил взгляд на Джона, беззлобно, но с облегчением выругался и, засунув пальцы в рот, пронзительно свистнул:

– Быстро врачей! В двойном количестве.

– Почему вы так долго выжидали? – проворчал Джон, когда его друг присел на корточки рядом с ним. – Я уж думал, что умру от потери крови, прежде чем вы нагрянете. Ну, прежде всего, появились вы ничуть не тише, чем стадо диких буйволов, а потом чертову уйму времени отсиживали задницы и, должно быть, почесывая яйца, судили и рядили, как быть дальше – а в этот момент в меня стреляли.

Пепердайн сдвинул на затылок каску и рассмеялся:

– Можешь не благодарить, Джон. Все мы прекрасно знаем твою склонность ко всякого рода благодарностям.

Кендал несколько сконфузилась:

– Ты знал, что они рядом, Джон?

Тот кивнул:

– Я видел, как за стеклянной кухонной дверью двигались какие-то тени и полагал, вернее, надеялся, что это люди Пепердайна. Вот почему я изо всех сил старался чем-нибудь отвлечь внимание старика Бернвуда.

– Вам не надо было нападать на Мэта. Вы рисковали быть

убитым на месте в ту же секунду.

– Я не подумал об этом. Когда он тебя ударил... короче, у меня вполне хватало причин, чтобы самому отправить его на тот свет.

Джон и Кендал обменялись долгими многозначительными взглядами, которые, правда, прервал приход врача – тот сразу же загнал толстенную иглу в руку Джону.

– О, черт! А ведь больно.

– Кто из вас ДВОИХ восполнит мне все пробелы в этом деле? – тотчас приступил к расспросам Пепердайн. – Я желаю досконально знать, как все происходило.

Кендал пристально следила за тем, как врачи и санитары осматривали тело Мэта. Она не чувствовала особой печали по поводу гибели бывшего мужа, но ей было жаль его так неудачно сложившейся жизни.

– Мэта застрелил Гиб.

– Это мы уже поняли, – заметил Пепердайн. – Как вы думаете, это из-за миссис Линэм?

– Да. Мэт сказал, что это отец убил ее.

– Ее нашли в номере мотеля с перерезанным горлом, – сообщил им Пепердайн.

– Мэт и в самом деле ее любил, – печально произнесла Кендал. – Но для счастья у него не было возможности, особенно с таким отцом, как Гиб.

– Один из наших снайперов готов был снять старика, когда он убил Мэта, – объяснил Пепердайн, – но у Гиб на ру-

как находился ребенок – мы не могли рисковать.

– Он что, все это время находился под прицелом? – спросила Кендал.

– Да. Но когда вы сели на стул и приняли из его рук ребенка, то сами оказались на линии огня, – наставительно добавил он. – После того же, как он выстрелил в Джона...

– Не стоило и волноваться, – пробурчал тот, когда санитары перекладывали его на носилки, – невелика птица.

Пепердайн настоятельно потребовал от Джона прекратить подначки, но Кендал ясно видела, что для двух старых друзей подобный обмен любезностями не впервой.

Пепердайн не прерывал объяснений.

– После того как Бернвуд выстрелил в Джона, вы резко изменили свое положение, то есть уперлись спиной в стенной шкаф. Мы, разумеется, понимали, что, приставив пистолет к головке ребенка, вы всего-навсего блефовали, чтобы выиграть время.

– Конечно. Да и Гиб это знал. Но тут я вдруг сообразила, что после выстрела в Джона, он положил винтовку на стол, то есть стал безоружным. Тогда я направила пистолет на Гиба и выстрелила.

– Все правильно, за исключением одного – наш снайпер выстрелил в Гиба чуточку раньше. И насквозь прострелил ему голову.

В самом деле, картина того, как голова старого Бернвуда разлетелась на кусочки, оказалась не самым приятным вос-

поминанием и еще долго стояла у Кендал перед глазами. Содрогнувшись, она только крепче прижала к себе Кевина.

– Каким образом вы заполучили оружие Джона? – продолжил выяснять детали Пепердайн.

Кендал взглянула на раненого.

– Это я дал миссис Бернвуд пистолет, – глазом не моргнув, выпалил Джон.

– Правда, – мгновенно подхватила она. – Он передал мне его для сохранности.

– С какой это стати ты поручил свое табельное оружие заботам этой леди? – настойчиво выпытывал агент. – Насколько мне известно, ты ведь страдал амнезией! Во время всего этого переполоха я как-то упустил это из виду. Так когда же к тебе вернулась память?

– Уймись, Джим, – застонав прохрипел Джон. – Кендал сделает свое заявление позднее. В данный же момент ей необходимо позаботиться о ребенке, а мне, насколько я понимаю, предстоит небольшая операция.

По приказу Пепердайна толпа агентов расступилась, и он лично проводил носилки с Джоном к одному из автомобилей скорой помощи.

– Хоть бы все у тебя было хорошо, – вымолвила Кендал с плохо скрываемым беспокойством.

– У меня-то будет, – заверил он бодро и хлопнул Кевина по попке. – А вот как у него?

– Он об этом даже и не вспомнит.

– Зато я не забуду, – нежно прошептал Джон. – Даже самые мельчайшие подробности.

Санитары подняли носилки с раненым и погрузили в автомобиль. Они все еще смотрели друг на друга через стекло, даже когда захлопнулась дверь. Кендал проводила машину долгим взглядом, пока та не скрылась из виду, свернув на шоссе.

– Миссис Бернвуд, – Пепердайн коснулся ее локтя. – Мой автомобиль к вашим услугам, мы доставим вас с сыном в город.

– Спасибо.

Он уселся на заднее сиденье рядом с ней и кивнул шоферу:

– Джон – парень крепкий. Он поправится.

Она слабо улыбнулась:

– Я знаю.

– Знаете, что он крепкий парень или что он поправится?

– И то, и другое.

– Гм. Похоже, он весьма привязался к вашему сыну? – Пепердайн кивком головы указал на Кевина. – Вот уж никогда не думал, что Джон так освоится.

– А что такого?

И Джим рассказал ей про случай в Нью-Мексико.

– Он до сих пор обвиняет только себя.

– Думаю, что и впредь не перестанет, – заметила она, задумчиво кивнув головой. – Он привык серьезно относиться

к своим обязанностям.

– Да он просто помешан на своей персональной ответственности за все на свете! И всегда. Не сомневаюсь, что со временем он также инкриминирует себе трагический конец Рути Фордхэм.

– Надеюсь, что нет. Это уж будет слишком.

Пепердайн промолчал, продолжая с любопытством смотреть на Кендал.

– Боюсь вам напомнить, что вы по-прежнему являетесь главным свидетелем и находитесь под охраной Министерства Правосудия.

– Да, да, я расскажу обо всем, что видела в ту злополучную ночь в окрестностях Проспера, мистер Пепердайн.

– Те самые досье, которые вы столь предусмотрительно хранили в своей квартирке в Денвере, уже сослужили нам службу в качестве бесценного материала по делу о «Братстве».

– Очень рада. «Братство» надо выкорчевать с корнем – они ведь не давали пощады своим жертвам. Я постараюсь, чтобы ни один из членов этой организации не остался безнаказанным. Любой ценой.

Он понимающе кивнул и посмотрел в окно:

– Есть еще одно дело, требующее разбирательств, – о похищении офицера Федеральной службы безопасности. – Ничего не поделаешь. Придется отвечать.

– Гм. Власти рассматривают данный инцидент со всей серьезностью.

Глядя ему прямо в глаза, она открыто заявила:

– Я до смерти боялась своего бывшего мужа и свекра, и, как показали события, мой страх был полностью оправдан. Я считала, что единственный способ спасти себя и Кевина – это исчезнуть, раствориться среди людей и скрываться до конца своих дней. Я не раскаиваюсь в содеянном. В случае необходимости поступлю точно так же, за исключением, разумеется, единственного – мне бы не хотелось впутывать в это дело Джона. Из-за меня он рисковал жизнью и я себе этого никогда не прощу.

– Он исполнял свой долг.

– Конечно, свой долг.

– Миссис Бернвуд, когда к нему вернулась память?

– Я бы сама хотела это узнать, но, к сожалению... – ответила она честно.

– Миссис Бернвуд...

– Я ненавижу это имя. Пожалуйста, не называйте больше меня так.

Пепердайн испытующе посмотрел на нее:

– Как, в таком случае, я должен вас называть?

– Это Круки.

– А я скажу, – заявила Рики Сью, поддерживая на коленке Кевина, которого весьма занимали пурпурные воланы ее

туалета, – что это не просто Круки, а сволочи, каких мало. Ведь они хотели меня укокошить.

– Что ж поделаешь, если у них такая фамилия? – философски заметила Кендал. Она перевела взгляд с фотоснимков, лежавших перед ней, на Пепердайна, который попросил ее опознать двух мужчин, находящихся теперь в городской тюрьме Шеридана. Их обнаружили на том самом месте, которое описала полицейским Рики Сью. Оба, абсолютно голые, с телами, распухшими от комариных укусов, действительно были привязаны к деревьям их собственными штанами.

– Это Генри и Лютер, – пояснила Кендал и рассказала о несчастном случае с Билли Джо. – У семейства Круков возникла стойкая антипатия ко мне, поэтому, как я понимаю, они тоже решили принять участие в охоте и постараться разыскать меня раньше, чем это сделают Мэт и Гиб.

– И благодаря мне, им это почти удалось, – глаза Рики Сью наполнились слезами. – Я каждый раз с ужасом думаю, что могло бы произойти непоправимое и все потому, что я здорово напилась и раскрыла свой большой гадкий рот.

Кендал, перегнувшись через стол, дружески потрепала Рики Сью по плечу.

– Как раз наоборот, дорогая. Если бы не ты, агент Пепердайн и его люди не приехали бы во время. До этого Джону... то есть доктору Макрату удалось задержать маньяков.

Джон, который отказался пробыть в госпитале более суток, теперь собственной персоной стоял перед ними, как

обычно, опершись на костыль. Он был бледен, словно полотно, на виске красовался свежий шрам, одна нога по-прежнему оставалась в гипсе, а левую руку на груди поддерживала повязка. Пуля из винтовки Гиба попала ему в плечо и вышла на долю миллиметра ниже главной артерии. Всякий раз, стоило только Кендал представить себе, как недалек он был от смерти, как внутри у нее что-то обрывалось.

Пепердайн тактично кашлянул, дабы прервать затянувшееся скорбное молчание:

– Правительственные органы уполномочили меня снять с вас все обвинения, в случае вашего согласия выступить свидетелем против членов «Братства».

– Прямо-таки королевская щедрость, – удивленно заметила Кендал.

– Похищение трудно доказуемо, особенно, если жертва отказывается сообщить, по какой причине она или он, – тут Пепердайн пристально посмотрел на Джона, решили содействовать в этом подозреваемой.

– Я уже не помню, – коротко ответил Джон, опустив глаза.

– Очень смешно, – подвел итог Пепердайн и закрыл папку, лежавшую перед ним. – Мисс Роб, благодарим вас за помощь и сотрудничество.

– Не надейтесь, что так просто от меня избавитесь, Пепердайн, – тут же ответила Рики Сью. – В частности, вы ведь приедете в Южную Каролину по судебным делам?

– Приеду и сразу же уеду.

– Я тоже появлюсь там – словно ненароком. – Рики Сью улыбнулась специальному агенту самой соблазнительной из своих улыбок. – Меня ведь тоже пригласили принять участие в процессе – для того, скажем, чтобы помочь Кендал управляться с ребенком во время суда.

– Я все понял.

– Ну не стоит так уж хмуриться по этому поводу. И в любом случае не забывайте, вы обещали мне совместный выход в свет.

– Как же я могу забыть, когда вы напоминаете об этом каждые пятнадцать минут?

Неожиданно дверь кабинета распахнулась, и в комнату буквально влетел молодой человек.

Кендал мгновенно побледнела.

Рики Сью от неожиданности чуть не взвилась под потолок.

– Нет, только не это! Господи, да сейчас все поперет наружу!

Молодой человек глянул сначала на одну женщину, потом на другую.

– Приветствую вас.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

– Как мы тут поживаем?

– Чудесно.

– Просто очень хорошо.

– Кто это? – поинтересовался Джон.

– А кто здесь главный? – в свою очередь спросил пришелец.

– Я, – заявил Пепердайн, делая шаг вперед.

– Что, черт возьми, происходит? Я ничего не понимаю. С какой это стати я вам понадобился? Мне кажется, за мной ничего такого не водится.

– Успокойтесь, – попытался унять его Пепердайн.

– Успокоюсь я, как же! Сижу себе тихо-мирно в солнечном Риме, уплетаю за обе щеки пасту и в чужие дела не лезу. И вдруг – нате вам! Вламываются ко мне два гунна и заявляют, что они, видите ли, представители отдела Федеральной безопасности. Потом сажают меня в самолет, который летит в Штаты, и вот я здесь, за что преогромное спасибо дядюшке Сэму.

Дабы полностью выказать свое презрительное отношение к свершившемуся факту, а заодно и к организации, которая занимается подобными делами, молодой человек поставил руки в боки и нетерпеливо спросил:

– Так из-за чего весь сыр-бор?

– Похоже, здесь все друг друга знают. – Повернувшись к товарищу, Пепердайн торжественно произнес:

– Доктор Макграт, познакомьтесь – Кендал Дитон.

Глава сорок седьмая

Слушай, это довольно трудно объяснить.

– А ты попробуй.

Они с Джоном остались в офисе в полном одиночестве. Рики Сью подхватила настоящего Кендала Дитона за руку и утащила из кабинета. Он все еще настоятельно требовал объяснений и парню твердо пообещали их предоставить, правда, при условии, что он заткнется и позволит Рики Сью вставить хотя бы слово. Пепердайн и офицеры безопасности вышли вслед за ними.

– Кендал работал на «Бристол и Мазере» в качестве адвоката, – пояснила она, не зная с чего начать. – В один прекрасный день у него начались неприятности с партнерами главной конторы, которые обвинили его в подлоге и манипулировании свидетельскими показаниями. Обвинение осталось недоказанным, хотя, правда, поговаривали, что должностное преступление с его стороны уже имело место. Никаких обвинений против него не выдвинули, но со службы уволили. В течение нескольких месяцев после этого он рассылал повсюду свои резюме, но ни одна из контор не хотела нанимать сотрудника с подмоченной репутацией: Кендал несколько опечалился и решил на время съездить в Европу, развлечься. Меня же попросил пересылать ему почту, да и вообще следить за его корреспонденцией. Через пару ме-

сяцев на его имя пришло письмо из округа Проспер, Южная Каролина. Поскольку оно весьма напоминало ответ на запрос о работе, я сразу же переслала ему бумагу. Он позволил мне, поблагодарил за заботу, подтвердил, что это и в самом деле предложение о трудоустройстве, но ему уже ни к чему. Он в то время вел весьма рассеянный холостяцкий образ жизни в Риме, работал консультантом в маркетинговой фирме и такая жизнь его вполне устраивала. И тогда я решила заполучить эту работу вместо него.

Она взглянула на Джона в надежде встретить в его глазах хотя бы чуточку понимания, но лицо офицера осталось непроницаемым.

– Я окончила юридический факультет третьей по успеваемости. Считалась одним из наиболее перспективных адвокатов у «Бристол и Мазерс», но дело в том, что мне предложили кабинетную работу, к которой я не испытывала ни малейшего интереса. По совершеннейшей случайности я столкнулась с делом, о котором уже рассказала, – о женщине, больной СПИДом, отчаянно нуждавшейся в помощи. Вот тогда-то мне стало ясно, что мое место вовсе не в процветающей фирме среди бумажек. Мне хотелось помогать людям. Добиваться справедливости для опустившихся и отверженных. И, работая в этой конторе, я принялась, еще задолго до истории с Кендалом, рассылать собственные резюме в суды округов и штатов в надежде получить должность общественного защитника, но ни одного удовлетворительного ответа

не последовало. Когда же Кендал отклонил столь желанную для меня возможность, я решила... что это своего рода знак свыше. Бабушка и Рики Сью, конечно же, решили, что я сошла с ума, но я написала в Проспер, подписавшись чужим именем. Оказывается, это не так уж трудно, хотя теперь я имею некоторое представление, отчего суд округа Проспер принял на работу Кендала Дитона, даже не проверив как следует личность кандидата, – добавила она с многозначительной гримасой.

– Им требовался общественный защитник, которого можно было легко купить, коррумпировать, – догадался Джон.

– Именно. Их вполне устраивало пятно в его биографии. Он был как раз то, что им нужно. Поначалу их реакция на мое заявление оказалась негативной – ведь я как-никак женщина, но потом, как я думаю, они рассудили по-иному – скорее всего, решили, что женщиной манипулировать легче, чем мужчиной, а кроме того, ее можно просто запугать.

После минутного раздумья, она продолжила:

– Вполне вероятно, что мое желание стать общественным защитником носило не столь альтруистический характер, как мне сейчас хочется представить. Или хотелось когда-то верить. Возможно, все мои благие порывы во многом зиждились на гордости. Я хотела показать всему свету, какая я умница. Возможно, в основе всего этого лежало неосознанное желание угодить покойным родителям, что, как выяснилось после глубокомысленного разговора с тобой, довольно

проблематично.

Как бы то ни было, вполне вероятно, что та деятельность, которой я собиралась себя посвятить, мне не вполне удалась, именно потому, что мотивы, которыми я руководствовалась, оказались куда более эгоистичными, чем мне бы хотелось признать. Бабушка предупреждала меня в свое время, что из обмана ничего хорошего не выйдет – и оказалась права.

Кендал присела на краешек стола Пепердайна.

Кевин мирно посапывал в рюкзаке для транспортировки детей. За спиной раздался мягкий стук резинового наколенника костыля, затем нетвердый шаг выздоравливающего, потом все повторилось снова и снова.

Джон подошел к рюкзаку с Кевином и слегка его толкнул. Рюкзачок мерно закачался, убаюкивая младенца. Джон потрепал малыша по щеке. Сердце ее буквально растаяло от умиления при виде мускулистой мужской руки, дотрагивающейся до бархатистой кожи ребенка не только потому, что подобный жест означал искреннюю привязанность к ее сыну, но еще и оттого, что, по всей видимости, Джон навсегда совладал с драконом, который пожирал его сердце.

– Доведись властям узнать, что ты живешь и работаешь под чужим именем, как доверие к тебе и твоим показаниям сошло бы на нет – и ты преотлично это понимала, – продолжил за нее Джон.

– Правильно. Разве можно верить рассказам человека, вся жизнь которого – сплошной обман и выдумки. Поэто-

му мне оставалось только одно – бежать и скрыться. Что я и делала, и довольно последовательно. Сначала Денвер, потом... – повернув голову, она лукаво посмотрела через плечо и прошептала, – домик на ферме и ты.

Он приподнял ее за плечи – теперь они оказались лицом к лицу – и провел рукой по ее коротко остриженным волосам. Затем сильным и страстным движением привлек к своей груди и крепко обнял.

– А ведь они могли тебя убить, – произнес он с волнением в голосе. – В какой-то момент я отчетливо себе представил, что ты умираешь у меня на глазах.

Обвив руками его шею, она уткнулась ему в грудь:

– Как бы я жила дальше, если бы ты погиб из-за меня?

Ну, как?

Целую вечность – долгую-долгую минуту они молча сжимали друг друга в объятиях. Потом он чуточку отстранился:

– Не стоит винить себя в моих напастях.

– Если ты не будешь инкриминировать себе смерть офицера Фордхэм.

Он тотчас нахмурился:

– Почти невыполнимая задача. Одному мне не справиться. Только вместе.

– Вместе?

– Мне кажется, что мы втроем с Кевином смогли бы заставить эту машину функционировать. Ты как считаешь?

– Какую машину?

– Ту, что называется «семья».

– Ты очень нужен мне и Кевину. А мы – тебе. – Она провела по его лицу, ласково коснувшись свежего шрама. – Вряд ли я выгадаю сейчас что-нибудь с помощью лжи, потому знаю – я говорю правду. Я люблю тебя, Джон.

– Я тоже люблю тебя. – Он смущенно закашлялся, пытаясь скрыть охватившее его волнение. – Мне, знаешь ли, хотелось бы узнать твое имя.

– Я скажу, но не раньше, чем ты признаешься, когда к тебе вернулась память.

Лицо его озарилось загадочной улыбкой. Он приблизился к ней своими губами и, поддавшись одновременно посетившей их мысли, они слились в пьянящем поцелуе. Поцелуй этот, казалось, длился бы целую вечность, как вдруг она неожиданно высвободилась из его объятий и вопросительно посмотрела на него.

– Нет, скажи Джон, когда?

Все так же загадочно улыбаясь, он снова поцеловал ее.